

Евгений
Денис

КРАСНИЦКИЙ
ВАРЮШЕНКОВ

СОТНИК

Так не строят!

Annotation

Михайла Лисовин не мог предугадать, какой подарок сделал ему дядюшка, когда прислал в строящуюся Михайловскую крепость артель плотников. Мастера-то они оказались на все руки, а старшина артельный, Кондратий Сучок – вообще талантище. Но кабы только по плотницкому делу...

А уж норов у артельного старшины! Дурацкая шутка в один момент ввергла его самого и его людей в долговое рабство. Как смириться с этим, если с детства не боялся ни бога, ни чёрта, привык идти поперек судьбы и смирение считал уделом слабых?

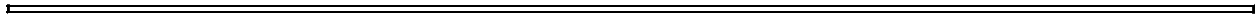
На судное поле выйти с топором против меча? Запросто! Охмурить богатыршу, которая не каждому витязю по плечу? Ну да, чего мелочиться? И плевать, что сам лысый коротышка! Завести друга, которого опытные воины с дрожью поминают? Да тьфу на них! Вот только жизнь не любит тех, кто на неё плюёт, не обращая внимания на её предупреждения.

И тогда начинаешь опасаться тех, кого всегда считал своей семьёй, и тех, кого и за людей-то никогда не считал. И с ними же приходится стоять на недостроенных стенах, защищая крепость от неожиданных врагов. С ними же принимать бой, не давая осатаневшим от крови бунтовщикам раскатать по брёвнышкам и сжечь Ратное. А потом те, кто останется жив в страшной резне, выйдут вместе в Перунов круг, справляя тризну по братьям, ушедшим в светлый Ирий.

-
- [Евгений Сергеевич Красницкий, Денис Евгеньевич Варюшенков](#)
 -
 -
 - [Предисловие](#)
 - [Часть первая](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Часть вторая](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)

- [Часть третья](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)
 - [35](#)

- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)

Евгений Сергеевич Красницкий, Денис Евгеньевич Варюшенков Сотник. Так не строят!

© Евгений Красницкий, 2018

© Денис Варюшенков, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Первым делом я хочу почтить память создателя Мира Отрока – Евгения Сергеевича Красницкого. Спасибо вам за новый мир, Шеф! Я многим и многим вам обязан.

Огромное спасибо моим наставникам в писательском ремесле, редакторам и старшим товарищам – Елене Кузнецовой и Ирине Град. Без вас, Дамы, эта книга не состоялась бы. Спасибо за добрые советы, потраченное на меня время, за терпение, да за всё!

От души благодарю за неоценимую помощь в создании этой книги моих ридеров: Юлию Высоцкую – за ясность мысли; Сергея Гильдермана – за то, что привил мне понимание истории; Константина Литвиненко – за пример мужества и правильного отношения к жизни; Наталью Немцеву – за правильную въедливость; Геннадия Николайца – за идеи и уроки; Александра Панькова – за правду; Юрия Парфентьева – за то, что был для меня примером; Павла Петрова – за нестандартный взгляд, многое изменивший не только в книге.

Кроме того, я не могу не поблагодарить пользователей сайта <http://www.krasnickij.ru/>: Дачник, Имир, Лучик, Скиф, Ульфхендар, Andre, deha29ru и многих, многих других. Спасибо вам, без вас книга не получилась бы.

Предисловие

Вот ответьте, любезный читатель, какие ассоциации вызывает у вас слово «строитель»? Те, кто по возрасту успел застать пародию на рекламу давно сгинувшего банка «Империял», вероятно, уже вспомнили сакраментальное: «Но был обед, и выпили рабочие... И последним шёл прораб, и поднимал он тяжёлые тела, и говорил с ними, вспоминая их имена».

Вынужден признать, что в чем-то они правы: когда я был молодым мастером, зелёным и пупырчатым, будто вязниковский огурец, старый мудрый прораб сказал мне: «Запомни, студент, после зоны общего режима самый высокоинтеллектуальный контингент – на стройке!» И это тоже правда: строительные рабочие, как правило, во время перекуров не спорят о сравнительных достоинствах поэзии Лермонтова и Блока.

Ну а байки о том, как отдельные прорабы-чудотворцы с помощью заклинаний и камланий над сметами и процентовками умудряются в результате постройки сараюшки два на три сэкономить стройматериалов еще на трехэтажные хоромы каменные для «левого» боярина, вероятно, слышали все. В общем, картинка получается не благостная: вороватый, вечно поддатый мужик в ватнике, кирзовых сапогах, не пойми какой шапке и с окурком, прилипшим к губе...

А теперь давайте рассмотрим слово «зодчий». Вот это другое дело! Слово звонкое, красивое, непонятное. Вон, во граде Санкт-Петербурге даже улица Зодчего Росси есть. Знать, полезное дело, раз этим зодчим улицы называют. А что это слово значит? В книге К. И. Чуковского «Живой как жизнь» приводится следующий эпизод, с той самой улицей Зодчего Росси

связанный:

– А зодчий – это кто такой?

– Зодчий по-русски будет сказать архитектор!

Во-от, АРХИТЕКТОР! Звучит гордо. Это вам не прораб какой-то. Человек приличный, к тому же творческий, а иной раз, как сейчас говорят, креативный, прости господи. Ну да, зодчий в каком-то смысле архитектор и есть. Но все ли это? Что ж, давайте разбираться.

Забыли мы слово древнее, славное, пришедшее к нам из глубины веков, из времён Золотой Руси, которую ещё принято называть Киевской. Из тех времён, пока не рассыпалась пеплом и не пала под копыта татарских коней «светло светлая и прекрасно украшенная земля Русская».

А откуда мы знаем, что она вообще была? Вот благодаря этим самым зодчим и знаем! Сгорели, сгнили, пущены на дрова затейливые деревянные терема, возведённые когда-то русскими зодчими, которым, по словам византийских авторов, не было равных в Ойкумене в работе с деревом, но остались древние секреты, дошедшие до наших дней, осталась красота, передающаяся из поколения в поколение, и человек, хоть раз побывавший в онежских Кижях, после того как пройдёт восхищённое онемение от созерцания этой деревянной красоты, никогда больше не скажет: «Подумаешь, из дерева строить! Вот в европах соборы каменные...»

И у нас есть те соборы. Много где есть: во Владимире, Суздале, Ростове, Киеве, Полоцке, Чернигове, Ярославле, Великом Новгороде, Переславле-Залесском, Пскове, Смоленске, Старой Ладогe... Дошли, через сотни лет донесли нам главное: была Золотая Русь, стояла, пала и снова возродилась. Можно приехать, потрогать рукой и всеми фибрами своего существа почувствовать: Русь была, есть и будет. Этих камней касались Ярослав Мудрый и Владимир Мономах, Юрий Долгорукий и Александр Невский. Не осталось имён, но осталось дело этих зодчих – зримая, вещественная историческая память народа! Они строили. Создавали нечто, что переживёт их, что оставит о них память, даже когда вымараются из летописей их имена. Чтобы видели потомки, что не свиньи в берлоге тут жили, а люди, взысканные судьбой высоким умением творить из обыденного великое.

Да, а кто же все-таки зодчий? Что за зверь и с чем его едят, с маслом или с майонезом? Может, и правда «зодчий по-русски будет сказать архитектор»? Правда, да не вся. Это слово родилось в стародавние времена, когда от строителя требовалось уметь всё. «Зодчий» произошло от слова «здатель» – создатель, тот, кто создаёт. Собственно, и слово «здание» растёт

из того же корня: то, что создано. Объект и субъект строительства.

Заказчик тогдашний очень даже о красоте заботился – его-то имя в летописях не затеряется, да и «злейшего друга» – князя соседнего – переплюнуть охота. Стало быть, «сделай мне, мастер, красиво». А у средневекового зодчего эстетического образования нету не придумали его ещё, образование это. И крутись, как хочешь. Ему архитекторы и конструкторы проект не разработают, сметчики смету не сосчитают, снабженцы материалы не доставят, кадровики рабочих не наймут, контролирующие органы не проверят. Сам, всё сам, один за целый стройтрест. Да так, чтобы прочно, красиво, долговечно и недорого: заказчики не меняются, и их стремление купить на грош пятаков бесконечно и вечно, как материя. Мало того, самому надо мастером быть, да лучшим в своей артели, а это значит, бери, раб божий, топор или кельму и полезай на стену, делом квалификацию подтверждать.

Ну и о вечном: работу организовать, поставку материалов наладить, людей к делу приставить, да сделать так, чтобы вкалывали они с максимальной отдачей, чтобы стройка не стояла... Управление производством называется.

В остальном же они были обыкновенны: также в поте лица зарабатывали на жизнь, женились, растили детей, а при нужде брались за оружие для защиты того, что создали. И не считали себя кем-то из ряда вон выходящими – просто мастера, крепко знающие своё дело. Время такое: народу мало, работы много, жизнь короткая, вот и крутились люди. Неплохо, надо сказать, крутились. Результат по тысяче лет стоит и не падает. И мы, люди века двадцать первого, застываем с открытым от изумления ртом, видя плоды их трудов.

Так с кем же теперь вы того зодчего сравните? Подождите-подождите, что-то знакомое видится: рубаха грязная, в смоле, глине или извёстке, на ногах опорки разбитые, в руках топор или кельма, на голове чёрт-те какой малахай, выражается отнюдь не благостно, да и пахнет временами от него не ладаном церковным... Чинарика на губе, правда, нет, ну так табак из Америки не завезли ещё. Прошу любить и жаловать: зодчий. Как его звать, бог ведает, от всей домонгольской истории сохранилось всего четыре имени: Пётр – строитель собора Юрьева монастыря в Новгороде, Иоанн – строитель собора Ефросиньева монастыря в Полоцке, Коров Яковлевич – строитель Кирилловской церкви в Новгороде да Пётр Милонег – строитель стены Выдубецкого монастыря в Киеве. И всё – не считали нужным летописцы увековечивать имена строителей. Вот заказчиков-князей –

сколько угодно.

Так это и сейчас точно так же. Преемственность традиций, хе-хе. Первый после бога на стройке, как капитан на корабле. Помните, чуть выше я писал, что в теле одного-единственного старшины строительной артели вынужден был уживаться целый стройтрест? Так вот, главным в этом общежитии оказывается, как ни крути, прораб. Колёсики должны вертеться. Вот только шитого золотом мундира, в отличие от корабельного капитана, ему не выдали. Нет в жизни справедливости!

Ну, нет и нет, в конце концов, никто ведь не обещал, что будет легко и пряников хватит на всех. Тот же старый мудрый прораб из моей юности говаривал: «У верблюда два горба, потому что жизнь борьба». Такая вот философия. В общем, задумывалась книга о зодчих двенадцатого века, вопросах управления и альтернативной истории, а получилась Ода Прорабу.

Да нет, наверное, не прорабу, а простому человеку, внезапно осознавшему, что он не один на свете, не единица, голос которой, по меткому выражению Маяковского, «тоньше писка», а часть огромной общности, именуемой «страна», «государство», «империя», а чаще всего просто «МЫ» и «НАШИ».

Когда я писал эту книгу, часто вспоминал рассказ моей бабушки о 22 июня 1941 года. Ей на всю жизнь врезался в память грохот сапог по лестнице – мужики, услышав, что началась война, бежали в военкомат. Сами, не дожидаясь повесток. Самые обычные люди: рабочие, школьный учитель, портной – все, кто жил в подъезде четырёхэтажного дома на рабочей окраине тогдашнего Калинина.

В жизни любого есть момент истины – осознание принадлежности к этой общности, и к каждому он приходит в своё время. Вот и к моим героям придёт в свой черёд. Кондратию Сучку суждено изумиться тому, что не просто крепости и терема он строит – создаёт Державу. Да не просто изумиться – испугаться этого, перестрадать и принять, и этим изменить себя.

И другим героям не избежать того же. Всем предстоит узнать, что страну строим МЫ – каждый на своём месте, и защищаем её тоже МЫ. Не шестикрылые серафимы с нимбом вокруг малопочтенного места, не героиночки, не великие императоры – мы все. И каждому предстоит сделать выбор: стать частью этой общности и жертвовать своими интересами ради Отечества или остаться тем, чей голос тоньше писка. Мои герои выбрали.

Выбрали-то они выбрали, но что? Понятно, строить – работа у них такая, но вот что строить? Государство – это слишком общее понятие и приложить его к процессу непосредственно строительства трудно. Однако попробуем.

В Китае есть легенда о Первом Императоре. Что он такого сделал, что так прославился? Дамбу построил во время наводнения и тем людей спас, и смог накормить, ибо плодородный ил оседал на полях. И в Древнем Египте мы такую легенду наблюдаем. А вот в Древней Греции и Риме – наоборот, герои строят стены и рыночные площади.

Вот что общего между дамбой, крепостной стеной и рыночной площадью? Правильно – это центр, альфа и омега жизни конкретной общины. Без дамбы у древних китайцев и египтян банально жрать нечего будет, стало быть, надо их содержать в порядке и обновлять постоянно, а в одиночку этого не сделаешь – вот и объединяющий центр. Греки же и римляне не могли жить без стен – элементарно вырежут любимые соседи, а на рыночной площади не только торговали туниками, оливками, вином, баранами и прочими необходимыми для выживания вещами, но и решали вопросы жизни и смерти для своего полиса, а также более мелкие, но не менее важные: сколько податей брать, где селиться кожемякам, рыбникам и прочим специалистам вонючих ремёсел и кого поставить надзирать за канализацией – самоуправление называется...

Вот и Кондратий Сучок строит крепость и терем, а мечтает построить храм, и так получилось, что между княжьем теремом и главным храмом княжества располагалась в стольных городах Руси та самая торговая площадь, и вече имело обыкновение именно на ней и собираться. Вече – это глас и воля земли, без которой верховная власть ничто: «Без нас, княже, решил – без нас и верши!» И мой герой создаёт место, где эта объединяющая воля обитает.

Может, кого-то такое положение вещей и оставит равнодушным, но плотницкий старшина Сучок не таков. Он же не просто крепость с теремом в этой книге строит – он городок заложил, где, как строения, потихоньку, по камушку, по брёвнышку, начинают произрастать законы жизни общины, за которые ему и жизнь отдать не жалко, ибо община эта для Сучка своя. И законы свои.

А ещё мечтает он создать храм, какого не видывали в целом свете. Может, и построит, хоть сразу у него каменный цветок и не выйдет, но в процессе создания очередной чаши предстоит зодчему Кондратию понять, что ни одиночкам, ни, тем паче, разрушителям зримый символ единства не нужен – только Державе.

Вот такой, понимаешь, компот из бытия и сознания!

Денис Варюшенков

Часть первая

Глава 1

Май 1125 года. Село Ратное

Нечаянная дружба с обозным старшиной ратнинской сотни Серафимом Ипатьевичем Буреём и любовь к его соседке, вдове ратника Алёне, настигли Сучка, почитай, одновременно. Началось всё по весне, едва половодье спало, у забора Алёниного подворья.

Едва отойдя от стремительного превращения из уважаемого мастера в закупа и переноса из славного на Руси града Новгорода-Северского в затерянную в полесских болотах дыру под названием Ратное, плотницкий старшина, угодивший в закупы вместе со своими людьми из-за собственного склочного нрава, озаботился тремя вопросами: как жить дальше, чем бы промочить горло и кого бы... Ну, насчёт баб, короче.

С первой задачей всё обстояло более-менее просто: работать предстояло на родню заимодавца – туровского купца Никифора. Если по-хорошему рассудить, то грех на судьбу обижаться, могло получиться и хуже. Родня Никифора оказалась, во-первых, самой высокой кочкой на здешнем болоте: сотник латной конницы – это вам не голым гузном ежей в лукошке давить, во-вторых, щедрой и не злобной. Зато с придурью.

Виданное ли дело – посреди леса велели изладить, из чего придётся, потешную усадьбу, точь-в-точь, как та, что у них в селе поставлена, а надзирать за работами, будто в насмешку, приставили сопляка тринадцати годов от роду! Правда, при дальнейшем знакомстве оказалось, что сопляк очень даже не прост, но об этом вспоминать мастер не любил.

Со вторым по списку вопросом тоже заминки не случилось: хмельное достать при Сучковом опыте являлось делом плёвым, а вот насчёт третьего неожиданно возникли сложности. Нет, водились и в Ратном разбитные бабёнки, которые очень даже не против – Сучку оставалось только выбрать, к которой первой подкатиться, но, к счастью или нет, заметил плотницкий старшина в воскресенье возле церкви бабу таких статей, что дружинник великого князя рядом с ней мелким хором показался бы.

Одета она была по-вдовьи, но выглядела так, что Сучок, с его богатым опытом, сразу определил: баба не из тех, кому под юбку залезть – что почесаться. Вот и выиграло у артельного старшины ретивое: захотелось не кого-то, а именно эту богатыршу обротать, а то, что он мельче неё чуть не

вдвое, только добавило азарта.

Перво-наперво расспросил, кто это такая, да что, да почему. Дело нехитрое: ходя промеж двор и предлагая всякую плотницкую работу, много узнать можно. Закупу, конечно, на хозяина работать положено, но если сможешь ещё и для себя резану-другую на стороне урвать, так бог тебе в помощь, никто не запретит.

Вот так Кондратий и выяснил, что звать ту богатыршу Алёной, была замужем за ратником, да того уже давно убили, что ухажёров у неё несть числа, но всё больше им облом корячится, а последнего вдовица, застав с другой бабой, приголубила поленом так, что чуть не убила, и потом, беспортошного, тем же поленом гнала через всё село.

Эти сведения только распалили мастера, и он приступил к делу. Для начала раб божий Кондратий воспытал несвойственной для него необычайной набожностью и стал ошиваться в церкви и около неё. Богатый опыт по части блуда подсказывал плотницкому старшине, что свести знакомство с бабой или девкой проще всего в церкви. Однако все пошло не так, как он ожидал: богатырша хоть и жила совсем недалеко, и в церковь навещивалась частенько, а еще чаще в избу при церкви, где обитал местный священник, но все по делам хозяйственным – присматривала за местным священником-монахом и его обителью, о чём мастеру и поведали словоохотливые старухи.

Не при попе же было артельному старшине подкатываться к бабе и не на улице – так и по шее огрести недолго, совершенно заслуженно, кстати.

– Ага, значит, вдова, говорите... – сказал себе Сучок и рысью поскакал к Алёнину подворью.

Ратное – не Новгород-Северский, тут всё близко, а Алёнин дом и вовсе располагался в двух шагах от церкви, так что в пути никакого способа по охмурению богатырши придумать не удалось. По сей причине перед её тыном пришлось остановиться и обдумать, что же делать дальше.

Прежде всего он оглядел хозяйским взглядом всё, что позволял тын, на предмет, где требуется приложить мужские руки. Проще всего было для затравки разговора предложить починить крышу, тем более что дранку заменить действительно не помешало бы, но мастер хорошо понимал, что с таким заходом легко и соколом пролететь над той самой крышей.

Во-первых, Алёна могла попросту не оценить многочисленных достоинств плотницкого старшины, сокрытых в мелковатой и лысоватой телесной оболочке, и, недолго думая, послать куда подальше, во-вторых, что еще хуже, велика вероятность, что хозяйка согласится, работу оценит, заплатит за ремонт крыши... И всё!

На такой расклад Сучок совершенно не хотел соглашаться. С другой стороны, с крыши мог открыться значительно лучший вид на объем работ в подворье, так что рискнуть стоило. Вот и стоял раб божий Кондратий и смотрел на тын, за которым скрывался предмет его вожделений, и яростно скрёб пятернёй плешь. Однако, пока он размышлял, жизнь, по мерзкой своей привычке, подложила ему свинью, которая зашла предсмертным визгом с соседнего с Алёниным подворья.

Ни одно событие в селе не остаётся незамеченным и безнаказанным – над оградами там и сям появились головы любопытных.

– А? Чего? У кого? – наполнил улицу нестройный хор.

– Да Бурей кабанчика колет! Сам! – задорно просветила всех молодуха с расположенного через улицу подворья.

– А отчего так рано? И откуда знаешь, что сам? – хрюкнула невесть откуда взявшаяся неопрятная бабёнка.

– Вижу! – гордо сообщила ей молодуха. – Поди, сама у него спроси, чего ему вздумалось!

– А ты чего через забор высунулась, бесстыжая?! Небось, подол уже задрала! Хахаля себе выглядываешь?! – Неряха, возмущенно смерив взглядом задорную молодку, враз запаматовала и про Бурей, и про кабанчика и сорвалась на визг. – На моего глаз положила, мочалка?! Я тебе зенки твои блудливые повыцарапаю, потаскуха!

Сучок с интересом наблюдал за бабьей перебранкой, не забывая, однако, поглядывать на Алёнино подворье, ожидая появления хозяйки. И дождался.

– Безлепа, уймись! – Оказывается, Алёна умела гаркнуть не хуже воеводы.

– А тебе что, больше всех надо?! – огрызнулась скандалистка. – Тоже мне, честна вдова – перед каждым задом вертишь и с любым готова!..

Вывести из равновесия Алёну ей не удалось. Та и бровью не повела, только почти ласково промурлыкала в ответ:

– Лушка, я ведь сейчас вся вылезу, – и сделала вид, что собирается выйти на улицу.

Баба мгновенно метнулась ко входу в неприметный проулок и завизжала уже с безопасного расстояния:

– Кончанские! Чтоб вам всем! Бабы – потаскухи, мужи – полудурки, а над всеми Бурей!

– Хрр... – раздалось вдруг с подворья, где принял мученическую смерть кабанчик. Судя по запаху, его уже палили.

Лушка мгновенно заткнулась на полуслове и стремительно, как крыса

в кусты, юркнула за угол. У остальных участников действия вдруг тоже объявились неотложные дела, требующие их немедленного присутствия. Сучок остался один на улице.

«Это кто ж всех тут так шуганул? Попрятались, будто медведь на ярмарке с привязи сорвался... Такое веселье испортил, засранец!»

Плотницкий старшина обернулся на виновника «торжества» и обомлел. Не диво, что все разбежались!

«Вот это да-а! Это кто? Или что? Видывал хари, но такой... Чисто лешак! Его мамаша что, с медведем согрешила? Красавец, эти его!»

Страхолюдный горбун меж тем осмотрел поверх забора опустевшую улицу, удовлетворенно хмыкнул и вроде бы собрался слезать, как заметил Сучка и стоящую возле калитки Алёну – единственную из односельчан, не рванувшую прятаться от соседа.

– Ы! – горбун решил не утруждать себя членораздельной речью.

– Здравствуй, дядька Серафим, – Алёна с уважением поклонилась. – Ты кабанчика колешь?

– Угу, – кивнула заросшая волосами харя, хоть и не шибко приветливо, но и без злобы. – Чего тут?

– Да Лушка-дура опять блажила, – небрежно отмахнулась богатырша.

– Гыы, беспелюха [\[1\]](#) безмозглая. – Бурей шумно почесался и поинтересовался, вероятно, в качестве изъяснения своего особого расположения. – Надо чего, соседка?

– Да нет, дядька Серафим.

– Ну и ладно, – горбун собрался было слезать, но вдруг обернулся и указал пальцем на Сучка. – А ты кто?

– Дед Пихто! – плотницкий старшина не любил подобного обращения. – Плотник я – работу ищу! Могу и тебе что-нибудь поправить, если в цене сойдёмся.

– Дед Пихто? – Бурей причмокнул губами, будто пробуя что-то на вкус. – Ну и чёрт с тобой! – И скрылся за забором.

«Дозволил, жопомордый! А-а-а, ладно – не за тем здесь!»

– А ты что, и вправду плотник? – Алёна смерила Сучка оценивающим взглядом.

– Плотник, – мастер обрадовался такому повороту разговора и приосанился. – А тебе по плотницкой части помощь нужна, красавица? Или ещё по какой?

– Пока по плотницкой – крышу перекрыть. – Во взгляде женщины мелькнул интерес.

«Ага, по морде не приголубила, хоть и поняла всё! Ну, бабонька, хоть

ты и богатырша, а поиграть не против! Вот и поиграем!»

– А ещё по какой? – Сучок широко улыбнулся, глядя Алёне прямо в глаза.

«Только не подмигнуть! Её этим не проймешь. И на титьки не пялиться!»

Некоторое время они играли в гляделки, потом женщина отвела взгляд, но не признавая своё поражение в безмолвном поединке, а по-женски переводя его в другую плоскость: вновь оценивая пробежалась глазами по Сучку с головы до пят и припечатала:

– Ты сначала с плотницкой справишься, а там поглядим! Куда вылупился? Иди, крышу смотри!

«От баба! Не-е, с такой скучно не будет!»

– Добро! Сколько за работу положишь, хозяйка? – вот тут уже можно было и подмигнуть, что старшина и сделал.

– Ты сначала эту работу посмотри, а потом о цене сговоримся, – Алёна понимающе усмехнулась и посторонилась, открывая проход.

– Как скажешь, хозяйка! – Сучок шагнул к калитке.

Но не всем такая благодать пришлась по нраву. Более того, нашелся тот, кто сильно возражал против такого оборота дел.

– Ты куда разлетелся, заморыш?! – в хриплом голосе за спиной братской любви не слышалось.

– А тебе какое дело?! – мастер резко обернулся.

«Трое! Один при мече! Без доспеха – и то хлеб! Ну, ничего, мы ещё посмотрим!»

– О, оно ещё и квакать умеет! – Первый из ратников издевательски подбоченился и засунул пальцы под воинский пояс. – Алёна, ты чего это себе заместо стоящего мужа лягуха завела? Больше некого?

Сучок едва не осклабился от удовольствия – это ж надо, как поперло!

«Ай, молодца! Вот ты эту богатыршу под меня и уложил! А за неё по морде получить не жалко!»

Алёна, как он и ожидал, побледнела от бешенства и набрала в грудь воздуха, чтобы ответить. Вот тут артельному старшине и пришло время действовать – такой момент никак нельзя было упустить!

– Ты как с честной вдовой говоришь, выпороток^[2]? Зубам в пасти не тесно? – процедил Сучок, обращаясь к нахалу, и закрыл собой обалдевшую от такой защиты женщину.

– Ну, ни хрена себе! – Ратник повернулся к своим приятелям. – Откуда этот резвый в селе появился?

– Да Корней откуда-то блох нахватался, – сплюнул другой, и все трое прошлись по чужаку оценивающими взглядами. – Борзых.

– Слышь, мастер, уймись! Не твоё дело! – Алёна досадливо поморщилась и ухватила старшину за плечо. – Не по себе гуж взял.

– Не-е, красавица, теперь моё! – Сучок решительно дернул плечом, сбрасывая с него руку женщины, и засучил рукава. – Нечего тут всяким засранцам языком трепать!

Глаза Алёны распахнулись на пол-лица.

– Гы, во веселуха! – изрёк с высоты забора Бурей. Он вернулся на свой насест при первых звуках нового скандала и возился на нём, удобно устраиваясь в ожидании развлечения.

– Ну, гляди-и, заморыш! – Ратник презрительно сплюнул и, в свою очередь, засучил рукава.

Любопытствующие – и когда успели собраться? – резво шарахнулись в стороны.

Дальше всё пошло не так, как представлялось самоуверенному ратнику и, вероятно, всем остальным, не знакомым с артельным старшиной Кондратием Сучком. Впрочем, не они первые, не они последние. Зря ратник засучивал рукава, ох, зря! Знал ведь, что закатанные рукава в драке только мешают, ан нет – покрасоваться решил. Не тут-то было! Показательно наказать мелковатого и лысоватого пришлого наглеца у воина не вышло. Догадываться об этом он начал, получив в первый же миг драки мощнейший удар в печень, а окончательно убедился, схлопотав от шустрого плотника коленом в морду и ладонями по ушам.

– Гы! – Голова Бурей, решившего, что развлечение оказалось более интересным, чем он мог ожидать, поднялась над забором ещё выше.

– Ох! – Изумлённо взлетели вверх брови Алёны.

– От так-то! – сплюнул Сучок.

– ...ь! – обалдело выдохнули товарищи битого витязя, разом бросаясь вперёд.

«Твою мать!»

Больше ничего мастер подумать не успел – пришлось отмахиваться. Некоторое время это удавалось не без успеха, хотя по зубам и рёбрам прилетало крепко – ратники не повторили ошибки своего бесславно битого товарища и отнеслись к прыткому плотнику со всей серьёзностью. Разница в умении и численное превосходство быстро сделали своё дело: кулак одного из них пробил защиту и со всей дури впечатался Сучку в душу, напрочь вышибая дыхание. В глазах у мастера поплыло, и тут второй ратник от всего сердца «пересчитал забор» во рту плотника. Тело Сучка,

почти не управляемое головой, на одних инстинктах вяло попыталось отмахнуться.

Странно, но он не падал. Витязи, хотя и удивились такому упорству, тем не менее к милосердию расположены не были. Они хмыкнули, ухватили не по росту крепкого лысого коротышку и отправили в полёт стремительный, но недолгий – аккуратно до Алёниного тына.

– Бухх, – сдержанно отреагировал забор.

– Ой! – Изумленно прикрыла рот ладошкой Алёна.

– Ц-ц, – цыкнул зубом Бурей.

– Вот так оно с борзыми! – Сплюнул кровью из рассечённой губы и утёр русую бороду один из ратников. – Пошли Никона поднимать!

– Этому свербигузду ещё и добавить не мешало бы, – отозвался его товарищ и хмуро посетовал: – Всё у него не слава богу – то поленом побьют, то плотником...

Ратники подняли неразборчиво ругающегося и отсмаркивающего кровавые сопли друга, с издевательской тщательностью отряхнули на нём порты и рубаху, а когда тот твёрдо встал на ноги, ещё и махнули ему поясной поклон:

– По здоровью ли, боярин? Блохи твоё боярство не одолевают ли? – съязвил тот, что давеча звал товарища «поднимать Никона».

– Да пошли вы все в... – сказать, куда именно, «битый поленом и плотником» не решился.

– Мы-то пойдём, – русобородый вновь сплюнул кровью, – а ты чо?

– А ничо! – огрызнулся Никон.

– А если «ничо», то двигай домой, потаскун, – заржали его друзья.

– Да иду я, иду...

– Вот и иди! – русобородый глянул на товарища неласково и обернулся к хозяйке. – Извиняй, Алёна!

– Ладно, Елизар, чего с дурня взять, – Алёна то ли удивленно, то ли осуждающе смотрела на встающего с земли Сучка.

– Ну, мы пошли тогда... – Ратники неспешно повернулись к центру села. Но Сучок, о котором они уже и думать перестали, с таким завершением драки был совершенно не согласен.

– Куда-а, б...?! – На яростный крик обернулись все.

Плотницкий старшина стоял возле забора, и видок у него был!.. Рожа, борода, драная рубаха и порты равномерно перемазаны кровью и землёй, под глазом здоровенный синяк, плешь в ссадинах, а в руке засапожник...

– Гыы! – радостно подал голос Бурей.

– Во, неугомонный! – скорее весело, чем зло, ратники разом развернулись, охватывая Сучка с трёх сторон.

– Уймитесь, дуrolомы! – рявкнула Алёна, делая шаг между своим незванным защитником и односельчанами.

Однако плотницкий старшина этого уже не видел. Бешенство мутной вонючей волной ударило в голову и едва не выплеснулось через уши. Сучок издал звук, сильно смахивающий на брачный рёв медведя, и ринулся на обидчиков, чуть не сбив по дороге Алёну.

Гнев – плохой помощник в драке. Особенно когда драться приходится с тремя опытными бойцами. В чём мастер немедленно и убедился: ратники в мгновение ока выбили из руки засапожник, от души настучали кулаками по различным частям плотницкого организма и снова отправили в полёт.

– Бухх, – сдержанно-удивлённо сказал забор, вновь встретившись с Сучковой плешью.

– Всё! – выдохнул русобородый. – Угломонили! Но хорош, засранец!

– Гыы! – согласился Бурей.

Алёна не успела сказать ничего.

Сучок поднимался. Цепляясь за забор, харкая кровью, он всё же встал. Хотя мог бы и лежать. Целей своих плотницкий старшина добился: на Алёну своими подвигами впечатление произвёл, соперника побил, а то, что самому потом насовали досыта, так это даже лучше – держался против превосходящих сил достойно, в долгу не остался, а женщинам свойственна жалость, от которой, как известно, до любви всего ничего.

Вот только Сучку всё это было уже побоку. И Алёна тоже. Баба, занимавшая все его мысли до драки, как и причина, по которой он в эту драку ввязался, – все отступило перед гневом и яростным желанием поквитаться за свое унижение. Такого сидящий в Кондратии зверь спускать не привык: или убей, или умри – другого он не знал и знать не желал. Потому и встал. Да и за засапожник немного раньше схватился по той же причине.

– Ну, ни хрена себе! – присвистнул кто-то из ратников.

Сучок молча сплюнул кровью и вытянул из-за пояса топор. Крутанул его в руке. По тому, как крутанул, все поняли – умеет. Не первый раз с топором против меча выходит. Толпа зевак насторожилась: дело приобретало серьёзный оборот.

– Ну, заморыш, сам напросился! – Никон вытянул меч из ножен и в свою очередь прошелестел им в воздухе.

Мастер вдруг перебросил топор в левую руку, стряхнул с правой оторванный рукав и перебросил оружие обратно. И проделал это в одно

мгновение. Русобородый присвистнул, но с места не двинулся.

Поединщики, медленно сближаясь, мелкими шажками пошли по кругу, стараясь поставить противника напротив солнца. Если у кого из зрителей и оставались сомнения в том, что поединок кончится кровью, и совсем необязательно наглого пришлого, то сейчас они точно рассеялись – село воинское, и в таких вещах тут разбирались. Вот и Бурей разобрался.

Никто толком ничего не понял. Просто по месту начинающегося смертоубийства с рёвом пронёсся горбатый косматый смерч. Меч Никона отлетел шагов на пять, сам ратник свернулся клубочком в пыли, два его товарища внезапно присели отдохнуть, где стояли, а Сучок лишился топора и в третий раз взмыл в воздух.

– Бухх, – устало сказал забор, привычно здороваясь с плотницкой плешью.

Некоторое время на улице стояла тишина. Потом у ограды завожился русобородый. Алёна молча теребила кончик платка.

– Надо ещё чего, соседка? – осведомился Бурей, видать, наскучив молчанием.

– Спасибо, дядька Серафим, я сама.

– Ну, как знаешь!

– Откуда ты на мою голову взялся, дурень бешеный?! – Алёна недоумённо пожала плечами. – И не бросишь теперь!

Потом сокрушённо вздохнула, одной рукой подхватила топор своего поверженного защитника, другой его самого и скрылась за калиткой.

– Гыы! – не то удивлённо, не то задумчиво произнес Бурей и полез через забор на своё подворье – не идти же до ворот, в самом деле.

На улице, постанывая и матерясь, поднимались ратники.

Очнулся плотницкий старшина Кондратий Епифанович Сучок от тягостной головной боли.

«Етит меня долотом – где я? Башка-то как трещит... И не помню ни хрена... Гуляли? А с кем? Не с чего вроде... Ой-ё!»

Похоже, «ой-ё» мастер произнёс вслух. Впрочем, в этом он был не уверен, а вот в то, что губы разбиты в блин, оставшиеся во рту зубы шатаются, левый глаз не желает открываться, а все косточки в теле, особенно рёбра, воют на разные голоса, уверовать пришлось.

«Я что, в мельничное колесо попал? Или меня обозом переехали? Кто ж мне так напихал-то? Главное, за что? И где я? Вроде с утра не пил...»

Старшина попытался оглядеться одним глазом.

Лежал он в избе. На лавке. Под тулупчиком. И, похоже, без портов. Ну,

без рубахи точно.

«Ну, хоть не в канаве... В избе... Но не в той, где нас поселили... Припасом лекарским пахнет – меня, похоже, обихаживали... Кто? И дух тут не наш – не артельный... О! Бабой пахнет!»

...Я ж с тутошними из-за этой Алёны схватился! Помню, до железа дошло, а что потом? Это что ж, я у неё, что ли? А порты где? Дела-а...»

Сучок, мучительно преодолевая сопротивление непослушного тела, заелозил рукой под тулупом, пытаюсь определить, на нём ли столь важный предмет одеяния.

– Очнулся, витязь? Не бойся, при тебе твоё хозяйство – не оторвали! – Алёна, а это была именно она, по-своему истолковала Сучково шевеление. – Лежи смирно! Мелкий, а дури на сотню хватит. С тремя ратниками схватился! А убили бы тебя?

Несмотря на свое бедственное положение, к которому не раз за свою жизнь дравшийся Сучок отнесся привычно равнодушно (ну, побили и побили – заживет, как на собаке, главное, как выяснилось, не зря), мастер решил не упускать того, что само падало в руки.

«О как! Подобрала меня... Так кто мне навтыкал? Неужто те трое? Ладно, потом! Попёрло тебе, Кондрат! Счаз мы её!»

– Благодарствую за помощь, хозяйка! – говорить учтивости разбитым ртом оказалось не слишком удобно. – Может, и убили бы, только не привык я, чтобы честну вдову при всём народе поносили, вот и вступился. Прости, что докука тебе от того вышла.

– Ох, и трепло ты, мастер! – женщина вошла в поле зрения Сучка. – Не впервой, видать, бабам да девкам зубы заговаривать! Но всё равно, благодарствую!

– Это кривое дерево в сук растёт, а мелкое – в корень! – мастер прикусил было язык, но поздно. – Ежели что – обращайся!

– Ещё один кобелина на мою голову! – посмурнела хозяйка. – В чём душа держится, а туда же! Тебя как звать-то?

– Зовусь Сучком...

– А во Христе?

– Раб божий Кондратий, – плотник подмигнул тем глазом, что меньше пострадал. – А тебя как по батюшке, красавица? Что Алёной – знаю, а вот...

– Не больно ты на раба похож, – серьёзно заметила Алёна. – Отмесили, как тесто – в чём душа держится, живого места нет – встать не можешь, а уж к бабе подкатываешься!

– На том и стоим, Алёна... так как тебя всё же по батюшке? – Сучок

попытался встать.

– А ну, лежи! Прыткий больно! – прикрикнула хозяйка. – Отдашь богу душу, а мне потом перед Корнеем отвечать? Хоть бы посмотрел, что без портов тут валяешься! Нашёл время корнем своим хвастаться! Будто я не баба...

Приподнявшийся было плотник резво прилёг обратно. В его состоянии спорить с богатыршей ему совсем не улыбалось: он услышал в её словах то, что ему хотелось, а имя сотника пропустил мимо ушей.

«Корнем, говоришь, похвастаться? Ну, баба!»

– Отчего ж не баба? Очень даже! – улыбаться разбитыми губами было больно. – Прям княгиня, токмо отчество своё всё никак мне, недостойному, открывать не желаешь. Аль обидел тебя чем?

– Тьфу, трепло! Тимофеевна я! – Алёна упёрла руки в боки. – И откуда у вас, мужей, всё берётся? Тебя-то как по отчеству, мастер?

– Епифановичем, – медоточиво, сколько мог в своем нынешнем состоянии, пропел Сучок. – Вот и познакомились, Алёна Тимофеевна!

– Познакомились, Кондратий Епифанович, – подхватила хозяйка и добавила: – Полежи-ка тут, пока твою рубаху с портами в порядок не приведу. Ты ж мне крышу перекрыть подряжался – не забыл?

– Хоть сейчас! – Сучок сделал вид, что собирается вскочить.

– Куда?! Совсем сдурел?! – брови Алёны угрожающе сошлись к переносице. – Успеешь ещё елдой своей с крыши помахать – глядишь, облака разгонишь! Голова-то не кружится?

– Нет, болит только.

– Ещё бы не болела – три раза чуть мне тын не прошиб! – Она нагнулась и сунула два растопыренных пальца к самому лицу мастера. – Пальцев сколько?

– Два!

– В глазах не плывёт? Не мутит?

– Нет.

– Да, крепкий у тебя котелок, а сам вроде не дурень... Бывает же... – с задумчивым видом произнесла Алёна. – Отдыхай, витязь! Сейчас поесть принесу, коли тебя не мутит.

После еды жизнь заиграла перед Сучком новыми красками, и казались краски те исключительно приятными. Судите сами: насчёт поесть Алёна расстаралась, как для князя, порты – не так сильно, как думалось мастеру, пострадавшие в драке, – вернулись на тощий зад владельца, а рубаху хозяйка и вовсе выдала новую!

«Вот тебе и здравствуйте! Это что ж, как жениха, рубахой одарила? Что, Кондрат, будешь перстнем да убором озадачиваться али подождёшь того, после чего тот убор дарят, а? А рубаха добрая, хоть и великовата – за drankу на крыше дороговато выходит. Чем отработаешь, Кондрат? А тем самым!»

– Чего глазёнками заблестел масляно – рубаху баба подарила? – Алёна без труда прочла Сучковы мысли. – Аж задницей заулыбался, кобелина! И где в тебе столько помещается?

– Хошь покажу? – Мастер блудливо подмигнул.

– Да насмотрелась уже, когда тебя, беспамятного, из портов вытряхивала! – ухмыльнулась женщина. – Ты тогда отчего-то таким гоголем не ходил – всё пластом прилечь норовил. Может, тебя опять по темечку, чтоб присмирел?

«Ну, даёт баба! Не по её, так и женилку оторвёт напрочь! Ни за что не отступлюсь! Такая одна на тьму родится!»

– А и приголубь, Алёна Тимофеевна! Хоть такая да ласка, а то совсем без руки женской зачах, – отступить мастеру было уже некуда, да и не хотелось.

– Совсем страха в тебе, знать, нету! – покачала головой богатырша то ли с одобрением, то ли осуждающе. – На-ка вот, лавку пока в божеский вид приведи! Не пущу сегодня на крышу – не хватало ещё грех на душу брать! Завтра отработаешь! Чтоб тебе туда-сюда не бегать, у меня и переночуешь. На этой же лавке! – строго добавила она. – А пока в доме по хозяйству подсобишь, у меня работы много... – и спохватилась: – Не хватятся тебя?

– Не должны...

– Точно?

– Но сказаться всё же надо.

– Ладно, пошлю кого из соседских ребятишек предупредить. Вы у Корнея на подворье остановились?

– Да, только про тебя-то что скажут?

– Пусть завидуют, клуши! Не до них... – отмахнулась Алёна. – Умные поймут, а до дур, в портах и без, мне дела нет. Ты работай, мастер... – Она развернулась, задев подолом Сучка, и выплыла из избы.

– Едрит меня долотом! Ну, баба! – выдохнул плотник и принялся за дело.

Работы нашлось немало: там подколотить, тут подстучать, здесь подтянуть – хоть и не бедствовала вдова ратника, и оставшихся без кормильца в воинском селе не забывали, а всё ж без хозяйского глаза не то.

Нет, лениться холопам Алёна не давала, дом и хозяйство держала в исправности, но мужской пригляд, как ни крути, нужен. Вот и занялся Сучок, незаметно для себя, мужским приглядом: тут подкрутим, там подтянем, здесь нажмём с пристрастием, да так втянулся, что самому понравилось. Как над своим трудился – даже холопа, решившего прикинуться туповатым, поучил уму-разуму при помощи тумачков и пинков. И невдомёк было мастеру, что Алёна внимательно за ним наблюдает, замечает да направляет его кипучую деятельность в нужное ей русло.

День незаметно сменился серыми майскими сумерками, а Сучок всё хлопотал по хозяйству, не собираясь останавливаться.

– Иди вечерять, мастер, ночь уж скоро! – Монументальная фигура Алёны заняла собой весь дверной проём. Из-за её спины из избы пробивались робкие лучики света и умопомрачительные запахи съестного.

«Ох ты, ночь уже! Надо же, сам не заметил! Жра-а-а-ть охота... И болит всё – помяли меня будьте-наме! Сейчас похлебать чего-нибудь и спа-а-ать... С подушкой! Ну их, баб, к бесу!»

– Иду, хозяйка! – Кондратий отложил работу, сунул топор за пояс и поспешил к бочке с водой – ополоснуться.

За едой у хозяйки и работника завязалась беседа обо всём и ни о чём одновременно. Собеседники не отдавали себе отчёта, что испокон веку такие разговоры ведутся за семейным ужином. Правда, этот ужин не был семейным – просто на обочине жизненной дороги встретились два, по сути, обездоленных и одиноких человека. Нет, и у Алёны, и у Сучка находилось с кем перемолвиться словом: у неё осталась родня разной степени близости, а у него артель, но вот главного – бесконечно близкого человека, с которым хочется и должно делить и горе, и радость до самой смерти, хозяйку лишило вражеское оружие, а работника – неведомый мор. Оба давно смирились со своей потерей, научились жить с ней, даже начали забывать о том, чего на самом деле лишены.

В этот вечер им выпал шанс ненадолго об этом вспомнить. Алёна – гроза ратнинских кумушек и «нянька» местного священника отца Михаила да Сучок – сорви-голова, не боящийся ни бога, ни чёрта, в кои-то веки могли побыть просто мужчиной и женщиной. И в мыслях не держал артельный старшина Кондратий, что вместо плотской радости (которой по счёту?) неожиданно найдет нечто большее – то, что давно искать перестал.

Неизвестно, сколько бы вилась нить этого разговора, если б чёрт не дёрнул Сучка за язык:

– А этот сосед твой, Бурей, ну силён, страхолюдина! – Мастер от избытка чувств привстал с лавки. – Эка он мной, ровно тряпкой, об тын хлобыстнул! Должок теперь за мной!

– Верно, Кондрат, должок, – Алёна подпёрла рукой щёку и посмотрела на Сучка с укоризной, – но не тот, о котором ты сейчас подумал. Спас он тебя!

– От чего это он меня спас?! – возмущенно вскинулся плотник.

– Смотрю я на тебя, Кондрат, и диву даюсь, – продолжила Алёна тем же укоризненным тоном. – Четвёртый десяток разменял, плешь отрастил, а ума не нажил. От смерти он тебя спас.

– От какой-такой смерти? – подбоченился Сучок. – От этого витязя, что ли? Ха! И не таких видали!

– Никона ты, может, и порубил бы, – Алёна прищурилась на огонёк лучины. – Хоть мечник он и не из последних, да только...

– Что – только? Тебе-то откуда знать?

– А я, Кондрат, вдова, дочь, внучка и правнучка ратника... – Женщина не отрывала взгляда от огня. – В селе воинском выросла и мужа своего сама на смертные сани уложила, да и так навидалась...

– Чего навидалась?

– Да всякого... И как с топором против меча выходят, и кто чего с железом стоит, и как порубленные в поединке падают...

– А Бурей тут причём?

– А при том, что не жить чужаку, ратнинскую кровь пролившему, – всё так же спокойно продолжила вдова ратника. – Никто бы тебя на суд не потащил виру стрясать – тут бы и порешили.

– Я ж за тебя вступился! – Сучок аж рот открыл.

– Дурень ты, Кондрат, – Алёна не изменила позы. – Ну, за меня, только кому до того дело? Пока вы кулаками махали да юшку друг другу пускали – бог с вами, но ты железо достал... Первым. Ладно бы ещё на поединок вызвал по обычаю, а как ты – в драке... За это только смерть! На том уж сто лет стоим, не выжили бы иначе...

Мастер молча и яростно заскрёб рукой в затылке. От лучины отгорел уголёк и с шипением погас в плошке с водой. Сучок опустил руку, неразборчиво ругнулся и спросил:

– У тебя хмельное есть, хозяйка?

– Есть, а что?

– Ну, так дай! Отработаю!

– Это ещё зачем?! – Алёна неодобрительно-удивлённо вскинула брови.

– Кланяться пойду!

– К Бурею?

– К нему!

– Да ты что?! Он же... – покачала головой хозяйка, но мастер не дал ей договорить.

– Не спорь, хмельное неси! Не бабьего ума то дело! – Сучок даже пристукнул кулаком по столу.

Алёна хотела окатить недомерка презрительным взглядом, но вдруг натолкнулась на стену. В карих глазах шепутного, мелкого нахала она увидела нечто, отличающее мужа от существа в портах, и этому «нечто» сейчас следовало повиноваться. Во всяком случае, Сучку представлялось именно так, а что считала сама Алёна... Возможно, решила, что это не её дело – она к нему в няньки не нанималась, так что пусть идёт, куда хочет. Спорить же с упёршимся – себя не уважать.

– Ох, мужи, да что ж вам надо-то? – покачала она головой, а потом нехотя поднялась с лавки. – Погоди, сейчас принесу.

– Точно пойдёшь? – Алёна с сомнением смотрела на Сучка.

– Точно! – отрубил тот, поудобнее пристраивая под мышкой объёмистый жбан. – Надо так!

– Смотри, Кондрат, боятся тут его! И поделом боятся!

– И что с того?! – преувеличенно бодро вскинулся мастер. – Он же сосед твой! Сколь лет бок о бок!

– То-то и оно, что сосед, – Алёна покачала головой. – Навидалась!

– А, где наша не пропадала, а всё жива! – Сучок подкрутил ус. – Ненадолго я! Жди вскорости, Алёна Тимофеевна!

– Ну и катись, дурень плешивый! – Она упёрла руки в бока. – У вас, мужей, ни у кого ума нет! Не той головой, видать, думаете!

– Ну, это когда как! – Сучок блудливо подмигнул.

– Сгинь с глаз моих, кобелина! – разгневанная хозяйка ухватила плотника за шиворот и во мгновение ока выставила на улицу.

Сучок потер пострадавшую шею, почесал в затылке, восхищённо матюгнулся и бодро направился к воротам Буреева подворья. Идти было страсть как далеко – трёх десятков шагов не набиралось, но на полпути плотницкий старшина крепко задумался. Что ни говори, а полёт, в который отправил его Бурей, был свеж в Сучковой памяти. Да и внешность обозного старшины – должность своего спасителя мастер уже успел выяснить – располагала до икоты, а слабых духом, надо думать, и до обмоченных портов.

Понятно, что подобные размышления живости и желания поскорее

свести знакомство со столь благообразным и приятным в обращении мужем артельному старшине отнюдь не добавили, так что перед калиткой Сучок несколько замялся. Даже очень несколько – три раза он поднимал руку, чтобы постучать, и трижды опускал. Если бы не Алёна – обратно повернул бы. Наверное. Хотя, может, и не повернул бы: перед самим собой признаваться, что дал слабину, Сучку было еще нестерпимей.

«Тьфу, едрит твою по отвесу бревном суковатым, поперёк себя волосатым! Ты чего, Кондрат? Вздристнул, никак? А чего? Ну да, красавец писанный – леший увидит, так ёжика родит, против шерсти, но ты-то вроде рожать не обучен?»

То-то и оно – этот и обучить может! Как он меня – махнул лапищей и ощутил я себя птицем небесным – лечу, значит, и гажу. Высоко так да недалеко – акkurat до тына Алёниного...»

За оградами на чужого надрывались псы, ночная птица прокричала с неба что-то обидное, а не робкий от природы плотницкий старшина всё стоял у калитки и бормотал себе под нос нечто отнюдь не душеспасительное. Кто знает, сколько бы он ещё утаптывал выдавшими виды поршнями улицу, если бы из-за тына не раздался рык хозяина:

– Чего разбрехался, кабысдох?! На шапку захотел?!

– Хозяин, там чужой по улице шляется, – слышался в ответ робкий голос.

– А я тебя или кабысдоха этого брехливого спрашивал?! – пьяным медведем взревел за тыном Бурей. – Или ты на его место метишь?!

– Хозяин! – Вопль неудачливого холопа прервался после характерного звука, обыкновенно сопровождающего перемещение тела по воздуху после доброго пинка.

– Сам напросился, – почти ласково сообщил кому-то обозный старшина. – Гавкай теперь. Ну?!

– Гав-гав-гав, – раздалось из-за тына.

– Хорошо гавкаешь! – похвалил Бурей. – Сгинь, пока не пришиб!

«Ох ты – крутенок! Неудивительно, что его тут наравне с чёртом держат! Допрыгался ты, Кондрат – такой за ради скуки башку оторвёт да к задку приставит, а потом скажет, что так и было. И ведь поверят, а то себе дорожке! А-а, ладно, назвался груздём – полезай в кузов!»

Сучок, наконец, решившись, с размаху впечатал кулак в калитку.

– Кого леший по ночам носит?! – от рыка хозяина даже окрестные собаки заткнулись. – Брысь, пока не пришиб!

– Открой, хозяин, дело есть! – приняв решение, Сучок уже не колебался.

– Грррха, кто у нас такой храбрый?! – Бурей, сопя по-медвежьи, отвалил засов. – Ты кто?

– Дед Пихто! – выпалил, как утром, на голубом глазу мастер и осёкся. – Здрав будь, Серафим Ипатьевич! Разговор у меня к тебе.

– Какой такой Пихто?! Шлялся тут утресь один, – обозный старшина шумно приняхался. – Не ты?

– Я! Тут дело такое...

– А чего дед? – не дал Сучку договорить Бурей. – Вроде не старый ещё?

– Не старый и не Пихто меня звать...

– А кто? – опять перебил обозный старшина.

– Зовусь Сучком, сам плотник...

– А почему не Пихто? И зачем плотник? Ночь на дворе! – Бурей был по-своему неоспоримо логичен.

– Да по кочану! – вызверился плотник. – Зовусь Сучком, сам плотник, к тебе с разговором пришёл, понятно?!

– А чего сразу не сказал? – Бурей озадаченно поскрёб в затылке.

– Так ты не дал! – Сучок завёлся уже не на шутку.

– Я? – ещё больше озадачился Бурей. – Не помню. Ну и хрен с тобой! Чего надо?

– Благодарствую, Серафим Ипатьевич, что выручил меня утром, – мастер коснулся земли зажатой в руке шапкой. – Не допустил ты меня до смертоубийства...

– Так это ты Никону рыло начистил? – на страхолюдной роже Бурей мелькнула тень узнавания. – Знатно ты его, жопоглавца! А потом тебя тоже знатно!

– А потом меня, – согласился Сучок. – А потом ты, Серафим Ипатьевич... Вот я, значит, и пришёл, благодарность высказать.

– Хрр, благодарность? – горбун как будто пробовал это слово на вкус. – Сам пришёл?

– Сам. И не пустой! – Сучок булькнул содержимым жбана.

– Ишь ты... Сам... – Бурей посторонился. – Ну, заходи, коли так, гостем будешь!

Добрую половину скупно освещённой лучиной немаленькой горницы, в которую привёл Сучка хозяин, занимал сколоченный из толстенных досок стол. На нём в художественном беспорядке громоздились внушительная миска с квашеной капустой, не уступавший ей размерами горшок с варевом, от которого сладко тянуло тушёным мясом, исполинская бадья,

испуская хмельной дух, а венчали эту благостную картину огромный полуобглоданный мосол и здоровенная кружка.

Остальное убранство тоже производило впечатление: на стене матово поблёскивал накладками из турьего рога огромный лук, рядом с ним висели столь же внушительных размеров рогатина и меч в изукрашенных ножнах, доспех, на лавке валялись медвежья шкура и медвежий же тулуп. Но это ещё что! В красном углу возле икон в богатых серебряных окладах теплился огонёк лампы. Лампа, кстати, тоже была серебряная и тонкой работы.

«Ну, ни хрена себе! Икон-то сколько! Такие оклады да лампу не во всякой церкви сыщешь! Он что, церковь какую ограбил, что ли? Это ж сколько стоит-то? И лук каков – я в княжеской дружине таких не видал! Нда-а...»

Сучок перекрестился на икону. Он и не догадывался, насколько ему повезло. Бурей пребывал нынче в том пьяно-лиричном состоянии, когда даже такой чёрной душе, какая гнездилась в теле обозного старшины ратнинской сотни, не только хочется странного и непознанного, но и пробуждается вера в человечество...

Не дай бог, если бы нелёгкая принесла плотника на Буреево подворье в другую ночь – самое малое, отделался бы он несколькими месяцами в лубках. Не ко времени неведомо каким образом сломавший ногу и оттого пущенный под нож кабанчик, сам того не желая, спас рабу Божию Кондратию жизнь или, по крайней мере, здоровье.

– Садись, – прорычал хозяин, кивая на стоящий у стола сундук, и плюхнулся на лавку. – Тебя звать как?

– Зови Сучком. – Плотницкий старшина пристроил на стол жбан и опустился на указанное место.

– А во Христе?

– А к чему? – мастер приподнял бровь.

– Ты, хрр, в чужой монастырь со своим уставом не лезь! Ыть! – Рожа Бурей вдруг оказалась у самого лица плотника и обдала его крепким перегаром. – Хрр! Сглазу он боится! У нас тут всех по-крестильному зовут – не язычники, чай! Как звать, спрашиваю?!

– Кондратием крещён, – от такой отповеди Сучок слегка оторопел.

– А по отчеству? Ты меня, вон, у ворот уважил, – обозный старшина отодвинулся. – Так вот и я гостя уважить желаю!

– Епифановичем, – своеобразное вежество Бурей впечатлило забияку-плотника до печёнок.

– Ну, за знакомство, сталбыть! – Горбун черпанул из бадьи и поставил

перед мастером полную кружку браги. Внезапно на его лице отразилась напряжённая работа мысли – ему-то пить было не из чего.

«Ха! Неужто прям из лохани хлебанёт, как из ковша? А что, этот может!»

Однако хозяин решил по-другому:

– Подь сюда, тупёрда^[3] лядащая! – от его рёва дверь открылась будто сама собой.

– Тута я, хозяин! – забитого вида холопка испуганно жалась к двери.

– Ковш тащи! Гость у меня! – Бурей широким жестом указал одновременно и на стол, и на Сучка. – И пожрать ещё! Шевелись!

Холопку сдуло ветром. Не успел Кондратий в очередной раз подивиться царящим в доме порядкам, как на столе уже возник резной ковш немалого размера и несколько горшков и плошек с разнообразной снедью.

– Прими, гость дорогой, – Бурей, пошатываясь и лучась пьяным радушием, по обычаю протянул Сучку полный браги ковш.

– Благодарствую, хозяин. – Плотницкий старшина встал и с поклоном принял посудину.

– Ну, за знакомство, Кондратий Епифанович! – горбун воздел вверх кружку.

– А то ж, Серафим Ипатьевич! – Сучок от души стукнул ковшом по Буревой посудине.

Бражка пошла соколом и сразу ударила мастеру в голову.

«Ишь ты, вежество блюдёт. Как с медведем в берлоге пирую. А, была не была – не сожрет же он меня!»

– Ты, гостюшко, закусывай давай – уважь хозяина! – обозный старшина потчевал приземлившегося на сундук Сучка, не забывая при этом расправляться с мослом.

– Благодарствую, – плотник наугад схватил кусок жареного мяса и отправил в рот. – Хороша бражка.

– А то! – зверски ухмыльнулся Бурей и рявкнул: – Зачем пришёл?!

Сучок поднялся с сундука, оправил рубаху и отмахнул хозяину поясной поклон:

– Благодарствую, Серафим Ипатьевич, что не дал мне пропасть, смерть от меня отвёл! – Плотницкий старшина поклонился ещё раз. – Век за тебя бога молить стану! Должник я твой – не выпустили б меня живым! А сейчас прими дар малый, не побрезгуй! – Сучок протянул Бурею позаимствованный у Алёны жбан.

– Хррр! – от удивления малюсенькие глазки горбуна приобрели почти

нормальные размеры. – Вот оно как! Благодарить пришёл, значит?

– Ага, – кивнул Сучок. – Я со всем уважением! Ты ж за меня – чужака – вступился. Не забудешь такое...

– О как! – Бурей запустил пятерню в свою гриву, некоторое время скрёб в затылке, а потом витиевато выругался и распечатал поднесённый жбан. – Ковш подставляй! За такое дело выпить надо!

* * *

Так случается в жизни – сидели два старых друга в приятном месте. Не на сухую сидели. Давно не виделись, вот и говорили о том о сём: о жите-быте, работе, семьях, старых похождениях и новых планах. Старым друзьям всегда найдётся, о чём поговорить. И тут входит третий, да так получается, что один из друзей этому третьему хороший знакомый, а другой в первый раз его видит. Как же тут товарища к столу не пригласить да с другом не познакомить?

Проходит некоторое время, и беседа уже идёт на троих – обязательно найдётся тема, которая для всех окажется интересной, а если подсевший ещё и хороший собеседник, так и вовсе...

И тут, как оно в жизни бывает, первый из друзей спохватывается – бежать надо! Дома, мол, семеро по лавкам, жена велела быть всенепременно. Хочешь не хочешь, а надо! Принимает он «на ход ноги», прощается и убывает к семейному очагу.

А новые знакомые остаются. Почему бы и нет? Разговор идёт. Время есть. Спешить некуда. Появилось, правда, некоторое неудобство, но не расходиться же, в самом деле? А тема разговора, того, к концу подходит. Надо как-то разговор продолжать. Поговорили об отбывшем к семейному очагу, супругу его помянули словом не злым, но добрым. Знакомых поискали и даже нашли. Так мало-помалу добрались и до «вечного» – кто чем занимается да чем интересуется. Чем живёт, так сказать.

Вот это разговор небыстрый. Особенно «не на сухую» и если собеседники с пониманием – поперёк друг друга не встывают, авторитетом не давят, но опытом делятся. И начинает тут наружу выходить глубинное – о чём думали давно, но не решались сказать. Ведь всяк живёт со своим грузом и старается никому его не показывать. Ибо страшно! Страшно, что не поймут, а ещё страшнее, что поверят, а ты не сможешь. Вот и таят в себе до поры.

И тут попадаете на пути случайный знакомый, вдруг незнамо как

тронувший душу, и начинает человек потихоньку приоткрываться, а если собеседник умный попался – раскрываться, выплёскиваться без оглядки. Сначала один, потом второй. И не важно уже, а был ли тот первый «подкаблучник», что свёл их за этим столом, или не было его... Вот у Сучка с Буреём его не было, по крайней мере во плоти, а поди ж ты...

* * *

Они выпили, потом ещё, потом закусили, а разговор вился, вился, вился, и плотницкий старшина почувствовал, что от таких возлияний стремительно косеет. Оно и не мудрено, после утренних-то приключений.

«Эх, хорош Серафим, даром, что лешак горбатый, но ведь споит он меня к растакой-то бабушке! Гляди, опять наливает! И замолчал – только хекает...»

Бурей разлил хмельное, но в этот раз не кивнул гостю с традиционным «Будем!», а поставил посудину на стол, вперился в Сучка маленькими, глубоко посаженными глазками, вздохнул, как кузнечный мех, и с какой-то смертной усталостью в голосе спросил:

– А теперь правду скажи, на хрена припёрся?

– Спасибо тебе, лешаку, сказать! – Хмель уже ударил мастеру в голову, и нрав в который раз взял верх над благоразумием. – Порешили бы меня, коли не ты! Сначала я витязя того драного, а потом меня бы! А не веришь – выходи во двор!

– Гы! Правда?! И всё?! – Злобный горбун изумлённо развёл руками, начисто игнорируя брошенный ему вызов.

– И всё! – Сучок привстал с сундука. – Да ещё посмотреть поближе на того, кто мной, ровно тряпкой, о забор хлестнул и не крикнул! Да поговорить ещё разве! Ничего мне от тебя больше не надо!

– А не побоялся, что пришибу? – На морде Бурей возникло заинтересованное выражение.

– Нет, не зверь же ты – был бы зверем, не вступился... – мастер помолчал, уставившись в стол, потом тряхнул головой и продолжил: – А если б и пришиб, так мне от того хуже не стало бы!

– Чего так? – Обозный старшина подался к собеседнику.

– А вот так! – Сучок рванул ворот рубахи. – В закупы мы всей артелью угодили и, похоже, навечно!

– За что? – невероятно, но в голосе Бурей прорезалось участие.

– Боярина убили... князьего... – плотницкий старшина повесил

голову и с усилием вытолкнул слова из глотки.

– Сукой был? – уже с несомненным участием спросил старшина обозный.

– Да не то чтобы сукой, просто достал всех хуже чирья на заднице! – Мастер так и не поднял головы. – Церковь мы ему ставили, обыденку^[4]. По обету. Помер у него кто-то. Чего там ставить – два раза тюкнуть да три пёрнуть! – Сучок сам не заметил, как сбился на скороговорку. – А он пристал как клещ – всех извёл, язва! Ну, мы ему подмости и подпилили – думали, шишку набьёт да отстанет, а он вниз башкой сверзился да шею свернул!

– И что? – Бурей подсунул мастеру полный ковш.

– А то! – Сучок залпом высосал брагу. – Ободрали нас на суде, как липку – всё добро меньше четверти долга, а самих продали!

– Ах ты мать твою за левую заднюю! – Кулачище Бурей впечатался в столешницу так, что часть мисок и плошек перевернулась. – Вот жизнь! Хорошим людям никогда удачи нет! Вот ты, гляжу, человек... И ко мне полюдски, и вообще! А есть такие, что зверья хуже – и им всё! Вот, как батьке сотника Корнея, чтоб ему на том свете!.. – Обозный старшина сплюнул. – Давай выпьем, что ли, Кондрат?

– А давай, Серафим! – Сучок вскинул голову. – Жизнь, она, тварина, любит на четыре кости ставить – хоть давься, хоть волком вой! Хмельное, оно дела, конечно, не поправит, да спьяну дерьмо всякое меньше в глаза лезет – даже жить легче...

– Хрр! Верно сказал, Кондрат! – Бурей разлил брагу. – Чтоб оно полегче было!

Посудины стукнулись, собеседники, выпив, кивнули друг другу и принялись закусывать. Они и сами не заметили, как перешли грань, отделяющую случайный интерес от симпатии. Что-то изменилось в отношениях случайно встретившихся на жизненной дороге много повидавших и перестрадавших людей, и, подчиняясь неосознанному импульсу, Сучок задал вопрос из тех, что чужим не задают:

– А за что ты батьку Корнеева так?

Бурей вскинулся, сжал кулаки, глухо зарычал и начал привставать, но вдруг рухнул обратно на лавку. Несколько мгновений он сидел, почти уткнувшись головой в столешницу и свесив свои ручки до пола, а потом принялся что-то неразборчиво бормотать себе под нос. Плотницкому старшине показалось, что в этом бормотании он разобрал слово «тятенька».

«Ох ты ёж твою! Что между ними такое было? Етит тебя долотом, Кондрат – доведёт тебя язык когда-нибудь до могилы...»

– Серафим, ты чего? – плотницкий старшина не на шутку встревожился. – Обидел тебя чем? Или чего похуже? Ты не рассказывай, коли не вмоготу!

– Скажу! – Обозный старшина поднял голову. – Другого убил бы, а тебе скажу! Только выпьем давай сначала... Саднит!

– Давай, – Сучок наполнил посудыны.

– Погляди на меня, Кондрат, – нравлюсь? – Бурей вытер рукавом усы и жестом остановил попытавшегося что-то сказать плотника. – Совсем я мальцом был, от земли не видать... Бабы-суки! Вон, говорят, тятенька твой... А я и кинулся... «Тятенька, тятенька!»... А он сапожищем в морду... Падла! Сотник Агей – Лис Бешеный! А потом ещё... и ещё... Все рёбра переломал... Батюшка мой с засапожником на него кинулся – он и его... Насмерть... А я его зубами... Тут бы он меня и убил, да сын его – Корней, сотник нынешний, не дал – отнял.

– Ох, ты ж мать твою скобелем! За что он тебя так? Дитё ж! Он что, совсем зверь-сыроядец был?

– Не перебивай! – Бурей отрицательно мотнул головой. – Я ж тебе говорю – бабы-суки! Какая-то б... слух пустила, что матушка моя от Агея меня прижила... Не дознался я – да и сколь годов прошло, пока дознаваться начал... А ведь я из сотничьего рода! Пращур мой первым сотником был! Только от всего рода я один и остался... Женился два раза – не живут у меня дети! И жёны умирали вскорости...

– Эхе-хе... Моя Софья вот тоже, – Сучок подпёр щеку ладонью. – Полгода вместе не прожили... Лихоманка... И её, и батюшку с матушкой. Вот и шатаюсь с тех пор промеж двор бобылем.

– И я бобыль... – Бурей как будто в первый раз посмотрел на собеседника. – Вот оно как, значит...

– Значит, так... – мастер согласно кивнул головой. – А что дальше-то было? Ты, Серафим, не думай, я не для забавы – ты выговорись, коль начал, а то хуже будет...

– А дальше принёс меня Корней к лекарке, – Бурей изобразил ухмылку, больше похожую на медвежий оскал. – Он из-за того, что за меня вступился, крепко с батькой своим рассорился. Сказывают, Бешеный Лис его всю дорогу до лекаркиной избы дрыном охаживал, да, поди, врут...

– Это да, дрыном убил бы к хренам, – кивнул Сучок.

– Врут – не врут, а со двора Агеева Корней в тот же день съехал, – обозный старшина ухмыльнулся ещё раз.

– А с тобой что?

– А меня лекарка выходила, только горбатым остался, – Бурей

вцепился в край столешницы так, что толстенные доски захрустели. – А горбтому только в обоз! Глядишь, и в обоз бы не взяли – я ж половину слов выговорить не мог!

– Да ты что? А как же?

– Матушка Настёна вылечила. – На лице горбуна появилось совершенно для него невозможное выражение доброты, мелькнуло даже что-то похожее на улыбку.

– Та лекарка?

– Дочка её – лекарка нынешняя. Оттого и матушкой её зову, хоть и младше меня она...

– За то, что вылечила?

– Дурень ты, Кондрат! – Бурей от досады махнул своей лапищей. – Вроде умён, а такую хреновину ляпнул! Матушку она мне заменила – своей-то я не видел, родами померла... Упокой, Господи, её душу. И твоих давай помянем.

За помин души выпили, не чокаясь. Бурей захватил из миски горсть капусты и принялся с хрустом жевать.

«Это ж как его приложило! Тут любой озверееет... Как живёт-то на свете? Не, мне поменьше досталось».

– А с Агеем что? Расчёлся за обиду? – Сучок всем своим видом продемонстрировал, что в новом знакомом не сомневается.

– Дядьке моему это не по силам оказалось – квёлый он был, вот и забоялся против сотника идти, а я не успел, – скрипнул зубами Бурей. – Пошёл Агей лесовиков примучивать, те его опоили да под лёд спровадили. Даже могилки нет, чтоб помочиться! – обозный в сердцах махнул рукой и снес со стола несколько мисок. – Вот так, и кровью теперь не возьмешь: сын обидчика за меня же вступился! И кому мстить прикажешь? Тому, кто жизнь тебе спас? Или семени его? Да ещё напорочили мне, что ежели снова в Ратном Бешеный Лис родится, то не жить мне – прикончит...

– И что?

– А то! Родился! – ухмыльнулся Бурей. – Внук Корнеев – Минька. Сопляк борзый. После того, как ещё по снегу он с лесовиками схлестнулся, ратники его Бешеным Лисом звать стали. За дело – и впрямь в прадеда уродился! Ну, и как мне жить? И убить его нельзя, и не убить нельзя!

– Серафим, да наплюй! Врут все пророки! – Сучок сам не понял, почему ему вдруг до зуда в ладонях захотелось утешить и поддержать собеседника. – Я по свету немало шатался, насмотрелся! Им бы только в калиту ^[5] к тебе залезть – вот и плетут чего ни попадя, лишь бы позаковыристей! Давай выпьем лучше!

– А и давай, Кондрат! Как ты там говорил – спьяну дерьмо хуже видно? Подставляй ковш!

Они выпили ещё не один раз. Молча. Бурей вскидывал голову, опрокидывал в глотку содержимое кружки, скрипел зубами и снова свешивал голову до самой столешницы, а Сучок залпом высасывал ковш и тяжело вздыхал: то ли оттого, что вспоминал свою непутёвую и неустроенную жизнь, то ли хмель в пострадавшей башке шумел, как толпа подёнщиков на найме. Ни плотницкий, ни обозный старшина не закусывали – в горло не лезло.

После такого и не полезет. Так уж устроен человек: надо ему хоть изредка поделиться с кем-то своей болью, выпустить её из себя. А она, зараза, любит напоследок от души полоснуть когтями по сердцу. Только нет у неё больше прежней власти – на смену ей поднимается из нутра не менее глубоко запрятанная часть сокровенного – светлая: мечты, надежды, потаённые радости...

Вот тут пропадает и второй страх, а на смену ему приходят силы, убеждённость, готовность горы своротить ради воплощения своей мечты. И не страшно уже поведать об этом – ведь за столом в этот момент друг напротив друга две обнажённые души и видят друг в друге много чего, прежде всего, конечно, своё отражение. А если тела к тому времени уже языками плоховато ворочают, так это не беда – всё равно тут уже не языками разговор ведётся, и утаить ничего не получится.

Вот и Бурей после очередного возлияния поднял голову, обвёл мутными глазами горницу и вдруг хрипло прорычал:

– Кондрат... ты чего в жизни хочешь... а?

– Ну, ты... ик... спросил! – язык уже плохо слушался Сучка. – Хре-е-ен его знает... Тут... эта, в двух словах и не сказать!

– А ты с...кжи! – Бурей язык тоже подвёл. – Вот возьми... и скжи!

– Ик! И скажу! – Сучок попробовал приподняться, но рухнул обратно на сундук. – К-к-к-рассоты хочу, вот!

– Хрр-р... – Бурей с пьяной грацией сначала влез рукой в миску с мясом, а потом рукавом вытер рожу, отчего она покрылась толстым слоем жира. – К-к-к-какой кр-р-расоты? Бабу, что ли?

– Дурень, ты... ик... Сер...фимушка, – Сучок одной рукой ухватился за стол, а вторую воздел вверх в указующем жесте. – Нии-че-гошеньки в красоте не п...нимаешь! И сундук у тебя... пляшет, вот! От гого...значит... и не пнимаешь!

– Кого «гого»? – Бурей озадаченно уставился на собеседника. – Хде он есть?! Из-за него, гриш, не пнимаю?

– Дык... ик... сундук! – Сучок воинственно выставил бороду. – Вертится! Оттого ни в жисть!

Бурей сосредоточенно засопел, вылез из-за стола, рикошетом от стены добрался до сундука и от души пнул его. Сундук с шумом устремился в противоположный угол, а Сучок, лишённый точки опоры, со всей дури приложился задницей об пол.

– Ты... ик... чего дерёшься?! – От падения плотницкий старшина немного протрезвел.

– Так не с тобой же! – Бурей недоумённо развёл в стороны свои лапищи. – С сундком! Ты сам хрил, что красоту из-за него!

– А-а-а! – Сучок поудобнее утвердил зад на полу. – Т. да... ик... и поделом ему!

– О! – Бурей крикнул, за ворот поднял артельного старшину с пола, вместе с ним проследовал к лавке, утвердил на ней полузадушенного гостя и утвердился сам. – Р-сказывай, что, хрр, за к-рсота т-кая, что она тебе баб нужнее?

– Погоди, лешак, – с натугой просипел мастер. – Чуть не удавил, ведьмедище!

– Ты, хррр, извиняй, Кндраш, – повинился обозный старшина. – Я... это... с радости могу и того... Давай выпьем лучше!

– Давай! – уже с меньшими усилиями просипел Сучок.

Бурей, попадая мимо посуды, разлил то ли брагу, то ли пиво – сотрапезники уже не очень понимали, что пьют. Ковш и кружка со стуком сошлись в воздухе, после чего их содержимое устремилось в утробы приятелей.

– Ик... Хор-рошо пшла! – доложил Сучок и ухватил со стола что-то съедобное.

– Ык! – подтвердил Бурей и последовал Сучкову примеру. Судя по хрусту, донесшемуся из его пасти, на зуб ему попало что-то мясное, причём с костями, но обозный старшина значения этому не придал.

– Ты р-ск-зять об-щал, – напомнил он приятелю и сплюнул особо упрямый осколок кости, который никак не желал разжёвываться.

– Сслушай, С-с-серафимушка, – Сучок постарался придать своему лицу одухотворённое, как у пророков на иконах, выражение. – Красота она... это во всём есть! Вон... лес шумит... небо там... солнышко... бабы поют... Вот значит, когда чего строишь вот... эта... вспоминаешь... особенно, когда терем...

– Бабы это хорошо, – Бурей изо всех сил закивал головой. – Особенно когда хрр... терем! Вот... брали, значит, на щит...

– А вот... ик... храм когда... белокаменный, – Сучок не слушал, что там ему отвечает Бурей, – чтоб... эта... как облако белый...чтоб к небу!

– Эт да! – морда Бурей из пьяной стала мечтательной. – Когда тело белое... хрр... оно... как в небо!

– Во-во! Всё ты... ик... Серафимушка... понимаешь, голубь! Чтоб как облако в небе... Своими руками... да головой!

– Кондраш, хрр, ты... эта...чего? – Бурей в величайшем изумлении воззрился на приятеля. – Когда баба... тело... ик... белое... А ты своими, хрр... это... руками! Грех это... ик! Особливо когда оно... того... после бани! Слушай, Кондраш, а своей головой это как, а?

– С-с-с... бабой? Головой... ик? Н-не знаю! – Сучок выпучил глаза и замотал башкой, да так, что чуть не сверзился с лавки. – Эт-то г-г-греки, м-мать иху злодергучую... Вот они... ик... не по-людски... ик!

– А, гр-ки! Ну их в жпу! – подытожил Бурей и принялся ковыряться в зубах.

– И туда... ик... они... тоже! – кивнул Сучок. – Двай, эта... вьем, С-рфимшка!

– Хрр, давай! – Бурей разлил хмельное.

– Греки, они... ик... строить горазды! – Сучок попытался поймать ускользнувшую мысль. – И красоту... пнимают, вот!

– Ы? – заинтересовался обозный старшина.

– Только... ик... они, эта, сами ся... эта... серпом по этим... самым, – Сучок показал руками, как и по каким «самым».

– Что... хррр... фсе? – удивился Бурей.

– Не... ик... тлько те, знач, кто всё... по этому, к-к-как его, м-мать... ка-ка-ка... ккканону, вот!

– Хрр, вот нелюди! – глаза обозного старшины налились кровью. – Как мы их, хрр, на Дунае!

– От... ик... Серфимшка, истинно! – Плотницкий старшина взглянул на приятеля почти с обожанием. – Влёту... в них нет! А у меня есть!

– У тебя есть! – согласился Бурей. – Ты ж не серпом!

– Точно, Серафимушка! – от душевного подъёма мастер даже совладал с непослушным языком. – Есть он у меня! Глаза закрою и вижу! Белокаменный и ввысь возносится, аки лебедь, до неба самого, вот!

– Баба? – заинтересованно уточнил Бурей.

– Сам ты баба! Храм!

– Ну, хрр, если баба хорошая... Можно и в храм... Венчаться! – обозный старшина утвердительно кивнул головой.

– Да построить я его хочу! – возопил Сучок.

– Конечно, построишь! – ещё энергичнее закивал Бурей. – А то где венчаться?

– Да ну тебя! Наливай лучше! – махнул рукой Сучок и рухнул с лавки.

Бурей подхватил приятеля, водрузил его обратно, сунул в руки ковш и задал в высшей степени глубокомысленный вопрос:

– Ы?

– Бумздровы! – Сучок прекрасно понял приятеля.

– Ты, хрр, эт, Кндраш, дальше скзывай, – попросил Бурей и принялся закусывать.

– Вот, ик, Серфимшка, с соплячьих лет... значит, – принялся рассказывать о своей мечте мастер.

Бурей растроганно слушал, кивал, поддакивал и, видимо, из-за одолевшего его сентиментального настроения со страшной силой уминал всё подряд, что стояло на столе. Однако, занятый поглощением пищи и занимательнейшим рассказом косноязычного от возлияний плотника, обозный старшина не забывал о долге радушного хозяина и не раз подливал гостю, не забывая, впрочем, и себя.

– Вот... ик... ткой снаружи он и будет, Срфмушка, а снутри... – плотницкий старшина осёкся на полуслове: Бурей, с синим лицом, сидел молча, с закатившимися глазами, и не дышал.

– Серафимушка-а-а! – от вопля Сучка всполошились все окрестные собаки, однако Бурей остался тих, синь и бездыхан.

Мастер вскочил с лавки и принялся трясти друга за плечи. С тем же успехом можно было пытаться голыми руками вырвать столетний дуб – обозный старшина остался недвижим.

– Ты что ж, аспид, помереть тут удумал? – Сучок со всей дури попытался садануть кулаком по физиономии Бурея, однако попал по спине.

Обозный старшина вернул зрачки на место и издал звук, похожий на тот, который издаёт стаскиваемый с ноги мокрый и тесный сапог, крупно сглотнул и задышал:

– Ох, спси... тя... бог, Кндраш! – лёгкие Бурея работали не хуже кузнечных мехов. – Помр бы, кабы не ты! Дай рсцелую, дрг любзный!

Сучок попытался уклониться, но Бурей медвежьей хваткой облапил его, выдавил из лёгких весь воздух и расцеловал, щедро перемазав при этом застывшим жиром.

– Пусти, ведьмедина! Задушишь к едрёней матери! – последними остатками воздуха прохрипел мастер.

– Эх, Кондрат, где ты раньше был?! – дыхание у горбуна уже вполне восстановилось, даже язык лучше ворочался. – Никогда так душевно ни с

кем за чаркой не сидел!

– От и я с тобой, Серафимушка! – Сучок от избытка чувств не только протрезвел слегка, но и пустил слезу пьяного умиления. – Не знал не ведал, что тут такие душевные люди живут!

– Давай ещё тяпнем, Кондраш?

– Давай! – согласился плотницкий старшина. – Только по маленькой, а то я с утра с Алёной – соседкой твоей... ик... сговорился. Крыша у ней... ик!

– Хррр... Неужто уже сговорился? – Бурей полез пятернёй в свою необъятную шевелюру. – Умеешь! Быстро ты, ить! Молодец, коли так! Она, ить, баба добрая!

– А чо там... ик... уметь-та?! – Сучок горделиво задрал нос. – Дранку... ик... перестелить... умеючи-то? Да раз плюнуть!

– Хрр, бабу с умом да умеючи легко уговорить, – согласился Бурей.

– Во-во, топориком тюк... – начал было Сучок, но осёкся – забыл, чего сказать хотел.

– Эт ты, хрр, врёшь... топориком, – замотал башкой Бурей, – Не успел ты Никона приголубить – я отобрал! А ты чего ёрзаешь-то?

– В нужник хочу! – отозвался Сучок, слегка посучивая ногами.

– Так иди! – милостливо разрешил Бурей, широким жестом указывая на дверь. – Тама он!

– Ноги не идут! – плотницкий старшина засучил ногами активнее: подлый мочевого пузырь от напоминания усилил свой натиск.

– Давай подсоблю! – Бурей попытался встать, но не смог. – Хрр, и у меня не идут!

– А давай, Серафимушка, вместе... Оно вместе сподручнее, мы в артели завсегда так, – Сучок ухватил ручки Бурей и пристроил себе на плечи. – Ну, давай, встали! Раз, два – взяли! А теперь ножками... сперва левой, потом правой, а то обмочусь!

Друзья, упираясь лбами друг в друга, сделали несколько шагов и дошли почти до двери, но тут Бурей встал и шумно выдохнул:

– Погодь, Кондрат, тяжко чего-то! Мож, песню затянем? С песней на походе сподручнее!

– Давай! А какую?

– А счаз! – и Бурей во всю глотку заревел:

Будет плакать по мне, добру молодцу,
Жена-жёнушка, раскрасавица-а-а.
Пусть ей чёрну весть принесут поутру,

Что вдовой вековать оста-а-а-анется.
Приведут коня мово в поводу-у-у,
Меч да бронь сберегут для неё-о-о,
Мои друзья, передайте тогда-а-а-а
И остатнее слово моё-о-о-о:
Ты не плачь, не грусти жена обо мне-е-е
Да за сыном лучше гляди-и-и.
Меч ему отдай по весне-е-е-е
И в поход его проводи-и-и-и.

Бурей тяжело вздохнул, открыл башкой (руки-то заняты) забухшую дверь, набрал в грудь побольше воздуха и снова затянул песню:

Их го-о-оловы бу-у-уйны лежат в ковыля-а-ах,
Над ни-и-ими лишь во-о-ороны вью-у-у-утся!

Этот припев подхватил уже и Сучок. С такими вот завываниями друзья преодолели около трети той бездны вёрст, что отделяла их от нужника. Их славный анабасис сопровождался залиvistым собачьим лаем и забористыми комментариями соседей насчёт «свербигуздов, по ночам шляющихся».

– Не, так не пойдёт! – вдруг заявил Сучок.
– Чего не пойдёт? – не понял Бурей.
– Песня не пойдёт! – мастер не на шутку рассердился. – Не дойдём!
Унылая она!
– А какую надо? – насупившись, спросил обозный старшина.
– Бодрую! Про богатырей чтоб!
– Хрр, эт можна! – оскалился Бурей и тут же выдал на удивление бодро и трезво:

Будет плакать по мне, добру молодцу,
Эх! Жена-жёнушка раскрасавица-а-а.
Принесут ей чёрну весть – эх! – поутру,
Что вдовой вековать о-о-останется. Эх!
Приведут коня мово в поводу-у-у, ой-ля-ля!
Меч да бронь сберегут для неё-о-о, эхма!
Мои друзья, передайте тогда-а-а-а, твою мать!

И остатнее слово моё, – ух, да мое!
Ты не плачь, не грусти, жена, обо мне-е-е, эхма!
Да за сыном лучше гляди-и-и, твою мать!
Меч ему отдай по весне-е-е-е, эхма!
И в поход его проводи, уй лю-лю!

Под эту песню и вправду пошло лучше – до нужника друзья доковыляли резво и даже приплясывая. Обратный путь занял меньше времени – Бурей и Сучок знали уже, как скрасить его тяготы, да и прохладная майская ночь немного повыветрила из них хмель.

– Ох ты ж, едрит твою бревном суковатым, – удивился Сучок, глянув на небо. – Хорошо с тобой, Серафимушка, но и честь надо знать! Работать мне завтра! Давай на посошок, и пойду я.

– Хрр, итить его, только сели! – Бурей открыл дверь в избу. – Ладно, на посошок и всё!

Они выпили «на посошок», потом «стремянную», потом «на ход ноги», потом «за лёгкую дорогу», а потом Сучок с размаху шваркнул кулаком по столу:

– Не пойду никуда! С кем ещё так душевно поговорить, кроме тебя, Серафим Ипатьевич?!

– Хороший ты человек, Кондратий Епифанович! – Бурей облобызал друга. – Давай за это?

– Давай!

– От до чего же ты хороший человек! Почаще нам встречаться надо! – обозный старшина хотел хлопнуть мастера по плечу, но попал по голове.

Сучок упал с лавки на пол и захрапел. Бурей потряс храпящего друга, потом ещё... и ещё – Кондратий не просыпался.

– Хрр, спит! – Бурей сел на лавку. – И чего с ним делать? А-а-а, домой его надо! К Алёне!

Обозного старшину ничуть не заботило, что он думает вслух. Совсем даже наоборот – так легче было отлавливать разбегающиеся, словно тараканы в запечье, мысли.

– Он же её того... И ладно! – обозный старшина подкрепился из кружки. – Всё ж лучше Никона.

Тем, кто успел заснуть после вокальных упражнений друзей, спать пришлось не долго. Сначала от грохота проснулись псы по всему Ратному, а за ними подтянулись и хозяева. Ну, не могли соседи не высунуться из-за

заборов, чтобы узнать причину безобразия.

Зрелище, надо сказать, было занятным: Бурей со всей мочи колотил своим кулачищем в Алёнины ворота, а на плече его похрапывал давешний лысый забияка. Да так сладко, поганец!

Наконец ворота отворились, и перед зрителями предстала наспех одетая Алёна, сжимающая в руке немалых размеров тесак.

– Бурей, ты что, совсем с глузда съехал?! – Гнев хозяйки аж плыл по воздуху.

– Не серчай, соседка, – Бурей постарался придать своему голосу кроткие интонации. – Я тут, хрр, эта, твоего Кондрата принёс! Ты его, смотри, не пришиби – он у тебя хозяйственный!

– Чего?! – отшатнулась от изумления Алёна.

– Кондрата своего забирай, грю, – Бурей вывалил Сучка прямо в Алёнины объятья. – Утомился он! А ему утром крышу крыть!

Алёна машинально подхватила тело. Сучок причмокнул во сне губами.

– Ты его береги, дружка моего сердечного! Совет вам да любовь! – Бурей смачно поцеловал воротный столб.

Алёна, будучи бабой умной, поняла, что спорить сейчас с Буреём – только давать соседям лишний повод поглумиться. Да и бесполезно, всё равно не переспоришь. А потому выбрала единственно возможный способ прекратить это безобразие: перехватила Сучка под мышку и под общий хохот захлопнула калитку перед носом соседа.

– Откуда ты на мою голову взялся, аспид? – раздалось из-за ворот. – Черти тебя принесли!

– Ну вот, даже спасибо не сказала! – обиженно изрёк Бурей и поплёлся к своим воротам, где уже маячила с факелами насмерть перепуганная дворня.

Утро у Кондратия Епифановича выдалось хмурым. В прямом смысле этого слова. Хмурый утренний свет, едва пробивающийся через волоковое оконце, хмурая Алёна, безжалостно растолкавшая его ни свет ни заря... А уж что творилось в голове, глотке и брюхе! Словом, мрачно, уныло и гадостно. Однако делать нечего, раз назвался груздём – полезай в кузов. Вот Сучок и полез. На крышу. Дранку менять.

На крыше было не очень. Даже очень «не очень», с бодуна-то! Да и утренняя прохлада бодрила. И работой не согреешься: дранку менять – дело кропотливое и махания топором из-за плеча не любит. Словом, терзала плотницкого старшину исконная русская мужская болезнь – утренний озноб, и от того озноба лезли в голову мысли всякие...

«Етит в бога душу поперёк и наискось да с продёргом! Алёна что, белены объелась? Пьяных, что ли, не видала? Нет, в сенях бросила, козушком прикрыла, а с зарёй чуть не пинком подняла, ковш квасу сунула, плешь чем-то смазала и на работу... Вот едрён скобель! Да ещё и шипит, что твоя рысь: «Вы чего с Буреём наплели?» Хоть не прибила... Тьфу, бабы, чесать их бревном суковатым! Бурей-то тут причём?»

Бурей, как подслушивал, тут же вылез на крыльцо своего дома. Рыкнул, потянулся, ещё раз рыкнул, выхлебал чуть не ушат рассола, который поднесла ему зашуганная холопка, хлопнул её по задку, прямо с крыльца через полдвора справил малую нужду и только потом заметил Сучка, медленно перемещающегося от стрехи к коньку Алёниной избы.

– Здорово, сосед! – рев и улыбка обозного старшины могли напугать кого угодно. – Ты как после вчерашнего-то, Кондраш?

– Здорово, Серафим! – помахал рукой с крыши Сучок. – Башка трещит, язва!

– Так ты, хрр, похмелись! – участливо рыкнул Бурей.

– Рад бы, – в голосе мастера прозвучала тоска. – Да нельзя... Крышу вот...

– А-а-а! – ослабилась Бурей. – Алёна твоя не велит, чтоб не сверзился? Она может – грозна у тебя баба!

– Чего?!

– Правильно, говорю, не наливает! – Обозный старшина наставительно погрозил пальцем. – Бережёт своего, чтоб не сверзился! Никона вот не берегла! Как она его поленом! Вот звезданёшься по пьяни, с кем мне тогда за чаркой посидеть? Ладно, бог тебе в помощь, Кондрат, ты заходи, если что, – и Бурей скрылся среди построек.

В голове у Сучка разом запели птички. Звонко так, заливисто... Да и перед глазами замаячило что-то, подозрительно похожее на звезды.

«Они что, повенчали нас уже?! Когда?! Кто?! То-то Алёна чуть с утра не пришибла! Ведь не было ничего! Или было? Не, не было! А как же? Да хрен его знает! Бабы, чтоб им! Язычищи до пупа! А крайним я остался... К Алёне вон уже третья соседка заходит и третья, как ошпаренная, вылетает... Чего делать?»

Сучок переместился повыше и принялся снимать подгнившие драни.

«Хорошо, что не сильно кровля подгнила – там дрань, тут дрянь... Рядами снимать не надо, всю перекрывать тоже, а то упарился бы тесать, да и из чего? Небогато леса у Алёны... Ладно, на крышу хватит... Сегодня и закончу».

Мастер пристроил ещё несколько драней.

«Закончишь – и что? Пойдешь, солнцем палимый? Ох, и дурень ты, Кондрат! Не валяется такая баба на дороге! Не хочу! Хочу не хочу – делать-то чего, чтоб остаться?»

Хлопнула дверь, и на дворе появилась хозяйка.

– Алёна! – Сучок решил ухнуть с головой прямо в омут. – Гляди, ещё и на амбаре крыша прохудилась! Поправить надо!

– И что? – неласково отозвалась женщина.

– Как что? Тут закончу – там займусь! – Мастер лихо крутанул ус.

– А успеешь? – Алёна пожала плечами.

– Должен! – ухмыльнулся Сучок.

– Ладно. – Хозяйка совершенно равнодушно двинулась дальше.

«Етит твою скобелем! Тут иначе надо!»

Иначе получилось не сразу, совсем не сразу. А может, и не иначе, а просто хозяйственные разговоры, которые упорно затевал мастер, подобно той капле, что, как известно, и камень точит, своё дело всё же сделали – ближе к обеду они с Алёной уже перешучивались и оживлённо обсуждали, что и как стоит поправить да переделать на подворье.

– Слезай, мастер! Обедать будем! – Хозяйка приветливо махнула рукой и скрылась за дверью.

«Фух, вроде оттаяла. А если нет? Не поймешь их, баб!»

Сучок, слезая с крыши, заметил очередную подглядывающую бабу, хмыкнул про себя, соскочил на землю, неторопливо умылся и двинулся в избу.

Алёна молча поставила перед плотником миску со щами, положила ложку и ломоть хлеба.

– Благодарствую, Алёна Тимофеевна, – Сучок постарался поклониться и почтительно, и игриво одновременно.

– Садись, мастер, – хозяйка не приняла игры плотника. – Ешь, давай! Не дело работника некормленным держать.

«Уела! Ну, баба!»

Сучок сел к столу. Неторопливо зачерпнул ложку, осторожно над куском хлеба донёс до рта, проглотил и с достоинством поблагодарил:

– Хороши щи, спаси тебя бог, хозяйка!

– На здоровье, мастер, – ещё более светским тоном отозвалась Алёна и устроилась на противоположном углу стола.

– Работу посмотреть не желаешь ли, Алёна Тимофеевна? – Сучок решил подъехать с этой стороны.

– Благодарствую, Кондратий Епифанович, – не слишком низко поклонилась хозяйка. – Ты мастер справный, пригляд за тобой не нужен, а

мне недосуг.

– Отчего знаешь, что справный? – Плотницкий старшина хотел подмигнуть, но в последний момент передумал.

– Так сотник Корней других держать бы не стал, – совершенно спокойно отозвалась женщина.

В такой вот светской беседе прошёл весь обед. Как Сучок ни старался, Алёна оставалась лишь вежливой хозяйкой, приветливо беседующей с нанятым работником. Вот с той же хозяйской приветливостью, которая так хорошо известна дельным мастерам, и выставила она плотницкого старшину по окончании обеда обратно на крышу. Ровно, вежливо и с улыбкой.

«Что, Кондрат, зацепила тебя богатырша? То-то и оно... Так ведь и я её! Или нет? Играет, как лисица с мышом! Не-е-е, красавица, я супротив тебя, конечно, мелковат, да только мелкая блоха злее кусает! Так что, Кондрат, мышом-зверем тебе не бывать! Поглядим, Алёнушка, насколько тебя хватит от соседок трепливых отбиваться – они-то за тебя всё решили! А я и не против... О! Вот эта баба любопытная мне и поможет!»

Любопытная баба меж тем просочилась в калитку и шустро просеменила к Алёне, затеявшей во дворе стирку. Глазёнки незваной гостьи так и блестели от предвкушения – не успела калитка хлопнуть, а она уже преодолела полдвора. Алёна обернулась на стук, увидела посетительницу, и в воздухе тут же отчётливо повеяло намечающимся убийством.

* * *

А кто бы на месте Алёны не озверел? Мало того, что страхолюдный сосед посреди ночи принёс ей, в сущности, совершенно незнакомого и в дупель пьяного мужика, так ещё и языком своим поганым перед всем селом чуть ли не повенчал с ним. Ну, в постель уложил точно. Хуже того – всё это слышали соседки! А уж если сарафанное радио начало работать, то его уже не остановишь.

И не оправдаешься теперь, только хуже сделаешь. Лысый коротышка-плотник, похоже, всерьёз решил занять то место, что ему приписала молва, и клинья стал подбивать будьте-нате! Одно начало знакомства чего стоило: не каждый день и не из-за всякой женщины мужи оружно дерутся! Лестно, конечно! Только за такие подарки судьба плату требует – у-у-у!

Вот и Алёне выпало – не расплатишься: все её подруги, знакомые и, выражаясь суконным языком канцелярий, «лица, претендующие на

вышеупомянутые звания», гуськом потянулись на Алёнино подворье, чтобы, масляно поблёскивая глазками и подхихикивая, сунуть свои губы прямо Алёне в ухо и прошептать: «Ну, как он, а?» или «И давно? А чего молчала?» Нынешняя посетительница была девятой.

С улыбкой мойры, собирающейся оборвать нить чей-то судьбы, Алёна обернулась к любопытной, в руке её качнулся тяжёлый деревянный рубель, однако сплетница ничегошеньки не замечала и беды не чуяла – дурной интерес гнал её на встречу с рубелем. Сверху, как кот с забора, наблюдал за ней Сучок.

«О! Хорошо пошла! Куда ж ты разлетелась, дура? Ох, быть тебе, баба, битой! Глазёнками-то как сверкает, а? Та-а-ак, раз, два-а-а... Давай, Кондрат!»

– Алёна, как зимовать-то будем?! Тут по всему подворью делать – не переделывать! – Плотницкий старшина лихо подкрутил ус и подмигнул хозяйке.

Казалось, от Алёны сейчас займутся пламенем надворные постройки. Во взгляде разъярённой женщины сквозило обещание: «Погоди, сокол ясный, рано или поздно ты оттуда слезешь!» Рубель в её руке мелко подрагивал. Посетительница, между тем, колодой застыла посреди двора. Ну, не то чтобы совсем неподвижно – вращать глазами, открывать и закрывать рот, а также громко икать она могла вполне уверенно. Словом, баба являла собой картину того, что в будущем станут обозначать выражением «от радости в зобу дыханье спёрло» – сейчас она переживала высшую форму экстаза, доступную сплетнице: она видела и слышала! Сама! Своими глазами и ушами! Но плохо она знала Сучка – вовсе не для её удовольствия затеял он этот рискованный разговор.

– Один насест для кумушек твоих сколачивать запаришься! Это которая по счёту-то? – Сучок стремительно принялся закреплять первоначальный успех, давая хозяйке время опомниться и не испортить задуманное. – Ежели так дальше пойдёт, то через весь двор ставить придётся! И высоченный!

– А высоченный зачем? – Алёна сообразила, что плотник ведёт какую-то игру, и решила подыграть, ибо после ночных и дневных приключений терять ей уже было нечего.

– А как же иначе, Алёнушка? – Кондратий показал в улыбке все свои много пережившие зубы. – Коли низко излажу, под ногами путаться будут – вовсе житья от них не станет!

– Что верно, то верно, Кондрат! – эти слова Алёна почти пропела. – И что велик насест будет, тоже верно! Враз ты хозяйским глазом всё узрел!

Они ж там ещё и друг дружку клевать начнут – одна сверзится, две заберутся!

– Истинную правду говоришь, Алёнушка! Пуху да перьев будет – у-у-у! – Мастер снова крутанул ус. – А вот нестись ни в жисть не станут! Сплошной убыток! Как зимовать-то?

– И ещё, Кондраш, ты б насест не через подворье ладил, а? – Голос Алёны просто истекал мёдом и ядом.

– Это как скажешь, хозяйка! – тут же отозвался с крыши плотницкий старшина. – Как велишь, так и сделаю!

– Тогда делай вокруг – прямо над тыном! Не хочу я по своему двору ходить да наверх поглядывать, как бы чего не то на голову не шмякнулось! – припечатала Алёна и уже сама подмигнула мастеру.

Пришлая баба, наконец, захлопнула рот, побагровела, как свёкла, развернулась и опрометью кинулась вон со двора. Сучок заложил в рот два пальца и оглушительно свистнул ей вослед. Баба под хохот соседей припустила ещё пуще.

– Так что с насестом-то? – сквозь смех снова спросил плотницкий старшина, радуясь своей удаче и тому, что не ошибся в Алёне – ох, не дура ему на пути попалась! – Ладить?

– Теперь и не знаю – ты ж всех клуш распугал! – Алёна картинно развела руки. – Не видать нам с тобой, знать, пуху!

На улице кто-то громко хрюкнул от избытка чувств.

– Стал быть, крышу доканчивать, Алёна Тимофеевна?

– Её, Кондратий Епифанович!

День потянулся своим чередом. Алёна хлопотала по хозяйству внизу, а Сучок работал работу наверху. Время от времени они перешучивались, случалось, что и подначивали друг друга, а то и просто чесали языками. И было им отчего-то хорошо и спокойно...

Солнце зацепилось нижним краем за верхушки леса, что рос за окружающей Ратное поляной, и застыло там, не в силах решить: закатиться ему за горизонт или погодить чуток. Сучок пристроил на место последнюю дрань, со вкусом потянулся, подобрал инструмент и, не торопясь, слез на землю.

– Закончил, мастер? – Алёна появилась на пороге избы.

– Закончил, хозяйюшка!

– Тогда вечерять пошли.

Вроде бы ничего в Алёниной избе со вчерашнего вечера не изменилось, а поди ж ты – не получалось сегодня давешнего разговора, не

протянулись вновь между хозяйкой и работником вчерашние нити. Даже удачная шутка, распугавшая со двора любопытных, не помогла. Не связывалось сегодня, и всё тут! А может, пытаться и не стоило – может, такие незримые эфирные связи должны сами возникать между людьми? Не любят они суеты и попыток прищипорить время. Или сами решают, готовы ли люди принять их? Кто знает, кто знает?

Ложки заскребли по дну мисок. Алёна встала и собрала посуду. За ней поднялся и Сучок. Повисла неловкая тишина. Сначала неловкая, а потом и тягостная, но никто не решался её нарушить. В подполье, занимаясь своими мышинными делами, заскреблась мышь. Алёна, очнувшись, подошла к сундуку, достала из него что-то завёрнутое в тряпицу и протянула Сучку:

– Благодарствую мастер, вот, возьми за труды.

– Спасибо, хозяйка, – хрипло ответил Сучок и, не глядя, сунул свёрток за пазуху. – Так я пойду?

– Иди, мастер, – Алёна на секунду запнулась, а потом добавила: – Спасибо тебе и за работу, и за беседу.

– И тебе спасибо, хозяйка! – Сучок надел шапку и, не оглядываясь, вышел из избы.

* * *

Все же интересно, что за штука такая – любовь и как она возникает? Многие пытались найти свой ответ на этот вопрос и даже находили, правда, никто не смог ответить на него до конца. Не дано это людям, да и надо ли? Не лучше ли бесконечно искать ответ, открывая всё новые и новые грани сей вековой тайны? Ведь искали же Гомер, Овидий, Петрарка... Шекспир, Пушкин... Петя Иванов тоже искал и ведь нашёл! Причём своё, неповторимое.

Не избежал общей участи и Стендаль. Великий француз остроумно сравнил зарождение любви с кристаллизацией:

«В соляных копиях Зальцбурга, в заброшенные глубины этих копей кидают ветку дерева, оголившуюся за зиму; два или три месяца спустя её извлекают оттуда, покрытую блестящими кристаллами; даже самые маленькие веточки, которые не больше лапки синицы, украшены бесчисленным множеством подвижных и ослепительных алмазов; прежнюю ветку невозможно узнать. То, что я называю кристаллизацией, есть особая деятельность ума, который из всего, с чем он сталкивается,

извлекает открытие, что любимый предмет обладает новыми совершенствами».

Красиво, не правда ли? По Стендалю, эти любовные кристаллы, как и кристаллы природные, так же растут или умирают, в зависимости от того, в благоприятную или нет среду им случится попасть. Поэтому, когда зарождается любовь, так важно, чтобы между свиданиями проходил определённый срок. Дайте воображению влюблённого работать – это хорошо для кристаллов, но не дайте им перегореть...

Вот только не учел классик, что действует эта химия на каждого человека по-разному. И если у Сучка, как бы не впервые осознавшего, чего он сам себя лишил, ударившись в кобеляж, любовная химия заработала вовсю, то у Алёны – увы. Да и с чего? Кобелей она не видала, что ли? Да во всех видах. Одним больше – одним меньше. Надоели хуже горькой редьки, уже и поленом отбиваться приходится. Не девчонка сопливая, чай, распущенным хвостом не возьмешь. Не того она в мужах искала: надежности, хозяйственности, разума, рассудительности, словом, той пресловутой каменной стены, за которую и спрятаться не грех. А в петухе безмозглом, что в драку лезет да хвост распускает, какая надежность? То-то и оно...

Так что зря Кондрат перья свои помятые распускал и корнем хвастался – подобрала его Алёна не от того, что к витязю великому страстью воспылала, глядя на храбрость его былинную да плешь лучезарную, а чтобы не убили дурака ненароком. Убьют – Корней за своего работника спросит. Мол, совсем сдурела, баба – из-за тебя уже оружно дерутся и покойники случаются? Задницу-то прижми! И все – была честная вдова, а стала потаскуха. Оно Алёне надо?

Правильно, не надо. Вот и сбивала она плотницкому старшине кобелиный настрой задушевым разговором. И вынесла из того разговора только одно – не совсем козёл мужик, оказывается. Кой-какой интерес появился, только когда удалось Сучка к делу приставить – вот тут оказалось, что у мелкого забияки руки откуда надо растут, да и голова вроде бы варит. А уж симпатия какая-никакая возникла, только когда вместе от кумушек отбились. И ключевое слово тут «вместе».

Чувствуете разницу? А Кондратий не чувствовал. Вовсе. Так уж получилось, но мужчины и женщины смотрят на одни и те же вещи по-разному. Вот и трактовал он все сомнения в пользу обвиняемого, то есть себя, любимого. Не может мужик в себе сомневаться. Природой не положено, ибо незачем сомневающемуся размножаться. Оттого и разговор задушевный, и то, что по хозяйству пристроили, и то, что кумушек

разогнали, и что за стол посадили, и что рубахой одарили, и даже то, что за порог выставили, – все добрым предзнаменованием счел.

И еще – черт знает, как это у женщин получается, но они, даже желая вовсе противоположного, все равно умудряются подцепить мужика на крючок...

Так что через три дня и четыре ночи после расставания, в самый правильный для роста кристаллов срок, в сумерках кто-то рванул дверь Алёниной избы.

– Не договорили мы с тобой, хозяйка! – решительно сказал Кондратий и переступил порог.

Кристаллы, понимаешь! Химия...

Глава 2

Июль 1125 года. Село Ратное и окрестности

Лошадиные копыта мягко стучали по пыльной дороге – лето в этом году выдалось сухим и тёплым. Кондратий Сучок лежал в телеге, жевал травинку и смотрел на макушки берёз, что медленно проплывали мимо. Солнце припекало, летела по ветру паутина, по небу плыли облака, мерно поскрипывали колёса – лежи себе да думай...

Вот и думал старшина: сначала о работе – тын в Ратном сгнил к растакой-то матери, да и расширить его велено, а людей и материалов хоть самому рожай – нет. Потом о зазнобе своей, Алёне – вот эту думу приятно было думать, ох, приятно! – а с Алёны мысли перескочили на её соседа, друга сердечного – Серафима.

«Вот бы с Серафимушкой за чаркой посидеть... Только с ним в этом Ратном и можно поговорить по-людски. Нет, Алёна, конечно, рыбонька моя и всё такое – кого хошь за неё порву. Слов нет: умница, красавица, хозяйка на загляденье, кулаками машет – и вовсе не подходит, насмерть пришибёт. Совет с ней держать – милое дело, умна баба, но баба же! Мужеского разговора по душам с ней все одно не получится, а вот с Серафимом в самый раз! Он хоть и похож на лешего, и злобности в нём на полную тысячу наберётся, а ведь добрейшей души человек!»

Размякший в телеге от дорожной скуки и нечастого досуга, Сучок перевернулся на другой бок, сунул в рот новую травинку и снова провалился то ли в дрёму, то ли в воспоминания.

«Эх-ма, Кондрат, ну и дурнем же ты был! Елду отрастил, плешь нажил, а всё как сопляк – ни хрена, кроме себя, не видел! Только о своей заднице и думал, да кидался на всех, что пес бешеный! Скажешь, нет? Всю артель по дури своей под монастырь подвёл! И не в первый раз! Ну да, извёл всех тогда Козлич-сука, да только подмости подпилить я предложил... Хоть все согласны были, но грех мой! Я старшина, а не хвост поросячий, остановил бы тогда всех, так и не было бы ничего. Ну и пусть бы бубнил боярин – не слушай дурака и всё, так ведь нет!

И на суде тоже... Привык всё горлом брать, а если что, так в морду! И прокатывало! А тут не прокатило – не смог свой нрав переступить и

повиниться, гордыня обуяла... Сам потоп и всех за собой потянул... Так бы и сгнули, да повезло – хошь не хошь, а надо в ножки приказчику тому поклониться, что нас всей артелью в закупы взял! Да хозяину его, Лисову дядьке, тоже. Кабы не он, не попали бы мы сюда и башку мне на место никто не поставил бы...

О, Кондрат, как ты заговорил! То-то! Это перед другими ты можешь хвост распускать – себе-то признайся: и вправду Лисова наука впрок пошла! Как он тогда тебя! Б-р-р-р! Как вспомню, так вздрогну! Всяких видал, но такого, как он, – ни разу! Истинно, Бешеный Лис! Только бешенство у него управляется головой, а не жопой, как у тебя, дурня старого... А ведь пятнадцати годов нет.

Вот потому он и боярич, а ты, Кондрат, старшина артельный и под рукой у него ходишь... Да не ты один... Даже Первак этот против не смел дернуться. а уж он змеюка подколодная, каких поискать! Ему резать что курей, что людей! Как он тогда: «Прикажет убить – убьём! Даже не задумаемся!» Вот тогда-то ты и поплыл малёха, Кондрат, когда в глазёнки ему глянул. Они у него, как у гадюки. Б-р-р-р!

Ну а потом тобой Лис^[6] самолично занялся. Вот тут ты, брат, и трухнул! Да ещё как трухнул! Помирать будешь – не забудешь! До тебя, дурня, сколько времени доходило: Лис тебя ломал, чтобы ты, пень стоеросовый, слушать его начал! Ведь всё он тогда про тебя понял. Только взглянул – и понял. До самого этого самого! Сопляк, а тебе – старшине артельному – о долге перед артелью да перед роднёй рассказывал! Как вспомню – стыдоба! Когда в закупы угодили, я ж артельных своих, почитай, за обузу числил! Сколько раз думал: «Да пропади вы пропадом, висите, как колода на шее – один бы я давно пятки салом смазал и поминай как звали!» А кому я один нужен-то? И кто с такой сукой, что своих бросила, дело иметь захочет?!

Так что трое у меня тут, кому я по гроб жизни обязан: Лису – за то, что меня понял и себя найти помог, цель и дело показал, Алёне – ну, тут всё понятно, да Серафиму – за то, что жизнь мне спас и другом стал. Ну, и артельные, само собой! Другой семьи у меня нету.

...И всё ж счастливый ты человек, Кондрат! Повезло тебе, даже тут повезло, выходит. Думал, что в кабалу попал, а оказалось – в учёбу! Ведь не один Лис тебя учит, а раз учат, стало быть, нужен ты им. Вот так-то!»

– Сучок, кончай ночевать! Ратное показалось! – голос Нила, Сучковой правой руки, вырвал плотницкого старшину из размышлений.

– Да не спал я, Шкрябка, – думал. – Старшина сел в телеге.

– О чём думал-то? – мастер обернулся через плечо.
– О том, что повезло мне.
– С чем повезло-то? – прищурился Шкрябка. – Выкладывай, давай!
– Не с чем, а с кем, – Сучок сплюнул травинку, – с вами, рукоблудами, да с Лисом. Что бы я без вас делал?
– Эх, Кондрат, что ж ты за человек такой уродился? – Нил бросил вожжи и усмехнулся. – Не поймёшь, то ли похвалил, то ли облаял! А с Лисом и правда повезло. Всем!
– Похвалил, Шкрябка, похвалил! – Сучок виновато кивнул головой. – Куда я без вас!
Нил тронул лошадь вожжами, под колёсами телеги загромыхали мостки. Плотницкий старшина сел и впился намётанным глазом зодчего в ратнинский тын.
– Эх-ма, Шкрябка, нам что, разорваться? – мастер кивнул головой в сторону изрядно пожившего частокола. – И дома городьбу заканчивать надо, и тут приниматься. А кем, а из чего? Чую я, Шкрябка, хрен староста нам даст, а не брёвна! Я бы нипочём не дал!
– Погодь, Кондрат, – возница чуть заметно ухмыльнулся, – ты понял, что сказал-то?
– А чо?
– А то, Сучок Епифанович, изрёк ты: «Дома городьбу заканчивать надо» – оно и взаправду так!
– Точно! – плотницкий старшина хлопнул себя по бокам. – Стало быть, не я один?
– Все, Кондрат, все! Особенно как про семьи узнали, да как Лис нам первую выручку за доски отдал, – мастер помолчал. – Вот тогда до всех и дошло – пора корни тут пускать... А помнишь, как всё начиналось?
– Да как не помнить...

* * *

Сучок вновь ощутил чёрное беспросветное отчаяние, которое гнуло артель на пути из Турова в глубь погорыньских болот, и даже передернулся от воспоминаний.

«Да-а, было дело... Пока плыли, думалось – попали. Ворон костей не заносил – иначе и не скажешь! Где Новгород-Северский, где Чернигов да Переяславль, не говоря уж про Киев? Даже Туров – и тот где? Одна задница кругом, а из задницы той тина болотная торчит. И как бы не

навек.

Эка ты заговорил, Кондрат! А на ладье, помнится, всё матом да матом...

Ладно, приехали, кое-как устроились да на работу наладились. И ладно бы работа путная была, так нет – баловство боярское. Это потом поняли, что не баловство...»

– Помнишь, как усадьбу потешную Лису рубили? – Нил будто прочёл мысли своего старшины.

– Как не помнить – тят-ляп, лишь бы сразу не упало! – Сучок сплюнул.

– Да ладно тебе, – хмыкнул Нил, – напраслину возводишь. Без души работали, это верно, но на совесть! Эх-ма, излаялся я тогда, что хреном груши околачиваем вместо дела, а потом плюнул – баловство-не баловство, а резаны за каждый день идут, так что пусть его.

– А оно и не баловство вышло, – Сучок стариковским жестом огладил бороду.

– Да, не баловство, – слегка приуныл Нил, но потом улыбнулся. – А ведь неплохо выстроили, раз Михайловы жеребцы стоялые её по сю пору не разнесли!

– Дык, не обучены мы по-иному. Совесть да гордость не позволяют ляпать, а ещё помню я, что батяка твой сказывал, как во времена оны за худую работу с плотниками рассчитывались.

– Про пенёк?

– Про него, родимого! – артельного старшину передёрнуло. – Как, значит, пенёк расщепляли, клинышек в расщеп загоняли, а потом туда же всё мужское хозяйство мастера-ломастера, а клинышек вон! И сиди-и-и-и, сокол ясный...

– Оно и правильно, – Нил рефлекторно почесал в промежности, – худая работа хуже воровства! Особенно наша.

– Угу! – кивнул Сучок. – Надо кой-кому из молодых бывальщину эту рассказать, чтобы проняло.

– Швырку, что ль? – Шкрябка опять почесался.

– Ему, – хохотнул плотницкий старшина. – Никак за ум не возьмётся, заовинник^[7]! Вроде к тонкой работе у него способность есть. Только дурь из него повыбить да наставника бы хорошего. Но вот те, Шкрябка, крест – ещё чего учудит, сам племяша своего на пенёк и пристрою! Пуцай сидит!

– Сизым кречетом! – заржал Нил. – Помнишь, как он с вьюшками-то? Чуть всю поварню не спалил, когда девку свою очередную тама урабатывал.

– Помню! – хрюкнул Сучок. – Тоже ведь думали – баловство! Ну кто так строит-то? Я ужом изворачивался, чтобы от них отбрыкаться!

– Да уж, Плава сказывала, какую рожу ты перед Лисовинихой соорстил – чисто блин, мёдом намазанный.

Нил скорчил умильно-благостную морду и запищал тоненько:

– Ну, так и решай, матушка-боярыня: не велишь мне на кухне в дымоходе эти дырки вертеть, так оно мне и не надо! А велишь... что ж, ваша печь, мы-то себе и на костерке на артель чего-нито сварим, мы люди привычные... А то вон Плава нас чуть помоями не окатила, за наше старание-то...

– А ты где был? – Сучок в свою очередь скорчил зверскую рожу. – Вместе решили, что нам эти выюшки, как зайцу подковы!

– А я что, дурной, под помело да помои подставляться? – Шкрябка подмигнул своему старшине. – У нас на такие дела Кондратий Епифаныч по прозвищу Сучок имеется, чай, старшина артельный – ему по чину положено!

– Ох и сволочь ты, Шкрябка!

– Сволочь, но хитрая! Сам ведь баял, что годный зодчий – это хитрый лентяй, – Нил опять подмигнул.

– Будя ржать! И правда без души работали! Даже когда Лис нас в оборот взял, не поверили. Я сам и не поверил!

– Эт верно, – Нил за разговором не заметил, что запряжённая в их телегу коняга давно встала на месте и принялась объедать траву то с одной, то с другой стороны дороги. – Помнишь, как девичий терем ладили? Знали, что самим там жить, а всё одно! Нынче здесь – завтра там, тут закончим – куда ещё пошлют... Вроде и ладно делали, а жили, как свиньи в берлоге!

– Гыы, гляжу, Шкрябка, запало тебе, как нас тогда Лёха облаял!

– А то! Он лаяться мастер. Как завернёт – закачаешься! Вот я и того, пользую помаленьку.

– Да, где только набрался, едрит его долотом?

– Уж где набрался, там и набрался...

– Слушай, Шкрябка, а ты когда впервой поверил, что выкупимся? Нутром поверил, не башкой?

– Эхе-хе, не знаю, как и сказать, Кондрат. Наверное, когда первую доску с лесопилки пощупал. До того всё не верилось...

– Ох, врешь! – Сучок подкрутил ус. – А то я не помню, как ты топором играл, когда лесопилку ладили!

– Ладно, а сам-то! Колёса свои облаживал – аж целовался с ними! Думал, крайнему колесу присунешь сейчас, Ссучок! – Развеселившийся

Нил сбил со своего старшины шапку.

– Ах ты, хрен гонобобельный! – Сучок схватил друга за шкуру и ткнул носом в сено, устилавшее телегу.

Привлеченная вознёй лошадь подняла голову и обернулась. Ездоки, будто ребяташки, кувыркались в сене, наплевав на то, что до ратнинских ворот оставалось сотни полторы шагов. «Идиоты», – фыркнула лошадь, а может, подумала. Или не подумала. Во всяком случае, коняга презрительно посмотрела на дурачившихся людей и, потеряв к ним интерес, схватила крепкими жёлтыми зубами пучок сочной травы.

– Вы чего там творите, дуrolомы?! – донеслось с тына. – Аль свербит где?

Плотники вскинулись, беззлобно послали вопрошающего, оторвали лошадь от увлекательного процесса поглощения пищи и направили её в сторону ворот.

«Сволочь! Кто тебя за язык тянул?!» – ясно читалось в лошадином взгляде, устремлённом в сторону не в меру бдительного караульного.

– Тьфу, Кондрат, не по делу мы с тобой резвиться начали! – Нил зябко передёрнул плечами. – Это сейчас попёрло нам, а завтра? Сам знаешь, как удача поперёк становится умеет. Вот закупные грамоты свои назад получим, тогда и поскачем!

– Верно, Шкрябка, – Сучок построжел лицом и дёрнул рукой в защитном жесте. – Тьфу-тьфу-тьфу, чтоб не сглазить!

До подворья ратнинского старосты добрались без приключений. Пока ехали по селу, плотницкий старшина старательно приводил себя в нужное состояние и Нила не забывал накручивать: не время им сейчас благостью душу баловать – предстояло делить лес с дальних ратнинских рощистей, а такое дело, как делёжка строительного материала, с Адама и Евы без ругани не обходилось.

Несмотря на все свои благонамеренные и совершенно правильные размышления по дороге, Сучок начал разговор со старостой Аристархом, как привык, – с наезда. Нет, вежество, разумеется, соблюл: на иконы перекрестился, хозяину поклонился, о здоровье спросил, чару квасу с дороги принял, но как до дела дошло...

– Слушать ничего не хочу, Аристарх Семёныч, ты мне зубы не заговаривай! – Плотницкий старшина аж подпрыгивал на лавке. – Крепость наша – она крепость и есть! Во всякой земле крепость всему голова, а тын твой подождёт! Он, конечно, подгнил, да пока не валится!

– Во-во! – тут же ехидным тоном встрял Нил, хорошо усвоивший

способ своего старшины вести дела привычно ему подпевая. – Тут дело верное! Куда все воевать ходили? За болото! А с той стороны что? Правильно, крепость! Ну и где защита от супостата нужнее? Мы, чай, не первую крепость ладим и в этом деле понимаем. Где их ставить – тоже. В Новгород-Северском княжестве научились, не сомневайся. Там Степь рядышком... Так что, Аристарх Семёныч, муж ты нарочитый, староста – поискать таких старост, по селу видно – тебе бы посадником быть, а лес всё же отдай. У нас он нужнее!

– Во-во! – не давая ратнинскому старосте и слова вставить, подхватил Сучок. – Вот посадником мы тебя и сделаем! На следующий год. Как крепость нашу достроим, так на месте Ратного такой городок отгрохаем – закачаешься!

– Угу, – почти лениво отозвался Аристарх, нисколько не впечатленный напором плотников. Даже не рассердился. – Красно говоришь. Только брёвен я тебе всё равно не дам!

– Нет, ты послушай Аристарх Семёныч! – снова бросился в бой Сучок, не сбавляя тона.

...Разговор заходил на пятый круг. Сучок с Нилом взмокли, наскакивая на непробиваемого ратнинского старосту. Тот даже не отмахивался от назойливых плотников, а, да простят читатели за избитое сравнение, просто пёр через их аргументы, как атомный ледокол через тонкий лёд, вместо гудков изредка хмыкая в бороду. Мастера перепробовали всё: убеждали, улещивали, устраивали пантомиму, разыграли целый мини-спектакль, хоть ни о театре, ни о спектакле и понятия не имели. Тщетно. Аристарх оставался непрошибаем.

Словом, всё как всегда. Наверное, и во времена строительства египетских пирамид начальник отдела снабжения треста Фараонпирамидспецстрой, одетый в бараний парик и белоснежную льняную юбку, так же мурыжил несчастных древнеегипетских прорабов и начальников СМУ. Через века поколения главных снабженцев, этих, с точки зрения прорабов, помесей пауков с хомяками, несут знамя с нетускнеющей надписью на нём: «Хрен тебе, а не материалы!» И в двадцать первом веке ситуация ничуть не изменилась, любой прораб может это подтвердить. Словом, скандала никто не хотел – скандал был неизбежен!

– Не убедил ты меня, старшина, – зевнул староста в ответ на очередной поток красноречия плотников.

– Да етит тебя долотом! – взорвался Сучок, остервеневший от

спокойствия собеседника больше, чем от любого лая. – Уселся жопиём на свои брёвна – ни себе, ни людям! Гузно не сгниёт?!

Аристарх откинулся на лавке, заложил большие пальцы рук за пояс, с интересом глянул на Сучка и слегка покивал головой: мол, давай дальше. От этого плотник вконец вызверился.

– Чего лыбишься?! Обобрал как липку – из говна и палок строить буду! Не твоё – так и ладно?! Да долбись оно конём! Думаешь, управы на тебя нету?! Хрен тебе! – Сучок вскочил и сунул дулю чуть не под нос старосты. – Надо будет – до самого сотника, тьфу, мать твою, боярина Корнея дойду – сам на горбу лес в крепость потащишь!

– А ну сядь! – Аристарх не изменил позы, да и голоса почти не повысил, однако плотницкий старшина плюхнулся обратно на лавку, а Нил так и вовсе к ней прирос. – Ну-ка, глянь!

Сучок глянул. Нил, судя по тому, как он ёрзнул на лавке, тоже. Напротив мастеров сидела даже не смерть – ничто. Чёрное такое, маслянистое, изредка подёргиваемое лёгкой рябью. И спокойное. Нечеловечески спокойное. Вот только имелась у этой почти неподвижной глади одна занятная черта – способность обращать в себя всё, до чего дотянется. Без суеты, без злобы и навеки. Сучок это понял.

«Бррр, мать твою через корыто, это что ж такое?! Кто ж в нём сидит-то?! И к себе тянет, тянет... Не хочу! Отвали на...! Изыди, Сатана! Тьфу, б...! Не могу больше! Отпусти!!!»

Колодцы пустоты в глазах старосты медленно погасли. Сучок зябко передёрнул плечами. Рядом судорожно выдохнул Шкрябка. Аристарх опёрся локтями на стол и неласково оглядел мастеров.

«Тьфу, хоть глаза человеческие стали! Да ну его кобыле в трещину, такому перечить! Хрен с ними, с брёвнами – живыми бы уйти! Не то идол, не то упырь какой! Куда ж я попал-то?»

– Не усрался, едрён дрищ? – с неласковой ухмылкой осведомился староста.

– Нет вроде, – не совсем твёрдым голосом ответил Сучок. Ни врать, ни ерепениться ему что-то не хотелось.

– Ну и добро, а то отмывай потом за вами, – Аристарх несильно шлепнул ладонью по столу. – Теперь слушай.

– Слушаю.

– Ну, ты и наглец, – хохотнул староста. – Хотя, не был бы таким ерохвостом^[8], давно бы ворон кормил.

Плотницкий старшина смолчал.

– Поучить тебя вежеству, конечно, следовало бы, – Аристарх поёрзал

на лавке, устраиваясь поудобнее. – Ишь чего удумал – меня в моём доме да по матери! Однако прощаю. Знаешь, за что?

Сучок опять не проронил ни слова.

– Ну, я жду!

– Винюсь, Аристарх Семёныч, прости за обиду, – плотницкий старшина, с усилием подавив дрожь в коленях, поднялся с лавки и поклонился. – Не со зла я, для дела!

– О! – Ратнинский староста поднял вверх указательный палец. – Для дела! За то и прощаю. И не только за это.

– А за что ж ещё? – малость ожил Сучок.

– А вспомни, как ты меня овиноватил, когда лаялся?

– Как-как, обыкновенно!

– Это лаялся ты обыкновенно. Думаешь, я тут с титешных лет сижу и заходов вашего брата не знаю?

– Да уж, убедились, – Нил после долгого молчания осмелился подать голос.

– О, и подручный твой оттаял, – Аристарх поманил Нила пальцем. – Давай, мастер, поближе придвигайся. Тебе тоже послушать не во вред.

Плотник кивнул.

– Так о чём я? – Староста оглядел собеседников. – А, вот! Не вспомнил, старшина, как ты меня облаял?

– Нет, – Сучок развёл руками. – Вроде конём это самое предлагал, воеводой пугал, не знаю...

– Да, Кирюхой меня ещё не стращали, – хохотнул Аристарх. – Только не о том речь. Ты мне, соколик, вот чего сказал: «Не твоё – так и ладно?!» Было дело?

– Угу, – синхронно кивнули плотники.

– А раз так, значит, крепость – это ваше дело? – Аристарх старательно выделил слово «ваше».

– Ну, это, как бы... – замялся Сучок, – чьё ж ещё? Мы ж плотники.

– И в прибыток у вас идёт от того, как быстро сделаете? По рукам ударили, запивное серебро^[9] получили, а как достроите, так вам и остаток платы положен?

– Нет, хозяин по пять ногат подённой на артель считает в счёт долга, – Сучок непонимающе пожал плечами.

– Так, значит, вам, мастера, резону нет быстрее строить, – усмехнулся Аристарх. – Работник спит – служба идёт, а тут ещё досок на продажу напилить побольше можно, чай, в свою калиту, не хозяину, так?

– А откуда ты про доски-то? – открыл рот Сучок. – Мы ж меж собой

только!

– А у меня, по-твоему, глаз нет? – подначил староста. – Или из ума я выжил? В Писании что сказано? «Ищите и обрящете, толците и отверзется». Вы лучше на вопрос отвечайте – не с руки вам быстро крепость строить, так?

– Так вроде, – плотники дружно заскребли в затылках.

– А чего ж тогда вы меня в моём доме облаяли, что вам леса не даю, от чего стройка стоит? Даже конём покрыть грозились, а? Вам же быстро построить в убыток, так? Здесь вам какая-никакая, а воля, а в другое место хозяин пошлёт, так там по-всякому повернуться может, а ногат, один хрен, пять в день и от досок барыша нет. Так чего же? Или тот лес на доски для себя пустить задумали?

– Нет, Аристарх Семёныч, не думали, – помотал головой Сучок. – У нас с Лисом ряд – доски из того леса трём, что он выделит. Тут строго, как урядились, так и делаем.

– А чего ж тогда?

Плотники переглянулись, но что ответить не нашлись.

– Молчите? – Староста уже не хмыкал. – Так я за вас скажу. Прикипели вы к крепости, хоть сами, козлодуи, этого ни хрена ещё не поняли! И работать стали на совесть, как и раньше, до кабалы. С огоньком! Надеетесь на что-то, так? Своё там почуяли?

– Выходит, так, – плотницкий старшина в очередной раз полез скрести плешь.

– Выходит, – кивнул Аристарх. – А кто вас довёл до жизни такой?

– Лис! – Сучок кивнул головой. – Да, Лис!

– Не только, – покачал головой староста, – тут одним Михайлой не обошлось. Хоть он тебя и окоротил, и к делу приставил, и интерес дал, да не всё это.

– Как не всё? – вскинулся Сучок.

– А ну, остынь, – погрозил пальцем Аристарх. – Михайла парень умный, да только парень еще. Думаешь, он своей волей отроков учит, крепость ставит, вас обьеживает?

Плотницкий старшина пожал плечами.

– То-то, не знаешь, – Аристарх огладил усы. – Своей, да не своей!

– Это как? – вытаращил глаза Сучок.

– А так! Голова этому делу – дед его, Кирюха, а для вас, козлодуев, воевода Погорынский Корней Агеич Лисовин. Он внука послушал, дело ему доверил и через то учит! А Михайла вас. Вот и смекай, какой это внук и какой у него дед. И кого в наших краях держаться надо. Поняли, мастера?

Плотники кивнули. Похоже, им теперь только и оставалось кивать да в башке чесать. Аристарх прочистил горло, налил себе квасу, выпил и продолжил:

– Ну, поняли, теперь думайте дальше. Раз есть парень, что вас взнуздал, в оглобли поставил, а вы без кнута везёте и хвостами машете, и есть его дед, в воле которого внук ходит, есть мать этого парня, братья, то что?

– Род, – Нил опустил голову. – Слышишь, Сучок, род.

– О, правильно понимаешь! – Староста одобрительно кивнул помощнику Сучка. – Род Лисовинов. Во всём Погорынье самый сильный. И вы к нему через Михайлу прилепились, чего доселе так и не поняли. Так и Минька еще не понял, сколько народу за себя взял, едрён дрищ! Вот и приходится нам, старикам, за вами следить! Это понятно?

– Вроде...

– Тогда дальше слушайте. Кто есть Корней Лисовин?

– Воевода, сотник ратнинский, – вразнобой отозвались плотники.

– Угу. И воевода, и сотник, – Аристарх слегка насупился. – Ратнинский! А Ратное что?

– Село, – Сучок даже руки развёл от удивления руками.

– Дурак! – староста дёрнул щекой. – Ратное для всей округи град стольный, хоть и село. Князьему Погосту дани из-за *наших* мечей везут, ну, и нам с тех даней перепадает.

– А главный в Ратном ты? – Нил в упор взглянул на Аристарха.

– И опять правильно догадался! – староста рассматривал Нила с непонятым Сучку интересом. – Наше Погорынье Лисовинами возглавляется, да ими не заканчивается. Они дело затеяли: не только ближнюю, а и дальнюю округу под руку себе привести, и все, у кого голова на плечах, за них стоят. Только и у Ратного свой интерес имеется – городом стать, и лесовикам это дело по нраву – будет куда товар сбывать, и Лисовинам тоже – они и с этого своё возьмут. И вам тоже выгодно.

– А нам-то чем? – Сучок недоумённо воззрился на старосту.

– Так при городе плотник голодным не останется! Особенно если он в том городе или рядом живёт, понял, едрён дрищ?!

– Теперь понял. Оттого лесу и не давал?

– И от этого тоже, – усмехнулся Аристарх. – Князю нужен город, а городу нужно вече, чтобы князь себя не забывал. Корней не князь, но и воеводы за овином не валяются.

– А вечу нужен посадник, – осторожно протянул Сучок.

– Угу, – в свою очередь кивнул Аристарх. – Оттого и слежу, чтобы кое-

кто порты не порвал, широко шагаячи. Мне в земле покой нужен. Вам тоже. И внукам вашим.

– Вон ты как поворачиваешь... – Сучок уже привычно полез чесать в затылке.

– Так и поворачиваю, – кивнул староста. – Не бойся, ни против Михайлы, ни против Корнея идти не заставлю. Мне надо, чтобы вы всей артелью тут жить остались – город строить. И крепость тоже. Одному без другого не стоять, уразумели?

Плотники в очередной раз дружно кивнули.

– Ну, коль уразумели, то давайте лес делить, – усмехнулся Аристарх.

– Угу, – обречённо выдохнули мастера.

– Значит так, – староста потёр руки, – дам я вам на крепость три лесины из десяти.

– А... – начал было Сучок.

– Цыц! – с улыбкой цыкнул на него Аристарх. – Три лесины из десяти. И одну сверху дам вам на артель, но не просто так. Из четвёртого бревна напилите досок, свою часть возьмёте, как с Михайлой уговорились, а остальное сюда. Идет?

– Договорились, – уныло кивнул головой плотницкий старшина. – До нитки ты нас, Аристарх Семёныч, обобрал, себе в убыток работать станем.

– Опять своё запел! – Аристарх хлопнул ладонями себя по бёдрам. – Что ты, как баба, едрён дрищ, всё на своё поворачиваешь? Ты меня чем слушал – чем на лавке сидишь? Где тут тебе убыток? Домом обрасти, корешок пустить, выкупиться свободно... Уж мы с Кирюхой сделаем так, что свояк^[10] его вас, куда Макар телят не гонял, не зашлёт. И с семьями подсобим, если не подгадишь, конечно. Ну, так где твой убыток?

– Ты, Аристарх Семёныч, в купцы податься не думал? – Сучок развёл руками. – С тобой торговаться, что с жидовином: и куны нет, и топора нет, да ещё и куну должен!

– Спасибо на добром слове, мастер, – староста с улыбкой поклонился. – Знал я, непременно сговоримся.

– А что тут в городке ставить надумал, Аристарх Семёныч? – плотницкий старшина решил сменить тему.

– Думал городни по валам с угловыми и надвратными башнями – и побольше нынешнего, а по посадку частокол, да теперь погожу.

– А чего?

– Да больно любопытно мне, как вы Лисовинам крепость ставите, поглядеть хочу, что выйдет. И вас, мастера, послушать. А по увиденному и решу – время есть, всё одно леса на такое до весны не набраться. А пока

давайте, излагайте, чего там удумали.

Собеседники углубились в обсуждение новых веяний крепостного строительства. Ратнинский староста, оказывается, и в этом деле понимал и не только понимал, а был въедлив, аки клоп. Судили, рядили, обменивались мнениями. Даже чертили мокрым пальцем прямо по столешнице, да так, что чуть мозолей себе не натёрли.

Потом разговор свернул на заготовку леса, и Сучок, хоть и сам не хотел, выдал немало ценных советов о том, как правильно подсекать деревья, чтобы быстрее сохли на корню, как валить, как вывозить и как хранить. Аристарх слушал так, что становилось ясно: ничего не забудет и не упустит.

Между делом договорились и о ремонте тына, чтобы совсем уж безобразия не допустить. Сучок и сам не заметил, как согласился. Даже начерно прикинул, сколько народу понадобится. Аристарх кивнул, мол, будет народ. Сговорились, что тын подлатают осенью после полевых работ, а вот размечать будущие городские укрепления и готовить на них роспись^[11] договорились не откладывать. Плотницкий старшина сам дивился своей покладистости, но соглашался. Один раз только осмелился сказать поперёк:

– Аристарх Семёныч, дело оно всё хорошее, но мне на Лисовинов хозяином работать велено. Без их слова никак!

– С Корнеем и Михайлой сам договорюсь, – кивнул староста, – они возражать не станут, даже сами тебе прикажут.

– А что мы со здешнего городского строительства иметь будем? – Нил, видимо, решил, что если старшина совсем из ума выжил и готов работать даром, то надо брать дело в свои руки.

– Не обидим, – Аристарх поднял руку в примирительном жесте. – Перво-наперво в Тьмутаракань вас не сошлют, об этом я уже говорил, второе – если не подгадите, то обзаведение семьям за мной, ну и купу выплатить тоже поможем. По работе, само собой.

Плотники кивнули.

Разговор ещё некоторое время крутился вокруг планов будущего строительства, а потом свернул на прошлое артели. И опять мастера всё про себя выложили и даже того не заметили.

Дело уже шло к вечеру, когда плотники засобирались. Раскланялись по обычаю, пожелали здоровья и только на самом пороге Сучок вдруг спросил:

– Аристарх Семёныч, а отчего ты всё говорил, мол, крепость Лисовинова, а о Ратном такого не сказал?

– Оттого, Кондрат, что крепость и вправду Лисовинова, а Ратное – оно общее. Может статься, что и ваше. Понял меня?

– Понял, Аристарх Семёныч.

– А раз понял, то жди – приеду посмотреть, чего вы там понастроили.

Как плотники выкатились из Аристарховой избы, как запрягли, как выбрались с подворья на улицу, они и сами не заметили.

– Вот сучий потрох, «Ратное общее, может статься, и ваше»! – Сучок, осмелевший на улице и почувствовавший запоздалый прилив злости – то ли на Аристарха, то ли на себя за испытанный в доме старосты ужас, сделал неприличный жест. – Благодетель, едрит его долотом! Сниззошёл да дозволил! И что, в зад его теперь целовать, что ли? Взасос?

– Во-во! – поддержал своего старшину Нил, испытывавший те же чувства, и тут же, в свою очередь, передразнил Аристарха. – «Где тут тебе убыток: домом обрасти, корешок пустить»! А хреном по всей роже не желает?! Мы у себя на Северщине лучшей артелью были! Каменное строение знаем! Да таких артелей на всю Русь десяток наберётся, ну два десятка! Нам выкупиться только, а там посмотрим!

– Ага, нашёл град стольный – посреди болота кол, а на колу мочало! Не хуже Киева, гляди, Шкрябка, – плотницкий старшина издевательски указал рукой на окрестные заборы.

Друзья синхронно хмыкнули.

– Хотя, конечно, заманчиво, – протянул вдруг задумчиво Сучок. – И прав вроде, да всё одно – станем опять сами себе хозяева, ходят ещё, поклоняются! – задиристо пообещал он, запальчиво погрозив кулаком в надвигающиеся сумерки.

– Угу! Ну чего, домой? – Нил высморкался в уличную пыль. – До темноты не успеем, ну да ладно.

– Не, давай к Алёниному подворью, – Кондрат махнул рукой вдоль улицы, – там и заночуем.

– Точно? – внимательно посмотрел на своего старшину Нил.

– Точно, Шкрябка, точно.

– Ну, показывай тогда, куда ехать.

– Тьфу на тебя, Шкрябка, всю дорогу закудыкал! – сплюнул Сучок. – Давай к церкви, там покажу.

До Алёниного подворья докатили без приключений. Плотницкий старшина постучал в ворота. Хозяйка открыла сама. Завидев телегу, лошадь и чужого человека рядом с Сучком, глянула неласково.

– Здравствуй, Алёнушка, – мастер широко улыбнулся женщине. – У

старосты мы вашего были, подзадержались, не успеем обратно в крепость до темноты. Да и куда ж мне в крепость, тебя не повидавши? Пустишь переночевать?

– Заходите, коли так, – с нарочитой суровостью ответила Алёна, но глаза её улыбались.

– Вот это друг мой самонаилучший, – Сучок указал на Нила, – Шкрябка, во Христе Нил, сын Федотов.

Нил шустро сдёрнул с головы шапку и поклонился.

– А это Алёна Тимофеевна, самонаилучшая во всём Ратном хозяйка, и вообще... – что «вообще» плотницкий старшина сказать затруднился. Представляя Алёну другу, он отчего-то утратил всю свою обычную бойкость.

– Заходи в избу, Нил Федотыч, гостем будь, – женщина по обычаю поклонилась, но стрельнула по Сучку лукавым взглядом, – тут гостям всегда рады.

– Благодарствую, Алёна Тимофеевна, – поклонился в ответ несколько смущённый Нил.

– Кондрат, ты телегу под навес загони, да коню корму задай – и к столу, – распорядилась Алёна и повернулась к Шкрябке. – Не побрезгуй, Нил Федотыч, не ждала я гостей, чем богаты, тем и рады.

– Кгхым, – прокашлялся мастер, – не на чем, хозяйка, мы ж без спросу!

Алёна с гостем скрылись в избе.

– Тьфу, пропасть! – Сучок сплюнул, а потом гаркнул. – Митюха, подь сюда!

Голос Сучка на Алёнином подворье знали. Что он ждать не любит и на расправу, правда, всегда по делу, скор – тоже, так что откуда-то с задов шустро выскочил холоп.

– Чего велишь, Кондратий Епифаныч?

– Ворота отвали, тетеря!

Вдвоём отворили ворота, быстро распрягли, закатали телегу под навес. Сучок отвёл лошадь к коновязи, охлопал, дал напиться, потом задал сена, которое шустро притащил с сеновала Митюха, и только потом двинулся в избу.

В доме он застал следующую картину: за столом, в красном углу, но на краю лавки сидел пуще прежнего смущённый Нил и шевелил пальцами, не зная куда деть руки, а Алёна хлопотала возле печи и занимала гостя беседой. При виде Сучка Шкрябка несколько приободрился и пустился в пространный рассказ о том, что в крепости нынче строится.

– Проходи, Кондрат, за стол садись, сейчас щи доспеют, – распорядилась Алёна и вновь обернулась к Нилу. – Интересно ты рассказываешь, Нил Федотыч, Кондрат такого не поведает.

– Это чего такого я не поведаю? – подозрительно наострил уши Сучок.

– А о житье-бытье вашем: где живёте, что едите, – Алёна усмехнулась. – Ты-то больше о стенах, да башнях, да тереме, да о колёсах своих.

Нил хмыкнул, а плотницкий старшина было насупился, а потом махнул рукой и хохотнул:

– Уела! Как есть уела!

– Ложки берите, мастера, – Алёна положила на стол ложки, а Сучку протянула каравай на чистой тряпице и нож. – Давай, Кондрат, а я сейчас щи достану.

Сучок залюбовался движениями женщины, играючи выметнувшей ухватом из печи немалый горшок со щами, да так, что и про каравай забыл. И про то, что этот каравай у него в руках – тоже. Очнулся старшина от хмыканья друга: Нил ошалело переводил глаза с Алёны, разливавшей щи по мискам, на Сучка и обратно.

«О как! Ведь впервой, как хозяину, хлеб дала. До того всё сама. Это ж надо! Я ж до сих пор бабу свою артельным никогда не показывал! А тут хозяйкой её перед Шкрябкой назвал. И не думал – само выскочило! Алёна-то поняла, значит...»

Плотницкий старшина, стараясь не уронить ни крошки, нарезал хлеб и оделил сначала Нила, а потом положил ломоть Алёне:

– Садись с нами, хозяйка!

– Благодарствую, – женщина налила щи в третью миску, достала ложку и села.

Сучок, хоть это было совсем не в его обычае, поднялся и прочёл «Отче наш».

«Гляди, Кондрат, как Шкрябка-то вылупился! Да и Алёна тоже. Вот так вот – могём!»

Сказав «аминь», все снова расселись по лавкам. Кондрат внезапно почувствовал зверский голод, да и немудрено после всего пережитого. Сглотнул тягучую голодную слюну и решительно пододвинул к себе миску с рыбными щами, обильно сдобренными летней зеленью, зачерпнул полную ложку и бережно, над ломтём хлеба, донёс до рта. Проглотил, почти не жуя. Горячий ком мигом долетел до желудка и обдал там всё сытным теплом. Сучок с наслаждением выдохнул. Таким же

удовлетворённым выдохом отозвался Нил.

Алёна ела степенно, аккуратно и с каким-то собственническим удовольствием поглядывала на споро орудующих ложками мужей. А они разве что языки не проглатывали. И проглотили бы, да блюли обряд и обычай – негоже за столом голод показывать да спешить, вот и старались, только от женского взгляда не укроешься. Бабы умеют подмечать невидимые мужескому взгляду мелочи. Вот и Алёна заметила – гложет мужей что-то.

– Как с Аристархом Семёнычем повидались, мастера? – хозяйка отложила ложку. – Долгонько вы у него, знать, сидели, раз по свету вернуться не успевали.

– До-олго, – протянул Сучок и сам удивился – так томно прозвучал его голос, а Нил кивнул в ответ как-то напряжённо.

– А ладно поговорили? – не унималась Алёна. – С ним непросто. Грозен он, иные и пугаются.

– Ну, нас не испугаешь, – с чуть заметной натугой произнёс плотницкий старшина. – Лес мы делили с ваших росчистей, а ещё городок староста ваш решил ставить – село расширять.

– Угу, – подхватил Нил, – с башнями, с валами, со стенами настоящими. Со рвом тоже. Широко размахнулся.

– Да неужто? Город! – всплеснула руками Алёна. – Это в Ратном-то?

– А что, и город! – вздернул Сучок бороду. – Поди, все города селищами начинались.

– Да как в нем жить, в городе-то? – Алёна покачала головой. – Шумно там больно и чужих много.

– Да как люди живут. Мы вон жили, не жаловались, – осторожно улыбнулся Нил. – Ежели все выйдет, потом сами спасибо скажете!

– Может, оно и так... Но дело-то какое большое задумали! Ладно, небось не сразу город появится, попривыкнем... – Она озабоченно вздохнула, помолчала чуть-чуть и переменила тему. – А сам Аристарх Семёныч как вам показался? – Алёна немного подалась вперёд.

– Прижимистый он у вас, – плотницкий старшина покачал головой. – Еле уломали.

– Во-во, – поддакнул Нил, – с таким рядиться, что давиться, Алёна Тимофеевна.

– Да что ты говоришь? – хозяйка изобразила на лице неподдельный интерес. – Не скупой он вроде, Нил Федотыч!

– Да, не скупой, это точно. Хозяйственный скорее – попусту жмотиться не станет, но чтоб в дело... Оно и правильно, конечно, да мы-то

тоже не для баловства просим! – согласился мастер и вдруг тряхнул головой. – Хозяйка, зови ты меня просто Нилом, а то величаемся, как бояре на похоронах! А я тебя Алёной, если, конечно, ты сама не против, и Сучок позволит. Позволишь, Кондрат?

Алёна с интересом взглянула на Сучка. С ответом женщина явно не торопилась. Плотницкий старшина сначала нехорошо задышал, потом чуть заметно покраснел, дернул плечами, потом ме-е-е-дленно выпустил из себя воздух и заявил:

– Ну, ежели ты, Алёнушка, не против, то мне-то какой резон тебя строжить? Особливо от Шкрябки? Мы с ним с малолетства, считай, бок о бок!

– Вот тебе, Нил, и ответ, – женщина кокетливо стрельнула глазами в сторону Сучка, – согласна я.

– Благодарствую, – кивнул в ответ мастер.

Сучок слегка поморщился и поспешил сменить тему:

– Что грозен ваш староста, это верно, только мы пуганые – и не таких видали! Лучше скажите мне кто-нибудь, как это он нас так мехом внутрь вывернул? Убей меня – не понимаю!

– Так не за что пока тебя убивать, Кондраш. А коли он решит, что надо, так и моргнуть не успеете, – Алёна поднялась из-за стола. – Вы посидите пока, мне тут по хозяйству... Как бы холопка опять не напутала, какие яйца под наседку положить, а какие на еду отложить.

Плотники остались одни.

– Умна у тебя баба, Кондрат, – невесело усмехнулся Нил, – эвона как упорхнула.

– Других не держим! – Сучок дёрнул щекой.

– Ты давай не дрыгайся, а говори, чего надумал!

– То-то и оно, Шкрябка, ни хрена я не надумал! – Старшина сжал кулаки. – Как козлам, морковку показали, а мы с тобой и поскакали, бородами трясся. Нет, ведь, вы... стирал, выкрутил и на просушку вывесил, а мы только бошками кивали! Как сумел-то, а? Не детишки ведь...

– Ну, суметь-то просто, – улыбка у Нила вышла совсем тоскливой. – Спервоначалу гляделками своими зыркнул – не знаю, как ты, Сучок, а я обмер к растакой-то матери!

– Во-во! Колдун он, етит его долотом! – Кондратий сначала ахнул кулаком по столу, а потом перекрестился. – Морок навёл, с-с-сучара!

– Хреном тебе по всей роже, колдун! – Нил сложил перед носом друга дулю. – Без ведовства не обошлось, это точно, но не колдун!

- Тебе то откуда знать, Шкрябка?!
- Жопой чую! – Мастер аж привстал. – Смерть в нём была, а зла не было! Оттого ещё страшнее. Ты когда букаху давишь, сильно на неё злишься? Раздавил и пошёл...
- Так ею, родимой, и чуешь? – криво ухмыльнулся Сучок.
- Угу, – совершенно серьёзно кивнул Нил, – ежели хочешь знать, то жопяное чутьё для плотника как бы не самое важное! Это ты никак им не овладеешь, а я давно-о-о-о...
- И чего ж тебе советчица твоя многомудрая нашептала? – Плотницкий старшина засопел, потихоньку наливаясь злостью.
- Ты, Сучок, знаешь, как избу на подклете рубить? Али терем?
- Знаю, вестимо! – Кондратий выпучил от удивления глаза, и злиться ему как-то расхотелось. – Только это тут причём?
- А притом! Сколько лесин на добрый дом надо? Чтобы венцов на двадцать пять хотя бы?
- Три сотни, не меньше! Да не абы каких: сажени три длиной, да чтобы в отрубе не меньше двенадцати вершков, чтоб по-доброму, – Сучок тряхнул головой. – Только ты это к чему? Ни ты, ни я не ученики вроде, чтоб науку друг у друга выпрашивать?
- Это верно, – Нил поскрёб в бороде. – Только и староста ихний тоже.
- Не понял!
- Щас поймёшь! – Шкрябка переплёл пальцы рук. – Вспомни, как первый раз лесину на верхний венец подавал, как дуром на хрип попытался, а она весом хуже каменной. Вспомнил? Особливо когда бревно сырое, как нынче.
- Забудешь такое! – Сучок скорчил гримасу. – Ночь посередь дня узрел, со всеми звёздами! Чуть в нутре всё не оборвалось!
- Во! – Нил приподнял один палец. – Теперь не делаешь так?
- Тьфу на тебя, ты ещё от Адама и Евы Расскажи, кто кого там родил! – плотницкий старшина чуть не плюнул. – Ещё в сопляках выучили: и как вагами по слегам подавать, и как на срубе бревно то топором перенячить, и как повернуть не по разу, как пазом на мох посадить и как потом осадить! Сам не хуже меня знаешь!
- Выучился, значит? – Нил отогнул второй палец.
- Угу, – кивнул Сучок.
- Вот и староста здешний выучился! И Лис, и Корней, дед его, тоже! Только заместо брёвен мы туточки.
- М-мать! А чего ж он тогда пугал?
- А вот тем самым чутьём почуял, что, не пугнув нас, ни шиша не

добьётся! Допёр, что нас, чурбаков стоеросовых, иначе не проймёшь, ну и ахнул, чем было!

– Да-а, Шкрябка, не подумал я, – Сучок заскрёб плешь. – Это что ж получается, напугал до усрачки, чтобы по-своему дело повернуть?

– Нет, не по-своему повернуть, а чтобы мы слушать стали! – Нил шлёпнул ладонями по столу. – Я сам не допёр, пока Лиса не вспомнил! Он тогда с тобой тоже, чтобы ты слушать стал... и мы вместе с тобой.

– А на кой ляд?

– А ты вспомни, как бывает, когда бревно по слегам не пойдёт, когда коняга в постромах сама от натуги, как из верёвок, становится, буркалы вытаращивает, в поводьях пляшет, да пену на сруб роняет! – Нил стукнул кулаком по столу.

– Да я...

– Нишкни, старшина! Ты ж тогда и конягу кнутом, и сам лесину плечом! Да с матом через губину закушенную, да через кровавый туман в глазах! Пока не пойдёт! Вот мы для него та лесина... А потом с лошадьёю краюхой, что себе на чёрный день припас, делишься ведь... Так и нам краюху показали – что он, что Лис, что Корней-сотник... каждый свою, но показали!

– Да зачем...

– А потому, что тебе, дурню, пока промеж рог не заедешь, ты, как тетерев на току – токуешь да дерешься, да баб топчешь! Ни хрена в тебе чутья того нету! И мы, на тебя глядячи, хотя и своей дури хватает...

– Значит, нужны мы им?

– Не только им, Кондрат, не только им...

– А кому ж ещё?

– Да всем тут, видать, нужны. Земле. А они о земле пекутся, оттого и сидят крепко.

– Так уж и крепко! Ты бунт вспомни, как они тут резались!

– Да уж, не забуду! Только оттого и крепко, что Лисовины всех, кто против, побили, и остались те, кто от них пользу чувствует.

– Мда-а, Нил, твоя правда! – Старшина задумчиво подёргал бороду.

– Знаю, что моя. Ты дальше слушай: земля от них пользу чувствует, а они в нас пользу видят. Все. Даже Аристарх этот. Он-то от Лисовинов слегка наособицу, но всё равно с ними. Заметил, как он нас остаться улещивал? От себя ведь и от Ратного прибыток сулил. И защиту тоже. Мол, крепость для Лисовинов только, а Ратное общее. То есть и его, и Лисовинов, и ратнинских, хошь ратников, хошь нет – и наше, ежели не подгадим...

– Эти всё в лоб через дубовый гроб! – Сучок дёрнул головой. – Вон как

ты повернул! Значит, предлагаешь, как ласковой теляти, двух маток сосать?

– Кондрат, в бога тебя душу, ты ум свой сегодня не обронил где? Чего-чего, а артельный интерес соблюсти и своё у наёмщика из глотки выдрать – это у тебя завсегда было, а тут, как баран на новые ворота! Сам знаешь, кто две сиськи...

– Угу, – мрачно кивнул Сучок. – А чего тогда?

– Интерес свой блюсти надо! – Нил стукнул кулаком по столу. – Ты пока с Алёной миловался, я присматривался да прислушивался. И с Ильёй говорил, и с наставниками...

– Узнал чего?

– Узнал! – кивнул Нил. – Никогда Аристарх против Лисовинов не пойдёт. И Корней против него тоже. Только если сотник больше на род свой глядит и на ратников, то староста на всех. Общий у сотника со старостой интерес, но у каждого малость свой. И каждому мы по-своему нужны. Хотят нас тут навсегда оставить, да не холопами. Под защитой не только Лисовинов, а ещё и Ратного будем. Грех не попользоваться!

– И чего делать?

– Пользоваться! – Нил вдруг закатил другу щелбан.

– Шкрябка, ты чего?!

– Думалку тебе прочищаю! – заржал Нил. – Как Аристарх к нам в крепость приедет, всё ему покажешь, расскажешь, да с поклоном. Не переломишься! А в конце скажешь, что согласны мы артелью осесть, если с выкупом и семьями подсобят.

– А Лис?

– А Лису, как только приедем, всё обскажешь!

– Угу, – кивнул Сучок. – А если он?..

– Не-а, – усмехнулся Нил. – Он тоже учится. И учат его. Вот Корней с Аристархом и учат. Как учат и как Лис выучился, мы все видели. На тебе и показал!

– Тьфу! Едр... – начал было Сучок и осёкся – в сенях завозилась и загремела чем-то Алёна.

Собеседники разом умолкли, кивнули друг другу и сделали вид, что заняты поглощением кваса.

– Не скучали тут без меня? – осведомилась женщина, заходя в горницу. – Не надо ли чего?

– Всё ладно, Алёнушка, – отозвался Сучок. – Кваском мы тут балуемся, а Шкрябка мне сказывал, как они с Мудилой придумали пилы на лесопилке иначе точить.

– Ох, и хорош у тебя квас, хозяйка! – поддержал друга Нил. – Так и

продирает!

– Спасибо на добром слове, – Алёна слегка поклонилась.

– Не на чем, Алёнушка, тебе спасибо, – благостно отозвался Сучок.

Хозяйка прибрала со стола посуду, оставив, впрочем, жбан с квасом. Плотники ещё некоторое время вели светскую беседу, а Алёна крутилась возле печи, изредка вставляя слово в беседу или отвечая на шутку.

– Охо-хооо! – Сучок преувеличенно громко зевнул. – Засиделись мы, Алёнушка, а завтра ведь всем с петухами подниматься. Пора и на боковую!

– Сейчас, – откликнулась Алёна, – Нилу на лавке постелю.

– Благодарствую, хозяйюшка, – улыбнулся Шкрябка. – Я по летнему времени в избе спать не привык, душно мне. Лучше на сеновале где.

Сучок и его женщина разом посмотрели на Нила понимающим и, что уж греха таить, благодарным взглядом. Потом Алёна перевела взгляд на Сучка.

– Гостю место! – улыбнулся тот. – Пойду я, Алёна, помогу Шкрябке устроиться.

– Погоди, Кондрат, я сейчас соберу всё. – Хозяйка направилась к стоящему у стены сундуку и вернулась с тулупом и ещё чем-то, в этот тулуп завернутым.

– Благодарствую, Алёна! Доброй тебе ночи! – Нил благодарно улыбнулся женщине.

– И тебе тоже, – Алёна слегка поклонилась.

Мастера вышли на двор. Серые летние сумерки готовились вот-вот смениться ночью. Пока Сучок обустроивал друга на сеновале, совсем стемнело. Но темнота разговору не помеха, а поговорить им было о чём. Прежде всего, о материалах и людях для стройки. С людьми всё было более-менее понятно: как Лис и предупреждал, пришла сотня с лишним лесовиков, и появилась надежда, что работать станет легче. Теперь уже артели и немногочисленным Лисовиновым холопам, приставленным в помощь к плотникам, не придётся так рвать хрип на строительстве и наконец-то можно будет приступить собственно к стенам. Вспомнили, как ставили казармы, трапезную, часовню, терем, лесопилку, подивились тому, как сумели своротить такую прорву работы.

– Да, Шкрябка, уж и не упомяну, когда так вламывали, – Сучок поёрзал, устраиваясь на сене. – Разве что когда остроги на степном рубеже ставили. Тогда тоже от света до света и ночь прихватывали. Как не подошли только?

– Угу, было дело. Только там серебро щедро капало – не скупился

князь, а тут чего?

– А тут свет увидали: мы ж первым делом плотину с лесопилкой и мельницей поставили. Для себя, чай.

– Для себя-то оно для себя, да один пёс по пяти резан в день!

– А вот и не по пяти! – усмехнулся Сучок. – Сам говорил давеча, что я артельное у кого хошь из глотки вырву.

– И вырвал?

– А как же! Лис, как я у терема по коньку прошёл, ^[12] меня к себе зазвал и сказал, что у деда вырвал, как обещал, чтобы нам за эти дни не по пяти, а по семи резан Никифору шло. Дед его от себя добавит сверху. А разговор, что он деда уломает, случился сразу после того, как лесопилку запустили.

– Да ну?!

– Хрен гну! Пошёл я тогда к Лису и говорю, мол, видишь, дело получилось, и тебе прибыль пойдёт, и нам, только люди не железные так работать – из последних кишок надрываются. Дай хоть сколько холопов на крепостное строение и с платой уважь, а то из-под палки такую работу не своротить! Ну неделю, ну месяц, а потом на всё плюнут и вообще работать перестанут, и там их хоть бей, хоть до смерти убей – не сдвинешь. Надо, говорю, чтобы свой интерес видели, зачем хрип рвут.

– А он чего?

– А он покивал, вроде как соглашается, и буркалами своими на меня вылупился. Сам знаешь, иной раз они у него прям стариковские – аж оторопь берет...

– А ты чего?

– А я, как за язык кто дёрнул, и говорю ему: «Я не просто так с тебя плату тяну! Коли знать хочешь, за дело не меньше твоего болею. Мы в Новгороде-Северском лучшей артелью были, и нам худо работать не с руки, а как начнут лодырствовать, неважно по какой причине, считай – всё! Ой как тяжело людей поправить, когда они перегорят – а нам выкупиться надо! Сам говорил, наплюй на всё, что к главному делу – артель от кабалы избавить – мешает, вот я и наплевал – перед тобой кланяюсь и прибавки прошу. Не для себя – для людей! Окупится твоё серебро – время, оно дороже стоит! А чтоб тебя сомнение не грызло, я тебе совет дам: вели Илье на работе работных коней каждый день менять. Коняга на стройке так упадется, как на пахоте никогда не бывает. Так не сделаем – попадим коней. Да и побольше их надо, оно так всегда: когда людей мало – лошадям двойная работа! Знаю, что тягла всегда не хватает, но я уже придумал как выкрутиться, ты только Илье скажи, чтобы слушать меня стал, а дальше я

сам разберусь!»

– Убедил, значит?

– Убедил! Он опять покивал и говорит: «Ладно, старшина, Илье я скажу. И с воеводой Корнеем поговорю, чтобы вам две резаны сверху в день положил. Только это не сразу, время нужно – больше гривны в месяц сверху на дереве не растёт. Но сделаю».

– А чего ж ты молчал-то? Только подгонял да дрался?

– Не хотел обнадёживать раньше времени, вдруг да не вышло бы!

– Это верно, – Нил некоторое время помолчал, а потом завозился на сене. – Слышь, Сучок, а нужник тут где? Я и не рассмотрел, когда заезжали.

– Как выйдешь, так за пристройку зайди и к забору, там увидишь, – просветил плотницкий старшина.

– Ага, – Шкрябка выбрался из сена и выскочил на двор.

Кондратий растянулся на лежанке в ожидании товарища. Вроде бы и обо всём поговорили, но вот хотелось ещё немного просто поболтать со старым другом. Ни о чём. Или просто помолчать – когда ещё случай и настроение подходящее выдастся?

– Здорово, сосед! – вдруг раздался со двора приветственный рык Бурея. – Ты чего глаз не кажешь?

«Это как он меня на сеновале разглядел-то? Вот филин, вошь его заешь! Надо вылезать поздороваться...»

Сучок принялся выбирать наружу. События во дворе меж тем приняли неожиданный оборот. Сначала от нужника раздалась изумленные матюги Нила, которые перекрыл возмущённый рёв уже обозного старшины:

– Ты кто, орясина?! Какого рожна здесь делаешь?!

– Мать! В гостях я тут! – голос Нила прозвучал как-то визгливо и неуверенно. – Тебе какое дело?! На сеновале я тут!

– Хрр, какое мне дело?! – судя по звукам, Бурей перелезал через забор. – Ты, выпердыш, знаешь, чья это баба?! Сеновал ему! Да я тебя самого сейчас на сеновале!..

«Серафим сейчас Шкрябке морду к задку вывернет! Ходу, Кондрат, ходу!»

Сучок галопом рванул за угол. Бурей уже перелез на Алёнино подворье и, расставив руки, приближался к побледневшему, но готовому к защите Нилу. К чести плотника надо сказать, что зрелище подготовившегося к драке ратнинского обозного старшины, особенно освещённого слабым и неверным светом стареющего месяца, могло

поразить до недержания кого угодно.

«Фух, успел!»

– Здорово, Серафим! – заорал плотницкий старшина, едва только обогнул угол. – Ты чего друга моего забижаешь?!

– Хрр, здорово, Кондрат! – жуткая рожа Бурей расплылась в том, что заменяло ему улыбку. – А я думал, что тут хрен какой-то к бабе твоей припёрся. Не, спервоначалу подумал, что это ты, темно ж! А потом глянул – не-а. А он ещё и лает. Ну, я, это, разобраться решил!

Извиниться перед Нилом Бурей даже не подумал и, поворотившись к плотнику задом, двинулся навстречу Сучку.

– Не, Серафим, это друг мой старинный – Шкрябка! Поболе пятнадцати годов знаемся! – ослабился мастер.

– А, тады другое дело! – обозный старшина косолапо развернулся к Сучкову товарищу и возгласил: – Ну, извиняй тогда, обозался! Тебя как звать?

– Шкрябкой. – Плотника ощутимо потряхивало отпускающее боевое напряжение.

– Хрр, у нас тут собачьи клички не в почёте, во Христе как?

– Нилом, – рожа плотника приняла совершенно обалделый вид.

– А меня Серафимом! – Бурей протянул свою лапищу. – Ежели ты Кондрату друг, так и мне не чужой! Мож, причастимся знакомства ради, а мастера?

– Спасибо, Серафим, – отозвался Сучок. – Рады бы, да с петухами вставать – работы пропасть!

– Жалко! – Бурей почесал в затылке. – Ну, как знаете! Вы, это, заходите, если что.

– Спасибо, Серафим! Непременно!

– Ну, бывайте тогда! – обозный старшина развернулся и полез через забор к себе на подворье.

– Бывай, Серафим, – хором ответили плотники.

Бурей скрылся из виду.

– Ну что, Шкрябка, пошли договорим? – Сучок указал в сторону сеновала.

– Да вроде обговорили всё, – Нил отрицательно покачал головой. – Спать пора. Дорогу я сам найду, а то тебя заждались небось.

– Угу, так я пойду? – Плотницкий старшина несколько смутился.

– Давай, топай! До завтра! – Шкрябка хлопнул друга по плечу и двинулся к сеновалу.

Сучок еще немного постоял и пошёл в избу. На ощупь добрался до

хозяйского кута и улёгся под тёплый бок к Алёне.

*«Верно Шкрябка сказал: завтра, всё завтра! А ночь она и есть ночь.
Для другого она!»*

– Пришёл? – сонно спросила женщина.

– Пришёл, лапушка, пришёл! Куда ж я денусь от тебя!

«И правда – куда? Дома я тут...»

Алёна молча обняла Сучка, да так, что у него хрустнули рёбра.

Глава 3

Август 1125 года. Михайлов Городок. Ратное

Взз-чак, вззз-чак...

Топор с непередаваемым не то чавканьем, не то звоном, не то хрустом вгрызался в толстое дубовое бревно. Остро пахнувшая свежим деревом ровная щепка летела из-под лезвия. Человек, игравший – по-другому не скажешь! – топором, выглядел сосредоточенным. Да и как иначе: рубить окладной венец крепостной башни – это вам не тайные места почёсывать, серьёзности требует. И основательности.

Вот только, несмотря на всю свою серьёзность и основательность, мастер временами улыбался в бороду, демонстрируя людям наблюдательным, что в зубах у него имеется недочёт. Нет, зубы у плотника были, и очень даже крепкие на вид, просто нескольких не доставало. Расположение прорех в «заборе» наводило на мысль, что заработаны они в неоднократных драках. Вообще, несмотря на малый рост и выглядывающую из-под сдвинутой на самый затылок шапки плешь, смотрелся мастер лихо. Как все эти качества в нём уживались, знал только он сам.

– Швырок, язва ходячая, тесло тащи! – Плотник разогнулся и вытер вспотевший лоб.

– Бегу, дядька Сучок! – Смазливый малый в грязной рубахе выскочил, как из-под земли.

– Ты какого рожна долото припёр, дятел?! – Звук затрешины на миг перекрыл шум стройки. – Башку оторву и скажу, что так и было!

Вдохновлённый ещё и пинком, парень исчез быстрее, чем появился. Плотницкий старшина Кондратий Епифанович от души выругался и присел на бревно. Настроение безнадёжно испортилось, до зарезу захотелось выпить, но не на работе же... Чтобы отогнать хандру, мастер попытался насвистывать, но почти сразу затих. Радость от работы, от созидания испарилась, а в голове зашевелились невесёлые мысли.

«Вот язва! Как девкам под подол лазить, так не промахнётся, а как дело делать, так обе руки левые и из задницы выросли! Это ж надо, тесло с долотом перепутать – а ещё подмастерье! Выгнать бы его к свиньям собачьим, да нельзя – родня. Принесёт тесло, отлуплю для вразумления и к

этим лешакам болотным приставлю, глину да извёстку месить! Будет знать, хрен ходячий, как работу спустя рукава работать! Всё равно из него дурь да лень выбью, а не выбью – артельные пришибут! Тьфу, такой день испоганил!»

Старшина обвёл взглядом стройку. Работа кипела. Там и сям кучки плотников и работников, что пригнала волхва^[13], поднимали срубы кит^[14], забивали сваи, копали ров, засыпали землю в готовые срубы и трамбовали её, тащили брёвна, месили глину и известь в творильных ямах, обжигали кирпич и занимались ещё кучей разнообразных дел. Странно, но это зрелище не развеяло, как обычно бывало, хандру, не зажгло жажду деятельности, а наоборот, ещё глубже погрузило в думы.

«Едрить-колотить, вроде дело идёт, даже вон серебро в мошну капает, гляди, как пилы на лесопилке скачут – надоумил Лис. Глядишь, и вправду с досок тех выкупимся... Гнулись бы ещё те пилы пореже да тупились помедленнее, совсем хорошо было бы! С Мудилой поговорить? Или с Лавром? Голова Лис, ничего не скажешь, хоть и сопляк ещё!

И всё равно, кто так строит?! Ну кто так строит?! Равелины, казармы, башни выдвинутые! Один терем как у людей! Да хрен с ними, с башнями да казармами, оно и по делу вроде получается, но куда гонят-то? Приволокли болотников косоруких, а они делать ни хрена не умеют, хари неумытые! Топор как первый раз увидали. Мы бы и артелью справились, помедленнее, да получше. А может, и быстрее даже, без этих-то. Им, лешакам, пока каждому не объяснишь, не покажешь да в рыло не дашь, не понимают ни хрена. Так они и по харе не понимают, всё в ответ норовят, вон как давеча! Ведь толпой навалились и в ров скинули, поганцы! Только выбрался да своих кликнул, так камидат этот недоделанный, Дёмка – чтоб ему до скончания века точилом подтираться! – тут как тут! Не дали душу отвести!

Дикие они все! Дети насмерть режутся! А чуть что не по ним, так давят, не стесняются! Вон Лис двоих положил, третьего связал и деду своему на суд отволол, а тот повесить велел, как высморкался! Сопляка! Мне же виселицу ладить пришлось... И смотреть заставили.

Воевода, чтоб ему, собственными ручками по рёбрам насовал, не побрезговал. Давно так не били, умеет, хрен старый! Да ладно бы бил, чай, не в первый раз! Оно когда мне, а когда и я! Выйти бы с ним в круг с топором против меча – посмотреть кто кого! А он, пень одноногий, лупит и приговаривает: «Ты что ж творишь, козлодуй?! Ты ж людей своих предаёшь! Ты же начальный человек! Ты за людей в ответе! Они твои

руки, а ты голова! Только голова у тебя, как задница! Ты как перед работниками выставился? Как С-с-сучок скандальный! А перед артельными своими? Прибили бы тебя, дурня безмозглого, на кого ты их оставил бы?! Предатель!»

И ведь прав, не попишешь... И внучок его, Лис, в ту же дуду, ещё и раньше деда! Правы, вдоль их поперёк и наискось! Помру – не бывать артельным вольными... Ах ты, жизнь ты, стерва драная! А Алёна как? И как припечатал-то под конец, язва одноногая: «Научишься людьми своими, хоть артельными, хоть пришлыми, как пальцами на руке владеть – и сам выкупишься, и товарищей своих от кабалы избавишь, и Алёна за тебя пойдёт, и в уважаемые люди выйдешь, а будешь дурь свою лелеять, дождусь твоего первого взбрыка да на вешалку просушиться пристрою, чтоб другим неповадно. Как это у нас делается – сам видел. Крепость и Нил достроит, он хоть и мастер похуже, да ума у него, видать, побольше. Только на том свете с тебя, как с Иуды спросится, и боги светлые не забудут! Думай!»

Вот ведь как, куда ни кинь – всюду клин! Это как же болотниками-то этими, как артельными, командовать? Да ну их на хрен! Мои дело делать будут, а они пусть глину по ямам месят. Ну кто так строит, а?!»

– Сучок, ты чего смурной такой? – Мастер Нил подмигнул своему старшине.

– Да, Швырок, погань такая, долото вместо тесла притащил! – Плотницкий голова в сердцах плюнул.

– А ты его поучи.

– Поучил уже, всю ногу об его зад отбил! Колоду он, что ли, в порты затолкал?

– Может, и колоду... Он на выдумки горазд, лишь бы не работать!

– Ты чего пришёл-то, Шкрябка?

– Да я тут во рву был, смотрел...

– И что?

– Да вот, сомневаюсь я, забить ещё пяток свай или хорош? Ты бы сходил, посмотрел? – Нил указал рукой в сторону рва, чуть левее воротной башни.

– А сам чего? Не сопляк вроде! – К Сучку на глазах возвращалась задиристость.

– Дык, говорю, сомневаюсь я.

– Ладно, пошли, ма-астер!

До рва всего-то около сотни шагов, но по стройке быстро не пойдёшь, особенно когда на ней толчётся три сотни народу, из которых добрых две

трети не имеют к ней никакого отношения. По пути мастерам попались: два десятка отроков, сосредоточенно в лад топавших ногами в убитую до крепости камня землю крепостного двора, собаковод Прошка со сворой своих щенков, кухонная девка, тащившая невесть куда упрямую корову, стайка девок – учениц боярыни Анны, дурень Простыня, в обнимку с огромной кадушкой, обозный старшина Илья с купеческими детишками и телегой, Дударик с рожком и Роська с Псалтырём. Так что когда мастеров чуть не сбил с ног работник, резво везущий наполненную глиной тачку, Сучок даже обрадовался.

– Тьфу, едрит, хоть кто-то делом занят! – Плотницкий старшина, как любой строитель, не одобрял всяких-разных, шляющихся по стройке.

– А ведь дело Лис измыслил, – в отличие от своего начальника, мастер ШкрЯбка плохим настроением не мучился, хоть путающийся под ногами строителей посторонний люд нравился ему несколько не больше.

– Ты о чём?

– Да обо всём! Годами-то сопляк, а в голове чего только не помещается. Хоть эту тачку возьми – где раньше двое корячились, теперь один мухой летает и не запарится.

– Ну, измыслил, и что? Мало ли у кого башка на плечах, а не котёл пивной. Что там у тебя, показывай? – Сучок резво сбежал по лестнице в ров.

– Вот, старшина, гляди, сваи бьём под башню, чтоб в ров выступала, как давеча с тобой обговорили...

– И что?

– А то! Сомневаюсь я. Не надо ли ещё чуток, чтоб, значит, вдоль стен ловчее стрелять. Только там от берега подальше топко уже. Сваи надо длинные бить, осилим? Или так сойдёт?

– ШкрЯбка, ты у нас вроде по воинскому строительству дока, или я тебя попутал с кем? – плотницкий старшина вновь начал раздражаться. – Осилим или не осилим – потом думать будем, сначала решим: надо – не надо! Вот и давай думать!

– Ну ладно. Гляди, ежели ещё чуток выдвинуть, сажени на две, да на восемь углов срубить, стрелять, я мыслю, и вдоль стен, и по тем, кто через ров лезет, удобнее станет. Спросить бы у кого да прикинуть. Не строили никогда так! – Нил яростно поскрёб в затылке.

– А вот сейчас и спросим! – Старшина развернулся и резво полез вверх по лестнице, за ним последовал озадаченный помощник.

Выбравшись наверх, Сучок осмотрелся, что-то бормоча себе под нос.

– Ты чего задумал, старшина? – Нил явно не догадывался, в чём дело.

– Сейчас увидишь, – весело ухмыльнулся Сучок и принялся распоряжаться. – Матица, бери народ себе в помощь и спускай восемь брёвен вниз, Шкрябка скажет, что с ними делать. А ты, зодчий великий, тоже обратно полезай да покажи Матице, как башню ставить хочешь. Выложите из брёвен как бы окладной венец.

– А ты?

– А я делом займусь! Чего встал? Полезай! – с этими словами Кондратий Епифанович, не оглядываясь больше на подручных, направил свои стопы в сторону обучающихся воинскому делу отроков.

– Эй, как там тебя, господин урядник, подойди, дело есть! – Ох и нелегко далась Сучку вежливость: виданное ли дело, сопляка господином величать.

– Десяток! Слушай команду младшего урядника Степана! Младший урядник Степан, продолжить занятия! – распорядился отрок и, только дождавшись ответного: «Слушаюсь, господин урядник!», развернулся к мастеру. – Здрав будь, старшина! – Парень, не ломая шапки, изобразил лёгкий поклон.

– И тебе не хворать, урядник, – Сучок решил не обижаться. – Тут дело такое, помощь твоя нужна. Надо прикинуть, каково с новой башни стрелять будет.

– Что надо делать, старшина? – Урядник заинтересованно посмотрел на мастера.

– Вон в ров со своими слезть, там мастер Шкрябка башню разметил, да стрельнуть по разу – посмотреть, как оно, удобно или нет.

– Что удобно? – Откуда появился наставник Филимон, никто не заметил.

– Да вот, башню размечаем, от отроков помощь нужна, – Сучок от нетерпения забыл поздороваться.

– Дозволь доложить, господин наставник, плотницкий старшина просит...

– Вольно! Понял я! – Филимон махнул рукой вытянувшемуся в струнку парню. – Бери своих, урядник, и полезай вниз, а там, как мастера скажут. Уяснил?

– Так точно! Дозволь исполнять, господин наставник?!

– Валяй! А мы с мастером Сучком пойдём, посмотрим.

Парень проорал команду и, звякая воинским железом, унёсся во главе своих отроков в сторону строящейся башни. Сучок собрался было направиться следом, но был остановлен будто бы случайным прикосновением наставника.

– Чего тебе? – Старшиной наконец-то овладела жажда деятельности, и сейчас он любую задержку воспринимал как досадную помеху. – Сам посмотреть хотел, вот и пошли!

– погоди, Кондрат, – увечный воин снисходительно улыбнулся. – Знаю-знаю, норов твой вперёд тебя родился, и в деле своём ты дока, только и я в своём тоже не дурень. А ты к кому подошёл? К ученику воинскому? Вон он козликом поскакал, так на большее ещё и не способен. Насоветовал бы он тебе... А теперь пошли глянем, что да как, чтобы всем добро вышло.

– Ыыыы... – Сучок судорожно втянул сквозь зубы воздух, но вдруг расслабился, весело матюгнувшись и добавил: – Едрён скобель, ведь и правду дурнем выставился! Идём!

Хоть обратный путь и не занял много времени, наставнику Филимону его хватило, чтобы при помощи нескольких вопросов уяснить для себя задумку строителей. Так что, едва подойдя к краю рва и окинув взглядом наскоро уложенный по мосткам и сваям восьмиугольник из брёвен, представляющий собой план будущей башни, он принялся распоряжаться:

– Доспех снять! Урядник, привязать к учебным болтам ленты и по два человека на бревно. Пошли!

Внизу началось деятельное шевеление. Через некоторое время отроки, будто воробы на заборе, расселись на указанных местах.

– Так! Слушать меня! – Филимон явно что-то для себя решил и теперь проверял свою догадку. – Представьте, что враг на вал лезет. Пусть каждый из вас его выцелит и болт пустит как можно дальше! Крайние вдоль стен, остальные на тот берег прямо перед собой. Всем следить, куда болт упадёт! Потом собирать будете! Справа по одному! Первый, бей!

Самострел щёлкнул. Болт, хлопая привязанной к нему яркой лентой, устремился в полёт. Наставник проводил его взглядом, отметил место падения, кивнул, соглашаясь с какими-то своими мыслями, и скомандовал:

– Второй, бей!

Так повторилось десять раз. Филимон огладил бороду, ещё раз удовлетворённо кивнул, поудобнее опёрся на клюку и распорядился:

– Так, орлы, болты подобрать и по занятиям! Урядник, командуй! – Дождался обязательного «Слушаюсь, господин наставник!» и обернулся к Сучку:

– Дельно придумал, мастер! Так и ставьте! Михайле и Демьяну сам скажу. Ну, бог вам в помощь, пойду я.

– Спасибо, Филимон! – только и отозвался Сучок, и, перегнувшись вниз, гаркнул: – Шкрябка, вылезай сюда, поговорить надо!

– Чего звал, старшина? – Вылезший наверх Нил рывком одёрнул

рубаху.

– Как ставить – сам слышал, по-твоему решили. Пока тут сопляки в игрушки играли, я думал.

– И чего придумал?

– Пятка свай мало. Сделаем так: через аршин забьём и с ряжами свяжем. Клетки ряжевые лучше бы одним камнем забить, да где ж его столько взять? Выкрутимся так – кладёшь слой глины, той, что с верхушки острова, она там жирная – в самый раз будет, на неё слой камня, и трамбуешь, пока весь в глину не уйдёт, потом опять и так до верху. А уже на клетки ряжевые окладной венец поставишь и дальше сруб поведёшь. Понял?

– Понял, только сваи с мостков или плотов бить придётся.

– И что?

– Так пока мостки с плотами не поставим, кому-то в воде по уши сидеть придётся!

– А болотники тебе на что? Самое им по уму дело! И трамбовать их же приставь. Да, найди этого поганца безрукого, Швырка, и с болотниками его. На самую глубину! Ряжи пусть вместе с ними забивает, и чтоб ни отдыха ни срока ему, пусть ртом посерет, погань ненадобная! Захочется по сусалам стервецу этому съездить – не стесняйся, потешь душеньку!

– Сделаю, Сучок, не впервой!

– Вот и добро! А я пойду, другую башню тоже ладить надо, – старшина кивнул и повернулся, собираясь отправиться к Девичьей башне.

Но судьба решила иначе. Перекрывая шум людского скопища, над крепостью разнесся мальчишеский голос:

– Боярыня к себе плотницкого старшину кличет!

– Да едрит тебя долотом! Сговорились они, что ли?! А этой-то я на кой сдался?! – Плюнул в сердцах Сучок и заспешил к посыльному.

Попытка прояснить у парнишки-холопа вопрос «на кой» результатов не дала. Вместо ответа тот пожал плечами: «Поспешать надо, Кондратий Епифанович, боярыня скоро велела!» Так что недоумевающему Сучку осталось только поторопиться за пареньком.

На теремном крыльце плотницкого старшину ждал подарочек, да такой, что ни пером описать, ни вслух произнести. Нет, начиналось всё, как обычно. Анна Лисовинова встретила Сучка ласково, расспросила о ходе работ, похвалила за старание и велела непременно до начала строительства стрелковых помостов по всей крепости утвердить их у наставников Филимона и Тита, «ибо прежние, старшина, негодны оказались, хоть твоей вины тут и не было, просто не строили такого раньше».

– Вот и посоветуйся с людьми в воинском деле искушёнными, – боярыня плавным движением руки дала понять, что эта часть разговора закончена.

«Вот же язва едучая! Пошутили мы тогда знатно! Виданное ли дело – бабу в порты обрядили и на люди вывели, да ещё с её согласия... Было на что посмотреть, ух! Только ведь сквиталась боярыня, эти её! Интересно, сама догадалась или надоумил кто Тита на нас напустить?! Вот не знал не ведал, какая же он сволочь, корявым бревном его в зад! Чуть до смерти не извёл, изверг! Журчит и журчит, журчит и журчит! Всей артелью сначала чуть не уснули, а потом чуть в портки не напустили от журчания этого! И ведь не повторился ни разу, ирод! Тьфу, лучше о нём не думать, а то прямо тут обмочусь!»

Старшина собирался было откланяться, но был остановлен жестом, по величественности не уступавшим первому.

«И когда только научилась? Вроде не водилось за боярыней Лисовинихой такого раньше? Княгиня прямо! Интересно, это Лис у неё набрался или она у него? Тьфу! Чего ей опять надо-то?»

– Ну, здрав будь, старшина! Хозяйке своей ты отчёт дал, а теперь ответь-ка мне, – от звука властного голоса Сучок подпрыгнул.

«Приплыли! Ведьма болотная! И откуда взялась?! Не было ж никого! От, ядрёный лапоть, вляпался!»

– И тебе поздорову, боярыня! – Старшина развернулся и низко поклонился одетой в чёрное старухе, которую сначала и не увидел.

Неустрасимый Сучок, бесстрашно выходивший с топором на трёх вооружённых ратников, известный всем ругатель и забияка, робел. Нет, виду он не показал, но по тому, как споро и низко склонился старшина, знающий человек догадался бы о многом. Впрочем, небрежно прислонившейся к перилам немолодой женщине трудно было бы не оказать почести по высшему разряду. Даже хозяйка Михайлова Городка строгая боярыня Анна рядом с этой смотрелась девчонкой.

Всем известная в крепости волхва (шептались, что не просто волхва, а Великая) обычно выглядела доброй бабушкой, но уж больно зловещие слухи про неё ходили, и сейчас старшина отчётливо их припомнил. Было отчего: добрая бабушка исчезла, Сучка выворачивала взглядом наизнанку не менее чем княгиня.

– Ну, говори!

«Небось за своих дуrolомов косоруких спрашивать пришла! Наябедничал кто-то. Теперь гадай, что ей в башку стукнуло? Баба же!»

Дурь в голову ударит, и будешь до второго пришествия жабой в болоте квакать!»

– О чём рассказывать велишь, боярыня? – Плотник изо всех сил сопротивлялся пугающему и одновременно притягательному взгляду волхвы.

– Ты, старшина, на моей земле и для моей дружины крепость ставишь. Чтобы защищать меня и людей, под моей рукой пребывающих.

– Строим, боярыня, стараемся... Вот воротную башню заканчиваем, Девичью начали, стены, мост вот... Терем боярский, казармы, кузню...

«Что ей надо-то? Вперилась буркалами и зырит! Всё выложу, отстань только! Чего надо-то, скажи, а то ведь уссусь сейчас!»

– Знаю я, как ты стараешься! – неожиданно молодо фыркнула Ниня. – Аж в моей веси слышно!

«Ах ты, погань! Изгаляешься! Ну нет, не на того напала! Хошь в жабу превращай, хошь в кого... Не дам собой играть! Сдохну, а не дам!»

– Стараюсь, боярыня! По-другому не научен! И не тебе меня моим ремеслом попрекать! А болотники твои поделом биты бывают. Худая работа хуже воровства! – Сучок стал донельзя похож на мелкого, но бойкого и драчливого петуха.

– Да он у тебя, Медвяна, храбр без меры! – добродушно хмыкнула волхва. – Со мной спорить берётся. И не боится ведь!

«Издевается, мочалка! А вот хрен тебе, чтоб башка не шаталась! Я мастер! Вертел я вас – и бояр, и князей, и гридей! И купцов вертел! Не поддамся!»

– Ты не думай, боярыня, что он совсем страху не ведает. Боится – и ещё как. Только иные со страху в кисель обращаются, а твой старшина из тех, что с перепугу на кованую рать с кулаками попрут.

Анна явно хотела что-то сказать, но Ниня жестом остановила её.

– Коли ты у нас такой отважный, тогда ответствуй, как ты, старшина, довёл дело до того, что твои люди с тобой работать отказываются?

«Это кто? Швырок разве?! Да быть того не может! И он не хрюкнет! Врёт баба!»

– Не возводи напраслину, боярыня! – Сучок вздёрнул бороду, всем своим видом являя картину «не сломаешь». – Не скажут такого мои артельные!

– Не скажут, – непонятно с чего согласилась Ниня. – Мастера твои много чего тебе прощают – за ту красоту, которую ты творить умеешь. Не часто земля таких людей родит.

«Вот те на! Красота-то тут причём? Думал – всё, долбанёт сейчас, а она...»

– Благодарствую на добром слове! Но не сочти за обиду, светлая боярыня, а красота-то тут каким боком? – Ох, и непросто далось Сучку вежество.

– Как по-твоему, совместимы ли красота и грязь? – огорошила волхва старшину.

– Ох и задачки ты задаёшь, Гредислава Всеславовна, – на голубом глазу выпалил мастер и полез чесать в затылке, но опомнился, опустил руку и после длительной паузы произнёс: – Нет, наверное...

– Случается такое, старшина, хоть и редко. Рассказывают, был когда-то, то ли в Риме, то ли ещё где, боярин, который требовал от холопов, чтобы они прекрасные цветы в выгребную яму по одному бросали, а сам сидел рядом и любовался, как красота в помоях постепенно тонет...

Сучок открыл рот, собираясь сказать что-то явно неблагонравное, но передумал, закрыл и, уже не стесняясь общества двух боярынь, принялся остервенело скрести там, где роскошная плешь граничила с остатками русой шевелюры.

– Но ведь ты-то не из таких – так зачем же ты сам себе душу руганью поганишь? – волхва сделала вид, что не заметила поползновений Сучка высказаться. – Ты же мастер, старшина артели. Значит, умеешь людьми управлять. Я тебе сотню человек прислала, умелых, работающих, специально подбирала не склочных. Я их тебе прислала, под твою руку. А ты до чего их довёл? До мордобоя!

– Так как же иначе? От Одинца и Девы стройка без срамного слова не идёт! И по загровку тупому или непонятливому не грех! От пращуров заведено!

– А храмы, которые вы ставите по обету? Ведь ни единого бранного слова за это время не говорите! Зарок в том даёте! – Волхва пристально взглянула в глаза Сучку.

– Так то храмы... – начал было плотник, но стушевался на полуслове и вновь принялся терзать свою лысину.

– А крепость – что, не храм?! Она жизнь хранит! Людей защищает! Тут жизни славище! Что же ты, мастер, поносным словом защиту её ослабляешь, красоту навьям отдаешь? И брань красива бывает, когда к месту да по делу, а самое главное, в нужную сторону ведёт. А вот если ты руганью просто душу отводишь, грязь из неё выплёскиваешь, то сам же своё дело помоями и мажешь! И в душе грязи только больше становится, да не у тебя одного. Вот и выходит, что не красоту ты

созидаешь, а Чернобогу требы кладёшь!

На плотницкого старшину было жалко смотреть. Вечно задиристый, ругательный, шумный Сучок увял. Плечи поникли, голова опустилась, казалось, его без того невеликий рост стал ещё меньше. Даже рука, до того яростно чесавшая затылок, безвольно повисла вдоль тела.

«Ох, ты ж, эти меня семеро... Лучше б убила! Никто со мной так не говорил, разве Лис только, да и ему далеко до старухи... Это что же получается, сам, своими руками красоту гублю? Если и вправду к этому самому себя сам отправляю? Значит, рано или поздно не смогу в дереве, в деле своём душу живую видеть? А она-то откуда знает? Будто сама с тем регентом разговоры разговаривала... Он-то тоже говорил, что душой светлой смотреть надо, и не врал! Делать-то чего?»

– Да я... – даже сейчас ершистый характер не давал плотницкому старшине признать чужую правоту.

– Я ещё не закончила! – негромкий вроде бы голос волхвы стеганул не хуже кнута. – Твое дело красоту созидать, но не только руками, но и волей своей! А ты знаешь как?

– Нет... – Оборона плотницкого старшины рухнула окончательно.

– Вот и я вижу, что нет, – по-доброму кивнула Ниней. – Тебе уже пристало дело делать не своими руками. Самому все делать – для тебя всё равно, что смысленному мужу с ребятишками в бабки играть. Понял?

– Нет. – Словарь плотницкого старшины явно сократился до одного слова.

– Тебе себя через людей отражать надо! Если ты верно их подобрал, свой замысел в них вложил, расставил их по местам, где польза от каждого наибольшая будет, позаботился, чтобы они имели все необходимое для работы, учел и продумал тьму мелочей, благодаря которым твои люди не из-под палки будут трудиться, а с душой и с выдумкой – потом ты получишь то, что сам, один, ни за что в жизни сотворить не сможешь, хоть в узел завяжись! Не своими руками сотворишь, но своей волей! И через то себя отразишь и в работе своей, и в душах людских!

«Ыыыы!»

– Поди сюда!

Сучок, как замороженный, поднялся на одну ступень, потом на другую...

– На, гляди, что твои люди сейчас отражают! – Волхва сунула под нос старшине серебряное зеркальце. – Красоту?

«Господи, что за харя?! Вурдалак злобный: рожа красная, кривая, хуже половца – дитё какое увидит, так на всю жизнь заикой сделается!»

Твою ж мать, это что ж, меня люди таким видят?! Или наколдовала, давалка старая? Не, Кондрат, ни хрена не наколдовала! Лучше б и правда жабом пупырчатым на болоте квакать, чем эдак-то!»

– Иди, старшина, подумай на досуге, – Ниней небрежным жестом руки отпустила мастера.

* * *

Волхва волхвой, а уговор с ратнинским старостой выполнять всё равно надо. Старшина артели собирался в Ратное, представить Аристарху «образцы продукции» их лесопилки, ну, и с Алёной повидаться, само собой. Телегу с досками и брусом приготовили ещё накануне, и, хотя разговор с Нинеей задержал отъезд, Сучок решил не откладывать поездку. Тем более, что в дороге хорошо думается, а подумать ему было о чём. Башка от мыслей что твой пивной котел стала.

«Грозна, зараза – не отнимешь, но староста ратнинский, пожалуй, пострашнее... Тьфу, как вспомню – лучше не надо! Жуть жуткая за ним. Не в нём, а за ним. У такого не жабой на болоте станешь, а вообще в ничто превратишься, без следа. Это самое, что за ним, в себя втянет – и всё! Как заморозил тогда! Не, Лис и бабка не так, они хитрее... Староста, он построил и приказал, волхва в самую душу пролезла, а Лис и то, и другое... И ведь все вроде о моей пользе заботятся, себе, понятно, не во вред... Вот и думай, кто там страшнее... Едрит, причаститься бы сейчас чем покрепче, а то свихнусь!»

По некотором размышлении, плотницкий старшина всё-таки остался доволен разговором с волхвой: как та ни старалась, но сломать его не смогла. Голову над её словами, конечно, сушить не один день придётся – не сразу и поймёшь, чего она добивалась, но главным критерием успеха для задиристого Сучка всегда было одно: нагнул его противник, или он смог если не победить в споре, то хотя бы остаться при своём. И не важно, прав был старшина или нет, главное – не сдаться!

Так что, не проехав и полпути до Ратного, он почти успокоился – ведьма его не одолела. Но что-то в глубине души не давало расслабиться в предвкушении встречи с зазнобой.

«Тьфу ты, пропасть! Да что ж такое-то?! Вроде всё хорошо закончилось, волхва даже и похвалила за мастерство, и поучила кое-чему полезному, а душа не на месте... Шкрябка как-то про своё жопяное чутьё распинался – может, это оно у меня свербит?»

При этой мысли зад у мастера и в самом деле начал зудеть, но как Сучок ни чесался, ни до чего стоящего не додумался.

* * *

– Кондраш, ты чего смурной-то такой? – приветливо хрюкнул из-за забора Бурей. – Остаешься ночевать сегодня? Тогда заходи, у меня тут заначка – с похода привез. Ты такой и не пробовал!

– Да останусь, Серафим... – Сучок посмотрел на солнце и тяжело вздохнул. – Задержался я сегодня, никак не успеваю по свету вернуться. Только с выпивкой, извини, никак. Хотя душа просит, итить ее долотом! – признался он. – Ох, как просит!

– Так чего ей, душе, отказывать? – радостно осклабился Бурей. – Душа, она мудрее нас – сама знает, чего ей нужно. Тем более, что яблоневка знатная...

– Э-э-э, и не говори! – Сучок зло сплюнул и досадливо махнул рукой. – Но ведь если начну, так и к утру не просохну. А мне край надо завтра с ранья^[15] самого на месте быть и в разуме – дел немеряно. Не время пить сейчас. И так уже...

– Чего «и так»? – Бурей повозился у себя за забором и подтянулся повыше. – Беда, что ль, какая случилась? Помочь чем?

– А хрен его знает, беда или не беда! У вас тут и не разберешь! Как попал сюда, так все не по-людски, один Корней, как человек. В морду даст – и порядок, а все остальные... Мозги так вывернут, что лучше б в морду...

– Мишка, что ль? – Бурей осклабился. – Он может, хоть и сопляк...

– Не, Лис, конечно, тоже... Но тут еще волхва эта... Ведьма старая!

– Ниней? – Бурей нахмурился, хотя с его рожей это казалось уже невозможным. – Как тебя к ней занесло-то? Ты того... осторожнее с ней...

– Да я что, дурной, самому лезть? – возмутился Сучок. – Да ни в жисть бы... В крепость она сегодня приперлась! И меня позвать велела...

– Что?! – обозный старшина чуть не свалился с забора. – Волхва пришла, чтобы с тобой говорить?

– Не со мной – с Анькой-боярыней вроде. А меня так... мимоходом.

Обозный старшина насупил, посопел, оглядел за чем-то окрестности и повелительно рыкнул:

– Не тут! А ну, давай ко мне! Расскажешь...

– Да говорю ж, не могу я пить нынче!

– А я тебе и не наливаю! Иди сюда, сказал. А то тут уши из-за каждого

тына торчат... – не тратя больше слов на убеждения, Бурей соскочил с забора и, не оглядываясь, пошел к дому.

Обозный старшина слушал рассказ Сучка о разговоре с волхвой, уставившись куда-то в угол, и мрачнел. Сучку даже начало казаться, что над его приятелем в полутемной горнице сгущается темный туман, словно морок находят. Хотел было головой потрясти, чтоб прогнать наваждение, да почему-то не решился – никогда раньше он таким Серафима не видел. Страхолюдный горбун давно не пугал Кондратия, первое впечатление забылось, Бурей для него до сих пор был беззаботным, веселым, а то и душевным собутыльником и собеседником, а сейчас... Страшный, чужой, как подменили.

Рука Бурей, словно не по воле хозяина, потянулась было к стоявшей на столе кружке, но тут же отдернулась. Снова потянулась. Серафим недоуменно уставился на свою лапишу, неожиданно для себя обнаружив ее поползновения. Задумался, но все-таки потянул кружку к себе, налил из кувшина – до Сучка докатился и шибанул в нос резкий незнакомый аромат пойла, да так, что, не пригубив, хоть закусывай. Бурей крикнул и залпом опрокинул в себя содержимое кружки, и не потянувшись к закуске, но словно воду выпил – похоже, даже протрезвел. Напрягся, мышцы под кожей задвигались, Сучку показалось, что горб сам по себе зашевелился. От этих превращений артельному старшине неожиданно стало не по себе.

– Ханька! Подь сюды!

В дверях возникла холопка. Степенная средних лет баба – одна из немногих, если не единственная, кого хозяин звал по имени, да и выглядела она не сильно зашуганной, в отличие от остальных.

– Чего велишь, Серафим Ипатьевич?

– Мухой к Алёне. Скажи, сосед зовет – дело срочное. Её Кондратия касает... – И когда холопка шустро, хотя и несуетливо, отправилась выполнять распоряжение, мрачно глянул на Сучка. – Погодь... При Алёне своей повторишь и тогда доскажешь.

Сучок с тоской посмотрел на полную кружку на столе и сглотнул слюну. В животе завозилось что-то холодное и липкое, как слизень, но размером не меньше ежа. Сучок чувствовал, как откуда-то вылезает давно задавленное чувство мутного до тошноты страха, сродни тому, что он испытал, когда Лис приводил его в чувство. Но тогда страх накатиł разом, и было понятно, чего бояться, а тут... Тут оно выросло медленно и усиливалось полной неизвестностью. Нет, волхва, конечно, мозги плотницкому старшине завернула так, что всю дорогу до Ратного и тут,

пока делами занимался, так и не смог отвлечься – все время в голове ее слова звучали. Но ведь не угрожала же ничем, не пугала! Не видел сам Сучок причины, от которой его друг так потемнел лицом.

– Алёна-то тут зачем? – непривычно робко подал он голос.

– Затем! – рыкнул Бурей. – Без бабы тут никак... – непонятно пояснил он и замолчал.

Сучок поерзал на лавке, но больше расспрашивать не решился, а вскоре и Алёна показалась в дверях. Бог весть, что там она подумала, но смотрела женщина неласково и, кажется, была готова устроить скандал. Однако, окинув взглядом представившуюся ей картину и моментально оценив, что, против ее ожидания, оба приятеля совершенно трезвы, хотя на столе стоял полный кувшин и кружки, переменилась в лице: гнев уступил место недоумению и тревоге.

– Здрав будь, дядька Серафим, – поклонилась она, придерживая края накинутой на плечи шали. – Чего звал? Случилось что?

Вместо ответа Бурей ткнул лапичей в стоящий возле стола сундук:

– Сядь, соседка. И послушай, чего Кондрат твой рассказывает...

Алёну эти слова не то что повергли в удивление, а, похоже, заморозили: предлагать бабе сесть за стол – дело и без того почти невиданное, а уж когда предлагал не кто-нибудь, а сам обозный старшина... Тревога на лице гостьи только усилилась, она замялась в дверях.

– Благодарствую, сосед, но я уж постою тут. Говорите, чего за делом...

– Сядь, я сказал! – рявкнул Бурей и буркнул уже потише. – Долгий у нас разговор будет... Волхва к нему приходила.

– Ох! – Алёна схватилась за сердце, потом поспешно перекрестилась и, потемнев лицом, без дальнейших попыток соблюсти приличия подошла и опустилась на указанное место.

– Говори, Кондрат. С начала самого, – распорядился Бурей.

«Етит твою... Говори! Глотку, как удавкой перехватило! И с брюхом не того – не обосраться бы при Алёне-то... Мать, да что это со мной?! А морок будто рассеялся... Дратся хочется! И Серафим на себя снова похож, а то прям будто зверь неведомый со мной сидел...»

Сучок и рад бы был говорить, но голос подчинился ему не с первого раза – слова застревали в глотке, и пришлось пару раз прокашляться. Кое-как справившись с собой, он начал рассказ, как было велено – с самого начала.

Алёна с Буреем слушали, не перебивая. Только иногда

переглядывались, как заговорщики, в самых неожиданных местах, и Алёна при этом поеживалась. Сучок пугался еще и от того, что сам он ничего такого угрожающего уловить в своих словах не мог. И, как ни старался, понять, чего такого слышали они – тоже. А когда мастер замолчал, обозный старшина побряхтел, хмуро заскреб лапицей в бороде и принялся расспрашивать.

Когда Ниня говорила, были ли рядом лесовики? А наставники? А Лис? А отроки его? Ратнинские или из тех, что Ниня прислала? И чего делали? Как смотрели? Переговаривались ли промеж собой?

Кондратий, как ни напрягал память, и на половину вопросов толком не ответил – да кто его знает, кто там стоял да как смотрел! Не до того ему было... Бурей, поняв, что ничего путного не выпросит, зарычал сквозь зубы и только рукой махнул, досадливо буркнув Алёне:

– Видала? И не понял ничего, лягух лысый...

– Да откуда ж ему знать? – вздохнула она. – Ну, не понимает он, ты же видишь, дядька Серафим. Не тутошний он. Я все ждала, когда поймет, и сама в голову не могла взять, не дурень ли, что не бережется. А он просто не видит, что вокруг него сворачивается.

– А ты чего смотрела? Упредить не могла?

– Да кто ж знал, что до такого дойдет...

Сучок растерянно метался взглядом между своей женщиной и Буреём и тосковал.

«Да что ж это за хрень-то такая? Чего они?»

Бурей в этот момент, наконец, взглянул на артельного старшину, и тот, как ни был уже испуган, и вовсе чуть с лавки не упал – таким он своего друга еще не видел. Да и многие ли в Ратном видели? На Сучка из-под нависших бровей глядел умный и очень непростой муж. Жутью от него несло по-прежнему, но как-то по-новому. Не звериной из-за страхолюдного облика, а как бы не той же самой, что размазала Кондрата с Нилом в тот день, когда они делили доски с Аристархом. Сучок поежился и невольно чуть подался назад.

«Серафим-то, Серафим... Ох, жуть какая! Или и он тоже? Как Аристарх?.. Срань господня, куда я попал, Господи, спаси и помилуй!»

– Ты чего, Серафим? – Артельный старшина усилием воли подавил в себе желание сползти под лавку и непроизвольно потянулся к кружке.

– Не лапай! – рыкнул Бурей, пригвоздив друга к месту, и усмехнулся. – Сам же сказал, не до питья тебе. И правильно – не до питья...

Он зло оскалился:

– Пьяным тебе несподручно домовину для себя ладить. А пора...

– Чего?!

– Того, дятел! Не понял, что ли? Приговорила тебя волхва... Мозги, говоришь, вывернула? Так она и не начинала еще. Вот когда в прорубь полезешь, будешь все видеть и понимать до самого конца, но все равно сам полезешь, вот тогда поймешь, что такое повернула. А то Корней по морде... Теперь по морде тебе за счастье! Допрыгался... Молчишь?

Он насмешливо посмотрел на побледневшего приятеля, у которого и правда перехватило горло так, что слова из себя выдавить не мог. Почему-то именно в этот момент Сучок очень отчётливо вспомнил, как несколько дней назад в крепости казнили провинившегося отрока, как дёргался в петле пацан, а друг сердешный Серафим раскачивался на его теле.

«А ведь предупреждал меня Корней...»

– Правильно молчишь. Ты свое уже отговорил, голубь. Давно бы покойником стал, кабы не Лисовины. С воями сцепился? Думаешь, они забыли? Тогда бы тебе кишки и выпустили, и я бы не остановил. Как от Алёны вышел бы – так бы и прикопали. Вот только нужен ты был Корнею, а с сотником задираться – дураков больше нет. Бешеный ведь тебя упреждал по-хорошему. Не понял? Ты для его сопляков дурь ходячая – стрельнули и забыли. Почему тогда не пристрелили, а только пугнули, и то ласково? Тоже нужен. Был. И со старостой тоже... поговорил... И не понял ни хрена!

– Да почему был? Сейчас не нужен, что ли? – вскинулся Сучок.

– Да вот, выходит, только нам с Алёной ты сейчас нужен. А им на хрена? – скривился Бурей. – Лисовинам крепость нужна, а кто ее построит, им без разницы. Пока без тебя никак было – тебя терпели, а сейчас... Старшие ратники часто на стройке бывают? Тит, Филимон?

– Да заходят... – пожал плечами Сучок.

– И давно?

– Не, не очень. Последнее время...

– Вот то-то и оно! – Бурей снова скривился. – Опять не понял. Как зачастили они к тебе, так время и пошло. Раньше без тебя с артелью не управились бы, а сейчас и так построят. Видать, стало больше вони от твоего говна, чем от тебя прибýtка, если уж до Нинеи дошло. Больше с тобой говорить не будут... – Бурей оскалился и стал похож на жуткого зверя из лесу. – Да ты не бойсь, тебя казнить не станут, тихо удавят. По морозу сам под ледок нырнешь. А если нет, так лесовики помогут. Те самые, которым ты в рыло плюнул.

Затихли, говоришь? Ничего они не затихли. Ждут. Посчитал? Ратники, сопляки, лесовики, старшины... Анька-боярыня, над которой вы

изгалялись, тоже по тебе не заплачет. И все ждут, когда ты им ненужным станешь. Вот так, друг... сердешный.

– Ну это еще посмотрим! – вздернул подбородок Сучок, не умевший долго пугаться. – Да мои артельные...

– Что твои артельные? – Бурей осклабился. – За тебя помереть готовы? Дурак! Им выкупиться надо. Помолятся они за тебя, дурака, и душу твою грешную и дальше жить будут. И делать то, что Бешеный скажет. Человек, он такая скотина – жить завсегда хочет. А им без тебя еще и спокойнее. Каждый сам за себя – и они тоже...

Бурей прищурился и обернулся к Алёне:

– Затем тебя и звал: поспрошай там баб...

– А чего спросать? Все давно спрошено...

Алёна вздохнула, подперла кулаком щеку и заговорила размеренно и спокойно, но от того спокойствия на Сучка жутью еще больше повеяло.

– Артельные Кондрата не кинут – они за него горой стоят, это верно. Но как раз потому ему и не жить – они же сами его не прогонят. Вот их и решили... освободить от такого выбора. Если волхва захочет, он и сам на себя руки наложит, ты, дядька Серафим, не хуже меня знаешь... А на артель Нил встанет, к нему давно присматриваются... У всех семьи... Бабы артельщиков, я так думаю, только рады будут, если старшина сменится. Они своих мужей, небось, как в кабалу попали, точат... Им жить надо.

– Ты говори да не заговаривайся! Откуда тебе знать-то?! – вот это Сучка задело так, что даже угроза смерти отступила. От кого-кого, а от Алёны он такого не ожидал. Да и вообще... выходит, выпрашивала она о нем, визнавала? А он-то ей поверил... – И когда это ты расспрашивала?

– Не сердись, Кондраша, а только так и есть, – всё так же спокойно кивнула Алёна. – Расспрашивала. Когда поняла, что не чужой ты... Так и ты обо мне тут полсела чуть не в первый же день выпросил. Только тебе тогда для блуда надо было, а мне для того, чтоб понять, с кем жизнь свела, – усмехнулась она, увидев, как у Сучка от ее слов полезли глаза на лоб.

– А как иначе-то? Небось, я тебе не девка на выданье, у которой все мозги под юбкой помещаются. И с Нилом твоим я не вежества ради разговаривала. Да и с бабами, теми, что в крепости. За твоих мастеров я не говорю – они от тебя не отступятся. А вот семьи... Коли бы не твой нор, вы бы строили не тому боярину церковку, а в Киеве палаты князьему стольнику, так? Или это Нил приврал, чтоб прихвастнуть? Что подряжали вас за мастерство в стольный град, да коли бы старшина не задрался с ближником того боярина – там бы до сих пор и работали, а может, и семьи

бы перевезли, кабы сложилось все?

– Ну... да... – вынужден был признаться Сучок. – Было дело... – и не удержался похвастаться. – Порубил я того гридя! На судном поле... Насмерть...

– Гы... и там обосрался? – радостно гукнул Бурей.

– Это он обосрался! – возмутился Сучок, выпячивая вперед бороду. – А я...

– Головка от х...я! – заржал обозный старшина. – Ты его порубил, а он жизнь за жизнь взял. Да не только твою, а всей вашей артели. Его, конечно, червяки жрут, а ты с артелью – здесь в закупах. Вместо того чтобы в ближниках у боярина его обретаться.

– погоди, дядька Серафим. – Алёна досадливо поморщилась. – Не о том ты... А семьи артельщиков знают, что вы в Киев собирались, да не вышло?

– Знают... Наверное. А это тут при чем? – пожал плечами Сучок.

– А при том, – вздохнула Алёна. – Артельные-то тебе и словом не напомним. Разве что вон как Нил – только мимоходом, да и то больше похвастать, какие вы мастера. А вот жены их – нет. Ведь наверняка не первый это случай был, так?.. Бабам-то ваши попрыгушки да похвальбушки без надобности – бабам надежда нужна, что завтра их снова с детьми из дому не погонят, и вместо Киева неведомо куда по чужой прихоти не пошлют. Им без разницы – Киев или Ратное – абы покой и надежда. А потому, если артельщикам эту надежду дадут, то жены их сами тебя в прорубь спустят, чтобы не мешал... Твое счастье, что их тут пока нет...

– А разве я мешаю?! Да... – он покосился на Бурей. – Да Лис же нам выкупиться надежду дал!

– Дал. Всей артели, – кивнула Алёна. – И артель за то будет жилы рвать, а с тобой или без тебя... Правильно дядька Серафим говорит: тут важно, чего с тебя больше – пользы или убытка. Выходит, убытка... С лесовиками разругался? А ведь их Ниней прислала... Сколько лет наши бабы без луков за спиной на поля да огороды ходят, знаешь? Я еще застала – мы с сестрами в поле, а матушка с луком на пригорке...

– Угу, – согласно гукнул Бурей. – Аристарх с Корнеем ведьму не один год обхаживали. И она их тоже. Потому Ратное с Погорыньем и замирилось. А сейчас лесовики и вовсе крепость строить пришли. Пусть без особой охоты, по слову волхвы, но пришли. Строить, а не наших баб из луков выцеливать. А ты им в морду... Понял, поперек чего влез?

– Понял... – Сучок, начавший было отходить от давящего его весъ

разговор страха, снова ухнул в него с головой. Словно снова взглянул в глаза Нинеи и только сейчас понял, что почувствовал, но не понял тогда. Та холодная струйка, которая тогда так и не пролилась, сейчас водопадом струилась по спине. – Покойник я...

– Не, ты не сейчас покойник. Ты покойником стал тогда, когда на воя топор поднял, да не просто так, а умеючи. Тут и свободному такое не простят. Я тогда встрял, потому что понял – покойник Никон... И с тобой пить начал, что увидел – не жить тебе, – Бурей хмыкнул. – А ты вон сколько продержался. Везучий, видать. А потому и сейчас, может, выскочишь...

Обозный старшина неожиданно наклонился к Сучку через стол и рывкнул у самого лица:

– Только посмей мне помереть! Удавлю! В селе мы с Алёной без тебя разберёмся, – он обернулся к женщине. – Алёна, ты того... Баб из крепости поспрошай...

– Да спрашивала я их уже, дядька Серафим...

– Мало спрашивала! – рыкнул Бурей. – Какой срок ему отпущен, знаешь? Нет? Значит, в воскресенье кто из баб оттуда в церковь приедет – отловишь, к себе зазовёшь и наизнанку вывернешь. А я с Настеной поговорю... – и он неожиданно подмигнул Сучку. – Где ж я второго такого дурака найду, чтобы мне с потрохами в душу влез? В общем, дури ты уже наворотил, сколько мог, а сейчас думать начинай. Одна у тебя надежда – снова незаменимым стать. Для Бешеного или для Корнея. А лучше и для того, и для другого. А главное, с лесовиками срочно замиряйся – тут времени нет совсем, чем скорее, тем лучше. Как незаменимым стать – это ты сам думай. А с Нинеиными... Вот!

Бурей встал, полез куда-то за печку, долго копался там и вытащил бочонок. Не большой, но и не маленький.

– Яблоневка, – сообщил он. – Из похода привез. Хотел тебя сегодня угостить, да не до того. Этот бочонок для себя берег, но тебе сейчас нужнее. Под такую выпивку и с медведем поладишь, не то что с лесовиками! Только это... перед тем как хлебнуть, выдыхай – так способнее.

Часть вторая

Глава 1

Август 1125 года. Михайлов Городок. Пойма реки Пивень

Ночь Сучок проворочался без сна. Хотелось одного – чтобы этот кошмар поскорее рассеялся, ну или, на худой конец, чтобы все оставили раба божьего Кондратия в покое. Несколько раз плотницкий старшина пытался заставить себя уснуть, мол, ночь пройдёт – утро присоветует. Шиш! Ни сон не пришёл, ни утро не присоветовало.

Так что назад в крепость мастер отправился ни свет ни заря и в подавленном настроении, хоть виду старался не подавать, особенно перед Алёной, да разве бабу в таком деле обманешь? Вот и провожала она его, как на войну...

Как ни странно, именно это и потянуло старшину из тёмной меланхолии – выезжая из ворот, он нашел в себе силы улыбнуться и почти весело сказать своей хозяйке на прощание:

– Ничего, Алёнушка, я живучий! Выкручусь, не бойсь!

Он даже сам в это почти поверил. Правда, ненадолго – ровно до тех пор, пока не остался один на один с собой. Безрадостные мысли навалились с новой силой. Сучок как бы не впервые смотрел на себя и свою жизнь со стороны. Ох, и не нравилось ему увиденное: пьянки, драки, бабы... Только норов свой всем показывал. Вот и вышло, что не Кондратий Сучок собой управлял, а норов да упёртость баранья Кондратием Сучком. Мстил всему свету, за то, что мелким и хилым уродился, за то, что в одночасье семьи лишился, за то... да неважно, за что!

Одно лишь доброе дело в жизни сделал – мастером знатным стал, да и то не впрок. Мало оказалось мастерства, чтобы прочую дурь его перевесить. Вспомнил он, как волхва сказала, мол, не красоту ты созидаешь, а Чернобогу требы кладёшь!

Вот и выходило у плотницкого старшины по здравому размышлению, что правильно решила Волхва – тому, кто с Чернобогом спутался, дорога только в прорубь.

Да и не нужна была Сучку такая жизнь. Без красоты, без мастерства, без умения видеть в мёртвом камне и брёвнах живую душу. А ведь именно это ему волхва и сулила...

Вот тут рабу божию Кондратию до скупых злых слёз, до перехваченного дыхания, до воя стало жаль себя и непутёвую свою жизнь, которую он сам, по дурости своей, загубил...

Однако не все про себя в этот раз понял старшина. Хотя, положи руку на печень, кому под силу про себя понять всё? И тем не менее, не дошло до него, болезного, что при всей своей любви к дракам, не любил он бить слабого. Не любил и все! Не интересно это, да и не честно. Гадостно даже! Оттого и встревал всегда, когда видел, что скопом на одного навалились. С самых соплячьих лет.

Вот с сильным – другое дело! Тут себя показать можно, да и красива такая драка, есть в ней мастерство мордобойное, а оно, если разобраться, любого другого мастерства не хуже. А уж про бой на смертном железе и говорить нечего: по кромке пройти и победить – это и вина, и баб слаще!

Дальше – больше: Сучок вдруг обнаружил, что слава задиры и забияки может не только его гордость тешить, но и приносить немалую пользу. Перестали люди лишний раз задевать не только его, но и артельных – мало ли что... Если старшина бешеный, так и остальные, небось, тоже не подарок, а с такими связываться себе дороже. Стало артели дела легче вести – при расчете прижать да сговоренное зажать дурных не находилось. Особенно после того случая, как Сучок жадного боярина при всем народе облаял матерно да вызвал на судное поле. Боярин подивился на такую наглость и выставил вместо себя поединщика – десятника своей дружины. И каково же было удивление боярское, когда его бойца с судного поля вперёд ногами унесли! И ведь не оспоришь – Суд Божий. Пришлось ему и зажитое артели отдать, и виру платить. А Сучок с тех пор старался, если строить приходилось там, где их ещё не знали, нарочно на драку напроситься, да не с кем-нибудь, а с видным местным мордобойцем, чтобы, значит, у заказчиков сребролюбие ненароком не выиграло. Грех это!

Не знал плотницкий старшина, что Средневековье – это время корпораций. Вернее, не знал, что в Средневековье живёт. Не придумали еще этот термин. А вот то, что одиночке в его мире не выжить, знал прекрасно. Ни в какое иное время не были так актуальны слова Маяковского о том, что «голос единицы тоньше писка». За человеком должна была стоять какая-то корпорация: род, вервь, сословие, цех, город, община и так далее, и тому подобное. Одиночка – это добыча, и только. В те времена между собой взаимодействовали даже не люди, а вот эти самые корпорации. Корпорация крестьян, корпорация рыцарей, корпорация священников, корпорация палачей, корпорация нищих. И все стояли за своих представителей и свои интересы горой. Нельзя было иначе – сожрут-

с. Ровно так же любой представитель корпорации ставил её интересы выше личных – условие выживания. Собственно, даже монарх в средневековых реалиях нужен был для того, чтобы конфликты между корпорациями разруливать. И закон для того же.

А еще корпорации прекрасно умели приспособливать любые, даже самые экзотические таланты своих членов себе на пользу. Вот и драчливость Сучка пригодилась. Так что ошибался Кондратий, думая, что, рихтуя морду самого крутого чужака, он его ломает и запугивает. Нет, не его персонально, а общину, к которой его противник принадлежит. И небезуспешно, надо сказать.

Только во всем следует знать меру. А Сучок не знал. Или не хотел знать – таким уж уродился: душа богатырская, а тело досталось мелкое. Вот и не вмещалась душа. Однако дорогой Вселенной на сей примечательный факт плевать с высокой вышки – у нее свои законы и резоны. А потому в конце концов и случилось то, что должно было случиться: Сучок нарвался на отморозков похлеще, чем он сам, и звались эти отморозки Мишка Лисовин и село Ратное. И если первый решил Сучка смирить и все-таки к делу пристроить, то ратнинское общество, взвесив возможную пользу и сопоставив ее с убытками от дурного Сучкового нрава, посчитало за лучшее списать опасного пришлеца в расход. Именно за то, что опасен и способен нанести ущерб общине. Причём сделало это без страха, с холодной головой и пониманием, что возможны потери. Ничего личного или, если обратиться к Библии, «мене, текел, фарес» – «исчислено, взвешено, разделено».

Вот это с кристальной ясностью и донесли до Сучка единственные близкие ему жители Ратного – Алёна и Серафим Бурей. Так что депрессия у плотницкого старшины случилась вполне обоснованная, но...

Ах, это вековое «но», умеющее прикидываться всеми тремя законами диалектики одновременно! Всегда оно лезет из любой, казалось, предельно ясной ситуации и ставит всё с ног на голову. И законы диалектики туда же – берут и выворачивают все наизнанку. И действуют, паразиты! Везде и всегда. Даже на тупо пялящегося в лошадиную задницу Сучка и то действуют, и плевать, паршивцы, хотели на то, что Гегель их ещё не сформулировал.

Р-раз – и закон единства и борьбы противоположностей пнул плотницкого старшину по вместилищу главного чутья плотника, заставив вспомнить, что есть ему для чего жить и за что бороться. И против чего – тоже.

Два – и закон отрицания отрицания заставил вспомнить, что есть

способы борьбы, отличные от доброй драки, и об этом ему уже все уши прожужжали. Даже с занесением в грудную клетку.

А вот три пока не случилось – переход количества в качество Сучку предстояло осуществить самостоятельно.

* * *

Словом, спасибо диалектике – к крепости плотницкий старшина подъехал уже в настроении более-менее боевом. Но судьба просто так своих когтей не разжимает. Что она ему и показала.

Перво-наперво отроки, управлявшие паромом, смотрели сквозь Сучка, будто и нет его. Лошадь есть, телега есть, а Сучка нет. И были отроки из тех, что волхва в пополнение прислала...

Возле ворот тоже случилась оказия – Кондратий заметил, как наставники Филимон и Макар оживлённо беседуют с мастером Нилом. И, что самое поганое, наставники слушали Шкрябку очень внимательно и даже издали было видно, что с уважением. А тот и рад стараться – сыпал, как горохом, да руками махал, что твоя мельница крыльями, речи свои поясняя.

А уж совсем добило Сучка то, как глянула на него Плава. Как на покойника, который уже пованивать начал по летнему времени.

Вот тут-то раб божий Кондратий вновь вспомнил, что ему зазноба и дружок сердечный говорили, и стало ему от того снова донельзя муторно. Смертная тоска снова взяла за горло. Как распрягал, как конягу к коновязи вел, как телегу Илье сдавал, Сучок не запомнил. Где шлялся после того – тоже.

Осознал себя плотницкий старшина возле Девичьей башни. На брёвнах и в обнимку с Буреевым подарком.

«Едрит тебя суковатым, Кондрат! Совсем охренел – жопиём на брёвнах сидишь и колоду себе на домовину выбираешь! Без тебя изладят, коль до того дойдёт! И вообще хрен вам в грызло – не полезу в прорубь, волхва там или не волхва! Да и упреждала она меня всё же... И Лис... И Корней с Аристархом! И учили, только я, дурень, не понял. И Серафим сказал, что везучий я! Так что мы с тобой, Кондрат, побарахтаемся ещё! Нужным, значит, стать надо? Стану!»

Одним словом, за науку всем спасибо, но делать я для себя и своих буду! И для Алёны с Серафимом! С болотниками замириться надо – замирюсь! Мастеров из них, косоруких, сделать – сделаю! Мать твою, это

что ж получается – из моих артельных тогда старшин лепить надо? А как? А хрен его знает – по ходу разберусь! И никакие бабы меня под лёд не спровадят! Да и Шкрябка скорее сам за мной в полынью прыгнет, чем на моих костях в старшины! Не таковский он!

Так что зови, Кондрат, Шкрябку – жить будем!»

Плотницкий старшина тряхнул головой, избавляясь от морока, и огляделся.

– Эй, поди сюда!

Парень из лесовиков подвернулся весьма кстати.

– Чего тебе, дядька Сучок? – Молодой – борода едва-едва начала кучерявиться пухом на гладких, почти что девичьих щеках – лесовик опасливо покосился на мастера, оставаясь на безопасном расстоянии.

Старшине до боли захотелось вскочить, поймать наглого сопляка, дать ему несколько оплеух и в подходящих для того выражениях объяснить «чего», но вспомнил слова волхвы и сдержался.

– Слышь, малый, беги, найди мастера Шкрябку, пусть ко мне сюда идёт, а потом скажи вашему старшому, мол, старшина плотницкий подойти просит. Разговор к нему есть. Понял, парень?

Юный лесовик застыл с открытым ртом. Вежливый Сучок явно не укладывался у него в голове.

– Да ты рот закрой, малый, ворона залетит! Непонятно чего? Так валяй, спрашивай, отвечу, – старшина постарался говорить как можно ласковее.

– Всё понял, дядька Сучок! Я мигом! – Очнувшийся парень умчался куда-то в глубь крепости.

Мастер присел на бревно и вытер пот.

«Шкрябка подойдёт – к Плаве зашлю. Она ему бражки и закусить никогда не откажет. Серафимов подарок хорош, но на троих и на долгий разговор мало. А там найдём, где посидеть. Мириться с лесовиками надо. Ну, ведьма!»

Первым появился Нил. Ещё издали он увидел, что со старшиной творится неладное, и к бревну, служившему Кондратию Епифановичу троном, приблизился лёгкой рысью.

– Сучок, что с тобой? На покойника похож! Зашибся? Лекарку кликнуть? – в голосе мастера слышалась тревога.

– Не надо! Лучше бы ты, Шкрябка, хмельного добыл да пожрать. С

болотниками мириться придётся. Да и вообще надо! Сбегай к Плаве, а? – старшина сопроводил свою просьбу произвольным глотательным движением.

– Случилось чего?

– Случилось, Шкрябка, ох, случилось! Не трави душу, без тебя муторно! Лучше браги достань да к нам тащи. Там и обскажу всё.

– Да как я к Плаве-то подойду? Третьего дня только...

– Шкрябка! Кончай мне зубы заговаривать! Хоть роди, но брагу достань! Отработаешь потом, Плаве-то, – в конце фразы Сучок блудливо ухмыльнулся.

– Фу, оттаял хоть! Глазом зыркает! Ладно, добуду я тебе всё, но ко мне с Плавой не лезь! И языком своим не шкрябай! – со стороны было неясно, всерьёз или нет рассердился Нил.

– Шкрябка! – Прежний плотницкий старшина потихоньку возвращался.

– Всё, бегу. Но смотри у меня! – Шкрябка показал Сучку кулак и широким шагом двинулся в сторону кухни.

Старшина снова остался один. Впрочем, это даже радовало. В кои-то веки появились потребность и возможность спокойно поразмыслить, помечтать о чём-то хорошем, например, о невиданном каменном тереме, одетом в каменное же кружево искусной резьбы, столь соразмерном, что казаться он будет не творением рук человеческих, а навеки вознесённым к небесам столпом застывшего в камне морозного узора. Будто в детство вернулся...

Когда-то, сопливым ещё мальцом, глядя на то, как весело летит щепка из-под отцовского топора, как растёт светлый, ещё не посеревший от времени сруб, как возносятся под самое небо стропила и конёк, как облегают новую избу, а то и терем покрытые дивной резьбой петухи и наличники, мечтал Кондраша о том, что вот вырастет он, станет наилучшим во всём свете мастером. И артель себе наберёт таких же. И уж тогда он простые избы рубить не будет – только узорчатые терема, да такие, чтобы у князей да бояр шапки от изумления наземь валились, а простой люд дивился на красоту и после вслед шептал: «Вон идёт сам мастер Кондратий, искусник великий!»

Ему тогда казалось, что время это рядом – рукой подать. Всего-то и надо, что научиться владеть топором не хуже отца, а там и превзойти его. Только потом стало ясно, что научиться легко махать топором совсем не так просто, как кажется, а чтобы мастером и артельным старшиной стать,

столько знать и уметь требуется, что и перечислять замучаешься...

Эх, мечты детские... Что в веке двенадцатом, что в двадцать первом. Хотя так, наверное, и надо – видеть только внешнюю, привлекательную сторону профессии. Вырасту – буду строителем! Ого-го какие дома строить стану! Стану лётчиком – летать в небе и форма красивая! Стану космонавтом...

Не всем суждено пронести свою мечту через жизнь, и не каждая мечта выдержит столкновение с реальностью. Стать, как отец – не просто, ой, не просто. Для начала надо «Вознестись главою непокорной хотя бы выше нужника, хотя б на метр над уборной, на средний уровень пока». Овладеть ремеслом, набить множество шишек и стать – нет, пока не равным отцу или наставнику, это уж у кого как, – а просто добиться, чтобы коллеги начали твоё мнение просто слышать. Это первый этап.

Потом будут и второй, и третий, и сто двадцать пятый... И пока ты растёшь, становишься специалистом, а потом и мастером, только мечта и благородное упрямство не дадут тебе утонуть в море рутины, опустить руки, перестать учиться. И тогда, спустя немало лет доведётся тебе услышать за спиной: «Смотри, он не хуже своего батьки, нет, не хуже!»

Досталось похлевать этой каши большой ложкой и Сучку. Не то что топором владеть пришлось учиться – от заезжего грека язык греческий перенимать! И ремесло своё не столько талантом постигать, сколько чугуной задницей. А иначе никак – если хочешь удержаться на месте, приходится быстро бежать. И таланта в успехе только пять процентов, а остальные девяносто пять – упорство и усидчивость. И пять процентов без этих девяносто пяти – ничто.

Так что всего вдоволь досталось: пальцев отдавленных, мышц сорванных, усталости смертной, ругани и с заказчиками, и с артельными, и с помощниками. И всё на нём – старшина. Вот так-то терема дивные строить – грязный, злой, невыспавшийся, отгавкиваясь от всех, да умей зажитое для себя и своих людей из глотки вырвать, не то всяк норовит получить с тебя побольше, а заплатить поменьше. Или вообще не заплатить. Так уж повелось от сотворения мира. Автор из двадцать первого века может подтвердить.

И всё равно мечта поддерживает, не даёт оскотиниться, заставляет шевелиться, идти, преодолевать. Вот и мечтал зодчий Кондратий Сучок о невиданном тереме...

– Чего звал?! – каркнул над ухом скрипучий голос.

«Тьфу, пропасть! Ну почему, как только о хорошем подумаешь, так тут как тут какая-нибудь сволочь влезет и всё испортит! А терем я всё равно построю! Только артель выкуплю. Жизнь положу, а построю!»

Сучок с усилием вырвал себя из мечты, поднялся с бревна и, будто в первый раз увидел, уставился на обладателя каркающего голоса – высокого, жилистого и загорелого до черноты лесовика. Самым запоминающимся во внешности пришельца были заметная сутулость и нос. Нет, не так – Нос! Этот орган торчал вперёд из обрамления пегих редких волос и такой же пегой клочковатой бороды, подобно клюву. Одним словом, голова Нинеиных работников походила на грача настолько, что хотелось спросить, в каком родстве он состоит с этой птицей.

«Ну, чисто грач: головёнку набок склонил да глазом косит – сейчас червяка из-под сохи ухватит! Попробуй не спроси такого, мол, хороши ли червячки ныне? Ну, я и спросил давеча. И добавил, что крепость строить – не червяков клевать. А он мне в рыло! Обиделся, понимаешь, хрен косорукий! А там и завертелось... И с таким разговоры разговаривать? А придётся!»

– Здрав будь, Гаркун! – старшина неловко поклонился.

– И тебе не хворать. – Лесовик ещё больше ссутулился и вытянул свой клюв вперёд на целую пядь, так, что Сучок смог в подробностях рассмотреть память о предыдущей беседе – уже желтеющий синяк, что украшал заплывший правый глаз собеседника. – Чего надо?

– Не держи на меня зла, Гаркун, винюсь, что словом тебя поносным облаял и в рыло заехал! – Сучок поклонился куда более изящно. – Не со зла, за дело болею!

– Крха! – удивленно прокашлялся «грач». – Зла, говоришь, не держать?

– Да едрит твою! – Старшина, несмотря на недавние благочестивые мысли, начал привычно закипать. – Мне что, лбом в землю побиться, чтоб ты, князь светлый, снизошёл?! Ну, облаял тебя и твоих, в хохотало заехал, было дело, так за то и прощения прошу! Я ж не по злобе, работу работать надо, а твои только галдят да друг на дружку кивают! Мы ж с тобой люди подневольные – быстрее построим, быстрее по домам пойдём! Тебя ж твоя боярыня мне в помощь прислала, а от вас толку – круглое таскать да плоское катать! Мне давеча от неё влетело, не знаю, как жив вышел. Так что кончай ломаться, как девка по первому разу на сеновале, да пошли, поговорим за чарочкой, как нам дальше-то быть.

– И ты меня прости, Сучок, – прокаркал в ответ Гаркун. Неизвестно, что повлияло на его решение сменить гнев на милость – упоминание о волхве или магическое слово «чарочка», но выражение надменности на его

лице мгновенно сменилось озабоченностью. – Куда идти-то? Поговорить, оно, верно, надо. Пошли, что ли?

– Давай за мной! – Сучок призывно махнул рукой и направился в сторону казармы, служившей плотникам временным жильём.

Нил уже их ждал. С видом заговорщика он, хитро подмигнув, указал на два туго набитых небольших мешка.

– Угу, вижу! – Сучок сразу «врубился» в ситуацию. – Где сядем, Шкрябка?

– На лесопилке, там чужих нет, – плотник мотнул головой куда-то в сторону. – Чего встал, хватай мешок и веди гостя, а я следом.

– Вы чего тут удумали? – подал голос лесовик.

– Здрав будь, Гаркун, – Нил как равному кивнул голове Нинеиных плотников. – За чаркой посидеть старшина наш решил, да тебя в гости позвать – разговор есть. А чтоб не беспокоили разные, у нас на лесопилке сядем.

– Здрав будь, Шкрябка, – «грач» расплылся в улыбке.

– Да не стойте столбами! – Нил сунул Сучку один мешок, сам подхватил другой, а Гаркуна осчастливил свёртком. – Ходу, ходу, пока камиданта этого или ещё кого на нашу голову не принесло, шевелите мослами. Да не скопом, дурни, по одному!

Два старшины согласно кивнули головами и двинулись в разные стороны каждый со своей ношей. Нил подождал немного и направился прямо к воротам, которые и миновал без всяких затруднений.

Гаркуна он застал на месте, а вот Сучок запаздывал. Ждать пришлось не то чтобы очень долго, но заметно.

– Тебя где носило? – возмущение объединило Нила и Гаркуна.

– Не орите, дуболомы! Надо было! Лучше гляньте, что мне друг мой Серафим как раз для этого случая дал, – Сучок показал бочонок.

– Да ты с ним с самого приезда, как с бабой, милуешься! Чего там? И что за друг Серафим у тебя завёлся? – Нил подпустил в голос яду.

– Мы пить будем или языками молоть?! – каркнул в свою очередь Гаркун.

– Будем-будем! Для того подарок Серафимов очень даже годится! Сам еще не пробовал, но дух от него – дыши и закусывай! – Сучок с шумом втянул в себя воздух. – А Серафим – это Бурей. Один у меня друг из ратнинских есть!

– Бурей?! Упырь этот?! – лесовик аж поперхнулся.

– Сам ты упырь! Знал бы ты, какой он золотой человечисце! Кремень! А ещё красоту понимать может!

– Да ну тебя к лешему! – Гаркун не на шутку рассердился. – Пошли, накатим да поговорим, а то свихнусь тут с вами! Ишь, Бурей у него добрейший!

На этой оптимистичной ноте спор прекратился, и компания дружно переместилась в «лесопилку» – длинный сарай, служивший одновременно машинным залом, мастерской, складом готовой продукции, конторой и клубом. Правда, сами плотники классификацией функций своего владения не озадачивались. Для Сучка и Нила хватало того, что это единственное место на свете, где они полноправные хозяева и никто, включая даже их заимодавца Никифора, над ними не властен, а Гаркун смотрел на лесопилку, как на очередное диво, к которым он уже начал привыкать в крепости.

Свершилось! «Высокие договаривающиеся стороны» разместились за давно не скоблённым столом, на котором в художественном беспорядке громоздилась добытая у Плавы снедь. Впрочем, определённая упорядоченность всё же наблюдалась, а именно: перед каждым из участников стояла глиняная миска и глиняная же чарка, рядом с Сучком возвышался тот самый бочонок, а перед Нилом – жбан с брагой. Три обтянутые холщовыми портами задницы одновременно коснулись лавок.

– Ну, чего глазёнками лупаете? Подставляйте! – Сучок выбил затычку из бочонка.

Над столом поплыл Запах. Именно так, с большой буквы. Человеческий язык не в силах описать его чистоту, богатство оттенков, глубину и изысканность. Такое под силу только поэтам, но Гаркун им не был.

– Это из чего вы делаете-то? Из яблок, никак? – прокаркал он и подставил свою чарку к бочонку.

– Из яблок, Гаркуша, из яблок, – Сучок наклонил дубовый сосуд, содержащий в своих недрах «сок плодов земных», и бледно-желтая струя хмельного ударила в дно чарки. Аромат дошёл до высшей точки.

– Эх, и духовитая! – облизнулся лесовик.

– А то! – Сучок тем временем налил Нилу и себе. – Сами сейчас узреете, какой золотой души человек Серафим! Ну, со свиданьем!

Три чарки со стуком сошлись в воздухе, бороды задрались вверх и...

– Кха! Хрр! Ыыы! Пшш! – Гаркун и Нил, не в силах вымолвить ни слова, судорожно вращали глазами, пытались втянуть в себя воздух, сучили в воздухе пальцами, но всё же смогли бережно поставить посудинки на стол. Пустые. Нил хлопал глазами, а по носу Гаркуна катилась слеза.

Сучок вовремя вспомнил наставление Бурея, которым тот сопровождал свой подарок, потому пережил знакомство с яблоневкой с меньшими потерями, чем его приятели. Опрокинув чарку, он резко выдохнул, скривился, наугад схватил со стола кусок еды и сунул в рот, после чего приступил к спасательным мероприятиям. Первым делом сунул закуску в судорожно сжимающиеся и разжимающиеся пальцы сотоварищей и, проследив, чтобы они донесли её до ртов, занялся чарками. Резво разлив брагу из стоявшего возле Нила жбана, старшина подсунул чарки поближе к Гаркуну и Нилу. Те тут же ухватились за них и опрокинули в себя. Краснота начала медленно сходиться с их лиц.

– Крепка, зараза! – первым опомнился Гаркун. – Как делаете такое?

– Не знаю. Серафим за болотом в добычу взял и вот, угостил. Сказывал, что мастера по этому делу тоже с собой привели. Теперь понимаете, какой он золотой человек? – Сучок подмигнул приятелям.

– Да-а, княжеский подарок! – отдышавшийся Нил вытер слёзы. – Как железом калёным продрало! И жрать охота! – с этими словами плотник вцепился в кусок копчёного мяса.

Все последовали его примеру. Некоторое время слышалось только сосредоточенное чавканье.

«Эх-ма, пошло вроде! Спасибо тебе, Серафимушка, спасибо, друг сердешный! Под такое поило и правда с медведем договоришься! А мне договориться с грачиком этим кровь из зубов надо! На нём все завязано. Не сумею – и мне не жить, и моим никогда не выкупиться... А сумею – в гору пойдём. Всей артелью. И я тоже.»

А Серафим-то прозрел всё как! Ведь прав он – замирюсь с этой птичкой лесной, так всех этим ублаговолю. И ведьму, и Лиса, и Аристарха с Корнеем, и наставников! А главное, артельных моих и баб ихних...

Не бывало со мной такого, чтобы кто из дружков, а не из семейных, спину мне прикрыл, да ещё так! Ну и я теперь за него костями лягу!»

– Ну что, по третьей? – Сучок первым нарушил молчание. – Только вы, други, перед тем как пить, выдыхайте. Это меня Серафим научил.

– Давай! – чарки со стуком встали перед бочонком.

– За что пить будем, старшина? – Гаркун, предусмотрительно вооружившись закуской, решил вспомнить о традициях.

– А за то, чтоб нам больше не ругаться и морды друг другу не бить! – язык Сучка уже начал чуть заметно заплетаться. – Вот ты, Гаркун, муж правильный, можно сказать, нарочитый!

– И ты, Сучок, не промах! – не остался в долгу тот.

– Ну, чтоб не лаяться! – подытожил Нил. – Вздрогнули!

В этот раз все старательно выдохнули и питьё пошло в глотки плотников гладко. Закусив, собеседники откинулись от стола и переглянулись. Надо было о чём-то говорить, но о чём? Две пары глаз сошлись на Сучке, как будто говоря: «Ты сюда на разговор созвал, так не томи».

Старшина понял невысказанный вопрос. Подарок Буря замечательным образом обострил его разум и привёл в полное согласие со всем миром. Сейчас плотницкий старшина любил всех: старого друга Нила, Гаркуна, даже Швырка, поганца эдакого, и то любил. Вот такое волшебное зелье содержалось в бочонке. Оно-то и подсказало нужные слова:

– Ты прости меня, Гаркуш, что облаял тебя да в рыло съездил! Уж больно зло взяло, что твои, ровно бараны, блеют только... Ты б с ними поостроже, а?

– Да ладно тебе, Сучок, что было – былём поросло! Я ж тоже в долгу не остался. Как водичка-то? – Гаркун каркаяще хохотнул, разлил из бочонка и кивком головы показал, что предлагает ещё раз выпить за примирение.

Сучок в свою очередь усмехнулся, выцедил чарку, занюхал корочкой и ответил:

– А ничего, тёпленькая! Ну что, мир?

– Мир!

– А коли мир, так давай думать, как нам жить дальше? Меня боярыня твоя так ухватила – как мыш мокрый от неё ушел! Грозна-а-а! И ведь кругом права! Не поверишь, впервой кого-то из бояр видел, чтоб всё по делу...

– Боярыня, она да-а! Может! Она ж... – Гаркун оглянулся по сторонам, понизил голос и закончил, – Волхва Великая, вот! Позвала к себе и говорит, мол, хозяин я хороший, муж уважаемый, вот мне и над всеми начальствовать. А как? Я и спросил – как? Хоть робел – ууу! А она ка-ак глянет! Верите, честные мужи, чуть по-дитячьи в порты не опозорился!

– А она что? – Сучок от любопытства налёг грудью на стол.

– А она мне и говорит, мол, вспомни, как родовичей своих в узде держишь, как в роду работу назначаешь, да всех, кто под рукой твоей будет, как семейных своих, пойми – и справишься. Во как! – Гаркун, от избытка чувств, хлопнул носом. – Не знаю, как и ушёл-то от неё!

– Дальше-то что? – хором спросили плотники.

– Да ничо! Тут же все из разных селищ собраны! Я и знать-то, почитай, толком никого не знаю – только на ярмарке и видимся! Со своими-

то оно и добро, а с остальными... – Лесовик безнадежно махнул рукой. – То ору, то уговариваю, то умасливаю, а толку чуть. Работают, чтоб отстал, да дни до зимы считают! И как мне быть?! Боярыня за сто вёрст на сажень в землю всё видит! Ну как осерчает, что наказ её плохо исполняю? Скажет слово заветное, и буду бабе рассказывать, что висячий лучше стоячего, или ещё чего похуже удумает...

– Да, мне вот тоже не легче! – Сучок с горестным выражением лица подпёр голову кулаком. – Мне знаешь, что сказала? Если не смогу норов свой унять, так мастером быть перестану, красоту видеть не смогу! Для меня это смерти хуже! Меня вон Корней Лисовин повесить обещал, если ещё драку затею! Только если я красоту понимать не смогу – пусть вешает! Не жизнь мне тогда!

– Корзень? Он может! – согласно кивнул Гаркун. – Давайте выпьем, что ли, с горя!

Чарки вновь новь наполнились.

– Ну, чтоб нам худа избежать! – подал голос молчавший до того Нил.

Выпивка уже привычно обожгла горло, горячей волной спустилась в желудок, а оттуда ударила в голову, но как!

«Едрит твою налево! Чего жалимся-то сидим? Думать надо! У этого грача лесного почитай та же беда! Со своими сладить может, а с чужими никак. А если вместе взяться? Моих лесовики хоть как-то слушают, а он своих болотников знает и сказать, кто там у них кто, может! Если их по селищам на артели разбить, да артельных из их же родовичей приставить? Кого Гаркун присоветует. И одну артель Шкрябке, другую Гвоздю, третью Плинфе... А тех, кто останется, к Гаркуну – землю рыть. И пригрозить Дёмкой, камидантом недоделанным, а ещё лучше волхвой – как миленькие засуеются!»

Это что ж получается, я тогда своими артельными распоряжаться буду, а они лесовиками? И пойдёт дело! Мне о том и Лис, и Корней, и волхва толковали – как пальцами на руке! Ну, Серафимушка! Спаси тебя бог, сокол ты мой ясный! Не твоя бы яблоневка – не допетрил бы!»

– Избежим худа, Шкрябка! – Старшина от избытка чувств хватил кулаком по столу.

– Не бей по столу! – Гаркун неодобрительно покосился на Сучка. – То Велесова ладонь, хлеб с неё едим!

– Ты удумал чего или в сердцах брякнул? – Нил вопрошающе взглянул на своего старшину.

– Придумал! Вот те крест, яблоневка Серафимова помогла! – Сучок размашисто перекрестился.

– Так говори! – Гаркун решил брать быка за рога.

– Выкладывай, – поддержал его Нил.

– Значит так, други сердечные – тараканы запечные, – вдохновение охватило Сучка и попёрло наружу, как тесто из бадьи. – Перво-наперво ты, Гаркун, расскажешь мне, кто у вас откуда, чего делать умеет и, самое главное, кто среди односельчан старший.

– Ну?

– Хрен гну! Потом по селищам всех на артели разобьём и старших по твоему слову назначим, а вот эти артели уже к моим старшим мастерам в подмогу приставлять будем, где какая нужда. А артельных упредим, что не уследят за своими – боярыне вашей пожалуемся. Что ты там про висячий и стоячий давеча сказывал?

– Ха! – идея Гаркуну явно понравилась.

– Годится, старшой! – Нил одобрительно кивнул головой. – Слышь, Гаркун, ты узнай, кто в плотницком ремесле у вас порукастее или в кузнечном там. Из таких отдельные артели собрать надо, а старших пусть себе сами выберут.

– Дело говоришь, Шкрябка! – одобрил Сучок, – Гаркуш, узнаешь?

– Будь в надежде, узнаю. Ещё и с их вятшими переговорю.

– Добро! А тех, кто к мастерам не попадёт, под твою руку поставим. Им я сам буду через тебя указывать, что делать. Так что, Гаркуш, ты теперь тоже, считай, мастер! – Сучок перегнулся через стол и хлопнул новоиспечённого подручного по плечу, да так, что чуть не снёс его с лавки.

– Чтоб у тебя руки отсохли! От земли не видать, а колотишь, что наш кузнец! Не сваи, чай, забиваешь! – беззлобно ругнулся лесовик, возвращаясь в устойчивое положение. – Дело придумал! Давай, наливай по такому случаю!

– Погоди! Значит, согласны по-моему делать?

– Согласны! – хором ответили Нил и Гаркун.

– Тогда с вечера будем собираться и решать, какую артель на завтра куда ставить, чтоб утром сразу по работам идти.

– Сучок, а если заартачатся мои? – Гаркун почесал в затылке.

– А ты мне скажи, а я Демке Лисовину поведаю, он им враз яйца до пят вытянет и промеж ушей узлом завяжет. Он тут для того и приставлен, чтоб яйца того, значит.

– Это которому?

– Камидант который. Сопляк, а прирежет, как высморкается! Раз вставит, второго не понадобится! А он не справится, Лису и боярыне вашей скажем. Или дружка моего лучшего, Серафимушку попрошу ещё раз к нам

наведаться – все его давеча видали? Вот он и побеседует. Ла-асково.

– Годится! – Гаркун улыбнулся настолько широко, что перестал походить на грача.

– А раз годится, подставляй чарку, птичка божия! И ты, Шкрябка, не зевай!

У Сучка, когда он затевал посиделки, и мысли не было напиться – хотел просто посидеть, побеседовать. Пьянке, когда, что называется, лыка не вяжут, на работе не место – это артельный старшина хорошо усвоил еще в отрочестве, а потому, хотя любил погулять от души, в крепости, среди рабочей недели, никогда такого не допустил бы. Меру, когда надо, он всегда знал. Но чёртово зелье, ранее не известное ни Сучку с Нилом, ни лесовику, сыграло с ними дурную шутку. Так что умеренно выпить не получилось – рубеж, когда надо остановиться, все трое не то что не заметили – проскочили, даже не вспоминая.

Постепенно пьянка переросла из стадии питья в стадию бития. Правда, пока только по столу. К чести стола, надо сказать, что удар он держал молодцом. Собеседники уже мало слушали друг друга, говорили одновременно, заплетающимися языками, стараясь перекричать соседа, и, для придания веса своим словам, то и дело впечатывали кулаки в стол. Словом, лыка мастера и их гость уже не вязали.

– Не, петь у вас не умеют! – Сучок сплюнул прилипшую к губе капустину. – И в Ратном не умеют! Только у нас в крепости! Артюха – ы-ы-ы! Тоже красоту понимать может! Чего лыбишься? Вона, как у него девки поют, чисто ангелы небесные! О как! Давеча в нужник шёл, услышал, так и забыл, куда собрался!

– Ыы, помню, как ты потом бежал, чтобы порты не измарать! – зашёлся в хохоте Нил. – Не поверишь, Гаркуш, скачками, что твой козёл!

– Ы-ы-ы, добёг?! – хрюкнул в ответ лесовик.

– Да ну вас, жеребцы стоялые! Я ж про песни! Ты слышал, пень лесной, какие песни Артюха с Лисом сочиняют? То-то! А что ты слышал? А там и про тебя есть!

– Про меня? А ну, спой!

– погоди, сначала хряпнем! Шкрябка, наливай!

– Стол держите, вертится зараза! И чарки прыгают! Наливай ему, боярин нашёлся! – Нил двумя руками вцепился в жбан с брагой.

– Счас я их! – Сучок раздулся как жаба и гаркнул: – Сми-и-ирна!

– Етит твою! Действует! – Нил разлил брагу, ухитрившись почти не пролить. – Это что ж, тут так часто орут, что даже стол слушается? Дела-а-

а!

– Да у вас тут всё не как у людей! – Гаркун схватился рукой за свой покрасневший от возлияний клюв. – Даже нос всё в стол воткнуться норовит! Только вы вроде не тронувшиеся. Ну, чтоб всё!

Выпили и опять принялись закусывать, правда, Нил сперва вместо закуски схватил Сучков кушак, лежавший на столе среди объедков.

– Ты про меня спеть обещал, что там ваш сопляк поющий сочинил. Давай пой! – Гаркун, оказывается, умел быть приставучим хуже банного листа.

– А не обидишься? – Сучок косо-вопросительно взглянул на собеседника.

– Какие меж своими обиды?! – Лесовик утробно икнул, перевесился через стол, облапил Сучка и полез целоваться, но не преуспел, а только окунул плотницкого старшину физиономией в миску с капустой.

– Пусти, лешак! Спою! – возвестил из капусты мастер.

– Кондраш, ты её ротом, ротом! – закатился Нил.

– Да иди на хрен! – Сучок наконец-то выбрался из овоща. – Счас спою!

Ты не вейся, чёрный ворон,
Над моею головой,
Ты добычи не дождёшься,
Чёрный ворон, я не твой!

– Это не про меня! Меня с беспортошных времён грачом кликали, – махнул рукой Гаркун.

– Нишкни! – шикнул на него Нил и присоединился к своему старшине.

Что ж ты когти распускаешь,
Над моею головой?
Иль добычу себе чаешь?
Черный ворон, я не твой!
Иль добычу себе чаешь?
Черный ворон, я не твой!

Голоса плотников слились и окрепли, а по щеке Нила скатилась слеза, которую, впрочем, никто не заметил в горнице, освещённой одной-

единственной лучиной.

Завяжу смертельную рану
Мне подаренным платком,
А потом с тобою стану
Говорить всё об одном.

Двое мужей пели неслыханную ранее песню, а третий, подперев кулаком щеку, слушал их.

Калена стрела венчала
Среди битвы роковой.
Вижу, смерть моя приходит —
Чёрный ворон, я не твой!
Вижу, смерть моя приходит —
Чёрный ворон, весь я твой...

Последние слова растворились в тишине. Некоторое время все сидели молча.

— Эхма! Вроде звери, порубить да пограбить, даже живут, как звери, не говорят, как псы лают, — Сучок первым решился нарушить молчание. — А потом как подумаешь... Каково оно со стрелой-то в брюхе лежать да смерти ждать?! А тут даже ребятишки на смерть ходят. Вон из-за болота скольких вперёд ногами привезли...

— А и без них никак, Кондраш, — вступил в разговор Нил. — Вон, рассказывают, за болотом тамошний боярин на холопов, как на скотину, тавро ставил. Гераську-то видел, что при Рудном обретается? Вот у него на руке такое тавро и есть?

— Да неужто? — вытаращил глаза Гаркун.

— Есть-есть, не сомневайся. Сам видал, — ответил мастер и снова обратился к Сучку. — А если б нас так? Это ж они нас прикрывают...

— Да знаю я! Знаю, что без воев да без войны на свете не бывает! — вызверился Сучок. — А то мы с тобой, Шкрябка, в ополчении не стояли! Только неправильно это! Не должно так быть! Лучше, когда никого не убивают, а детишек в особенности!

— Лучше-то оно лучше, только где такое сыщешь? За тридевять земель разве, да и там, небось, друг дружку режут...

– Да ну вас к лешему шишки собирать! Развели тут! – Гаркун с видимым усилием сбросил опутавшую приятелей тоску. – Лучше послушайте, какую мы стерлядь по весне взяли.

– В вашей-то переплюйке? У нас в Пивени и то таких отродясь не ловили! – Сучок сам не заметил, что заговорил о Михайловом Городке как о чём-то своём.

– Ловить потому что не умеете! Хошь, счас пойдём и словим?

– Пошли! У меня тут бредень припасён! – подхватился Нил.

Весёлая троица выкатилась в августовскую ночь. Звёзды крошками голубого льда усеяли небо. Луна укрылась за небольшим облачком, и в звёздном свете недостроенная крепость смотрелась не как творение человеческих рук, а, скорее, как спина неведомого чудища, вынырнувшего подышать из глубин Пивени. И что с того, что существо такого размера могло поместиться в невеликой речке исключительно вдоль? На дворе стояла ночь – время, когда грань между явью и навью особенно тонка, когда над миром властвуют лешие, русалки, водяные и домовые, когда на чёрный свой промысел выходят оборотни и вурдалаки...

Они и не заметили, что засиделись дотемна, но не трем же отважным мужам бояться темноты? А если вурдалаки всякие попадутся – тем хуже для вурдалаков! Не вставай на дороге!

Три смелых рыболова отважно двинулись вперёд. Правда, почему-то в сторону от реки, зигзагами и изредка падая. Прodelки лешего, не иначе! Но не по силам ночной нечисти остановить трёх сильных и целеустремлённых мужей, что-то твёрдо решивших для себя. Так что Сучок, Нил и Гаркун, преодолев бесчисленные препоны, вновь вышли к воде примерно в полуверсте от крепости.

– От тут ловить будем! – Гаркун решительно взял руководство рыбалкой на себя.

– А чего здесь? Гляди, как заросло-то всё! – Сучок поправил зажатый под мышкой бочонок с яблоневкой и не менее решительно вступил с самозванным начальником в прения.

– А нам того и надо! Во-о-от такая стерлядь, она, того, хитрющ-щая! В траве прячется! – лесовик виртуозно отмёл возражения оппонента и вытер рукавом нос.

– Гаркуш, ты чего? – Нил качнулся, как мачта в бурю, но ни равновесие, ни мысль не потерял. – Это стерв..., стерб..., стер...лядь на этом... как его... на течении живёт, во!

– Не-е-е... там которая дура. А на хрена нам такая? А умная вся тут!

Прячется... Понял? Умная потому... Тут она... А ну, ти-ха!!! Спугнёте! – окончательно посрамил сомневающихся Гаркун и в ознаменование своего триумфа вручил товарищам крылья невода. – Порты... эта, того... скидывайте, сейчас ловить будем, но ти-и-ихо-о-о...

Заинтересовавшаяся происходящим луна краем выглянула из-за облака и тут же спряталась обратно, не в силах сдержать хохота. В процессе разоблачения охотники на «во-о-от такую стерлядь» умудрились плотно запеленаться в бредень. На земле. Все втроём. И теперь доблестно пытались выбраться.

– Водяной шалит! Стерлядь прячет! – лесовик сумел высвободить руки и принялся выпутывать товарищей из объятий рыболовной снасти.

– Угу, значит, точно тут стоит и уйти не может, вот! – Нил рванулся в нетерпении и угодил пяткой точно в нос Гаркуну.

– Уы-ы-ы! Тварь подводная! Всё равно поймает! – с этим воплем главный рыболов вырвался из тенет бредня.

– Точно, Гаркуш, видать, сильно умная, зараза... Но мы-то умнее! Всё одно поймает!... И сожрём! Под... яблоневку! – решительно согласился Нил и, в свою очередь, шустро выполз на четвереньках на волю. – Сучок, яблоневка где? Чтоб под стерлядь? Она же у-у-умная... а умную...ик... только на яблоневку и приманишь...

– Хррр! Хррр! – Плотницкий старшина так утомился борьбой с неведомой нечистью, что уснул прямо в сети, нежно обнимая бочонок.

– Ах... ик... ты... ик... стерва плешивая! – Нил не смог не воспользоваться случаем и вlepил своему старшине смачного пендаля.

– Алллё-о-ону-у-ушка-а-а, ну что ты дерё-о-ошься! – Сучок зевнул во весь рот, перевернулся на другой бок и одной рукой обнял Нила за ноги.

– Ты что удумал?! – взревел тот и наградил старшину новым пинком.

Сучок сел. Некоторое время он ошалело вертел головой, судорожно ощупывал драгоценный бочонок, потом успокоился, собрался с силами и встал. Однако какая-то мелкая нечисть оказалась тут как тут и подставила старшине подножку...

– Ты...ик...чего про... это... яблоневку? – отозвался мастер уже из «партера».

– Дык... эта... того... для стерляди, – окончательно вытряхнул Сучка из бредня Гаркун.

– За каким... ик... хреном?

– Дык... эта... Кондраш... она... эта... умная, вот! – рубанул рукой воздух Нил. – Только, эта, на яблоневку... ик... и приманишь!

– Да ну?!

– А то! – Гаркун отодвинул Нила. – Ты, Сучок, раньше... того... бражку без яблонежки пил?

– Ну пил... – утвердительно кивнул старшина.

– Вот... И я пил! А хоть раз вот та-а-а-ую стерлядь ловил? – Гаркун развёл руки чуть не на сажень, едва не рухнув при этом на спину, но Нил успел ухватить его за рубаху.

– Не, не ловил... – всхлипнул Сучок.

– Во! – наставительно изрёк Гаркун. – А тут такая... Её только на яблонежку... Доставай!

После яблонежки дело пошло веселее. Не прошло и получаса, а Сучок с Нилом уже развернули бредень и принялись героически продираться с ним сквозь осоку, причём яблонежку старшина из рук так и не выпустил, а Гаркун стал загонять рыбу в сеть, со всей дури молотя кругом себя предусмотрительно захваченным с лесопилки дрыном.

Сгорающая от любопытства луна давно вышла из-за облака, и её серебристый свет щедро лился на заполненную ночным туманом низину. Над молочно-серебристым покрывалом виднелись лишь головы и плечи неутомимых рыболовов, размеренно перемещавшихся в разных направлениях.

– Ну и где она, стерлядь твоя?! – раздражённо спросил Сучок.

– Мужики, вы гляньте! – Гаркун вместо ответа лязгнул зубами и вытянул дрын, указывая им куда-то.

Сучок и Нил подняли глаза в указанном направлении. Над туманом в ночном небе плыл свет.

– Это что? – Нил разом побледнел.

– Русалки! – громким шёпотом отозвался Гаркун. – Заманивают!

– Нельзя мне к ним! Да ещё без портов! – Сучок побледнел ещё больше Нила. – Алёна прознает – убьёт!

– Глядите, и там тоже! – зубы Нила уже заметно стучали. – Окружают!

– Ох, утянут на дно! Пропадём! – Гаркун схватился за голову. – Наговор надо, а не помню ничего!

– Ох, тут уже! – Нила охватывала паника.

– Алёна убьёт! – мотнул головой Сучок.

– Откуда узнает? – Нил сумел взять себя в руки.

– А я почём знаю? Пронюхает!

– Чего делать-то?! – Гаркун щёлкнул пальцами, тщетно пытаясь вспомнить наговор от русальего лиха.

– Нырять! – рывкнул вдруг Сучок и, навалившись на приятелей, увлёк их вниз, в туман.

«Ух, как дно-то близко! Рожей с размаху, ууу!!! Глубже ведь было! Водяной воду увёл! Стерлядь прячет! Ничо, в траве пересидим! Только б эти раньше времени... Брыкаются, заразы!»

– Тихо! – старшина зашипел не хуже гадюки. О том, каким образом ему это удаётся под водой, Кондратий Епифанович не задумался.

– Кондраш, вода где? – спросил Нил полузадушенным шёпотом.

– Водяной увёл! – отрезал Сучок. – Гаркун где?

– Тута я, – лесовик на карачках выполз из клубов тумана, – русалки где?

– Пока спрятались от них, только надолго ли? Ты заговор вспомнил? – Сучок с надеждой посмотрел на товарища.

– Неа, отшибло! Пропадём теперь! – Гаркун в отчаянии плюхнулся на задницу.

– Молиться надо! – просипел Нил.

– Точно, Шкрябка! Молитва святая, она того, нечисть отгоняет! – Плотницкий старшина мгновенно обрёл уверенность. – Русалок отгоним, сами не сгинем и Алёна мне ничего не отобьет... и не оторвёт!

– Вы чего? – Гаркун в недоумении развёл руками.

– Ж... наши спасаем, вот чего! – снизошёл Сучок. – Давай, повторяй за нами! Не бойсь, поможет! Средство верное! Начали, Шкрябка!

– Чего начали-то?

– Да «Тресвятие», чего ещё-то! Гаркун, гляди за русалками и повторять не забывай!

Туман легко поглощал слова молитвы, несмотря на то, что «рыболовы» орали её во весь голос заплетающимися языками. Сила святого слова оказалась велика.

– Уходят, чтоб меня, уходят! – громким шёпотом возвестил Гаркун, старательно крестясь вслед за товарищами. – Действует!

– А то! Молитва – это дело такое! – Нил ухмыльнулся с видом победителя.

– Назад повернули! Заметили никак! Опять надо! Наговор ваш Христов им глаза отводит!

– Снова! Начали! – распорядился Сучок и первым завёл. – Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Бессмертный – помилуй нас!

– Сучок, действует, но не совсем! Нырять надо! Мы ж прошлый раз под водой сидели! Тогда совсем добро! – Гаркун в свою очередь свалил приятелей в туман.

Некоторое время из-под полога тумана раздавались слова молитвы, а потом осторожно показалась голова.

– Фу, ушли! Сильный у вас, христиан, наговор! Только нырять ещё надо! Без ныряния, того, не действует! Собака серая, всю харю об дно разбил – мелко! Ладно, давайте стерлядь ловить, а чуть что, так под воду и того! Всё, бредень берите!

«Три смелых рыболова», кряхтя и охая, нашарили бочонок и бредень, развернули последний и опять приступили к ловле. Некоторое время они ходили взад и вперёд по туману, а потом, когда концентрация винных паров под влиянием ночного холода немного уменьшилась, в их головы начала закрадываться мысль, что что-то здесь не так.

– Э, а вода-то где? Тут воробью по яйца! – первым озвучил общие сомнения Нил.

– Водяной, не иначе! Стерлядь бережёт! – выдал гипотезу Гаркун. – Это он воду увёл!

– Так искать надо! – махнул рукой Сучок. – Чего встали? Пошли!

– А куда? – Нил поскрёб в затылке. – Где она, вода-то?

– Там! – Старшина указал рукой то ли на север, то ли на запад.

– Двинулись, ик! – Гаркун вцепился в серёдку бредня.

Долог и тернист был путь через туман. Осока заплетала ноги неустойчивых добытчиков, камни и коряги норовили свалить наземь, туман застилал глаза, но разве эти мелочи могли остановить доблестных мужей, твёрдо решивших преодолеть козни водяного и поймать так тщательно оберегаемую подводной нечистью стерлядь? Да никогда! Никакие препоны и жертвы на пути к великой цели не имели сейчас значения, даже оставленные где-то в ночной тьме порты и поршни...

Три товарища шли твёрдым шагом, а если их и мотало при этом из стороны в сторону, то только потому, что нечисть из последних сил тщетно пыталась помешать отважным ловцам. Гаркун с Нилом даже затянули какую-то бодрую песню, правда, никак не могли вспомнить слова, а потому энергично мычали.

– Левой, левой! Ррраз! Ррраз! Раз-два-три! – подсчитывал ногу Сучок, вспомнив, как это делали на плацу Михайловы отроки. Для пущего веселья он ещё в такт стучал по бочонку.

– Вода-а-а-а! – от вопля Нила в крепости проснулись все Прошкины щенки.

– Бредень заносите! – распорядился Гаркун, в свою очередь поняв, что стоит по колено в реке.

– Ну, держись, водяной! – Сучок вцепился в сеть.

– Смотрите! – Лесовик вытянул руку вперёд.

Плотники взглянули в указанном направлении и обомлели. В ночном небе опять плыл огонь.

– И там! – Гаркун снова исполнил роль «чёрного вестника».

– Русалки! Опять выследили! Меня ж Алёна убьёт! И вас тоже! – Сучок схватился за голову.

– Наговор! – от рёва Гаркуна заложило уши. – Нырять!

– Святой Боже... – начал Нил, уже летя головой в воду.

– Святой крепкий... – подхватили за ним старшина и лесовик.

– Буль-буль-буль, – отозвался из-под воды Нил, а потом с шумом вынырнул, с хрипом втянул в себя воздух и продолжил: – Святой бессмертный, помилуй нас!

– Буль-буль-буль, – поддержали его Сучок и Гаркун.

Так продолжалось довольно долго. Первым опомнился Нил.

– Всё, вылезайте! Отогнали! – возвестил он, улучив момент, когда все оказались над водой.

– Фу-у-ух! – Гаркун, пошатываясь, выбрал на берег и упал на землю.

За ним выбрались остальные. Все трое в изнеможении растянулись на прибрежной траве – борьба с нечистью отняла все силы. Даже говорить не хотелось. Становилось холодно, и зубы приятелей начали ритмично постукивать.

– Студёно, – пожаловался Гаркун.

– Согреться бы! – поддержал его Нил.

– Сейчас! – ответил Сучок и зашарил руками по траве.

Говорят, бог бережёт пьяных. По крайней мере, плотницкого старшину он точно решил побережь. Через несколько мгновений пальцы мастера нашарили заветный бочонок. Товарищи по очереди приложились к нему. Ласковое тепло разлилось по их телам, наполняя члены силой, а сердца мужеством. Друзья переглянулись, кивнули друг другу и вновь полезли в воду.

Наконец-то появился улов. Заброс бредня принёс кучку серебристой мелочи.

– Шалишь, тинобородый! Стерлядь давай! – Гаркун аж приплясывал от нетерпения, вытряхивая сеть.

– Не бойсь! Словим! – Нил снова полез в воду.

– Что, опять? – Сучок устало вытянул руку в сторону вновь появившихся в небе огней. – Ну что, мужи, начали?

– Святой Боже... буль-буль-буль, – отозвались Нил и Гаркун.

Лов, периодически прерываемый душеспасительно-водными процедурами, продолжался долго. Только волшебная яблоневка придавала

ловцам силы. Едва они выбрались в очередной раз на берег, как в ночной темноте заголосил петух. Морок, насланный нечистью, потерял силу, ведь каждому несмышлёнышу известно, что власть у ночной нави только до первых петухов.

Сучок, Нил и Гаркун с облегчением уселись на землю. Напряжение отпускало. Яблонежка полилась в глотки. Она-то и стала последней каплей: первым опрокинулся и захрапел Гаркун, за ним тут же последовал Нил. Старшина пытался удержать ускользающее сознание, но не смог. Последнее, что он успел увидеть, прежде чем ухнул в омут сна, была лежащая на траве шагах в шести от воды стерлядь.

Глава 2

Август 1125 года. Михайловская крепость

Дзынь-бом, дзынь-бом! Звон молотов казался нестерпимым. Их гулко-звонкие удары отдавались в висках и оттуда расходились волнами по всему телу. Одинокaя мысль заползала в голову, как полупридушенный червяк, то и дело останавливаясь и норовя сдохнуть.

«О-хо-хоо... Чего это кузнецы так дилимбоняют? Никак, Кузька с Мудилой спелись... Совсем спасу от них не стало... И чего ночью? Дня мало?»

Тут Мудила с одной стороны, а Кузьма с другой со всей дури вlepили молотами прямо в виски плотницкому старшине. Вместе с чувством расплющивающейся головы пришло осознание себя, времени и пространства. А также того, что кузнечных дел мастеров рядом не наблюдается.

«М-мать!! Утро уже! Етит твою в качель, утро!! На работу пора! А где мы? Ёрш твою, чего было-то?! Вставать надо, там разберёмся... Ещё Шкрябка и Гаркун со мной были вроде... Они-то где?»

Сучок открыл глаза. Веки подчинялись с трудом, всё время норовя рухнуть обратно. Мир предстал пред плотницким старшиной серым, размытым и нечётким, а голова просто взорвалась болью. Мало того, внутренности вдруг запросились наружу, солнце не ко времени прорезало безжалостно ярким лучом окружающую серость и, как кнутом, хлестнуло по глазам. Но и этого оказалось мало неведомым мучителям раба божия Кондратия: внезапно он осознал, что во рту его ночевало целое половецкое кочевье, причём со всеми лошадьми, баранами и козлами, и подлые половцы не только выпили всю воду в округе, но ещё и обильно нагадили.

– Старшина? – раздалось откуда-то сверху.

– Ыхо? – втрое распухший, сухой и жесткий, как наждак, язык не желал слушаться хозяина.

Сучок с трудом снова открыл глаза и, кряхтя, словно столетний дед, сел. Всё его тело отозвалось на такое неслыханное издевательство резкой болью; болело всё, даже то, о существовании чего он до сего часа не догадывался, а голова вовсе вообразила себя колоколом с соборной колокольни. Выждав, когда перед глазами перестанут переливаться цветные

круги, а яркие и весьма шустрые мухи начнут мельтешить помедленнее, плотницкий старшина всё же сумел рассмотреть стоящих над ним пятерых конных и оружных отроков.

– Чыхо надо? – язык повиновался уже лучше.

– Старшина, утро уже! – Урядник с трудом сдерживал смех. – Мы тут порты ваши привезли...

– И на том спасибо! – Стыд, боль и злость придали Сучку силы достаточные для того, чтобы встать. – Где одёжа-то?

Урядник кивнул одному из отроков. Конопатый парень слегка тронул коня каблуками и, поравнявшись с жертвой яблонежки, протянул ему свёрток.

– Благодарствую! – Сучок с трудом сохранял равновесие, пытаясь натянуть портки, одновременно косясь и на храпящих товарищей, и на героически сдерживающих смех отроков. – Что одёжку сыскали – молодцы, спасибо, а теперь ступайте, недосуг нам.

– Ничего не выйдет, старшина. Вы возле табуна колобродили, коней перепугали, детишки холопские, пастухи которые, чуть заиками не поделались, стража на стенах и та вопли ваши слышала, думали, нечисть завелась. Потом, как молитву услышали, поняли... Велено вас к бояричу вести.

– Да ты что?! – привычно вскинулся Сучок, но вдруг скривился от головной боли, а также неожиданного и непривычного чувства раскаяния, и махнул рукой. – Ладно, твоё дело служивое. Помогите лучше мужей на ноги поднять и воды дайте, а?

«Етит твою, перед сопляками стыдно... Дожил! Сейчас пойдём, во чистом поле три дубочка... Даже драться неохота. Не с чего – сам дураком выставился... Ох, как башка-то трещит! Как стая дятлов поселилась и долбит...»

Парни-то ни в чём не виноваты – служба у них. Велели привести и приведут.

Так ведь и у меня служба! Артельным моим служба, Алёне служба, мастерству, красоте, будь она неладна! И хозяевам служба, никуда не денешься! А я, м-мать... Это что ж, я чуть опять своих в малину срать не сводил?! Виниться теперь перед бояричем этим недопоротым придётся?

А и повинюсь, ради артели-то! Да и правы они! Ох, мутит-то как... Ну дела-а-а...»

– Возьми, старшина. – Старший разъезда протянул мастеру флягу.

– Благодарствую, урядник, прости, не знаю, как звать. – Сучок

запрокинул голову и одним глотком высосал воду.

– Павел... Младший урядник Павел, – пролепетал отрок, с трудом удержавшись в седле и хлопая глазами: похмельный вежливый Сучок поразил его в самое сердце.

Старшина нагнулся над свернувшимся в клубок оглушительно храпящим Нилом и потряс его за плечо. Безрезультатно. Сучок потряс сильнее. Нил, не просыпаясь, лягнулся.

– Ах ты! – Сучок, и сам желавший сейчас больше всего на свете рухнуть рядом со своим приятелем и забыться, в праведном гневe пнул спящего.

– Да иди ты! – заявил, не просыпаясь, Нил, зевнул, выпустив на волю волну перегара, от которой распускающиеся навстречу встающему солнцу полевые цветы враз поникли головами, перевернулся на другой бок и снова захрапел. Из зарослей осоки ему вторил Гаркун.

– Так дело не пойдёт! – Сучок полез поскрести плешь, вновь перекосясь от головной боли и с надеждой взглянул на старшего разьезда. – Господин урядник, пособи. Вели мастеров водой окатить, не тащить же их в крепость! И ещё водички дай, а? Нутро горит!

– Илья, Терентий, выполнять! – коротко бросил урядник. – И фляги старшине отдайте.

Названные отроки спешили, отвязали от перемётных сумм притороченные к ним кожаные складные вёдра, наполнили их из реки и резко опрокинули на спящих плотников.

– Ой, б..! Да кто на... У, б..! – маловразумительный, но энергичный дуэт огласил речную пойму.

Наконец Нил и Гаркун сумели продрать глаза и, кряхтя, охая, поминутно хватаясь за головы и другие части организма, кое-как утвердились на нижних конечностях.

– Чего? – задал главный вопрос Нил.

– В заднице черно! – отозвался плотницкий старшина. – Одевайтесь, на работу пора! Только к Лису зайдём, а то ему кусок в горло не лезет, вот как нас видеть желает!

– О как! – Гаркун трубно высморкался при помощи двух корявых пальцев и принялся натягивать порты.

Через некоторое время, героически преодолев сопротивление одежды и обуви, три мастера в сопровождении почётного караула из конных отроков, медленно и то и дело потирая раскальвающиеся головы, направились в сторону ворот. Сучок и Нил временами бросали завистливые взгляды на Гаркуна, прикладывающего к голове холодную стерлядь, и

жадно-вожделённые – на бочонок с остатками яблонежки, торжественно ехавший в седле вместе с младшим урядником Павлом.

Судьба имеет обыкновение наказывать людей на всю катушку, если уж взялась это делать. Нынешний случай не стал исключением. Не успели Сучок, Нил и Гаркун в сопровождении свиты вступить на мост, как с воротной башни Дударик сыграл побудку. «Вставай, вставай, сапожки надевай!» – издевательски пел рожок.

Крепость взорвалась топотом, криками, командами: «Выходи строиться!», «На оправку, справа по одному, бегом, ступай!», «Кого там за тайные места потрогать?!», «Шевелись, ослы иерихонские, последний от меня как следует огребёт!», «Десяток, направо! Правое плечо вперёд, бегом ступай!»

Вот в этот организованный хаос нетвёрдой походкой пожилой колченогой вороны со стерлядью наперевес и вступили плотники. Часовые при воротах, ставшие первыми свидетелями их шествия, отворачивались, героически пытаясь скрыть ухмылки. Старший наряда подмигнул младшему уряднику и глазами показал на Сучка. Павел кивнул в ответ.

«Ети ж меня долотом! Стыдоба-а! Вон как зубы скалят... А сейчас и болотники вылезут... И тут мы! И Гаркун с нами! Тёпленькие! Как теперь лесовиков-то к делу приставлять? Вроде и решили всё по уму, только теперь на смех подымут, что ни скажи... Чего делать-то?»

Сотоварищи плотницкого старшины будто прочитали его невесёлые мысли, хотя что тут было читать? К ним самим судьба точно так же повернулась филейной частью и громко испортила воздух.

– Ох, подохну сейчас! – Вид Гаркуна исчерпывающе описывался фразой «краше в гроб кладут». – Сильна твоя яблонежка... Ух! И мои сейчас повылезут, а тут мы... Стыдоба! И чего теперь боярыня скажет? И Лис этот? Это кто вообще-то?

– Боярич Михаил. Ничего хорошего он не скажет! – Изжелта-бледный Нил, ради того, чтобы просветить нового приятеля, оторвался от выпрошенной у конвойных фляги, к которой присосался, как изголодавшийся младенец к материнской титьке. – Ну, Сучок! Зарекался же с тобой пить! Как сядешь, так незнамо где проснёшься... Но чтоб на работе – такого сроду не было... От-то сейчас твои, Гаркун, по нам оттопчутся! И по тебе тоже...

Верно говорят: «Не буди лихо, пока оно тихо!» Не успел Нил закончить фразу, как на крепостной двор один за другим начали отовсюду выныривать лесовики. Поначалу, привлеченные доносящимися из поварни

запахами (работников кормили раньше всех, пока отроков терзали на зарядке и пробежке), они не обратили внимания на похмельных мастеров, но на тесном крепостном дворе не столкнуться с кем-либо нос к носу было невозможно. Этим кем-то оказался Бразд Буня^[16] – здоровенный властный детина, неторопливо следовавший от нужника к трапезной в сопровождении двух таких же дюжих сыновей.

– Здорово, Гаркун! Ты чего зелёный, как лягуха? – издевательски уперев руки в боки, осведомился он. – А посак^[17] этот лысый с тобой, что ли? Или ты с ним?

Гаркун попытался гордо проковылять мимо, а Сучок героически старался сделать вид, что ничего не слышит, но Бразд не унимался:

– Э-э-э! То-то гляжу: как связался с этими, так от напёрстка и закосел! – презрительно скривившись, он отвернулся от Гаркуна и раздумчиво провозгласил во всеуслышание, обращаясь уже не к нему, а то ли к пролетавшим над крепостью воронам, то ли вообще к мирозданию. – И чего это наша боярыня такого в старшие поставила? Оттого, видать, что меня под рукой не случилось, вот и пришлось ей этого баламошку^[18] ставить. Я б такого и навоз выгребать не послал, верно, сыны?

Два молодых лося радостно заржали в ответ на батюшкину шутку, а лесовик продолжал вещать:

– Вот он с дури и связался с ерпылем^[19] этим лысым да с его мастерами – руки из задницы!

– А ну, заткнись! – Гаркун развернулся, поддёргивая рукава рубахи. Нил встал рядом с ним, Сучок побагровел, но с места не сдвинулся.

– Пятёрка, болт наложи! – Младший урядник прекрасно помнил, чем кончаются такие перебранки между строителями, а также то, что пресекать их надо в зародыше.

– Господин урядник! – неожиданно спокойный голос плотницкого старшины резко контрастировал с его же перекошенным лицом и играющими на скулах желваками. – Не в службу, а в дружбу: пошли отрока на поварню сказать, чтобы этих не кормили сегодня. Видать, сил много, раз свару затевают. Пусть попостятся! Мне, уж прости, недосуг, боярич Михаил дожидается!

– Гхы, – поперхнулся от удивления парень (впрочем, обалдел не он один). – Отрок Капитон, ступай на поварню, передай Плавe, что старшина плотницкий велел.

– Слушаюсь, господин младший урядник! – Мальчишка вскинул правую руку к шлему (такую манеру чествовать старших не так давно ввёл

боярич Михаил) и поворотил коня.

В небольшой толпе, собравшейся к тому времени, слышались смешки. Уж очень потешно смотрелся Бразд, раздувшийся было от спеси, как жаба: по мере осознания слов Сучка и последовавших за ними действий урядника он медленно выпускал из себя воздух.

– Пойдём, урядник! Боярич заждался! – Сучок победно ухмыльнулся, окончательно утверждая победу в этом поединке за собой.

– Слушаюсь, старшина! – младший урядник Павел улыбнулся во весь рот и молодцевато вскинул руку к виску.

«Это что ж получается, и так можно? Без битья, без ругани? Сказал – и послушались? Дела-а... Вот тебе и яблоневка! Осенило с похмелюги! Ведь не сомневался же, когда сказал! Может, оттого и послушались?»

Вот оно значит, как властвовать-то... Точно, как на руке пальцами – само собой! Ну бабка, ну ведьма!»

Плотницкий старшина с помощниками и охраной двинулся сквозь расступившуюся толпу. Сучок шёл впереди с гордо поднятой головой, да и товарищи его приободрились, правда, чего им это стоило, знали только они сами. Один короткий разговор изменил всё – теперь не устроившие пьянку работники шли на расправу к хозяину под охраной хозяйских слуг, дабы сбежать не вздумали, а уважаемые мастера в сопровождении почётной охраны шествовали на доклад к нанимателю в начале рабочего дня. Торжественную картину несколько портили расцветка лиц и стерлядь, которую Гаркун нёс наперевес хвостом вперёд, да ещё свежий утренний ветерок разносил над крепостью непередаваемый аромат перегоревших в утробах мастеров яблоневки и браги.

Боярич Михаил встретил мастеров неласково.

– Вольно! Свободен! – бросил он разлетевшемуся с докладом Павлу. – Ступайте на развод сменяться, потом в трапезную и спать!

– Так точно, боярич! – вытянулся Павел. – Разреши выполнять?!

– Разрешаю!

– Слушаюсь! – Младший урядник козырнул и мгновенно исчез.

Боярич поморщился. Воздух в светлице после недолгого пребывания в ней плотников стал похож по густоте на не до конца схватившийся студень, а густой аромат перегара оттенили свежие рыбные нотки. На стол упала с потолка муха. Михаил задумчиво посмотрел на неё и смахнул ладонью на пол.

«Вот те на! Мухи с яблоневки дохнут... Всяко бывало, но такое в

первый раз!»

– Теперь с вами, мастера, – Михаил мрачно, как показалось троим понурым страдальцам, ухмыльнулся и ещё раз сморщился, втянув воздух. – Видел я, старшина, как ты лесовика отшил, и, что сказал, слышал. Надо бы и наказать вас за то, что учинили, да ты сам себе кару выбрал. Назад теперь пути для тебя нет – хоть сдохни, но себя держи, иначе сожрут. Да ты и сам себя сожрёшь, если слабину хоть раз дашь. Понял меня?

Сучок, соображавший пока что с трудом, вначале услышал лишь одно – то, чего боялся больше всего, настолько, что и себе в этом признаться не хотел. И затосковал.

«Сам себе кару выбрал?.. И он, что ли? Прав Бурей, конец мне пришел – и Лис туда же, вон как зыркает – будто и нет меня. Хотел я из петли вылезти, а сам себе все обгадил...»

Но постепенно до него стал доходить смысл сказанного. Словно в затянутом январским морозом стеклянном оконце, которые ладили в избах в Киеве и других больших городах вместо волоковых, оттаяли дыханием пятнышко с поросячий пятак. Потом его протирали, увеличивая все больше и больше, так что мутный беспросветный мир за ним потихоньку светлел и начинал пропускать в дом лучи хоть и зимнего, но в мороз яркого солнца...

«Стой, погоди под себя жидко гадить, не про то Лис сейчас... Это что же деется-то? Как будто хвалит? Ну, не ругает точно! Думал, он меня сейчас, как дед, того... Или виру положит... А он – «ты сам себе кару выбрал»... Ох, эти меня, правда! Не о похмелье речь и не о том, что Серафим говорил, – о деле. Я же мужа смысленного своей волей наказал, если слабину дам – не простят... Теперь хоть сдохнуть, а себя держать... Вот это да! Ну, Лис!»

– Да! – плотницкий старшина зябко передёрнул плечами.

– А раз понял, иди работай! Других наказал, теперь сам наказание прими. Вас, мастера, всё это тоже касается, – боярич хотел было повернуться к столу, заваленному листьями бересты с записями, но передумал. – Хотя, постойте! Я вас чего позвал-то... За вашу задумку с башней хвалю! Очень она наставнику Филимону понравилась. А тебя, старшина, ещё и за то, что Гаркун здесь.

– Благодарствую, боярич! – Сучок с достоинством поклонился, морщась от тошноты и головной боли. За ним поклонились и Нил с Гаркуном.

– И еще погодите, – остановил их Михаил, а потом гаркнул. – Антон!

– Урядник Антон по твоему приказу явился, боярич! – доложил выскочивший, как из-под земли, отрок.

– Антон, забери у мастера Гаркуна рыбу и отнеси к Плаве. Вели уху сварить к ужину для старшины и его подручных. На троих и погуще. Бочонок, что у них отобрали, вечером им отдашь.

– Слушаюсь, боярич! – вытянулся Антон и исчез так же, как и появился, унося с собой стерлядь.

– Ну, идите, мастера, – улыбнулся боярич. – Тяжёлый денёк у вас будет.

Сучок, Нил и Гаркун вывалились на гульбище, на котором в такую рань уже толкалась толпа жаждущих увидеть боярича. Первыми стояли наставники Филимон, Макар и Тит, а рядом с ними, но чуть наособицу – Илья.

– Здравы будьте, наставники! – Плотницкий старшина поклонился, Впрочем не слишком низко. Дело было не столько в гордости, сколько в том, что при попытке наклонить голову глаза у Сучка норовили вылезти из орбит и торчать на рожках, как у улитки.

– И вам здравствовать, мастера, – ответил за всех Филимон. – Дело у нас к вам. Со стрелковыми помостами решать надо, да и про башни потолковать стоит.

– Верно, надо! Только не здесь, тут, того и гляди, ноги отдавят и галдят, как бабы на торгу. – Гудящая голова мастера настоятельно требовала тишины. – Пошли где потише...

– Идёт! Давайте к нам в горницу! – вступил в разговор Макар. – Только по-быстрому, а то развод скоро.

В не слишком просторной и скудно обставленной наставницей пахло свежим деревом, кожей и воинским железом. С первого взгляда становилось понятно, что люди тут не живут. Сюда заходят, разговаривают, решают какие-то дела, порою спят, но и только. Зато на столе, занимавшем большую часть горницы, обнаружилась преизрядная бадья с квасом.

К ней мастера в первую очередь и приникли, несколько погрешив против вежества.

– Хе, – Филимон подкрутил ус, – хорошо погуляли? А с какой радости?

– Угу! Давненько так не случалось! – Сучок от выпитого кваса покрылся потом, даже голову на мгновение отпустило, а потому пребывал в дивном согласии с миром. – Вон, с Гаркуном мирились.

– Да слышали! Девки, рассказывают, замужем не побывав, чуть не разродились с перепугу, – Илья разгладил усы и напустил на лицо выражение, предварявшее обычно одну из многочисленных его историй. – Вот помню, годков десять тому, ходили мы с покойным великим князем...

– Нишкни, Илья! Не до баек твоих! – Филимон недовольно глянул на обозного старшину. – А раз помирились да погуляли хорошо, давайте дело делать!

Все споро разместились на лавках вокруг стола.

– Значит так, мастера, – отставной полусотник сразу взял быка за рога. – Помните, что вам Тит про помосты стрелковые толковал, после того, как вы старые боярыне Анне показали?

– Забудешь его! – Лицо плотницкого старшины перекопилось от чего-то, подозрительно похожего на ужас, при воспоминании о речи, которую держал перед ними тогда наставник Тит.

– А подумали, как исправить? – Филимон с трудом скрыл в бороде улыбку.

– Подумали, – Сучок с вожделием покосился на бадью с квасом, потёр лоб и повернулся к помощнику. – Давай, Шкрябка, рассказывай!

– Значит так, – сипло начал Нил. – Верно ты, Тит, тогда сказал, что с самострелом по пояс из-за тына выскакивать несподручно, а лучнику без того никак. И по лестницам карабкаться, когда ворог насаждает, радости мало. Вот и придумали мы, что сами помосты оставим, как есть, только спуски к ним пологие пристроим, такой ширины, чтоб двоим оружным разойтись. И перилами огородим...

– По мне так годится, – одобрил Филимон, – Макар, Тит, вам как?

– Пошире бы спуски, – начал наставник Тит.

– Думали! Никак! – Сучок в сердцах стукнул кулаком по столу. – Пока стены не выведем и валы не отсыплем да всё, что близко к стенам, не поставим, не выйдет! И так-то не повернуться, а если спуски широкие сделаем – совсем беда! Ничего из того, что рядом со стенами, достроить не сможем! Зато потом я вам хоть четверых в ряд пущу!

– Ладно! На первое время и так сойдёт, – Филимон похлопал ладонью по столу, гася в зародыше назревающий спор. – А с загородками для стрелков что?

– Тоже придумали, – снова взял слово Нил. – Сделаем из жердей как бы клетку...

– А клетку зачем? – вскинулся Макар.

– Не перебивай! – мастер свирепо зыркнул глазами. – Сделаем как бы клетку, для того, чтобы переставлять можно было! На эту клетку сверху, навроде крыши, и спереди, навроде стены, можно на гвоздях деревянных щиты набить из срезков с нашей лесопилки, да из половинок брёвен, тех, что похуже, а когда переставлять придётся, то и снять эти щиты просто. Стрелу удержит, не сомневайся!

– А самим стрелять как? – недовольно буркнул Филимон. – Между срезками твоими?

– В щитах бойницы прорежем, крестом! – махнул рукой Нил.

– А крестом зачем? – Тит аж подался вперёд.

– Чтобы и из самострела, и из лука стрелять способнее было! – Мастер, похоже, поразился недогадливости собеседников. – Лучнику сподручно через стойку креста стрелять, а стрелку – через перекладину! Неужели не понятно?! Сам же требовал!

– Эвон как! Хитро! – расплылся в улыбке Тит. – Требовал, не отпираюсь. Только сам не слышал о таком никогда, чтоб и из луков, и из самострелов за раз, да из-под крыши. Да и самострел до Миньки раза два видел. Пыху вам надо было сбавить, а гляди какое дело вышло! – Наставник по очереди подмигнул Сучку и Нилу.

– А чего ж тогда изгалялся? – развёл руками Сучок.

– А чтоб ты, голубь, лучше работал да делом, а не дурью башку забивал, – ответил за Тита Филимон. – И толк с того вышел: так нигде не строят, а вы придумали! Вот так помосты и ставьте! И подумайте, как такие заборолы насовсем поставить, когда стены до конца выведете.

– Придумали уже, чай головы на плечах – не задницы, – съязвил Нил.

– Вот повернул, оглоблю тебе в грызло! – беззлобно выругался Сучок. – Тогда думай, воевода великий, где мне столько срезков набраться? Где набраться-то знаю, а как их в крепость тянуть?

– И не собираюсь. У нас для того Илья имеется.

– Что, витязи, как до дела дошло, так и Илья зандобился? То-то! – обозный старшина ухмыльнулся в свою необъятную бороду и воздел палец кверху. – Ты чего в крепость тянуть собрался, Кондрат? И так брёвна тебе без продыху возим.

– Тут дело такое – жердины надо много да бревна тонкого, кожи бы ещё не помешало... – начал было Сучок.

– Ишь, кожи ему! Нету столько! – недовольно перебил Илья. – Ты мне лучше скажи, где я тебе людей, коней да телеги возьму? Рожу, что ли? С лесосеки таскать – так там за день телега один раз оборачивается! А много на неё нагрузишь? Сам же орёшь, ирод, вози быстрее да вози быстрее!

– И буду орать! Мне строить надо! – Плотницкий старшина начал потихоньку закипать. – Хорошо, что вы деревья на будущих росчистях подсекли да на корню сохнуть оставили, а то настроили бы из сырья-то! Тьфу! Так ведь кончится лес скоро! Язык оббил всем орать, что всё бросить, но лес на делянках подсекать, чтоб сох!

– Не кипятись, старшина! – Филимон опять поднял руку в

примирияющем жесте. – Везде подсекают, сам знаешь, на всех новых росчистях и здесь, и вокруг Ратного, и на выселках...

– Мало! – Сучок грохнул кулаком по столу. – Сколь раз говорено! Кто так строит?!

– Да ты чего разорался-то, Кондрат?! – Илья воинственно крутанул роскошный ус. – Коли придумал чего, так выкладывай!

– Снизости, дожид до светлого денёчка! – Плотник издевательским жестом воздел руки к небу, но тут же прекратил ерничать. – Так сделаем: Шкрябка, скажешь Матице и Скобелю, чтоб каждую годную лесину по дороге на лесосеки вспомнили, каждую!

– Скажу, а зачем? – страдальческим голосом спросил Нил.

– Затем! – комментарий Сучка поража лаконичностью. – Гаркун, в помощь этим двоим, как уговорено, дашь артель из своих, человек десять, умных особо не надо, главное, чтобы здоровые были!

– Сделаю, – слабо кивнул головой лесовик, – только что, если запрягутся?

– Переупрямим! Нам не впервой! – недобро усмехнулся Макар. – Будь в надежде, старшой!

– Теперь помощь от вас нужна, господа наставники, – Сучок сам не заметил, как перешёл на принятое в Младшей страже обращение, – скажите Лису да боярыне, чтобы собрали всех детишек холопских, кто топор держать может, и тоже к Матице со Скобелем приставили – лесины подсекать да жердину на щиты рубить. И поросль пусть не забывают – плетней из неё наплетём – всё ж легче!

– Сделаем! – кивнул Филимон.

– Тогда пусть и к дороге стаскивают! – встрял Илья. – И шкурят, и колют там же! И плетни плетут тоже! Неча лишнего возить, и так кони из сил повыбились! Пуцай на каждую телегу, что с лесом обратно идёт, догрузят, сколько возница скажет, а сами рядом пёхом, чтобы в случае чего лошадям помочь. И две телеги пошлю только жердины возить, но возницы на них с вас – я рожать не обучен!

– Договорились! – Сучок энергично кивнул и тут же скривился – головная боль тут же напомнила о себе. – Только работников утром на своих телегах развезёшь!

– Ишь, ленивые какие пошли! – обозный старшина поудобнее утвердил своё седалище на лавке и огладил бороду. – Вот, помню, Корней только Фрола, отца Михайлова, женил...

– Иль-я-я-я! – протянул сквозь зубы Филимон.

– Да отвезу я! Мне лошадей жалко! Хоть бы овса им побольше давали,

взяли же за болотом достаточно! – Илья в упор глянул в глаза Филимону.

– Овёс строевым коням нужен! Их тоже набрали! – отставной полусотник явно продолжал застарелый спор.

– Вот и вози тогда на строевых! – Обозный старшина пристукнул кулаком по столу. – Или овса у Михайлы добывай, или сам возить будешь! Не потянут кони такую работу на одной траве да той горстке зерна, что вы, витязи, насоветовали Михайле обозным лошадям выделять! Что ты, что Лёха: «Конь – боевой товарищ, его обделять нельзя!» Верно, нельзя! Только работников не кормить тоже нельзя! Хватит овса и на то, и на другое, это я тебе говорю! Проверил, не поленился, как некоторые, задницу от лавки отлепить!

– Верю! Уломал, будет тебе овёс! – Филимон выставил ладони вперёд и возвёл очи горе.

– То-то! – Илья лихо крутанул могучий ус.

– Ладно, с этим решили! Дальше давайте – время дорого, нам пора народ по работам разводить! – Сучок и сам не заметил, как взял руководство советом на себя. – Чего вы про башни сказать хотели? А мы вам про стены ещё поведаем, тоже подумайте.

– Ну, давай с башен, – Филимон наклонился в сторону старшины. – Сам я вчера посмотрел, как вы с Нилом измыслили на восемь углов башню рубить, посмотрел, как отроки с неё стреляют, потом Титу с Макаром и Лёхе с Глебом показал...

– И что? – Нил нетерпеливо ёрзнул на лавке.

– А то, что понравилось нам это дело очень! Скажите, мастера, можно и остальные башни так же?

– Можно! Нужно даже! – Сучок победно улыбнулся.

– А те, что строятся уже? – в голосе наставника прорезались просительные интонации.

– И те тоже. Вон Шкрябка додумался как, – плотницкий старшина выкатил грудь колесом и кивнул в сторону приосанившегося Нила.

– Ну и слава богу! Спасибо, мастера! – склонил голову Филимон. – А про стены что поведать хотите?

– Стены, когда выведем, не обычными заборолами завершать будем, а поставим киты^[20] без задней стенки, да не простые, а двойные, а если получится, то и тройные. Сверху те киты перекроем в три наката^[21], а по передней стенке бойниц крестовых нарежем. Да поставим те киты не просто так, а чтобы они из стены вперёд на аршин, а то и два, вперёд выступали. И в полу тоже бойниц наделаем – камни кидать, смолу с

кипятком лить, – у вдохновенно рассказывающего о своей задумке Нила на изжелта-зелёном с похмелья лице даже проступил румянец.

– Дело! Добро придумали! Годится! – наставники чуть не хором выразили своё одобрение.

– А почему без задней стенки? – подал вдруг голос Гаркун.

– А потому, птичка ты лесная, что так камни – на башку кидать, стрелы, дрова, смолу греть, да всякий иной припас на стену подавать сподручнее, – с ухмылкой пояснил Сучок.

– А киты почему тройные да в три наката перекрытые? – Макар сам не замечал, что энергично скребёт в бороде.

– Да вспомнил я, какие камнемёты в Новгороде-Северском князь Олег Святославич поставил – двухпудовые камни на полтыщи шагов мечет. Он их у греков подсмотрел, там они баллисты называются. А ежели сюда кто с такими припрётся? У вас тут всё не как у людей! Против таких каменюк крепко ладить надо! – Нил пристукнул кулаком по столу. – Вы люди воинские, вот и подумайте, ладно так будет или нет? И вот ещё что: подумал я, что с такими заборолками и от обычного приступа отбиваться сподручнее – стрелой защитников не достать, лестницы через бойницы отталкивать можно, а влезут на крышу – не беда.

– Почему не беда? – наставник Тит явно сгорал от любопытства.

– Потому, что хрен оттуда слезут! Лестницы с собой не втащишь, а вниз прыгать – дурных нет, там враз в задницу рогатину воткнут! Вот влез враг на крышу, сидит там гордый, ровно петух, а по нему с башен да снизу стрелы мечут, вниз не прыгнешь, а по верёвке спускаться – либо верёвку обрежут, либо в спину ударят, либо снизу ткнут! Ну как, хорошо ему там будет? – Нил свирепо ухмыльнулся.

– Да-а, дельно помыслил, мастер! – Филимон уважительно наклонил голову. – А с башнями как?

– А почитай так же! – плотницкий старшина поставил на стол кулак и накрыл его сверху ладонью, поясняя свою мысль, – Последний поверх^[22] шире остальной башни сделаем, а у тех, что уже на четыре угла срубили, самый верх на восемь углов поставим.

– Хитро! Вы пока ладьте, как решили, а мы ещё подумаем, мож чего и подскажем. И давайте-ка денька через два к Михайле вместе пойдём да ему всё, что напридумали, расскажем. Годится, старшина? – Во взгляде старого воина светилось уважение.

– Годится! – поклонился Сучок. – Мож и Лис чего подскажет, он на придумки горазд! А теперь, господа наставники, пора нам – люди ждут, да и у вас дел по горло.

– Верно, пора, старшина, – Филимон медленно поднялся с лавки, – хорошо поговорили!

За ним поднялись и все остальные. Плотники и наставники вместе двинулись к выходу.

– Это что ж получается? – Гаркун вдруг застрял в дверях и заскрёб пятернёй в затылке. – Вся крепость в ваших христианских берегах будет?

– В каких берегах? – Нил от удивления даже налетел на приятеля.

– Да бойницы же все крестами! – Гаркун изумлённо хмыкнул.

– А ведь верно! Отцу Михаилу понравится, а Роська, святоша наш, вовсе от счастья уссытятся! – хохотнул Макар, а за ним и все остальные.

На этом совет и закончился.

Улица встретила Сучка и его спутников гомоном насытившихся работников. Лесовики и артельные сбились по своим кучкам возле трапезной. Несколько портили мирную картину голодные Бразд и его сыновья, собравшие вокруг себя ватагу недовольных.

«Ох, не хватало мне! Мало того, что башка трещит, так и эти пни лесные, как прыщ на заднице... Ведь ломать сейчас придётся. И каждый раз каждого, пока не поймут, что всё для общей пользы...»

А ты-то сам когда это понял? Только что! А ведь сколько тебя по башке пустой стучали и Лис, и Корней, и ведьма эта, будь она неладна! Жуть берёт, ведь по краю прошёл! Едрить меня долотом в зад и перед! Это ж навсегда теперь! Всю жизнь по краю ходить...

Не откажусь ведь! Как пальцами на руке людьми править... Слаще вина это! И страшнее... Так вот во что они меня толкали! И только ли меня? Анна Лисовиниха вон тоже глазами лупала, когда меня волхва в гладкий блин ровняла... Это что ж, её на мне учили, как сопляка на колоде сруб класть? Твою ж мать! Это они и мной, как пальцами на руке?

...А ими тогда кто вертит?»

За новыми, неизвестно откуда свалившимися на его похмельную голову мыслями плотницкий старшина не заметил, что подошёл к куче глины, как по заказу, наваленной неподалёку от трапезной. Собственно, именно она и вырвала Сучка из плена размышлений о природе власти – он просто об неё споткнулся.

«Ох ты, ёж твою в бога и чёрта и свилевой сучок! Сейчас ведь слово говорить придётся... Ха, у Лиса красное крыльцо, а у меня куча! По месту и честь! Вот язва!»

В произнесении публичных речей Кондратий Епифанович Сучок был не силен. Совсем. Единственный раз, когда ему удалось сорвать овации публики, случился ещё в Новгороде-Северском много лет назад. Особенно

расстраивало мастера то, что речи этой он не помнил. Слушателям она запомнилась как вдохновенная, образная, совершенно нецензурная и даже, местами, подрывающая основы власти. По крайней мере, на следующее утро Сучок обнаружил себя на утоптанной земле судного поля с топором в руках, а напротив – дружинника боярина Кучки, поигрывающего обнажённым мечом. Само собой, такой опыт в сочетании с жесточайшим похмельем (опять!) никак не способствовал вдохновению.

«Ну и чего говорить, в рот им дышло?! Жить теперь по-новому станем?! А они мне – иди ты в..., мой хороший, да не просто иди, а иди-и-и... В рыло всем не дашь. Ха, а с Браздом-то и без рыла получилось. А со всеми как? Эхма, ну назвался груздём – полезай, куда засунут!»

Нинеины работники смотрели на плящегося на кучу старшину. С интересом смотрели. Не каждый день такое увидишь – стоит смысленный муж да зырит, не отрываясь, на грудку глины. Чего там смотреть-то? Глина она глина и есть! Однако глядит. Не отрываясь. Вон, даже рот приоткрыл, того и гляди слюну пустит. А за спиной у него ещё двое и тоже – то друг на друга, то на кучу плятятся... А запашок от них – хорошо, закусили только что!

– Во ужрались-то! – хлопнул себя по бёдрам один из лесовиков. – Аж завидки берут! Эй, старшина лысый, чего узрел-то?

Гогот охватил «лесную» часть строителей. Впрочем, некоторые из артельных плотников тоже прятали улыбки в бороды – художества их старшины по пьяному делу давно стали в артели притчей во языцех. Только вот стоял перед ними уже иной Сучок, хоть никто, включая его самого, об этом и не догадывался.

– Етит вас раскудрить бревном суковатым под лешачий свист! – Кондратий решительно полез на кучу, а добравшись до вершины, заложил два пальца в рот и оглушительно свистнул.

Люди внизу аж присели.

– А ну, тихо! Слушать меня! Жить теперь по-новому будем! – Сучок рубанул рукой воздух.

– Десяток, нале-во! Вводи! – вмешался звонкий мальчишеский голос.

Плотницкий старшина даже не заметил столь своевременно поданной команды, а вот из лесовиков и артельных многие повернули голову в сторону заряжающих самострелы отроков.

– Куда башками вертите? Слушать меня! – Сучок вернул себе внимание аудитории. – Хватит баранами всем толочься! Теперь по-другому работать станем! По-людски!

– Это как ты ночью? – яду в голосе Бразда Буни хватило бы отравить

средних размеров половецкую орду.

– Молчать! Мало дня поста – могу ещё добавить! Или в холодную посадить для вразумления! – Старшина сам не заметил, как присвоил себе право лишать свободы, до того принадлежавшее в крепости только воинским начальникам.

– Болт наложи! – опять, как нельзя кстати, прозвучала команда.

Толпа работников после этого ощутимо поджалась.

Сучок с позиции «царя горы» обвёл взглядом почти полторы сотни своих подчинённых.

«Ух ты, слушают! И отроки со стрелялками своими в самый раз! Как угадали! Или это им Филимон велел? Или Лис? Ежели так – спасибо! Здорово помогли, ничего не скажешь! Только делать самому всё одно придётся. Ну, теперь или выгорит, или задницу на Сварожий круг порвут! Поехали!»

– Теперь на артели делиться по-иному станем. Не по селищам, а по тому, кто что делать умеет. Ясно?! А кто ремесла не знает – по селищам, как и раньше! Работать будете под началом мастеров! Кто кузнечное дело знает, к Мудиле пойдут, кто углежогное – к Плинфе, кто плотницкое – к Шкрябке, Гвоздю и Матице, а кто ни хрена делать не научился – те копать будут, и старшим над вами Гаркун! – старшина глянул вниз. – Шкрябка, Гаркун, лезьте сюда!

Плотники поднялись на вершину кучи. Сучок обнял их за плечи и вновь заорал:

– Смотрите! Вот мастер Шкрябка, вот мастер Гаркун! Первый ведаёт плотницкими, каменными и кузнечными работами и с ними к нему подходить, да не сами, а через мастеров и артельных! Мастер Гаркун ведаёт землекопами и всем, что вас, люди боярыни Гредиславы, касает! С кормами и жильём тоже! Он вас на артели разобьёт и старших утвердит! И всеми земляными работами тоже ведать будет! – Отпустив свеженазначенных помощников, плотницкий старшина вытер пот и взглянул на обалдевшую толпу.

– А ты кто такой, чтобы тут командовать?! – пискнуло снизу.

– Старшим артелей и мастерам велю за нерадивость наказывать лишением корма и темницей, а кто за нож али топор схватится, али воровать попробует – быть над тем суду боярича Лисовина и суду воеводскому! Как они судят – сами видели! – Сучок теперь уже намеренно игнорировал крикуна. – Кому не ясно, спрашивайте!

Толпа потрясённо затихла. Мир, хоть и неласковый, но понятный, вдруг перевернулся. Какой-то лысый хрен с глиняной горы командует, как

холопами, ставит старших, никого не спросясь, грозит темницей... И не возразишь – вон сопляки с самострелами тут как тут. Не меньше изумились и Сучковы плотники. Всякого они ждали от своего старшины, во всех видах видывали, но чтобы он навроде воеводы распоряжался...

А Сучка подхватило и понесло ввысь вдохновение! Теперь не было сомнений, что да как говорить, будто кто-то подсказывал ему не только нужные слова, но и то, как они в душах людских отзываются. Странно, но никаких лишних мыслей в голову не лезло, просто в каждый миг он знал, что сейчас нужно сделать или сказать.

– И не смотрите на меня так, будто я с вами ровно с холопами! Нет того! – Старшина стукнул кулаком по раскрытой ладони. – Нет! В роду с теми, кто против общего дела идёт, и хуже поступают! А мы общее дело делаем! Знаете, что мне боярыня ваша Гредислава Всеславовна сказала? Не знаете! А сказала она мне: «Ты крепость на моей земле для защиты моих людей ладишь!» Вас, то есть! Крепость путь врагу к вашим селищам стережёт! Ваш род и кровь охраняет! И любой! Любой, я говорю, кто спустя рукава работает, защиту эту ослабляет! У детей своих её отнимает! Может, и вам на этих стенах стоять! Боярыня это понимает, а вы?!

Сучок смотрел поверх голов на молчащую толпу. На толпу, укрощённую словом. Его словом. На своих артельных, смотревших на него совсем иными, чем прежде, глазами.

«Ох ты, держите меня семеро! Я ж о таком и не думал! Только работать толком заставить хотел... А сказал – как надоумил кто! И ведь верно сказал! Наша это крепость, для всех она! И дело общее... И моё тоже, и артельных моих! На себя работаем! И эти, похоже, поняли. Вон, стоят – пасти до земли свесили. Проняло! Моими словами проняло! Выходит, это тоже власть? Для всех общий интерес найти да объяснить, в чём он.

Уй, б...! Чего я боялся-то? В чём сомневался? Просто всё! И ясно! Вот те на!»

Старшина ещё раз оглядел укрощённую толпу и совсем иным, будничным голосом продолжил:

– Гаркун, иди разбивай своих на артели. Гвоздь, Матица, Плинка, Мудила и остальные, давайте сюда. Поговорить надо. Шкрябка, давай за мной, – и слез с кучи.

– Сучок, ну ты... – начал было мастер Гвоздь.

– Потом скажешь, о деле сначала! – отрубил старшина.

– Ну как хочешь, – пожал плечами Гвоздь. – Тогда о башнях, что вы с Шкрябкой и Матицей выдумали...

Совет мастеров покатился по накатанной колее – что, как, когда и где взять? Вечные вопросы, на которые приходится отвечать строителям, в каком бы веке они не жили.

– Сучок, я со своими разобрался! – Гаркун сунулся в кружок мастеров. – На артели всех поделил, старших назначил. Никто и не пикнул! Как это ты?!

– Сам со временем научишься, – напустил туману старшина. – Давай тогда своих артельных сюда.

– Эй, мужи, подойдите! – призывно махнул рукой Гаркун.

Несколько лесовиков с лёгкой опаской подошли ближе.

– Да смелее вы! – Сучок нетерпеливо топнул ногой. – Гаркун, не томи, говори толком, как мужей звать и кто в какой артели старший. Дело стоит!

– Сварг – кузнец из Скопьега Ручья, – начал Гаркун. – Он над теми, кто по кузнечному делу старший...

– Здрав будь, мастер Сварг, вот мастер Мудила, тебе с ним теперь работать, – представил мастеров Сучок. – Остальные сами знакомьтесь!

Быстро перезнакомившись, мастера втянули артельных старшин в свой кружок, и обсуждение закипело снова.

– Ну, всем всё понятно? – старшина дождался одобрительного ропота. – А раз понятно, то вот что, – и полез на вершину кучи.

– Кондрат, ты чего? – спросил снизу мастер Нил.

– А вот чего! – Сучок обвёл взглядом своих людей, набрал полную грудь воздуха и рывкнул: – Мастерам и артельным старостам развести людей по работам!

Строители кучками двинулись мимо старшины по рабочим местам. Сучок, гордый, как стадо бояр на княжеском пиру, обозревал окрестности и вдруг натолкнулся на чей-то взгляд. На гульбище стоял Лис. «Что-то больно гладко у тебя всё идёт, старшина, так не бывает!» – казалось, говорила одобрительно-снисходительная усмешка парня.

«Что опять не так-то? Вроде всё по уму сделал? Не больно хитрая, оказывается, наука – властвовать!»

Вот тут и вывернулся из-под ноги мастера камень, и Сучок, потеряв равновесие, плюхнулся на задницу, на которой благополучно, под общий хохот, съехал с кучи вниз. Громче всех смеялись новоназначенные артельные старосты...

Рабочий день покатился своим чередом. Вроде бы и вправду новый порядок сдвинул дело с мёртвой точки. Всякой бестолочи, ругани, чесания в затылках и толкания задами на ровном месте стало значительно меньше,

но плотницкого старшину терзали нехорошие предчувствия – уж больно гаденько ухмылялись свежеиспечённые старшие лесовиков, да и свои артельные от них не отставали, наблюдая лихой спуск старшего с глиняной кучи. Обидно! А тут ещё августовское солнышко забралось повыше и принялось жарить от души. Вот тут и навалилось на Сучка похмелье. Нет, не так – Похмелье! Во рту резко пересохло, и следы пребывания там половецкой орды, как выяснилось, никуда не делись.

Солнце, как издеваясь, продолжало поджаривать исстрадавшийся Сучков мозг, однако деваться некуда, себя приходилось держать. Рядом так же страдал Нил.

– Вот Гаркун, птица носатая, хитрее всех оказался, гляди, со своими болотниками в ров полез! – мастер указал рукой на копошащихся во рву землекопов и попытался сплунуть, но тщетно – слюны во рту не оказалось. – Ты гляди, Сучок, вон он, в воду по самый клюв забрался и сидит там, поганец!

– Нишкни, Шкрябка, без тебя муторно! – Плотницкий старшина потер гудящий лоб. – Лучше пошли, глянем, как там у них – вон сваи тащат... Не упороли бы чего.

– Ох, сдохнуть бы! Ладно, пошли, – плотник поплёлся в сторону рва, как на казнь.

«Мать моя, вроде ж хорошо всё! Так чего же тогда во всех местах свербит? С похмелюги, что ли? Нет, надо ж так нажраться... Охо-хооо... Точно с похмелюги! Да ещё с кучи той сверзился! Курам насмех! Теперь же проходу не дадут! Свои-то ладно, а Гаркуновы болотники? В глаза побоятся, а вот за спиной... Нет, ну надо так! И Лис смотрел... Хреново смотрел! Будто я счас в дерьмо вляпаюсь, а он этого только и ждёт. Так не вляпался же! И чего тогда?»

Обычно жизнь-злодейка не любит, когда на работе предаются мыслям о высоком. «Работай, негр, солнце ещё высоко!» – так через семьсот с небольшим лет в несуществующей ещё стране изложит этот принцип не родившийся ещё писатель. Вот и сейчас она решила напомнить Сучку о том, что всему своё время, и избрала своим орудием Швырка. Вывернувшись не пойми откуда, он едва не сбил старшину с ног и в довершение всего окатил мастера водой из ведра, которое тащил куда-то.

– Поганец! – Звук оплеухи прорезал окутывающий площадку рабочий шум. – Смотри, куда прёшь, крот слепошарый!

– Ты почему не во рву, шпынь ненадобный? – Нил с удовольствием в свою очередь наградил пинком незадачливого парня.

– Дядька Сучок, дядька Шкрябка, не бейте! – Швырок присел и в ужасе закрыл голову руками. – Меня дядька Матица за водой к колодцу послал!

– Врешь, бестолочь! Опять к девке какой-нибудь под подол лазил! Убью паршивца! – старшина ощерился не хуже вурдалака, что в сочетании с похмельной одутловатостью и налитыми кровью глазами производило сильное впечатление, и отвесил Швырку леща.

– За что, Кондратий Епифаныч?! – взвыл подмастерье.

– Было б за что, вообще убили бы! – внёс свою лепту в воспитание Нил.

– Дядьки, Христом-богом, меня правда Матица послал!

– Вода где?! – до Сучка, наконец, дошло, почему Швырок оказался не на грязной работе.

– Дядька Сучок, да ты ж её и разлил, – всхлипнул, утирая нос, подмастерье.

– Я-я-я-я?! – Затрещина прозвучала не хуже щелчка кнутом. – Ты, михрютка безрукая, бегом к колодцу, чтобы одна нога здесь – другая там!

Парень подхватил ведро и исчез с такой скоростью, что пинок Нила бесполезно вспорол воздух.

– Не, ты видал, Шрябка?! Прёт, что твой лось, не видит ни хрена! В кого только такой уродился? Батька его, покойник, всем мастерам мастер был, а у этого мало того что руки из задницы выросли, так ещё и елдой думает! – Сучок в изнеможении присел на бревно.

– И не знаю, Кондраш, – Нил пристроился рядом, – ведь может дело делать, да только гулянки да девки на уме! Учишь его, а он ворон считает, заовинник хренов! Ты в его годы не меньше под юбки лазил, да чудил, да барагозил, но ведь и работу работал, да как! Другого старый Калистрат пришиб бы к растакой-то матери, а тебя хоть и охаживал по чему попало, но терпел... Помнишь?

– Так то-то и оно, что работал! А этот... Ну и где он? Во рту как половцы свадьбу играли! – Старшина сплюнул тягучую похмельную слюну.

– И не говори! – Нил провёл по лицу рукой, будто стирая липкую паутину.

За страданиями начальства, не прекращая работы, с интересом наблюдали лесовики, предводимые мастером Гвоздём и их артельным, носившим звучное имя Насупа^[23]. Вот только сейчас он не очень-то оправдывал своё прозвище, то и дело демонстрируя в глумливой ухмылке жёлтые крепкие зубы. Не отставал от него и Сучков подручный мастер

Гвоздь, во Христе Варсонофий: взаимопонимание между недавними недругами налаживалось с невиданной скоростью. В очередной раз поймав взгляд Насупы, мастер ухмыльнулся, спрятал угольник и вполголоса затынул:

Ой, головушка ты моя болела,
Ой, головушка ты моя болела...

Среди лесовиков там и сям раздались смешки, и чей-то красивый баритон продолжил:

Гулять захоте-е-ела,
Гулять захоте-е-ела!

Песню враз подхватил десяток голосов. Плотницкого старшину передёрнуло, как от зубной боли.

«Издаются, стервецы! Им бы так – голова в ворота не пролазит! И кто? Гвоздь! Свои же глум начали! Ладно, эти пни болотные, тьфу! А Швырок куда запропастился? Нутро горит – спасу нет! А вот и он, коряга лядащая! Хоть воды попью! Отлупить бы кого, да коли вид покажу, что обидно, совсем со свету сживут! И чего они?»

– Принёс, глуздырь?! – Страдавший от жажды не меньше своего старшины Нил отобрал у скрючившегося в ожидании затрешины Швырка ведро и будто прирос к нему. Сучку пришлось ждать, да ещё и делать вид, что пить ему совсем не хочется. А подначки, направленные вроде бы и в пустоту, сыпались градом...

– На, Кондраш! – Шкрябка наконец отлепил себя от ведра.

– Спасибо! – старшина не заставил себя просить дважды.

Напившись и шуганув для порядка Швырка, мастера продолжили свой путь.

«Ну, у Гвоздя и Насупы всё вроде ладно, с толком делают, да у Гвоздя и не забалуешь. Только вот чего-то как во сне мочалу жуют и болотники, и Гвоздь с подмастерьями? С чего бы? Зубы скалят – хрен с ними едущий, переживу, лишь бы работали! А работают с толком, только без души, как урок отбивают!»

Занятый своими мыслями Сучок и не заметил, как довлёк своё бременное тело до Девичьей башни. Там дело тоже не стояло, сруб подводили под

перекрытие первого поверха.

– Гляди, боярин! – хохотнул с верха сруба лесовик.

– Где? – спросил снизу мастер Матица.

– А вон, о двух копытах едет! – высоко сидящий весельчак кивнул головой в сторону Сучка.

– А где ж конь? – Матица явно поддержал игру.

– Да промеж ног! Как бы боярину да в грязь не упасть!

Работники грохнули хохотом, а Сучок побагровел и потянул из-за пояса топор, но достать не успел. Нил как бы случайно положил руку на плечо своего старшины.

– Отпусти топор, б...! – шёпот мастера мог поспорить по ласковости с шипением разъярённой гадюки. – Только дёрнись – и нас с тобой на ремни порежут, боярин хренов! Упреждал ведь, да тебе, свербигузду^[24], с кучи виднее было!

Старшина шумно выдохнул и с усилием убрал руку с топора.

«Чего делать-то? Срамотища! Так опозорили – и кто? Свои! С Матицей почитай пятнадцать годов из одной миски! «Конь промеж ног!» Драть их в зад и в перед под лешачий свист зелёной ёлкой на берёзовых дровах да с потягом, чтоб понимали, как ежа супротив шерсти рожали! Ну, я им, язва их забери!»

– Что, Матица, жеребец мой по нраву?! Поближе глянуть не хошь?! – блудливо оскалился Сучок. – Али на себе спробовать?! Счас враз спробуешь! Ты какого хрена едучего сруб на такую верхотуру вытащил? Землёй забивать как будешь? Или тебе вон их не жалко?

– Ты кого это жалеть-то вздумал? – подал голос лесовик с вершины сруба.

– Тебя, дурня болотного! – Старшина ткнул пальцем в сторону высокосидящего оратора. – Ты как в таких клетях поворачиваться с «бабой»^[25] собрался, пень осиновый?! Один дурак трамбует, другой сверху засыпает, потому что сверху он хрен увидит, что внизу делается, да нижнего прикопает! А почему?! Да потому что мастер Матица, осёл иерихонский, сруб до неба задрал без набивки! Долбоклюи! Тереть-скрипеть вас во все дыры! «Боярин о двух копытах едет!» Бога благодарите, что не боярин настоящий вам тут попался, а то бы уже на правеже^[26] стояли! Теперь за дурость свою будете по три вершка^[27] в толщину отсыпать, трамбовать да снова три вершка и лазить туда-сюда аки поползни^[28]!

– От ети ж твою в перевалок! – донёс ветер чей-то восхищённый

комментарий.

– Вот пока не сделаете, сегодня никуда не уйдёте! – Сучок выкатил грудь колесом. – Дни пока ещё не короткие, а не успеете, так факела палите – воля ваша! Работу работать – это вам не болталом трындеть! Приду проверю, хреново сделаете, так конём своим и приголублю, мастера-а!

Больше подобного нигде не случилось, хотя подначивали старшину повсеместно, но Сучок не обращал уже на это особого внимания. Работа захватила его целиком, даже похмелье отступило. Ново и непривычно было мастеру, почитай, целый день не брать в руки топора, а только указывать, наставлять, поучать, хвалить и наказывать. Он то спускался в ров, то лез на стену, то чертил на земле или кусках бересты, поясняя свою задумку или уясняя чужую. Только раз разыграло ретивое – показал неумехам, что настоящий плотник с топором сотворить может!

Когда Дударик сыграл сигнал к обеду, Сучок вместе со всеми поплёлся в трапезную, не чувствуя вкуса, смолотил всё, что подали, и подался в холодок, но не подремать, а подумать над тем, как не дать валам оплыть в ров. За мыслями едва не пропустил сигнал «приступить к занятиям», и снова круговерть большой стройки затянула в себя старшину. Всё бы хорошо, да одна мысль, как мышь в амбаре, скреблась по краю сознания: «И чего мои вместе с лесовиками с ума посходили?»

Вечером Плава, как ей и было велено, сготовила из отловленной с такими приключениями стерляди просто царскую уху. К удивлению Сучка, никто из артели не пришёл попробовать ночную добычу своего старшины и его сотоварищей.

«И чего они? Каждый чем-то да отговорился, и Шкрябка с Гаркуном как не на свою добычу пришли – ложками еле-еле ворочали. Мало того, даже яблонежки приняли по чарке – и всё! «На работу с утра, старшина!» Можно подумать, вчера не на работу было... Обиделись на что-то? И Шкрябка когда уходил, завернул: «Ты, Сучок, с кучи вещай полегче!»

Да ну их к бесу! На обиженных воду возят. Зато порядок! Мне сейчас главное – Лисовинам и волхве показать, что рано меня в отвал скидывать, а с остальным потом разберусь...»

И даже самому себе не признался, что свербит другая мысль, которую страшно было выпускать наружу. Думать не хотелось, но все равно думалось.

«Неужто верно Серафим сказал – меня под лед спустят и перекрестятся?»

Дни потекли своим чередом. Работа кипела, да и наставники вместе

«каמידантом» Демьяном, как чуя что-то, поторапливали. Лис, в отличие от них, не гнал, на регулярных докладах строителей слушал внимательно, хвалил за работу, с чем-то соглашался, с чем-то нет, но всегда смотрел на Сучка с каким-то хитрым прищуром...

«Едрён скобель! Как старый дед на сопляка! Мол, прыгай, отроче, всё одно тебе с поротой задницей быть... Чего ему надо-то? И чего народ косится? А, день пройдёт – утро присоветует! Пока дело идёт и ладно!

А может, не ладно? А то чего бы Лису так зырить-то? Чего я не вижу? Серафим с Алёной рассказали, только всё ли? Они тоже не всё видят. А ну как у моих артельных терпелка уже того?»

– Старшина, тебя боярич Михаил кличет! – голос урядника Антона, подвизавшегося у боярича на посылках, прервал размышления мастера.

– Иду! – Сучок оправил пояс и пошагал на зов.

В «кабинете» (так Лис прозвал палату, в которой вершил дела) всё так же громоздились на столе листы бересты, лежал на полу белый войлок да стояла в поставке дивной работы расписная посуда, сделанная самим бояричем.

«Эх, вот дал бог дар – работа загляденье! Откуда только берётся у него всё? Интересно, чего позвал-то? Опять измыслил чего?»

– Здрав будь, старшина! – Михаил оторвался от своих записей, поднялся и вежливо кивнул старшине. – Заходи, садись к столу.

– И ты будь здоров, Лис! – Сучок снял с головы шапку, слегка поклонился и сел на указанное место. – За каким делом звал? Вроде справно всё, о стройке и досках всё утром обговорили. Или измыслил чего?

– Измыслил, старшина. Новую задачку тебе приготовил, – боярич широко улыбнулся. – Ты вот не думал, как такую крепость, что вы строите, на щит брать?

– Нет. На кой оно мне? Я ж не ратник, это у вас пусть голова болит, – мастер развёл руками, но насторожился. После достопамятного разговора с Буреём было с чего. Кто знает, чем обернутся мутные заходы начальства: петлёй или прорубью.

– Да, не ратник. Пока... Ты думал, старшина, что делать будешь, когда выкупитесь?

Внутренняя Сучкова жаба мерзко ухмыльнулась и потянула лапки к горлу старшины.

«Иди в задницу», – шикнул раб божий Кондратий на наглое земноводное, однако подлое тело всё же малость поддалось жабым чарам: плешь покрылась испариной, а руки затеребили пояс. «Да твою же мать!» – разозлился Сучок на свой страх. Жаба вылупилась в недоумении.

«Пошла к едреней фене, сволочь пупырчатая!»

Злость помогла – мастер фухнул, усмирив непокорные руки, утер пот и, неожиданно для себя самого, подмигнул Лису:

– Жарко тут у тебя, Лис, ты бы истопников своих умерил, а то, смотри, весь лес в топку пустят – строить не из чего будет! – и злобно шикнул на жабу:

«Пошла вон, сказано! Лис крутить бы не стал – если спрашивает, так по делу. Ну так у меня и ответ ему давно готов».

– А насчет того, что делать... Наше мастерство при нас останется, Лис! Ты не подумай, я с уважением, ты нам добро сделал, и мы тебе отплатим! Была у меня думка, как выкупимся, к тебе на службу проситься да на посаде жить остаться, в долю тебя позвать. И тебе добро, и нам.

– А умён ты, старшина! К сильному роду прибиться захотел, чтоб и под защитой быть, и заказы по всей Руси получать через дядьку моего Никифора Палыча, да товар через него же сбывать, так ведь? – Глаза боярича лукаво сверкнули.

– А, чтоб тебя, Лис! Мысли, что ли, читаешь? Или не согласен? А про то, что не ратник, к чему помянул? – Сучок заскреб пятернёй плешь.

– Согласен-то согласен... Таковую артель под рукой иметь кто откажется? – Михаил уставился на мастера своим стариковским взглядом, к которому Сучок уже худо-бедно привык. – Всё ты верно рассудил, только одно забыл – здесь служба воеводская, а значит воинская. Иначе никак!

«Это он к чему подводит? Неужто из артели ратников заместо плотников хочет сделать? Да нет, на кой ему это? Лис дури никогда не творит...»

– Это что ж, ты меня и моих в строй с самострелами решил поставить? А на кой? Отроков не хватает?

– Ну, самострельному бою научится вам не лишне, только мне от вас другая служба нужна.

– Какая?!

– Ты про розмыслов воинских, что при войске царя греческого обретаются, слышал?

– Слышал, как не слышать! Одного видал даже – князь Олег Святославич из греческих земель привёз. Он-то баллисты в Новгороде-Северском и ставил, ну, те, о которых Шкрябка тогда рассказывал...

– Ну вот, старшина, ты и сам понял, какой я от вас службы жду! – улыбнулся Мишка и только что не подмигнул мастеру.

– Ты это что ж, нас в эти самые розмыслы наметил? – озвучил очевидное Сучок. И, не скрывая своего охрения, полез чесать плешь.

– Верно! – серьезно кивнул молодой боярич. – Так что, давай начинай думать не только как крепость построить, а и как сломать при случае. Вот прямо сейчас и начинай! – в голосе прозвучал приказ.

«Вот это да! Розмыслами... Да это ж выходит – в воинское сословие нас? Из закупов... Смеется он, что ли? Да нет, не тот человек Лис, чтоб такими вещами шутить... Не завтра, ясное дело, но если получится – это ж...»

– Ну, значит, первое дело ров засыпать надо... – Мастер в ожидании подтверждения взглянул в лицо собеседника.

– Верно! – поощрительно кивнул боярич. – А дальше?

– Ну, потом лестницы подтащить да к стенам приставить, ещё таран можно подвести – ворота ломать... ну и по лестницам на стену... Только со стен-то стрелы пускают, смолу льют, каменья да брёвна мечут... Кровищи бывает! – Сучок на миг прикрыл глаза и мотнул головой. – Оттого и стараются город изгоном взять, а если не выходит, всё больше в осаду садятся.

– Вот! А если б со стен не стреляли?

– Если бы да кабы, да росли б во рту грибы – был бы тогда не рот, а огород! Какой же защитник по доброй воле стены оставит?!

– А не оставят по доброй – оставят по злой! Вот ты той злой волей и станешь, десятник розмыслов Кондратий Сучок! – Боярич пристукнул кулаком по столу. – Станешь-станешь, никуда не денешься! Так что прикидывай, как лучников со стен убрать, тем более, что вы с Нилом уже об этом думали!

– Верно, думали! Ну, Лис! – рассмеялся Сучок. – Заборолы сбить надо, башни сбить! А это только баллистами... А коли заборолы сбили, можно... да всяко можно, хоть брешь в стене сделать такую, что обозом въезжай! От того и заборолы в три наката ладим. Значит, баллисту велишь строить?

– Нет, баллиста нам не годится! Она от жильного каната работает, а у нас – то дождь, то снег...

– А что тогда? Жилы-то и вправду размокнут, – плотницкий старшина разочарованно хмыкнул. – Или придумал чего?

– Придумал, да не я, – боярич вытащил из кучи на столе пергамент и несколько берестяных листов. – Гляди, вот это требует, его франки измыслили. Он мечет камни крупнее, чем баллиста, и дальше, и ему дождь с морозом не страшны.

– Почему?

– А он устроен навроде колодезного журавля! Вот, смотри, это станина. На ней вертится вот эта штука, стрела называется. У неё на одном

конце груз в ящике, причём ящик закреплён так, что поворачиваться может. Груз в ящике много тяжелее, чем камень, что мечут – раз в пять, а то и в десять! – Боярич налил в чарки квасу сначала себе, потом Сучку, подал ему, отхлебнул сам и продолжил: – На длинном конце стрелы приделана кожаная праща. Когда требушет заряжают, то груз задирают вверх, пращу укладывают вот в этот жёлоб, а в неё кладут камень. Верёвку от пращи цепляют вот на этот крюк и выбивают стопор. Груз идёт вниз, стрела вверх, верёвка с крюка соскальзывает и выпускает камень.

– Хитро! А целить как?

– А вот как крюк выставишь. Он раньше или позже камень выпустит, а от этого зависит, как камень полетит: ближе или дальше, выше или ниже, – пояснил Михаил.

– А как крюк ставить? А пращу какой длины брать? А на сколько длинный конец стрелы больше короткого? – Сучок хотел задать ещё вопрос, но умолк, остановленный жестом боярича.

– Вот этого не знаю, не стали франки все секреты в книге писать. Первая тебе служба, старшина, на все эти вопросы ответить и годный требушет сделать. Срок до весны!

– Понял, Лис! – мастер шумно выдохнул. – Только это ж сколько дерева надо, да железа хорошего, да кожи?! Не, сразу большой ладить нельзя! О, придумал! Помнишь, Лис, ты сказывал, что какой-то древний зодчий, если что-то непростое строить собирался, допрежь делал что-то навроде игрушки детской, а потом грузы разные на неё клал и смотрел, где сломается – и так, пока не поймёт, где крепче, а где слабже сделать надо, и только потом строить начинал... Он ещё словом смешным эту игрушку звал... Вспомнил! Модель! Вот на такой модели секреты открывать и будем!

– Добро! Понял ты меня, старшина! Что нужно – обращайся к Демьяну или Кузьме.

– Ладно, Лис, как что годное сделаем – сразу тебе покажу!

– Ну, тогда иди, старшина, и вот о чём на досуге подумай: с деревяшками ты всё на модели норовишь, и то с осторожностью, а с людьми наотмашь. Вот и выходит у тебя с деревяшками ладно... А с людьми? Подумай, старшина... Ступай!

«Как это – наотмашь? Ни хрена лысого не понимаю! Дело делают, приказы исполняют, вон, даже лесовики потихоньку учиться начали – есть толк! Чего ему надо? Что окрысился, так начального человека завсегда никто не любит, особливо когда сурово поступать приходится...

Сурово поступать? Твою ж мать, урод ты, Кондрат, из жопы ноги!

С чего сурово-то? Чего они не так сделали? А артельные мои чем провинились? Сколько лет семьёй, почитай, жили, породнились давно все, а я с ними да с лесовиками, как с холопами... Кто я без них?! Думал, как у Лиса, порядок вроде воинского заводжу, а сам людей ни про что избидел...

И ведь не в первый раз... Не так, как нынче, но было, было... А еще на них грешил – под лед... Да они святые, что тебя, дурня, до сих пор без Нинеи в ту полынью не спустили! Вот тебе и просто властвовать! Делать-то чего, а? Эх, нажратся бы сейчас, горюшко залить... А и нажрюсь! Стой, нельзя! Ох, мать моя, как быть? За что ж мне такое?»

Вот так и шёл плотницкий старшина, глядя перед собой невидящим взором, и только бормотал что-то неразборчивое себе под нос время от времени. И бог знает, куда бы завели его гуляющие сами по себе ноги, если бы на их пути не встал во всей своей силе и славе Швырок, во Христе Питирим, приходящийся Сучку двоюродным племянником, а также подмастерьем, вечной головной болью, чучелом для оплеух и соперником по части блудливости.

– Ай, дядька Сучок, за что?! – взвизгнул изогнувшийся литерой «глаголь»^[29] парень (а в какой позе ещё прикажете рыть канаву), когда колено плотницкого старшины, прущего не разбирая дороги, впечаталось в его тощий зад.

– А? Чего? Швырок? – Сучок суматошно зашарил глазами по окрестностям. – Прости, племяш, зашиб я тебя?

– Ой! – Швырок открыл рот и сел на пострадавшую задницу. – Дядька Сучок, прости! Не со зла я! Мне дядька Гвоздь сказал тут... эта самое, рыть! Ты не подумай! Я тут и рою, а Глашка просто мимо проходила!

«Тьфу ты, правду Шкрябка про него давеча говорил! Да и про меня тоже... Но ведь обломал же меня старый Калистрат!»

– Да ладно, Пим, задумался я и тебя не заметил, ты работай, а я пойду, – плотницкий старшина махнул рукой и направился за ворота в сторону лесопилки.

Швырок, свесив челюсть до земли, так и остался сидеть, вперив взгляд в то место, где скрылся за поворотом внезапно подобревший дядюшка...

А дядюшка дошагал скорым шагом до лесопилки и засел в той самой горнице, где в недавние времена подаренная Буреєм яблоневка положила начало нынешнему положению дел. Для начала плотницкий старшина в несколько глотков выхлебал здоровенный ковш квасу, витиевато выругался, вытер взмокшую лысину и в изнеможении опустил на лавку. Посидел некоторое время, бесцельно шаря глазами по стенам, ещё раз выругался, запалил лучину и выудил из-за пазухи пергамент с чертежом требушета.

«Задачку мне Лис задал! Эх-ма! Вот не думал, не гадал, что в воинские люди попаду... А и чем я хуже? Вот излажу тебе... тьфу, вечно у Лиса словечки, камнемёт этот – и ага! Мож, и часть долга Лис скостит? Он такой, за добро – добром...»

Сучок ещё раз взглянул в чертёж, поднялся, подошёл к печи, выбрал подходящее полено и, ловко орудуя топором, распустил его на ровные плашки, отнёс их на стол, а сам полез в сундук за инструментами для тонкой работы.

«Вот сейчас чего-то да сделаю... Вот-то народ удивится – старшина в игрушки играет! Ан, шалишь – не игрушки это! Вот и свёрлышки, вас-то мне и надо! Посмотрим, как оно выйдет... И мысли всякие-разные в голову за работой не лезут! Авось я франкских мастеров не хуже, и артель моя тоже!»

Мастер вернулся к столу и принялся остругивать плашки, заглядывая время от времени в чертёж. Остругивал, смотрел, примерял, отрезал, подгонял и так увлёкся работой, что принялся даже что-то напевать себе под нос.

«А вот так вот! Не хуже сделаем! Да какой не хуже? Лучшие! Или я не Сучок! Мы ж лучшая артель! Тоже мне, франки! Да вертели мы их! Вот игрушку излажу и своих позову – думать будем! Тут удачу за хвост ловить надо, Лис не обидит, с одного похода при удаче выкупимся. А что в воеводскую службу идти сам позвал, так оно и лучше – к нам тогда на кривой козе не подъедешь! Вот скажу своим и поймут, что я всё для них делаю, а они со мной как? Э-э-эх! Как дал бы по кумполу, чтоб в башке прояснилось! Обижаться вздумали!»

Тут Сучок высунул язык и начал, сопя от сосредоточенности, резать ложе для пращи. А как же не сопеть – работа-то тонкая! Вот и двигались пальцы мастера легко и осторожно, чтобы, не дай бог, не повредить неверным движением тонких планок.

«Ведь всю жизнь вместе, всегда друг за друга горой... Все родными за столько-то лет поделались. Мои то люди, а я их, вот в чём заковыка!

...Хорошо, что Лис работёнку эдакую дал – не до тоски!»

Вот так и крутились мысли старшины вокруг да около, а руки – чуткие и искусные руки мастера – делали невиданную доселе игрушку. Совсем не страшной смотрелась забава, ежели не знать, что как из малого смешного котёнка вырастает лев, из неё вырастет оружие убийства, предназначенное плющить людей в кровавую кашу, сравнивать с землёй дома и стены, что эти дома защищают, да посылать огонь на их крыши.

И об этом думал мастер, но, ужаснувшись сначала делу рук своих, понял, что нельзя иначе. Что эта чудесная и страшная машина сродни мечу, который может как хранить мир и покой в руках воина, берегущего родную землю, так и нести кровь и смерть, попав в руки иноплеменного или доморощенного татя. Вот и получалось, что не стоять земле без меча. И без каменёта тоже!

Нет, конечно, столь возвышенные мысли в голове свежее испеченного десятника размыслов пока еще не бродили, но ощущение чего-то благородного и великого, за что не жалко отдать свою жизнь и не грешно забрать чужую, у него появилось. Не понял – нутром почуял.

А еще подсказало нутро мастеру, что зря он столько лет считал воев не то чтобы бездельниками, но не по делу зазнавшимися выскочками. Дошло до Сучка, что они тоже и мастера, и трудники – только мастерство у них особое, да и труд тоже. И уже не считал более, что не по работе ратникам и почета, и достатка, да и всего прочего отмерено. Тем более, кому много дано, с того много и спросится.

«Так вот почему Лис мне про службу воинскую сказал! А я и не понял! И волхва про то же толковала! Значит, умел кататься – умей и саночки возить! Ершить меня долотом! Четырнадцать годов! Откуда?! И ведь тоже о своих людях допрежь всего думает... Сопляк ведь!»

Ага, сопляк! Тебе сколько годов? Тридцать пять? Во-во! Плешь во всю башку отрастил, да ума не нажил! А он тебя носом ткнул, как за своих стоять надо! Подсказал, куда смотреть да как учиться. И кто сопляк после этого? Да-а...

А мои чего ж? Не понимают, что ли, что я задницу в клочья за них рву? Норов свой в кулак зажал, с пнями болотными вежество развожу, сопляку кланяюсь! Хотя... такому сопляку поклониться не грех! Он сейчас о таком думает, о чём я догадался-то только с его науки... Сколько ж он на себя взвалил и тащит? Это ведь на всю жизнь – и не ради богатства или славы! Для людей своих! А каково его людям рядом с ним будет? Уж не скучно – это точно! И мне про эту подсказал, как её... модель... вот и ломаю голову... какая тут скука!

Это что же выходит, я теперь тоже его человек? Его, Кондрат, его! Связал нас Бог одной верёвочкой – куда он, туда и я! А коль я его человек, так мне и пример с боярина своего брать надо! Стало быть, и мне теперь вперёд всего о людях думать, даже вперёд Алёны, для своих-то я тоже старшина, а они мои люди. Не одному же мне за Лисом идти – и своих надо прихватить, а то не дело... Эх, жизнь-злодейка! Вот не думал не

гадал, что кого-то по своей воле боярином над собой признаю! Да такого, что у него и усов-то ещё не выросло...

А почему так, а, Кондрат? Не за страх ведь, хоть и страшно с Лисом иной раз бывает. Но ведь и весело, и с интересом! Да пропади оно пропадом, не хочу я уже другой жизни!»

– Гляди-ка, сам не заметил, как изладил! – произнёс вслух Кондратий, глядя на творение своих рук. – Теперь бы проволоки на крюк да холстины на пращу, и спытать можно!

– Вот ты где! – в горницу ввалились разом Шкрябка, Гвоздь, Плинка, Мудила, Матица, а за ними бочком проскользнул Гаркун. – Где тебя черти носят? До тебя ж дело всем есть, а ты тут, как дитё, игрушки играешь!

– Господа мастера! – Плотницкий старшина рывком встал из-за стола. – Виноват я перед вами!

Строители замерли посреди комнаты, аки жена Лотова^[30]. К обращению «господа наставники», «господин старшина», «господин урядник» и прочим воинским титулованиям, бытовавшим в Михайловом Городке, они привыкли, но примерить это величание к себе им в голову и не приходило. Да ещё из уст Сучка – бузотёра и ругателя, возомнившего себя в последнее время не то боярином, не то воеводой...

«Чего встали-то, что твои идола?! Видать, избидел крепко! Эхма, Кондрат, умел воровать – умей и ответ держать!»

– Простите за грех неведомый, за обиду лютую! – Раб божий Кондратий рухнул на колени и челом своим коснулся струганых досок пола. – Коли словом избидел – бейте за слово мерзкое!

Мастера продолжали молчать. Плотницкий старшина ждал, простершись ниц.

«Да чего им надо, ёрш им в грызло? Коль решили бить, так бейте! Чего столбами стоять? Сколько можно харей доски гладить?.. А доски-то наши, добрые!»

– С-с-с-сучок, т-т-ты чего? – выдавил из себя Гвоздь. – Никак, худо приключилось?

– Виноват я перед вами, други! – раздалось с пола.

– Точно не в себе! – принял решение мастер. – Шкрябка, беги к Плаве на поварню, она тебе не откажет, тащи хмельного! А вы поднимите его, осторожно только, вдруг бросаться начнёт! Отпаивать будем, а то в уме повредится!

– Не надо к Плаве! – подал голос Гаркун. – Тут яблоневка есть! Шкрябка, доставай!

– Точно! Это лучше! – Нил резко сменил направление движения. Остальные медленно начали приближаться к Сучку, обходя его со всех сторон.

– Етит вас бревном суковатым поперёк себя волосатым куда надо и куда не надо! – Плотницкий старшина резко вскочил на ноги. – Вконец охренели, пни осиновые, драть вас не передрать в лунном свете да под лешачий свист! Я ж к вам, как к людям... прощения прошу! О! Ща как дам промеж глаз для доходчивости!

– Не, раз лается, то в себе должен быть... – заскрёб в затылке навеки закопчённой в кузне рукой тугодум Мудила.

– Ф-у-у-у-у! – пронёсся по горнице общий вздох облегчения.

– Простите меня, господа мастера! – Сучок вновь повалился в ноги.

– Да прощаем! – вдруг за всех ответил Матица. – Ты хоть понял, за что?! И вставай, нечего пол лбом выглаживать!

Сучок поднялся. Сейчас никто бы не узнал в нём прежнего забияку.

Та долго собиравшаяся снежная лавина, что прошла сейчас по его душе, выпила из мастера все силы, а вместе с ними и всю злость. Плотницкий старшина смотрел на своих товарищей по-детски открытым, решительным и, вместе с тем, смущённым взглядом. Так смотрит ребёнок, по доброй воле решивший признаться в своей шалости.

– Зазнался ты, Кондрат! Боярином себя почувал! – в голосе Матицы суровость мешалась с сочувствием. – Как с холопами и с нами, и с ними обошёлся, – мастер кивнул в сторону Гаркуна. – Всех избидел! А ведь хорошо начал: дело поставил ловко, с лесовиками замирился, Буню окоротил... Так нет, норов твой бараний! Забыл, что в одиночку только рукоблудствовать хорошо! Ну, хорошо хоть понял!

– Верно сказал, Матица! – кивнул мастер Гвоздь. – Главное дело, Сучок, понял ты всё и сам повинился! Ладно, мужи, кто старое помянет, тому глаз вон!

– А кто забудет – оба! – глухим голосом закончил Кондратий.

– Вот и ладно! – Нил хлопнул ладонью по извлечённому из заначки приснопамятному бочонку. – Сейчас мировую выпьем, а ты нам за чаркой и поведает, что за игрушку ты тут ладишь?

– Погоди с чаркой, Шкрябка, – Сучок обвёл мастеров взглядом. – Тут дело такое: позвал меня к себе Лис и вот чего поведал...

– Да-а, дела-а! – протянул Гвоздь, выслушав рассказ своего старшины. – Вона она какая воля светит... А и добро! И мастерами останемся, и ратниками будем – двойная польза, если на то пошло! И Лису служить – дело хорошее! С тобой мы, Кондрат!

– Разбежался, Матица! – усмехнулся Нил. – До воли ещё службу справить надо! Сучок, давай сюда свою игрушку и рассказывай, что к чему у этого камнемёта франкского.

Давно затихла в Михайловом Городке стройка, Дударик, провожая солнце, сыграл с башни «отбой», крепость погрузилась в сон. Только перекликались на недостроенных стенах часовые да вяло побрехивали сквозь дремоту Прошкины щенки. Лишь у плотников на лесопилке пробивался через волоковые оконца свет. И если бы кто-то любопытный заглянул в одно из этих окон, то увидел бы он семерых смысленных мужей, стоящих на карачках вокруг странной игрушки и пускающих с её помощью малый глиняный шарик...

Вот так бывает на свете: хочет заказчик странного – унитаза на балконе, лифт на первый этаж с первого, пардон, уборную только на третьем этаже в трёхэтажном коттедже... Велика Земля Русская, каких только дураков не рождает! Вот и изворачивается прораб, когда сам, когда вместе с проектировщиком, проклиная всё на свете; самые «гениальные» идеи торпедирует, а остальные выхолащивает до безвредности. Только случается, редко-редко, что в этой гряде органических удобрений, простите за избитое сравнение, обнаруживается жемчужное зерно: полезная идея или действительно интересная задача. Вот тут дело другое – это вызов профессиональному мастерству. Тварь я дрожащая или могу что-то? А если могу, то должен! А если должен – сделаю! Инженер я или так, без приглашения на чай зашёл? Но это бывает только когда, как выражаются ныне в молодёжных компаниях, торкнет.

Вот Сучка со товарищи и торкнуло. Им даже не себя показать захотелось, не будущее своё устроить, не выкуп приблизить – им стало *интересно*. А интерес инженера – это одна из самых могучих мировых сил. Некоторые верят, что мир сей держат три техника, стоящие на плечах инженера, так вот, это не такая уж и фантазия. Не будь у наших предков-приматов инженерной искры, так бы и сидели мы с вами на деревьях, потребляя бананы и прочий вегетарианский корм. Как там у Киплинга сказано про королевских сапёров?

Чуть из хлябей явился земной простор

(«Так точно», – сказал сапёр),
Бог сотворил Инженера
Инженерных её величества войск
С содержанием и в чине сапёра.

А сапёры, как справедливо заметил классик, называются ещё инженерными войсками. И у войск этих работы всегда хватает и на войне, и в мирное время. Обратимся всё к тому же Кипплингу:

Потому-то с тех пор от войны до войны
Страницы истории нами полны,
С первых же строк – инженеры
Инженерных её величества войск
С содержанием и в чине сапёра.

Вот так. Да что там, у Кипплинга и сильнее сказано:

И когда под холмом у евреев шёл бой,
Сын Навинов скомандовал «Стой!»,
Потому что он был капитаном
Инженерных её величества войск
С содержанием и в чине сапёра.

До таких вершин, чтобы солнце, как Иисус Навин, останавливать или хотя бы мечтать об этом, долгий путь. Очень долгий. Сучок со товарищи в этот вечер на него вступили. Вот только не знали они, что следующий большой шаг по этой дороге настигнет их очень скоро, а о том, какой платы требует стезя «инженера инженерных её величества войск», и вовсе не догадывались. Как и о том, что, однажды вступив на эту дорогу, свернуть с неё уже нельзя.

А буквально на следующий день случилось и еще одно событие, как позднее выяснилось, повлиявшее на дальнейшую судьбу плотницкого старшины и всей его артели. Хотя началось все с совершенной, казалось бы, ерунды...

– Ух ты! Глянь-ка какие! – Гаркун неожиданно замер на месте и расплылся в блаженной улыбке, восторженно уставившись куда-то в

направлении кухни. Следовавший за ним Сучок, не успев вовремя остановиться, с разгона влетел ему в спину и возмущенно выругался:

– Етит тебя в грызло! Раскорячился, как баба в тягости посреди торго... Чего там узрел-то? – Мастер проследил за взглядом Гаркуна, оценил открывшуюся его взору картину – холопок, хлопочущих возле кухонной двери перед корзинами с грибами, и глумливо скривился. – А-а-а, бабы... Ну да, ладные. Чего, понравились? Хошь, научу, как обратять?

– Да какие бабы! – отмахнулся Гаркун. – Этого добра... А будет нужда – и без тебя справлюсь. А вот грибы...

– Чего грибы? – не понял Сучок и еще раз посмотрел в сторону кухни. – А, ну да. Грибы... И что? Грибов, что ли, не видел? Их сейчас из лесу все таскают...

– Да что ты понимаешь! – невесть с чего рассердился Гаркун. Насупился, отвернулся и снова двинулся по прежнему маршруту, но не выдержал и через некоторое время буркнул:

– Люблю я это дело, аж руки зачесались!

– Грибы? – Сучок понимающе кивнул. – Ну да – вкусны... Особенно белые. Дух от них – слюной подавиться...

– Не... Собирать люблю, – признался Гаркун. – Так бы в лес и побежал сейчас.

– Так то ж для мальцов работа... – удивился Сучок. – В лес по грибы бегать.

– Вот с малолетства и люблю... Сейчас оно, конечно, не часто доводится, но как дорвусь – не поверишь, аж свербит! Особенно, когда урожай на них. Из лесу не выйдешь. А сейчас вон, гляжу, поперло...

– Так уже с неделю холопки из лесу коробами тащат – лукошками не наносишься. То детишки ходили, а теперь и баб с ними отправляют, чтоб подсобили – говорят, плюнуть некуда там – сплошняком стоят.

– Время пришло, значит. Теперь недели две или три будут, потом враз сойдут. Вот и успевают ухватить. А нам недосуг...

– Это точно – не до грибов сейчас. Дома-то у тебя кто остался? Заготовят?

– Да заготовят... – Гаркун вздохнул. – Семеро у меня. Жаль, сыновья еще малые – старшие все дочки. Двух уже просватали. Сваты будущие тоже тут со мной. Вернемся – будем детей женить.

В голосе Гаркуна почему-то не слышалось особой радости.

– Как они там без тебя? Справятся? Осень на носу...

– Справятся, они у меня шустрые. И староста наш обещался семьям тех, кто сюда ушел, помочь по хозяйству. И волхв наш тоже...

– Не обманет?

– Не-е. Не посмеет – волхва велела.

– Тогда конечно, – уважительно кивнул Сучок и покосился на приятеля. – Тогда чего ты смурной-то? Скоро уже домой вам – к зиме...

– А что б я знал, чего! – Гаркун неожиданно снова встал посреди дороги, огляделся вокруг и вдруг выдал. – М-мать! Не хочу я туда! Сам вот только сейчас понял – не хочу и все!

– Как не хочешь? – Сучок обалдело уставился на приятеля. – Семья же...

– К семье хочу... Домой не хочу! – мотнул головой носатый лесовик. – Кабы не семья, я бы и вовсе тут остался – и гори оно все пламенем!

– А чего так? Плохо у вас там, что ль?

– Да не... – Гаркун снова вздохнул, подумал, махнул рукой и двинулся дальше. – Кабы я сам знал... Не плохо, а... – усиленно теребя нос, он о чем-то задумался, а потом принялся объяснять, с трудом подыскивая слова: – Там место хорошее и живем ладно – как все... Сюда шел, как на казнь – старосту с волхвом изругал про себя, да не один раз. И не только я. Сваты мои будущие с зятьями тоже тут, а почему? Староста с волхвом всех своих кумовьев да сродников дома оставили, на нас отыгрались. И всегда так. Тут-то было не поспорить – волхва велела. А обычно, если что, так глоткой свое брать приходится, а иной раз пойди возьми... Да и не в том дело даже...

Гаркун осторожно огляделся и, понизив голос почти до шепота, признался:

– Только не говори никому, что сейчас скажу... Вон, среди отроков пятеро наших бывших. Из селища. По ним тризну справили – не признаем их, не велено. Родня, считай, похоронила уже. И тут им судьба неведомая – воины, а... Поглядел я на них... Знаешь – позавидовал! Другие они уже. И судьба у них другая. Мне бы в их годы такое – ухватился бы зубами за здешнюю жизнь. Я ж шепутной был – сколько об меня палок отец покойный обломал, пока в разум не привел. А-а... – Гаркун опять саданул воздух рукой и выдал. – Вольно тут!

– Вольно?! Да... – От такого выверта Сучок аж споткнулся. – Да тут без разрешения не пёрнешь! Ты чего? Какая это воля? По дудке да по свистку...

«Ни хрена лысого! Да в ином порубе вольнее, чем у нас! Чего это он»?

– Э-э-э, не о том говоришь! Не в дудке дело... – досадливо поморщился Гаркун. – Дома и без дудки, а... Словно вол в ярме – все без тебя предопределено от люльки до погоста – тащишь воз и из того ярма

выпростаться только в корзину... Начальным человеком над своими меня волхва поставила – хошь не хошь, а пришлось. Только ведь если бы я не справился, тут бы и волхва до сраки – другого кого поставили бы, кто впрягся, так? А люди за мной пошли, сами пошли, понимаешь? Потому что тут кем можешь быть, тем и будешь.

«Вона как грачик наш заворачивает! Не, резон-то есть, только он, знать, вовсе заслепошарил – цена за всё это такая, что того гляди проторгуешься, а плату тут, эти его, петлёй да плахой берут!»

– Будешь... – невесело хмыкнул Сучок. – Только за то бытёе потом и битёе за счастье... Головой ответишь, коли оступишься. Сам видел – тут и мальцов на шибеницу определяют, не кашлянут...

– Уж лучше на шибеницу, чем дома белкой в колесе по кругу скакать! Только чтоб на просушку подвесили, совсем дурнем ненадобным быть, а я вроде не дурень, а?

– Не, не дурень! Это точно! Только строго здесь. И без виселицы строго! Сам ведь все видел.

– Да что ты о строгости знаешь, а? – Гаркун неожиданно разгорячился, обернулся к мастеру. – Думаешь, если в холодную посадили или гусаком вышагивать да руку ко лбу тягать заставили, каждого пупка приветствуя, это строгость?! А вот хрен тебе по всей роже! Это, брат, как комар укусил! Вот дома хуже...

«Он-паньки!»

– Это чем же?

Сучок всерьез заинтересовался разговором, даже забыл рассердиться на Гаркуна за его горячность. Сам он до сих пор был уверен, что хуже и строже, чем здесь, в крепости, и быть не может. Принял это – хоть и через ломку и битие, которое, как известно, определяет сознание, но принял. И все равно оно поперек души торчало и о себе напоминало, как заноза. Он не сомневался, что и лесовикам крепостные порядки, что узда и стремяна дикому жеребцу: терпят, так как деваться некуда, но и во сне мечтают снова вернуться на свободу – где никто тебе губы не рвет и плеткой не гонит, а оказалось...

Гаркун продолжал вещать: дорвался высказать то, что давно зрело. Может, и правда дорвался...

– Там хуже неволя – волхва сказала и судьбу твою навсегда решила! Да что там волхва – волхв, который той волхве чоботы чистит! Староста! И баба старостина тоже! И не рыпнешься... Что мне, что сынам моим, как подрастут, навечно определено Лопарям в рот заглядывать. Или в изгой идти. Городской ты – не понимаешь! Не видал такого, не нюхал, сам себе

хозяином завсегда был А у нас сидят все на старине – жопа сгнила! И сами сидят, и других не пускают, ибо «от пращуров заведено».

Заведено, как же! То-то пращурам из Ирия глядеть радостно, как на твоей полосе обществом посева травят, чтобы, значит, у тебя урожай больше, чем у других, не случилось! И не сделаешь ничего – навечно так! А тут... тут... Свобода воли, вот!

«*Етит твою!..*»

– Чего-о-о?

– Того! – Гаркун воинственно дернул носом. – Я тут с Роськой-святошей говорил...

– Ты б еще с дыркой в сральне...

– Не лезь, а слушай! – Гаркун покраснел от досады. – Дури он нанёс – это само собой, но и дело сказал. Про эту самую свободу воли. Мол, бог ваш христианский людям волю дал, чтобы по своему разумению поступали, и предупредил, чтобы, значит, головой при том думали, а то за все содеянное спросится. Туточки или в посмертии – это уж как получится, но огребёт каждый по делам его.

– Ну, дык, и чо?

– Уд через плечо! Тут на этой самой свободе воли все и стоит! Делай, что хочешь и можешь, но башкой думай – за все содеянное спросят без жалости. Да я о таком дома и мечтать не мог!

– Тебе сколько разов было сказано – маслята с прочими не класть? А это что?! – донесся от кухни звонкий голос одной из помощниц Плавы. И неразличимый бубнеж провинившейся сборщицы в ответ, видимо, холопка огрызнулась на замечание, так как тут же последовала гневная отповедь:

– Как это не мое?! Моё! Меня Плава старшей назначила, а я за тебя, лахудру, перед ней огребать буду? А ну перебирай все снова, пока космы целы... Мне потом покажешь!

– Во, слышал? – воинственно кивнул в сторону кухни Гаркун, сделавший совершенно непостижимый для Сучка вывод из услышанного. – Тут холопки и то в начальные люди выбиться могут, если захотят и не забздят! А ты говоришь...

«*Да в бога душу! Эка он повернул-то! По Писанию, значит, хоть он, птичка лесная, того Писания и не видывал! И ведь не поспоришь... Мож, тоже со святошей нашим, того, покалякать? Или ну его к бесу? Свобода воли... Стало быть, и такая она, воля, бывает? И к ней рвутся, из порток выскакивая? В строй, в холодную, под палки, под крик лающих сами бегут? А может, и правильно? А может, и нельзя иначе – за все плата требуется, и за свободу быть, кем можешь, тоже?*»

О как, Кондрат! Это что ж получается – такая воля, как тут, это самая настоящая воля и есть, и другой нету? Как там Лис говорил: «Делай, что должен, и будь что будет»? Ах ты, мать его, повернул, птичка носатая... Не, не зря, должно быть, его волхва над своими старшим поставила – знала кого...»

Разговор с Гаркуном неожиданно прилепился к Сучку хуже, чем смола к портам или банный лист к заднице. Весь день за делами не забывался и отовсюду в голову лез, паршивец. А к нему почему-то прицеплялся тот памятный разговор с Серафимом. Как он сказал? «И лесовики тоже зло затаили?»

Теперь, выходит, не затаили – Гаркун по крайней мере. По крайней мере, один топор от своей шеи плотницкий старшина уже отвёл – не стал причиной ссоры лесовиков и ратнинцев. А если Гаркун и родня его будущая к крепости потянутся, а он, Сучок, тому поспособствует, то и напротив окажется – не раздор он вносит, а согласие укрепляет. Ему и артельным это зачтётся.

И еще понял Сучок: привык он к такой работе. К Гаркуну привык. К болотникам его косоруким, которые вовсе и не косорукими оказались. И совсем не против был, чтобы и дальше у него такие помощники под рукой обретались.

В общем, все эти мысли у старшины в голове вертелись-вертелись и в конце концов сложились воедино. Откладывать дело в долгий ящик раб божий Кондратий не любил, так что тем же вечером Сучок улучил момент и снова заговорил с лесовиком все про то же:

– Слышь, Гаркун, а твои-то что про это думают?

– Про что? – не сразу понял его Гаркун, уже забывший об утреннем разговоре. – О том, как ров копать? Да чего там думать-то – бери больше, кидай дальше и отдыхай, покуда летит.

– Да не... про грибы... Тьфу! Про свободу воли. И про то, что домой скоро...

– А-а-а...

Гаркун помрачнел и насупился. Почесал в затылке. Потеребил кончик носа. Склонил голову по-грачиному. Подумал о чем-то и махнул рукой.

– Да кто ж их знает... Впрямую-то мы не говорили, я сам только нынче утром... Но наверняка и они уже задумываются – не все, так моя родня будущая точно. Тут как-то с Буруном поминали старосту, он в сердцах и выдал – мол, в изгой, что ли, к весне податься? Мы теперь родня – три семьи свое селище обоснуем. Пусть Лопари на заливке у кого хотят

катаются, а то уже житья нету... Только кто ж в изгой пойдет с насиженного места, пока не припекло? Да и волхв еще как посмотрит. Если только к боярыне идти кланяться – может, она и позволит, если довольна нашей работой останется...

– Так чего ж и не сходить? – прищурился Сучок. – Она у вас, конечно, грозна, но и с пониманием бабка-то. А если вы не просто просить придете, а то, что ей самой выгодно, так никакой волхв против не вякнет!

– Это ты о чем? – Гаркун хмуро зыркнул на мастера. – Какая ей выгода с того, что мы селище ослабим, да сами будем первые годы бедовать. На новом месте оно всегда так. Да и нам... Еще думать надо – не сгинуть бы...

– Ага. Если попретесь неведомо куда – так непременно сгинете. А вот если на обжитое... На посаде вон... Если Лисовины позволят, так и волхва не откажется – она же сама за то, чтобы вы с ратнинскими замирились, так? Ну вот и... Она даже против крещения не возражает – все отроки, что присланы, с ее ведома крестились, сам знаешь. А работы тут до морковкиных заговинков не переделать. Сам, небось, видишь. А не видишь, так мне поверь – возле Лиса не пропадем! Я уж и так с артелью решил: получится выкупиться – тут обоснуемся.

Гаркун зыркнул на Сучка, ничего не сказал, только ухватил себя за нос так, словно собрался его оторвать. Задумался.

Глава 3

Начало сентября 1125 года. Михайловская крепость

Плотницкий старшина Кондратий Епифанович Сучок готовился отойти ко сну в прекрасном расположении духа. Жизнь, столь долго пинавшая всю плотницкую артель по разным частям организмов, похоже, решила сменить гнев на милость. Будущее, впервые за долгое время, перестало быть беспросветно чёрным, и то, что обретаться приходится в достоинстве закупов, представлялось теперь лишь временной неприятностью. Такого не было даже после приснопамятного разговора с Лисом, приведшего к созданию лесопилки и появлению первой надежды на свободу.

«Вот оно как бывает: полгода не прошло, как в петлю лезть собирался, а теперь шалишь, мы ещё поживём – хлеба пожуюм! И на хмельное останется!»

Послал же мне Бог Лиса! Не думал, не гадал, что сопляк жизнь, по дури загубленную, так изменит... Ведь коли и дальше так пойдёт, в нарочитые люди выйдем, только бы не обделаться мне, как давеча... Ладно, было да прошло. Мотай на ус, Кондрат...

Эх, выкуплюсь – пойдёт за меня Алёна, домом обрасту, детишками... Сколько можно бобылём жить да по б... ходить? И артельные мои тут осядут, под защитой, в покое, в довольстве... Мож, под его рукой и мечта моя сбудется – построю я храм каменный, какого и в Царьграде не видали? А в прорубь не полезу – хреном ведьме по всей роже крест-накрест! Какая, к бесу, прорубь, когда тут такое начинается!

Спасибо тебе, Господи, что Лиса мне послал, что нрав свой смирить надоумил, за всё спасибо!»

Нечасто такое случалось с мастером, но сейчас случилось: Сучок опустил на колени и, глядя на слабый огонёк лампы, зашептал: «Господи Иисусе Христе Боже наш, Боже всякого милосердия и щедрот, милость Которого безмерна...»

Постепенно молитва у плотницкого старшины переросла в мечту. Ведь с Богом можно беседовать и так – светлым потаённым видением, что вырывается из скрытых до поры уголков сознания, где таится оно до срока,

и в нём раскрывается всё доброе и прекрасное, ради чего стоит жить. И становится мечта той ступенью, что приближает человека к Богу, ведь недаром Он, создавая людей, наделил их способностью мыслить и мечтать, а заодно дал и свободу воли, чтобы каждый сам выбирал свои стремления и грёзы.

Лёжа без сна на тощем тюфяке, Сучок мечтал о красоте, о совершенных по своей соразмерности теремах и храмах, что пуще жизни хотелось ему построить – не ради славы, нет – ради умножения совершенства в мире. Он чувствовал в себе силы созидать, видел устремлённое ввысь белокаменное чудо, глядя на которое, люди хоть на миг, но будут становиться лучше.

«Эхма, Кондрат, как бывает: вроде просто всё, ан нет! Где и простота лучше узорчья, а где без него никак, а почему так, только душой и поймешь... Вон как с регентом тем да с цветком деревянным – покуда красками его расписывал, всё не то – нарядно, да не красиво, а как душу в дереве увидал да наружу выпустил, так красота и вот она! Вот и пойми, что она такое?! Бывает цветок возле дороги полевой, неприметный, а глаз не отведёшь, а бывает гривна али ожерелье какое: золотое, с камнями самоцветными, работы тонкой, а хомут хомутом!

Или вон баба – вроде бы в иной ничего такого и нет, не кикимора болотная, глянуть есть на что и приятственно даже, а вот чего-то не хватает! А чего, хрен поймешь! А другая – всё при ней, в парче заморской да в золоте, а корова коровой! А ещё... Эх, вон как Арина Андрюхина! Повезло ж ему! Как она тогда на крыльцо в новом наряде вылезла – я аж обмер! Стоял и глазами хлопал – даже в портах ничего не шевельнулось! Не то Богородица, не то вообще не пойми кто – дух захватило! Ни прибавить в ней ничего, ни убавить! И свет от неё шёл, нездешний! На иконах и то так не пишут! В самой Софии Киевской Богородица^[31] и то не такая! Великий мастер ту мозаику делал, но и у него дара не хватило!

А отчего такое? Неужто от платья нового? Ведь видал я её – хороша бабёнка, ягодка прям, но вот чтоб так пришибло?! Вот она, значит, красота – когда ни прибавить, ни убавить – и как громом! Душу открыл, да соразмерность сыскал и нате – не я один, все как пыльным мешком из-за угла!»

Сучок не заметил, как мечты и мысли сменила дрёма. Видения становились всё путаней и путаней. В последнем, что он запомнил, та давешняя, необыкновенная Арина ему улыбалась, а потом, откуда ни возьмись, появилась Алёна и погрозила Кондрату пальцем, а на месте

Арины возник храм, при взгляде на который становилось больно от его совершенства, и вот в этот храм вёл Кондратий Сучок свою Алёну...

* * *

– Етижтвоюбогадушу! – Сучок сел на постели, вслушиваясь в голос сигнального рожка. – Чего в такую рань-то? Эх, какой сон досмотреть не дали!

– Чего они, темно ж ещё? – рядом поднялась всклокоченная со сна голова Нила.

– А хрен их знает! Делать видать нече... – зло бросил старшина и вдруг оборвал себя на полуслове: до него дошло, что значат эти короткие и отрывистые вскрики через кость. – Тревога! Враг напал! Вставайте все!

Нечёсанные, наспех одетые плотники, похватав топоры, вывалили из избы наружу. От посада в сторону ворот спешили наставники Макар и Илья с семьями. Диво, но Макар был уже в доспехе и при оружии, у Ильи на запястье висел кистень, а в руках обозный старшина держал взведённый самострел.

– Сорока, Лушка, скотину гоните с общим стадом в лес, там и спрячетесь, пастухи знают где, остальные в крепость, хрен с ним, с добром, ещё наживём, живее, живее, потом разбираться будем!

– Илья, чего случилось? – сунулся Сучок к наставнику.

– Давай за ворота и за своими смотри, чтоб не потерялись! Враг близко! – словоохотливый обычно наставник сегодня разговоры разговаривать явно не собирался.

– Давай в крепость, кучей держись! Топоры готовь! – плотницкий старшина принял решение.

Под ногами загрохотал настил моста. Вот и ворота, а возле них телеги, чтобы, случись чего, перегородить путь неприятелю, дать время закрыть ворота. На недостроенных заборлах видны шлемы, на крепостном дворе тёмной массой застыли в конном строю несколько десятков отроков, а остальные в доспехе суеются рядом.

«Эка у них! Мы только глаза продрали, а Илья с Макаром и семейных подняли, и самое ценное собрать успели, и скотину вывели... А в крепости так и вообще все оружные! Вот те на!»

– Санька, телегу к кузне подавай и грузи на неё запас болтов! – Илья уже распоряжался обозниками, а Макар и вовсе куда-то исчез. На плацу стояла в строю вся Младшая стража, на глаз где-то треть конные, а

остальные пешие.

– Стража, смирно! Равнение направо! – голос старшины Дмитрия прорезал шум.

«Ничего себе! Скотину куда-то дели, баб с детишками попрятали, сами в строю стоят, одни мы торчим, как этот самый!»

– Сучок, убери своих от греха! – Мастер аж подпрыгнул: сгорбленный, шкандыбающий с клюкой наставник Филимон сумел подкрасться совершенно незаметно. – Давай ко второй казарме, да задами, задами! Там проследишь, чтобы лесовики все с топорами были, да узнаешь, кто из них с луком и рогатиной управиться может. Старший над вами Прокоп, он скажет, что дальше делать. Понял?

– Понял!

– Так чего встал тогда?!

– Пошли, мужи, – плотницкий старшина призывно махнул рукой и пошёл вдоль стены в сторону жилища Нинеиных работников.

– Явились наконец! – наставник Прокоп, как и Филимон, уже облачился в доспех и прицепил меч к поясу. – Давай разбивай всех на десятки!

– Сейчас! – Сучок развернулся к лесовикам. – Гаркун, ты где там?!

– Тута я! – лесовик, воинственно выставив нос, полез вперёд.

– Строй всех по артелям! Кто с луком и рогатиной управляться умеет, давай ко мне! – плотницкий старшина призывно махнул рукой.

Через некоторое время толпа обрела некое подобие строя.

– Все? – Прокоп кивком головы указал на плотников и лесовиков скучковавшихся вокруг Сучка.

– Ага! – кивнул мастер. – Мои почитай все в ополчении стояли, а из лесовиков те, на кого Гаркун указал.

– Пошли со мной за оружием, остальным ждать здесь! Старший – Гаркун! – Наставник развернулся и споро зашагал в сторону оружейных кладовых.

Пока получали оружие да разбивались на десятки, солнце встало над горизонтом. Сучок, получив в дополнение к топору захваченную за болотом стёганку, подбитую железом шапку и щит, нетерпеливо переминался с ноги на ногу.

– Прокоп, что случилось-то? – Плотницкий старшина не мог больше терзаться неизвестностью.

– Ляхи Княжий Погост взяли, того гляди в Ратное пожалуют! Отроки туда уходят, а мы остаёмся крепость стеречь!

– Ляхи?! Да откуда они здесь?! – Сучок полез пятернёй под железную

шапку.

– От сырости завелись! Могут и сюда сунуться, к нам из Ратного баб и детишек пришлют, вот их охранять и будем! А сотня да Младшая стража ворога у села встретят. – Наставник в сердцах сплюнул.

– Всех баб?

– Нет, только тех, кто с луком управиться не могут, и тех, кто послабже да годов преклонных. Остальные там сгодятся!

– А как же? – охнул Сучок.

– Вот так же! На заборолах твоя Алёна с луком стоит, а тебе, Кондрат, тут с топором выпало! Светает уже, сейчас отроки конные в разъезд пойдут – посмотреть, не шарится ли кто поблизости. За ними следом и вся Младшая стража двинется, а мы здесь останемся. Ладно, заболтался я с тобой, стойте тут, да не разбредайтесь, а я к Михайле за приказами... Ты в ополчении был, сам всё понимаешь. За лесовиками пригляди! – Прокоп резво направился к терему.

«Алёна! Там! А я здесь! Етит твою в грызло! Как же так?! Бабе воевать, а мне тут в крепости сидеть?! А вот оглоблю вам в рот через задний проход! Чтобы я свою бабу одну оставил?!»

Медленно, бочком-бочком Сучок начал пробираться в сторону коновязей...

Изменился за эти недели плотницкий старшина, очень изменился! Ещё месяц назад он просто бросился бы очертя голову к конскому загону, сметая всё на своём пути, но не теперь.

«Так, я в доспехе, щит достался круглый, а не корыто, как остальным, в седле сидеть можно будет. Коня поплоше выберу, хороших-то парни с собой уведут. Пристану к обозу, будто так и надо – никто и не спросит! Так и доберусь, а там уже гнать поздно!»

Занятый своими мыслями, Сучок не заметил, как Младшая стража покинула крепость. Коноводы уже гнали в ворота табун вьючных коней, скоро должен был двинуться и обоз. Плотницкий старшина тем временем успел разжиться седлом и сбруей и просочился в конский загон. Он уже присмотрел смирную на вид чалую кобылу, как нельзя лучше подходящую такому неважному наезднику. Оставалось только оседлать...

– Ты куда собрался, голубок? – наставник Филимон возник будто из-под земли.

– Не засти, Филимон, не твоё дело! – Сучок бросил наземь седло и сбрую.

Старый сгорбленный воин поудобнее сложил руки на клюке, покивал головой, будто соглашаясь с какими-то своими мыслями, но с места не

двинулся.

– Нет, Кондратий, моё! Я тут наставником приставлен аккурат для того чтобы дуrolомов всяких окорачивать, а сколько тем дуrolомам лет, тринадцать али тридцать – дело второе. – Кольчуга наставника предупреждающе звякнула, но кистень, который Филимон носил с тех пор, как лишился возможности из-за увечья владеть мечом, так и остался за поясом. – К Алёне собрался?

– А если б и к ней, не твоя забота! – Кровь бросилась в лицо старшине. – Баб на стены ставите, витязи?! Не дам!

– Подумай, Кондрат, людей своих бросаешь! И как тебя Алёна встретит, тоже подумай! Она же вдова и дочь ратника!

– Не твоё дело! – Сучок набычился и пошёл вперёд, думая отшвырнуть калеку с дороги, не причиняя ему по возможности вреда. – Отойди от греха!

Что произошло дальше, старшина так и не понял. Только мелькнула в воздухе клюка, мир совершил оборот, земля оказалась неприятно твёрдой, и стало вдруг тяжело дышать. Сучок дёрнулся, пытаясь подняться, но так и остался лежать брюхом на земле, да горло сдавило что-то твёрдое.

Нет, не был мастер Кондратий ни рохлей, ни неумехой. Изрядно поднаторел он в безоружном мордобитии, а с топором в руках мог на равных сойтись с любым княжьем дружинником в споре смертного железа, но вот тут сплеховал. А кто бы не сплеховал? Кому могло прийти в голову, что некогда один из лучших мечников сотни бывший полусотник Филимон, лишённый давним ударом вражеского оружия возможности разогнуть спину, остался, тем не менее, смертельно опасным бойцом? Вот и Сучку не пришлось. И лежал теперь плотницкий старшина на брюхе, распластанный, как раздавленная телегой лягушка, да орошал пыль кровью из расквашенного носа. Филимон одной ногой придавил мастеру руку вместе со щитом, другой наступил на спину, а крюком клюки перехватил горло так, что почти прекратил поступление воздуха в Сучковы лёгкие. И что толку, что правая рука старшины свободна? Топора в ней нет, а в воздухе ею махать толку мало...

– Пусти, аспид, мать твою! – хрип с трудом вырвался из горла Сучка.

– Нет, голубок, охолонь! – в голосе Филимона смех гармонично сочетался с бешенством. – Полежи покуда да меня послушай! Ты куда собрался, хрен лысый?! К бабе под юбку прятаться?! Она тебе, опарышу, родню свою, кровь свою доверила! Думала, защитит мой Кондратий детишек, стариков да старух древних! Сама на заборы с луком стала!

– Ты что несёшь?!

– А ты слушай, не рыпайся! Там-то отобьются – вся сотня на стенах, да отроков с самострелами ещё сотня, да бабы вроде Алёны твоей не ромашки полевые! А здесь?! Три с половиной калеки, да учеников воинских десятков-полтора из Ратного с детишками пришлют! Одна надежда на твоих плотников да Гаркуновых лесовиков, а старшина их, что топором, как журавль клювом играет, труса празднует – к сотне под крылышко побежал!

– Ыыыы!

– Слушай, сссучара! Ты как Алёне в глаза смотреть будешь?! Муж ты или стерво поганое?! Ты начальный человек! На тебя глядя, и остальные разбегутся! Придут ляхи, стариков и старух под меч положат, баб да детишек похолопят, всё, что ты настроил, пожгут! Вот и выходит, что Иуда ты, Кондрат! Таких даже острым железом не казнят – на вздёрнутых оглоблях давят! И Алёна твоя перед смертью в глаза тебе плюнет и проклянёт!

Сучок обмяк.

«Ма-а-ать ети-и-и!.. Как же так? Прав он, хрен горбатый! Что ж делать-то? Нельзя мне туда – Иудой буду! И перед Алёной тоже! Господи, сохрани её, рыбоньку мою, на рать ведь пойдёт, не уедет! Одно защищать будем, она там, а я здесь... Свои мне все тут и сам я теперь свой!»

– Что, опамятовал? – почувствовав, что старшина больше не вырывается, Филимон ослабил хватку.

– Опамятовал! Спаси тебя Бог, Филимон, не дал мне дури смертной натворить!

– Кидаться не станешь опять?

– Нет, не стану!

– Ну, вставай тогда, витязь! – наставник освободил мастера от захвата.

Сучок поднялся, отряхнулся, подобрал топор и шапку, вытер рукавом кровавые сопли и низко поклонился старому воину, коснувшись шапкой земли.

– Спаси тебя Христос, век за тебя молиться стану! – Мастер выпрямился, надел шапку и взглянул наставнику прямо в глаза. – Приказывай, господин наставник, где мне и моим людям быть?!

– Вижу, проняло! Понял, кто ты теперь есть и как тебе быть надлежит! Ну, лучше поздно, чем никогда! – Лицо Филимона оставалось суровым, но глаза смотрели с пониманием. – А раз понял, слушай приказ! Лучников поставишь в воротные башни, сам с остальными оружными на площади

приказа жди. Гаркуна с его людьми пошлѐшь на стены, пусть ладят какие-никакие заборы, а несколько человек дашь боярыне, пусть бабам помогут жильѐ для беженцев приготовить. Уяснил?!

– Так точно, господин наставник! – плотницкий старшина бросил правую руку к шапке. – Разреши выполнять?!

– Разрешаю, ступай! – Филимон в свою очередь поднёс руку к шлему.

Сучок, как отроки, над которыми он ещё месяц назад смеялся, повернулся через левое плечо и поспешил к своим людям, твёрдо вколачивая в землю каблуки сапог.

– Будет из тебя толк, Кондрат, – еле слышно усмехнулся ему вслед старый воин.

Знал бывший полусотник, что битие, конечно, определяет сознание, но важно понимать, как, когда и по какому месту бить. Вот и выжидал момента, когда сможет натравить Сучка на Сучка же, наотмашь залепив по характеру Сучковому, мужской его гордости и немалому мужеству. И дождался ведь! Не было бы счастья – несчастье помогло! Вовремя ляхи подвернулись, иначе не стал бы плотницкий старшина слушать – хоть ты его бей, хоть насмерть убей. А старый воин сумел заставить, показав, что Сучков эгоизм и упрямство баранье нынче по разряду Иудина греха проходит, а хуже того греха на свете нет. Разве что трусость. Вот и сумел повернуть бешеного плотника на «светлую сторону силы». Потому что знал и умел – ну так незнайки и неумехи в полусотники редко попадают.

Плотницкий старшина вернулся к казарме. Люди сидели на земле, не выпуская из рук оружия. Завидев Сучка, Нил, Гвоздь и Гаркун поднялись на ноги.

– Чего делать, Кондрат? Чего там воеводы думают?

– Поднимайте всех, лучники пусть в воротных башнях засядут, остальные оружные со мной к терему, а ты, Гаркун, бери своих, собирай, что найдѐшь, и щиты с помостами ладь, как начали. Сумеешь, делали уже так. Спроси, можно ли за ворота выйти, если можно, берите все доски с лесопилки, не время сейчас добро беречь! Ещё брёвна на стены подними, чтобы метать, если на приступ пойдут. Да, пусть топоры все под рукой держат, и вообще поглядывайте!

– Понял, сделаю! – Гаркун энергично кивнул головой.

– погоди, пошли десяток к боярыне, надо жильѐ для беженцев приготовить, баб с детишками из Ратного к нам отправляют.

– Сделаю! – Гаркун почти бегом бросился поднимать людей.

– Шкрябка, Гвоздь, как с оружными дела?

– Лучников два десятка, стрел в достатке, старший над ними Горазд, бойницы на башнях, слава богу, прорубить успели, – Нил с воинственным видом поправил заткнутый за пояс топор.

– Погоди, какой Горазд? Который из двух?

– Тот, что артельный, жабокриковских, – уточнил Нил.

– А, ну ладно, этот годится! – одобрил Сучок. – Пусть тогда своих надвое разделит и второго десятника поставит, разберётся, не дурень! Давай, веди их туда и посмотри, чего на скорую руку сделать можно.

– Сделаю! Ещё у наставников спрошу, так ли делаю! – Шкрябка отошёл в сторону.

– Сучок, а нам к терему? – Мастер Гвоздь опёрся на топор. – Может, погодим чуток, надо бы топоры на боевые топорища насадить.

– Верно помыслил, сподручнее так! – Старшина отвёл взгляд. – Сейчас пошлю кого-нибудь Филимону сказать. А у лесовиков как?

– Три десятка с рогатинами и старший над ними, не поверишь, Буня. Гаркун говорит, что все на медведя не раз ходили и с рогатиной управляться умеют.

– Добро! Значит нас два десятка, да их три, да с луками ещё два. У Гаркуна, получается, полсотни, а стены не достроены... Ладно, не полком же они пожалуют! Да и наставники умельцы в своём деле изрядные... – Сучок вдруг повернул голову и гаркнул: – Швырок, бегом сюда, шпынь косорукий!

– Тут я, дядька Сучок! – парень подскочил, но на всякий случай встал так, чтобы старшина не смог его достать.

– Слушай сюда! Задницу в горсть, бегом найди наставника Филимона да скажи, что старшина Сучок просит дать время топоры на боевые топорища насадить, а лучники уже в башнях. Потом сюда вернёшься, при мне будешь, уяснил, короста?!

– Бегу, дядька Сучок, – Швырок скрылся из виду быстрее ветра.

– Ты прям как воевода, – Мудила, весело ухмыляясь, качнул в руке молот – другого оружия кузнец не признавал.

– С кем поведёшься, от того и наберёшься, – не остался в долгу старшина. – Ладно, мужи, давайте топорами займёмся. Бразд, собери у своих, мы быстрее сладим.

– Ладно, – приятства в голосе Бразда Буни не нашёл бы никто, но спорить с Сучком после достопамятного случая он более не решался.

– Всё, мужи, за дело! Времени мало... – Плотницкий старшина первым направился к дверям мастерской, из-за которых слышался скрежет

точила.

Время для Сучка понеслось, как лошадь, учуявшая близкий волчий запах, и мастеру пришлось поневоле за этой своенравной конягой успевать. Казалось, плотницкий старшина обрёл способность пребывать в нескольких местах разом. То тут, то там слышались его приказы, объяснения, ругань, уговоры, подначки. Словом, работа кипела, служба шла, крепость готовилась к обороне и размещению беженцев, а Сучок, вываливший язык до колен, совершал обычную для всех начинающих командиров ошибку – пытался всё делать сам и торчал у подчинённых над душой. Ему было невдомёк, что за каждым его шагом пристально наблюдают, что опытные в воинском деле наставники неспроста всякий раз оказываются в нужном месте, готовые подать совет, указать на ошибку, намекнуть, показать. Ну не до того было старшине!

Ответственность воинского начальника, под рукой которого внезапно оказалась сотня оружных, начисто отбила у Сучка столь присущую ему едкую наблюдательность. Оказалось, что управлять лучшей на много дней пути вокруг плотницкой артелью – это одно, быть главным строителем немаленькой крепости – другое, а командовать сотней пешцев, собирающихся сесть в осаду в недостроенной крепости – совсем даже третье.

Внезапно выяснилось, что рядовым в ополчении по вечевому приговору стоять – это совсем не то, что по доброй воле встать во главе какой-никакой, а сотни. И что ратником быть – это не только ловко мечом махать, а уж про воинского начальника и говорить не приходится. Самому теперь смешно было, как считал, что воеводе, кроме вида важного да рыка грозного, ничего и не надо. Мол, попробуй, касатик, в моей шкуре – построй чего-нибудь поболее нужника. Хоть крепость, к примеру. Считал да обсчитался – на своей шкуре понял, что военное ремесло не медовый пряник и учиться той науке не переучиться... Вот и летал Кондратий Епифанович Сучок через крепостной двор – только пыль столбом вилась, а в голове командирские доуки начисто вымели все остальные мысли.

– Хорошо скачет! Как мой Серко когда-то! – наставник Тит усмехнулся и проводил пробегающего мимо мастера взглядом. – Иноходью.

– Верно, аж из-под копыт искры сыплются, – подкрутил ус наставник Филимон, поудобнее устраиваясь на лавке. – Как он, дури не творит?

Только очень внимательный наблюдатель смог бы догадаться, что на той самой лавке, где вечерами на посиделки собирались отроки и девицы,

сейчас расположился центр обороны Михайлова Городка. И до того, что не балагурят увечные ветераны, греясь на солнышке, а отставной ратник Тит докладывает принявшему на себя командование крепостью отставному полусотнику Филимону, тоже додумался бы не каждый. А что оба в струнку не тянутся, так на это кто помоложе есть, а им и так сойдёт, не отроки, чай.

– Да нет, пока не даём, – Тит понимающе кивнул командиру. – Приглядываем, как ты велел. Да он и сам не дурень, быстро схватывает. Только диву даюсь, как не свалился-то ещё? Вон как скачет!

– Все так скакали, – не стал развивать тему Филимон, – не он первый, не он последний.

– Ну, я пойду, гляну, что да как? – вопросительно взглянул на старшего наставник. – Надо ратничков наших поотвлечь малость, а то перегорят без привычки-то.

– Дело, сходи, а то на черепаху эту бегучую надежда плохая, – Филимон сложил руки на клюке. – Это ему не строить, там-то он мастак, не отнимешь!

– Какую черепаху? – Тит даже утратил свой привычный обманчиво томный вид.

– Да на Сучка! Ты его со щитом за спиной да без шапки видел?

– Ну, видел.

– А черепах на болоте?

– Тоже видел.

– Ну, так поставь ту черепаху на задние лапы да заставь бегать таким макарон, как раз Сучка нашего и получишь!

– Ну, уморил! – Рассыпался смехом отставной ратник. – Додумался же!

– Так иди и лесовикам про то Расскажи, а с Кондратом я сам поговорю, – резко оборвал веселье Филимон.

– Вспомнил, как Агей тебя и Корнея своего уму-разуму учил? Или Гребня, покойника? – ухмыльнулся ветеран.

– Шёл бы ты, догада, ножками, – Филимон хмыкнул и поднялся с лавки. – Я, пожалуй, тоже пойду, пройдуся. Если понадобится, то у Анны ищите.

– Ясно! – Тит направился в сторону ворот.

Взмыленный плотницкий старшина стоял на недостроенной Девичьей башне и озирали окрестности. Едва ли не впервые за этот сумасшедший день у него выдалось свободное мгновение, чтобы передохнуть и подумать ещё о чем-нибудь, кроме срочных дел. Со скрипом, руганью, бестолочью,

мордобоем, отданными в спешке неправильными приказами и невыполненными по неопытности правильными крепость подготовилась к обороне, а случайная толпа мастеров и лесовиков-работников стала напоминать градское ополчение. По крайней мере, своё место на стене знал каждый. Что делать в случае вражеского приступа и по какому сигналу – тоже.

«Ну, дело, кажись, пошло – какие-никакие загородки изладим. Им, конечно, до заборол настоящих, как до Киева окарач, но хоть что-то! Не, едрить меня долотом, если сотнями тремя-четырьмя припрутся, отобьёмся! Больше-то в такой глухомани навряд ли сыщется... Да и какого лешего сюда ляхов занесло? Заблудились, что ли? Отсюда до ихней Ляхии пока идёшь, ноги до задницы стешешь!

Хорошо, что парнишка из Ратного прискакал, весть принёс, что татей сегодня не ждут... Хоть что-то сделать успеем. Пусть на скорую руку, тям-ляп, тулуп из исподнего! Ну кто так строит, тьфу! Хотя лучше так строить, чем шибеницу^[32] ладить, как давеча... Не думал, что когданибудь сподоблюсь, прости меня, Господи!»

Старшина скользнул взглядом по стенам, на которых копошились работники, и уставился на дорогу, ведущую в Ратное.

«Нет, обоза пока не видать. А наставники как в воду глядели: и впрямь передали, что баб с детишками к нам отправляют. Может, и Алёну мою пришлют? Да нет, сказывали, только непраздных, тех, кто здоровьем слаб, старух и детишек малых... Остальных на стены да в селе пожары тушить. Да и не уйдёт моя, не таковская! Все они тут... как поперёк себя живут! Вся жизнь под порядок воинский построена, слова никто не скажи – и ведь гордятся этим! Что к себе, что к другим без жалости! Когда парнишку того вешали... Хоть он и вступился за брата, а нельзя поперёк приказа идти! Это как в срубе гнилой венец – не заменишь вовремя, всё завалится...

Ох, эти ж тебя в грызло, Кондрат! Опять забылся! А кто за временем следить будет? Пора караул менять, да к Гаркуну сбегать посмотреть, да... Да до едреней бабушки ещё чего! Бежать надо! Рысью!

Да ещё вояки мои меня же, не пойми с какого хрена, черепахой бегучей ославили, оглоблю им в грызло! И как воеводы со всем этим управляются?»

– Кондрат, погоди, разговор есть! – Филимон как будто поджидал Сучка у подножия башни.

– Иду! – недовольно откликнулся плотницкий старшина.

«И чего его нелёгкая принесла? Вот же невезуха! Как пить дать ещё на что-нибудь запряжёт... И слова не скажешь – сегодня он тут

воевода!»

– Пошли-ка в холодке посидим. – Лицо старого воина так и лучилось умиротворением. – А то жарко тут.

– Дел не впрокорот, Филимон, – Сучок дёрнул щекой.

– Дел всегда не впрокорот, – кивнул наставник, – но всё же пойдём, присядем.

– Как скажешь, воевода!

Филимон привёл Сучка всё к той же лавке, не торопясь утвердился на ней, но сесть старшине не предложил.

«И этот изгаляться вздумал, хрен старый, в рот ему дышло! От как дал бы ему сейчас промеж гляделок, чтоб башка не шаталась, без греха, без стыда и досыта! Хотя этому дашь, пожалуй... Как он меня утром! Ладно, постоим, он в своём праве».

– Ты чего меня позвал, Филимон? – Плотницкому старшине не терпелось вновь окунуться в водоворот дел.

– Чего позвал? – наставник на мгновение задумался, а потом гаркнул: – Ты что творишь, козлодуй?! Драть тебя в перед и зад с лихим посвистом вдоль, поперёк и наискось под колокольный звон и в мудовые рыдания! Ты какого ядрёного огородного овоща дурь несусветную пореешь, осёл иерихонский?!

– Ты чего лаешься, Филимон?! Я тебе не отрок! – Сучок развернул плечи и враз стал похож на мелкого и не по росту драчливого петуха.

– Молчать!

Плотник заткнулся на полуслове. Умел старший наставник добиваться повиновения, не отнимешь.

– Чего лаюсь, узнать возжелал? – Филимон прищурился. – Сейчас я тебе, голубь ты мой ласковый, всё поведаю! Ты здесь кто, воинский начальный человек или баба на сносях?! Молчать!

– Слушаюсь, господин наставник! – Сучок сам от себя не ожидал, что в ответ на поносные слова вытянется в струнку.

– О! Опамятовал немного. А раз так, слушай, – наставительно воздел вверх палец старый воин. – Ты когда строишь чего, к мастерам и подмастерьям во всяк час не лезешь? Ну, чего молчишь, отвечаешь?!

– А чего к ним лезть, они и сами дело знают!

– О! А к работникам? Они-то так-сяк? – отставной полусотник продолжил терзать Сучка.

– Тоже не лезу: их на сложную работу не ставит никто, и мастера над ними есть! – Плотницкий старшина начал наливать краской.

– А за каким тогда хреном ты сейчас носишься, как в ж...у

укушенный? Отвечай! – Филимон бил наотмашь.

– Так за всем пригляд же нужен!

– За всем, говоришь? – отставной десятник издевательски хмыкнул. – А как кто в отхожем месте зад подтирает, тоже приглядывать будешь? Запомни раз и навсегда: если начальный человек у подчинённого вечно над душой стоит, то подчинённый от того злой становится, и никакое дело у него не идёт! Мало того, со временем обленятся все и без пригляда начальственного никто вообще ни хрена делать не станет. А зачем им гузно своё утруждать? Всё одно прискачет долбоклюй, по-своему переделать заставит да ещё по шее даст!

Филимон стукнул кулаком по колену:

– И сам начальник от того тоже портится. Когда сам всё делаешь, то рано или поздно начинаешь думать, что под рукой твоей одни уроды да дурни косорукие и ленивые, а потом и вовсе на всё хрен кладёшь с размаху! А служба все равно идёт – и без тебя. Хоть и хреново, но всё лучше, чем с тобой. Вот тут-то лапки и опускаются, да так, что помереть охота... Что, не так, скажешь?!

«Да чтоб тебя в дубовый гроб под звонкие песни! Как наизнанку вывернул! Утром мордой в пыли извалял, а сейчас как в выгребную яму макнул! С размаху! И ведь не возразишь... Как с титешником сопливым! Только я ему не хрен с горы, поленом деланный!»

– Угу, – Сучок кивнул, вроде бы соглашаясь, но тут же вызверился. – Только ты мне зубы не заговаривай, я тебе не сопляк какой! Чай, не последняя у меня на Руси артель, и вроде с ней справляюсь! – старшина сплюнул сквозь зубы. – Верно ты говоришь, но это только тогда, когда подручные сами хоть что-то умеют, а тут только я да мои, кто постарше, в ополчении стояли, а остальные нет! Вот и приходится...

– Тпру-у! – Филимон почти не повысил голоса, но Сучок тут же заткнулся. – Ты куда поскакал, воин великий? Что в ополчении стоял, то добро. А что Буне, супротивнику твоему, это тоже не в новинку, ты знаешь, витязь? Отвечай!

– Нет! – зло каркнул в ответ мастер.

– О! – Филимон опять воздел палец вверх. – А должен был! Но молодец, не испугался в незнании признаться, хвалю!

– А...

– Нишкни, я ещё не всё сказал, – наставник слегка насупил брови. – А подумал ты, голубок, отчего так? Ведь должен был – есть у кого учиться. Вон, на боярича глянь, он-то с каждым своим отроком не носитя и с урядником тоже, да и тебя, тетерева сизокрылого, тоже не на помочах

водит, верно?

– Верно... – от такого выверта Сучок закусил губу.

«Ну ни хрена себе! Нашёл с кем сравнивать! Да Лису побольше, чем мне, достается. А треплют-то его как – и лежмя, и плашмя, и всяко разное! Лён так не мнут да не теребят, как его... Навалили на парня – вол сдохнет столько тащить!»

– А что он делает? – старый воин хитро прищурился.

– Ну, ты и спросил! – Воинственно выставил бороду вперёд плотницкий старшина. Больше для себя выставил – ну, не мог Кондратий Сучок просто так сдаться и отвечать, как почтительный отрок перед наставником! Только, вскинувшись, старшина, противореча сам себе, тут же полез скрести пятернёй плешь. – Он всё через ближников своих да через урядников, каждому своё дело определяет, следит, как они то дело исправляют, но сам, ежели дури не творят, не вмешивается, – лицо Сучка сделалось задумчивым. – Всех с уважением выпрашивает, если дело говорят – на похвалу не скупится... Если наказывает, то с холодной головой и по делу... И допрежь всего думает, кого на какое дело поставить... Ну, не знаю...

– Во-о-от! Допрежь всего думает! Главное ты сказал, Кондрат, и остальное верно, только не всё! Я, когда допёр, сам подивился! – Филимон снова пристукнул ладонью по колену.

– Чему подивился? – Старшина всем телом подался вперёд.

– Да есть чему, – наставник осторожно прислонился к стене. – Что дело каждому подбирает по склонности, что учит и учиться заставляет, то не диво...

«А что же тогда? Хотя Лиса куда не ткни, всё не как у людей...»

– Диво вот в чём, – меж тем продолжал Филимон, – Михайла про всех своих людей всё знает: кто чем дышит, кто на что способен, кого к какому делу приставить можно и до каких пределов ему то дело доверить. Всё знает! Понял?!

– Понял вроде, – Сучок заскрёб в затылке.

– Ни хрена ты не понял! – глаза у наставника горели. – Он людей своих знает! Ты хоть раз о своих людях так задумывался? Давить их ты научился, тут большого ума не надо. А вот поднять их... Нет, не так – заставить их самих подниматься, самих болеть за общее, а не ждать, чего ты им приказать соизволишь... Найти для них такое дело, какое они сами своим считать станут, общим и единым для всех...

«Едрит твою, ведь правда! Чтоб меня! У-у-у-у, б...!»

– Ежели об этом не думать, то и получается – был справный ратник в

справном десятке, а десятником стал, глядишь, и десяток дерьмо, а десятник ещё хуже, вон как Анисим-покойник! Или десятник в сотники не по уму или допрежь времени залетел, как Данила, – по лицу Филимона пробежала тень. – Скажешь, у зодчих не так? Или не знал ты этого?

– Так. Знал. – С Сучка лил пот.

– А чего же ты тогда, голова – два уха, всех до того довёл, что тебя твои люди черепахой бегучей величают, а сам ты уже на ногах не стоишь? Почему урядников своих ни во что не ставишь и в их дела нос суёшь?!

– Так я как лучше хотел, – беспомощно развёл руками плотницкий старшина.

– Ты ещё разревись и нос подолом утри! – Филимон пристукнул клюкой. – На четвёртый десяток перевалил, а как дитё малое! Хватит сопли до яиц развешивать, всё, что надо, ты знаешь, давай думай, как командовать надлежит, ну!

Сучка шатнуло. Некоторое время он стоял, глядя прямо в стену перед собой, а потом заговорил:

– Перестать людей дёргать, сесть, подумать, кто к чему склонность имеет, какой характер, чего от кого ждать, чего умеют, чего не умеют. После решить, кто на что годится и по годности начальствующих поставить, – старшина резко втянул воздух и взглянул на наставника в упор. – С тобой о назначаемых посоветоваться, ты в воинском деле сейчас старший, узнать, что ты по обороне задумал, да подумать как твой приказ ловчее выполнить, а потом своим объяснить, да так, чтобы поняли!

– Для начала годится, Кондрат! – Филимон поднялся с лавки. – Так и делай. Если что непонятно или сомневаешься в чём, то у меня, Тита, Макара или Прокопа спрашивай. Я над каждым из твоих урядников кого-то из них приставил. Они-то тебе дури натворить и не давали. Сам при мне будешь. Понял, господин десятник розмыслов?!

– Так точно, господин наставник! – Сучок встал «смирно».

«А он-то откуда знает? Мои бы не проговорились. Значит, Лис ему за мной присматривать велел? Точно! Небось, сказал ещё: «Посмотри, господин наставник, годится Сучок али нет?» А вот хреном вам по всей рожке, хрип порву, но докажу, что гожусь, и люди мои тоже годятся!»

– Вольно! Давай-ка присядем, – старый воин опустил на лавку.

Мастер последовал его примеру.

– Совет я тебе дать хочу, Кондрат, – Филимон сочувственно посмотрел на Сучка. – Ты не спеши всё сразу, даже то, что сегодня сам сказал, не спеши; подумай, что сразу, что потом делать, а то опять скакать начнёшь – это первое. Второе, никогда не забывай о своих людях, всегда найди время

проверить, как они: сыты, здоровы, веселы, всего ли хватает? Если чего не хватает – исправь, если невозможно – объясни, почему и когда возможно станет, подбодри, пошути. Третье, не давай сидеть без дела, от этого всякие мысли ненужные в башку лезут. Сам тоже всегда при деле будь, ты не херувим с крылами, до всякой хренотени не хуже прочих додуматься можешь.

– Спаси тебя Бог, Филимон, – Сучок склонил голову.

– Погоди, я тебе ещё главного не сказал, – наставник положил руку на колено мастеру. – Запомни, Кондрат, накрепко запомни: в воинском деле можно учить только наказом и показом! Нет у начального человека права не уметь или не мочь того, что от своих людей требует! Сдохни, но выйди первым, переломи, превозмоги. Только так! Войско за командиром идёт, потому что он ведёт, а не гонит! Если сможешь за собой на смерть *вести*, то и право *посылать* на смерть за тобой признают – такой от века воинский уряд...

Долгожданный обоз появился ближе к вечеру. Длинная вереница телег, сопровождаемая десятком верховых, медленно оторвалась от кромки леса и поползла к парому. Время вдруг стало для плотницкого старшины тягучим, как патока. Хотя и знал он, что любезной его в обозе не будет, но всё же надеялся, вот и вытягивал шею, аки гусь, стараясь разглядеть её среди баб и детишек, но увы. Вот уже и Гаркуновы лесовики перегнали паром на тот берег Пивени, вот уже перевезли первую телегу, а он всё стоял, глядя на серых от усталости и тревоги женщин, прижимающих к себе непривычно тихих детей, всё равно надеясь увидеть милое лицо. Тщетно.

– Кондрат! – Отставной полусотник, как всегда, подобрался беззвучно.

– Я! – встрепенулся Сучок, сбрасывая оцепенение.

– Хорош столбом столбеть, делом займись! – по голосу наставника плотницкий старшина понял, что Филимону так же тошно, как и ему самому. – Снимай своих плотников со стен и дуй к боярыне да Илье, баб с детишками помоги разместить. Там всё готово?

– Так точно, господин наставник! – мастер и сам не понял, почему он ответил именно так. – Всё, что можно, под жильё приспособили, а постелями и кормёжкой боярыня занимается. Илюха с лесовиками вот-вот начнёт всех через реку переправлять.

– Добро! – Филимон усилием воли прогнал хандру. – Иди давай, мне и наставникам тут быть надо, мало ли что, а тебя и твоих худо-бедно знают – от детишек меньше писку будет.

– Иду, – Сучок уже без церемоний отвернулся от наставника. –

Шкрябка, давай наших, артельных, к воротам!

Старшина потрусил к парому. Плотники, боярыня Анна, Верка Говоруха, Ульяна, Вея, Плава, непривычно серьёзные девки во главе с Ариной уже были на месте. Тут же находилась и Юлька со своими помощницами – в такой оказии лекарке завсегда дело сыщется. Распоряжалась Анна. Сучок издалика услышал её властный голос:

– Так, мужи, помогите Катерину с телеги снять, сомлела в дороге, – боярыня кивком головы указала на позеленевшую лицом беременную женщину. – Вер, давай её в девичью и детишек её присмотри!

– Иду-иду, – Говоруха решительно отодвинула лишних от телеги, приобняла занедужившую односельчанку и заворковала: – Вот и добралась, Катеринушка, сейчас мы тебя в горенку доставим, полежишь в холодке, а то сомлела в дороге, сердешная! А горенки у нас у-у-у, ты таких в Ратном и не видала! Любо-дорого, княгине в ней жить не зазорно! И детишек твоих с тобой пристроим, как у Христа за пазухой будете...

– Тётка Вера, дай я гляну, мало ли чего, – Юлька вынырнула, как из-под земли. – Тётке Катерине в телеге трястись не на пользу.

– Вот, Катеринушка, сейчас Юлька тебе чего-нибудь эдакого даст – как новенькая будешь, – Верка отодвинулась, не переставая поддерживать женщину за плечи. – Давай, девонька, гляди! Смотри, Катеринушка, какую Настёна дочку вырастила – лекарка хоть куда!

Муть в глазах беременной немного разредилась, на лице появилась слабая улыбка. Юная лекарка, меж тем, пощупала жилку на руке, потрогала лоб, хмыкнула и полезла в свою объёмистую торбу:

– Вот, выпей, тётка Катерина, – девчонка поднесла к губам женщины кожаную флягу.

– А вы, честные мужи, чего встали? – оборотилась Говоруха к плотникам. – Не видите – растрясло бабу! А ну, взяли её и с бережением в девичью! И детишек захватите, они тоже намаялись! Девки, проводите кто-нибудь!

– Я покажу, тётка Вера! Наставница Арина, дозволять?! – толстуха Млава, сопя, как бычок, и придерживая рукой самострел, протиснулась вперёд.

Сучок, глядя на такое, поначалу опешил.

«Ох ты ёрш твою поперёк и наискось! Они ж на сносях через одну да детишки – наломались в телегах и извелись все! Не, тут на руках тащить надо – сами не все дойдут: ноги, что твоё мочало».

– Слушай меня, мужи! – Плотники обернулись на знакомый голос старшины. – Бабы непраздные, сами идти не могут, детишки тоже мал-мала

меньше! По двое на телегу, берём баб и детишек поменьше и несём, а куда – девки покажут! Разведём по домам, там бабы уже присмотрят! Боярыня, командуй кого куда! Шкрябка, давай со мной к вон той телеге!

– Дядька Сучок! – Молодая женщина, прижимающая к себе спящего мальчонку лет трёх от роду, уставилась на мастера, как на заморское диво.

– Прасковья?! – Старшина не сразу узнал живущую через улицу от Алёны её не то младшую родственницу, не то подругу. – Ты как? Давай пособию!

– Дядька Сучок, осторожнее, Ванюшу не разбуди!

Плотницкий старшина враз одеревеневшими руками поднял ребёнка. Нил тем временем помог женщине выбраться из телеги и вытащил узел с пожитками.

– Ты сама-то дойдёшь, честна жена? – с какой-то нежной суровостью пробурчал Нил.

– Спаси тебя Бог, дядька, дойду. – Прасковья дрожащей рукой оправила выбившуюся из-под повоя прядь.

– Ну, тогда держись за меня, хорошо, муж твой не видит. – Мастер одной рукой облапил нетвёрдо стоящую на ногах женщину, а второй подхватил узел. – Небось, умаялась править?

– Умаялась, дядька! Прости, не знаю, как тебя звать.

– Зови Нилом, – плотник зачем-то оглянулся на Плаву.

– Спаси тебя Бог, дядька Нил! – женщина попыталась поклониться.

– А ну, не балуй! – Насупил брови мастер. – И так еле ноги переставляешь!

Сучок смотрел на это в немом обалдении. Хотя, «смотрел» это громко сказано. Глаза глядели, но не видели, уши слышали слова, но всё это проходило мимо сознания. Отчаянный сорви-голова, бабник и ругатель баюкал на руках лёгонькое детское тельце. В душе мастера волком взвыла тоска по своему дому, семье, детям. По уголку, в котором можно отгородиться от жестокого и неласкового мира, по женщине, что станет опорой до конца дней и, защищая которую, не жалко сложить буйну голову, по сыну-наследнику, по дочке-красавице, в которых на земле продолжится он – Кондратий Сучок.

«Ыыы! Господи-и-и! Как же так! У меня на руках и не мой! Зачем я так себя обделил?! «На что мне в доме баба, когда кругом и так полно?» Вот дурень-то! А знал я в доме бабу? Да хрена с два!»

А откуда знать? Отец женил Сучка, почитай, отроком, а Софья, невеста его, и того младше была... Полгода не прожили – прибрала её горячка. И

батюшку с матушкой, да сестрицу младшую.

Куда деваться вдовцу, которому от роду едва шестнадцать лет? Схоронил Кондрат всех и подался в Новгород-Северский в артель к дядьке – двоюродному брату отца, благо, батюшка покойный секреты мастерства вколотить в задние ворота излишне прыткому сыну всё-таки успел. Дядька принял, да и как не принять – родня. Ну и лестно ему стало, что сын брата двоюродного, великого искусника в плотницком ремесле, под его рукой ходит.

А там город большой – дело молодое. Да шпыняют все, мол, заморыш муромский – лешак из леса вышел! Вот и доказывал всем и каждому, что он ни в чём не хуже! Так и понеслось – то драки, то девки... Сколько раз били и сколько сам бил – счёт потерял, подолов так и вовсе задрал без счёта. А когда на судном поле десятника княжьей дружины из-за вдовы молодой зарубил, так и побаиваться стали. За все художества Сучком прозвали, мол, кривое дерево в сук растёт – так и прилипло. Дядька раз десять женить пытался, а потом рукой махнул – когда-нибудь сам перебесится. А потом взял да помер. И как-то получилось, что стал Кондратий Сучок старшиной артельным. Сама артель и признала – больно мастер хорош: ни в Новгороде-Северском, ни в стольном Чернигове, ни в Переславле такого не сыщешь. Да только мало для счастья одного мастерства, мало! Вот и горела теперь душа...

«Проблудил своё счастье! Был бы умнее, уже бы детишки в возраст входили... Своих бы на руках баюкал, своим домом, как все люди жил! А-а-а!»

Меж тем выгрузка беженцев шла своим чередом. Здоровяк Мудила, повинувшись напористой скороговорке Говорухи, подхватил на руки сухонькую бабёнку:

– Ты что творишь, охальник! – взвизгнула та на весь берег и невеликим своим кулачком пристукнула кузнеца по темечку. – Чего удумал?! Я честная жена! Мужу пожалуюсь! Он тебя в бараний рог!

– Не изволь беспокоиться, красавица! Никто невинность твою не похитит! – хохотнул молчаливый обычно мастер.

– Ирод! Кобелина! – баба вошла в раж и принялась колотить кузнеца по чему ни попадя.

Даже измученные долгой дорогой по жаре, страхом и неизвестностью женщины заулыбались, глядя на это, а детишки, глядя на весёлых матерей и вовсе оживились.

– Мам, а чего это тётка Глафира? – робко спросил один белоголовый

пацанёнок и всё – прорвало плотину:

– Мам... Мам... Мам... – раздалось со всех сторон.

А разошедшаяся бабёнка продолжала увлечённо лупцевать здоровенного кузнеца, суля ему мужнин гнев и все кары небесные в придачу. Мудила ржал в голос:

– Ну ты горяча, красавица – прям огонь! Вот мужу-то твоему радость!

Улыбки уже переросли в смех, а смех в хохот, и только Сучковы плотники, открыв рты, молча глазели на своего обычно тугодумного и нелюдимого кузнеца. Кое-кто из баб уже утирал краем платка выступившие на глазах слёзы: страх, тревога за родное село, за оставшихся там мужей, отцов, братьев, детей, подруг, мучительная неизвестность – всё, к счастью, прорвалось не слезами, а смехом. Неудержимым и неостановимым.

И тут Говоруха оглушительно свистнула. От неожиданности все разом смолкли и обернулись на Верку. А та глядела с телеги поверх голов, не хуже, чем воевода Корней с седла.

– Етит твою! – восхитился кто-то из лесовиков.

– А ну, будя ржать! Дело надо делать! – как поп с амвона провозгласила Говоруха. – Глашка, нишкни! Хватит ручонками мельтешить – того и гляди Мудиле всё на свете в кровь расчешешь! А ты, кобелина, кончай чужую жену тискать! Дорвался, чучело бородатое! Детишек бы постыдился!

– А отчего бы и не помацать – больно бабёнка склад...

Фразу прервал звук затрешины.

– Я тебе помацаю, – зловеще пообещал Макар кому-то. – Глашка, тебе Верка моя что сказала? А ну, перестань народ смешить, баба! Погоди, я Кирюхе твоему скажу пару ласковых...

– Не трудись, Макар Кирьянович, – слегка поклонившись увечному воину, перебила его боярыня Анна. – Негоже мужам бабьей дурью голову забивать. А ты постыдись, Глафира. Не пристало жене ратника так себя ронять! Мастер Мудила к тебе с уважением подошёл – помощь оказать, а ты завизжала, будто тебя парень на посиделках за зад ущипнул!

– О как! У нас в Михайловом Городке поселение воинское – порядок нарушать не моги! – совсем смолчать Говоруха не могла, но тут же поправилась: – Прости, боярыня, поперёк тебя влезла.

Анна величественно кивнула Верке, показывая, что не гневается, и продолжила:

– Наставницы Вера, Ульяна, Арина, Веля вам места определяют, девки проводят, мужи добратся помогут. Если что надо, то девкам скажите – они мне передадут. Отдохните с дороги и в трапезную, а тем, кто недужен, еду

в горницы принесут... – Боярыня обернулась к Плавe. – У тебя всё готово?

– Столы накрыты, Анна Павловна! Как скажешь – сразу раздавать начнём, – главная стряпуха с достоинством поклонилась.

– Ульяна, у тебя все готово?

– Да, Анна Павловна! Девки все приготовили и пособят, кому нужно.

– Юлия, осмотри всех. Недужных к себе в лазарет забирай, а остальных с Ульяной.

– Слушаюсь, боярыня Анна Павловна! – едкая, как редька, юная лекарка сегодня была сама послушание.

– Все слышали? – Анна оглядела беженцев. – А коли слышали, тогда исполняйте. Что не понятно, спрашивайте у девок или у наставниц. Мужей не дёргайте! Запрещаю! Здесь в крепости хоть и не Ратное, но порядок воинский наистрожайший, как вам наставница Вера и сказала.

– Ты чего раскомандовалась, Анька?! – взвизгнула неопрятная бабёнка, которую вместе с ещё несколькими только что переправили через Пивень на пароме. – За всех баб, что ль, сама решать собралась, Лисовиниха?!

– Бабыи дела решать – на то начальные бабы есть: наставница Вея, наставница Вера, наставница Ульяна и наставница Арина, – сейчас вздорной бабе отвечала не менее чем княгиня, посчитавшая нужным заметить нечто, копошащееся у неё под ногами. – А я, покуда мой сын в походе, отвечаю в крепости за всё!

Неряха так и застыла, раскрыв рот, – такой власти в Ратном бабам от веку не давали. Притихли и остальные – не каждый день бывшая односельчанка, с которой совсем недавно перекидывались словом у колодца, оказывается хозяйкой целого городка...

«Так, их боярыня! Раскудахтались, куры безмозглые! Здесь вам не тут!»

Мальчонка на руках у Сучка что-то пробормотал во сне, но не проснулся, несмотря на стоящий вокруг гам, – намаялся в дороге.

«Спи, спи, маленький... Эх, неужели когда-нибудь своего так буду?»

– Крыгхм! – прочистил горло Макар.

– Ты спросить чего хочешь, господин наставник? – обернулась к нему Анна.

– Да, боярыня, – отставной ратник слегка поклонился. – Ежели тебе возница Харитон сейчас не нужен, у меня для него дело есть.

«Ну до чего по делу встрял! А то он Харитона по-тихому умыкнуть не мог! Нарочно влез, хрен хитрозадый. Правильно! И боярыней повеличал верно! Пусть знают – это у них там шалай-валяй, а у нас, когда Лис в отлучке, боярыня всем управляет».

– Конечно, господин наставник, воинская надобность превыше всего!

– Благодарствую, Анна Павловна. – Макар вновь поклонился. – Харитоша, наставник Филимон велел, как с бабами управятся, расставляя телеги внутри крепости, как уговорено!

– Понял, сделаю! – обозник энергично кивнул. – Как все переправятся, учеников воинских тебе всех прислать, или только старшего?

– А кто там старший, не разберу отсюда?

– Так Веденя, Фаддея Чумы сын! Десятником он у них, – Харитоша указал рукой на распоряжавшегося на другом берегу парня.

– Всех пришли, только не ко мне, а к наставнику Филимону, – отставной ратник сгрёб бороду в кулак. – А Ведене скажи, пусть первый подойдёт – доложится.

– Сделаю! Наставник Филимон где обычно?

– Угу. На лавке своей... – Макар кивнул головой в сторону крепости, – а я пошёл.

– Нет, бабы, вы слышали?! – давешняя скандалистка вновь обрела голос.

– Молчать! – Анна оборвала неугомонную на полуслове. – Юлька, куда смотришь?! Баба непраздная, растрясло в дороге – не в себе! Дай ей чего-нибудь, чтоб в разум пришла!

– Сейчас, боярыня Анна Павловна! Прости, не углядела! – Юная лекарка демонстрировала просто чудеса почтительности. – Ты приляг, тётка Аполлинария, глаза прикрой, дыши ровно, – ведунья обхватила женщину за плечи и без всякого усилия уложила в телеге. – Чувствуешь, воздух входит холодный, а выходит тё-ё-ё-плый, и ребёночек твой от того успокаивается... Чувствуешь его? Слышишь? Говорит он тебе: «Не кручинься, матушка, не волнуйся».

Баба закрыла глаза и расслабилась, тело обмякло...

Беженцы, глядя на это, впали в полное отупение. Казалось, бабы забыли даже дышать, а детишки обалдело смотрели то на Анну, то на замерших в неподвижности матерей. Лицо боярыни стало пугающе похожим на лицо её свёкра – воеводы Корнея...

«Лихо боярыня наша гусынь этих щипаных приструнила, лихо! Пусть знают – у нас тут не забалуешь! А не дай бог повзбесились бы все? Не-е, такого счастья даром не надо – толпа перепуганных сдуревших баб страшнее орды половецкой! Их тогда и оглоблей не осилишь! Ладно, задницей шевелить надо – мать Лиса, похоже, в раж вошла...»

– Показывай, девонька, куда идти? – Сучок нарочито громко обратился к своей упитанной провожатой.

– Чего встали, бабоньки?! – Верка Говоруха тоже сделала надлежащие выводы. – А ну, давайте ножками, ножками – не видите, что ли, детишки умаялись!

– Сейчас покажу, скорей за мной идите, дядьки! – Млава всем своим видом демонстрировала, что попадать под горячую руку боярыне отнюдь не собирается.

– Не спеши так, красавица, не видишь, тётке Прасковье быстро идти не по силам, – остудил Нил пыл девицы.

Та смутилась и покраснела – ещё бы, впервые в крепости её кто-то красавицей назвал, да не кто-нибудь, а взрослый муж! Так и двинулись: впереди степенно выступала Млава, то и дело предупреждая о действительных или мнимых дорожных препятствиях, за ней следовал поддерживающий Прасковью Нил, а замыкал шествие старшина с маленьким Ванюшей на руках. Глядя на них, зашушукались и осмысленно зашевелились и остальные – больше споров и ссор не возникало. Последнее, что заметил плотницкий старшина – Аполлинарию бережно уводили по направлению к лазарету.

– Спаси тебя Бог, дядька Сучок! И тебя, дядька Нил! Что бы я тут без вас у чужих людей делала? – молодая женщина никак не могла прийти в себя от того, что пришлось оставить дом. – Зачем нас сюда сотник Корней послал? Никогда такого не было, чтобы из села родного бежать! Зачем с Павлушей моим разлучили? Я Алёне пожаловалась, а она меня ду-у-у-рой! Сама-то, небось, осталась, а ведь вдовая!

– Правильно назвала! – старшина удивился сам себе. – Ты чего там непраздная да с дитём малым под стрелами забыла?! И дитя нерождённое, и сына малого погубить задумала?! Ты подумай, каково мужу твоему в бою на тебя оглядываться будет?! Тьфу!

– Вот и Алёна то-о-оже-е, – не унималась Прасковья. – А сама оста-а-а-алась!

– Сопли подбери! Разнюнилась тут! – Сучок попытался рывкнуть шёпотом, чтобы не разбудить ребёнка. – Алёна моя силой иных ратников превосходит, из лука бьёт – Луке вашему рыжему впору, а ты на что годишься?! Совсем с глузда съехала, баба?! Дитя носишь – воевать собралась?! Мужу твоему, ратнику, делать больше нечего, как тебя оберегать? А врага бить кто будет, дура?! Не можешь помочь – не мешай!

– Вот и Алёна так...

– И правильно! – плотницкий старшина шипел гадюкой. – К чужим, вишь, людям её отправили! А крепость не воевода Корней строит? А не внук его со всей Младшей стражей за вас воевать пошёл? А не его ли мать

вам жильё да кормёжку готовит? Ты где чужих увидала? Совсем вы там, в Ратном, распустились! «Мы село воинское», тоже мне... Тьфу! Простых вещей не понимаете! Да у нас в Михайловом Городке такого непотребства ни в жизнь не было!

«Вот те на, Кондрат! Ты сам понял, что сказал? «У нас в Михайловом Городке!» Выходит, своё оно для меня, да и я тут свой, похоже... Вот не думал не гадал, само выскочило! А когда оно само, то это неспроста...»

– Слыхала, Прасковья, что тебе старшина наш говорит? – Нил включился в разговор. – Ведь правду говорит – не чужие тебе тут. Или ты думала, что сотник ваш вас бросит? Или что мы, кто под рукой внука его ходит, вас не примем? Тут же Ратному пригород, Лис так и говорил – нешто мы похожи на тех, кто в своём доме гадит?

«О как! Значит, Шкрябка тоже! А остальные? А что? Дело нам Лис показал, а дом своими руками строим... Тьфу-тьфу-тьфу, чтоб не сглазить!»

– Прости, дядька Сучок, извелась я! – потупилась молодая женщина.

– Да ладно! Что мы, без понятия? – старшина ободряюще улыбнулся. – Всё добро будет – вон какая сила под Ратным собралась. Не сладят с ними ляхи!

– Вот и Алёна так говорила! – кивнула Прасковья и вдруг залилась краской. – Ой, Кондратий Епифаныч, мне ж Алёна тебе передать велела...

– Что?!

– Так это... – замялась женщина, – Алёна велела передать, что её две сотни стерегут и сама она не цветочек полевой...

– Дальше!

– Ещё велела сказать, чтобы ты, случись что, берёгся и поперёд всех не лез, а то знает она тебя... Ещё сказала, что если ранят тебя, али убьют, али ты, дядька Сучок, на какую молодуху глаз положишь, то Алёна тебя хоть на этом, хоть на том свете сыщёт и всё оторвёт!

Плотницкий старшина открыл рот.

– А ещё передать велела, что она тоже побережётся. Ради тебя, – окончательно добила Прасковья.

– Ыть! – неразборчиво восхитился Нил, а Млава так и вовсе застыла, зажав себе рот ладошкой.

– Так и сказала? – враз пересохшим горлом прохрипел мастер, ошалело блуждая глазами по лицам спутников.

– Так и сказала! – подтвердила женщина и победно ухмыльнулась.

– Ну, Кондрат, ты попа-а-а-л! – рассыпался вдруг смехом Шкрябка.

Сучок налился краской и обиженно засопел. Обычно такое состояние находило у старшины выход либо в изобретательнейшей ругани, либо в рукоприкладстве, либо в том и другом разом. Так бы оно и сейчас случилось (уж очень обозлился мастер на дуру-бабу, которая на людях вывалила такое), но в этот момент Ванюша причмокнул во сне и произнёс: «Тятя».

«Ох ты Боже ж мой! Ради меня побережётся! Неужто пойдёт за меня? За чужака-закупа! И детки у нас будут... Спасибо тебе, Господи! Не ждал уже...»

Старшина до сих пор не понимал, как его в крепости обломали: перестал он собой любоваться и ради себя, любимого, жить. Нет, гордость и амбиции настоящего мастера никуда не делись, да и смирения не шибко прибавилось, а вот о будущем он крепко стал задумываться. И о жизни своей. И о том, зачем живет. И что будет, когда помрёт?

Кто о нём вспомнит? Дружки-приятели? Кому морду бил да с кем блудил и в какой канаве в обмоченных портах валялся? Хороша память! Да и та быстро пройдет.

Долго бродила в голове мастера та каша – вот и выбродила. Понял раб божий Кондратий, что самый верный путь в вечность, в бессмертие – это дети и внуки...

Ещё по-летнему серые сумерки опускались на Михайлов Городок. Размещённые, успокоенные и накормленные беженцы утихли. Наверняка многие из них маялись без сна в тревоге за близких, да и постоянным жителям Михайлова Городка было не до отдыха. Кто стоял на страже, кто хлопотал по хозяйству, кто лишний раз приводил в порядок оружие... Вот и плотницкий старшина Кондратий Сучок стоял на забороллах возле крепостных ворот.

Нет, не служба выгнала свежеиспечённого воинского начальника туда, хоть и сказал мастер Филимону, что пойдёт посты проверять. Отставной полусотник в ответ только забористо выругался и посоветовал «не скакать блохой наскипидаренной, а дрыхнуть, пока можно». Вот только не получалось у Сучка. Никак. Оттого и стоял раб божий Кондратий на забороллах наедине со своими мыслями...

«Вот оно как поворачивается... Нежданно-негаданно дом себе нашёл. Пора, наверное, настала. Ведь без малого два десятка лет промеж двор шатался – сколько ж можно?»

Бывает же! Ехал сюда – как в поруб лез! Думал, всё, Кондрат, отплясал своё: быть тебе до скончания дней горемыкой-закупом да по воле

хозяйской жить... Да ладно мне – ведь и всю артель в кабалу навечно... Где ж такой долг отработать? Вольными бы отработали, а на хозяина горбатиться – шиш! Хозяин такой прибыль никогда не упустит и о цене сам договариваться станет – хоть топись, хоть волком вой... А тут на тебе! Подобрали, дело указали... Правда, дорогой ценой оно далось – по жёрдочке прошел. И прошел ли? Но такие подарки судьба даром не дает – отрабатывать придется. За то, что глаза мне, дурню, открыли, за надежду...

Да, надежду тут дали! И не только на волю! Дом у меня теперь тут, и у моих тоже! Вот семьи артельным привезут и заживём слободой... На службу нас поверстали! И кто? Сопляк ведь – борода не пробила, а меня насквозь понял! Я не понял, а он понял! Путь на волю указал, стезю определил... Дело и дом мне дал – вот что главное!

Дом... Слово-то какое! Это когда ж он у меня был? Да никогда! С Софьей-покойницей от батюшки выделиться не успели, а потом все по чужим углам! Да, у родни, только всё равно не хозяин... И дитя своё на руках не держал...

Ну ничего – теперь будет! Всё будет: и дом, и жена своя в своём дому, и детки! Никуда ты, Алёнушка, теперь не денешься – пойдёшь под венец! Только сохрани её, Господи! Пригляди за ней, раз мне не позволил! Отведи беду от неё!»

В темнеющем небе появились первые звёзды, на лугу затарахтел козодой, в лощинах начал собираться туман – природа не обращала внимания на неугомонных людей и их извечное желание сойтись в смертельной схватке с себе подобными. Хотя, если задуматься, чем люди отличаются от прочих косматых, пернатых и чешуйчатых тварей, что увлечённо жрали друг друга под покровом опускающейся ночи? Может, тем, что люди научились убивать не только ради пропитания?

«И чего тем ляхам дома не сидится? Землю бы пахали, дома строили, железо ковали, детей растили, как люди... Так нет, неймётся! Не хотят сами хрип рвать, зато чужим горбом нажитое отнять – всегда пожалуйста. А вот хрен им суковатый, поперёк себя волосатый! Не дам! Сдохну, а не дам! И наши, михайловские, не дадут! И ратнинские тоже!»

– Послушивай! – затянул караульный на башне. – Послушивай! – отозвался ему другой.

За спиной послышались чьи-то мягкие шаги.

«О, вот и ратнинские! Десятник тех парней – воинских учеников, что обоз с бабами охраняли, как его, Веденя. Странно, они там, в Ратном, всех христианскими именами зовут, а тут не поймёшь, то ли родовое, то ли

прозвище... А он повеселел, по первости-то, как только в крепость въехал, рожка у него была – краше в домовину кладут... Что ему Филимон сказал, интересно?»

– Не спится, десятник? – Старшине внезапно захотелось поговорить.

– Не спится, дядька Сучок, – отрок от уважительного «десятник» несколько смутился.

– Вот и мне... – Плотницкий старшина сглотнул. – Что там в Ратном?

– К бою готовятся. Все, – парень дёрнул щекой. – И сотня, и ваши – михайловские, и погостные, даже бабы с детишками! Ероха со своими глуздырями и тот!..

– А тебя с десятком сюда?

«И чего я с ним, как с равным? А, да пошло оно всё! Хочу и говорю! Может, нам вместе ратиться, а железо всех равняет...»

– Да... – отрок тронул рукоять кинжала, – сюда... Некому, говорят, больше – мы уже в бою побывали, но всё равно обидно! Бабы остались, а мы! Дядька Филимон говорил, что мы уже сами воевать способны, а михайловским присмотр нужен... Лестно, да всё равно на душе погано – батька у меня там, мать, сёстры...

– Вот и я здесь, а не там! – Сучок вздохнул. – Наши воевать пошли, а меня не пустили. Говорят – здесь нужен! Будь моя воля – тоже бы в Ратном был!

Со стороны девичьих светёлок раздался полный муки крик роженицы. Среди беженек баб на сносях оказался чуть не десяток, и всем, то ли от тряской дороги, то ли от выпавших на их долю переживаний приспичило рожать прямо сейчас. Сучок и Веденя переглянулись. Плотницкий старшина заметил, что парень слегка побледнел.

– Да что ж оно... – начал было Веденя, но закончить фразу не успел.

– Чего раскудахтались, десятники? – Филимон появился неожиданно. – Одного не пустили, другого услали! Бабы и то лучше вас службу понимают! Ещё слезу пустите тут оба! Старый да малый – слушать противно!

Крепко побитый жизнью плотницкий старшина и только вступающий в жизнь парень вытянулись в струнку и с недоумением взирали на старого воина, пытаясь понять, что же так разгневало спокойного и выдержанного наставника? Подумаешь, о наболевшем заговорили да на жизнь друг другу пожаловались – что тут такого? Может, завтра бой, а в бою всяко бывает, так почему бы и не облегчить душу?

– Вижу, зря я перед вами козликом скакал, не поняли вы не хрена, – отставной полусотник в сердцах сплюнул через бойницу. – Ну так

внимайте – самыми простыми словами расскажу! Слышите меня?

– Так точно, господин наставник! Да, дядька Филимон! – два возгласа слились в один.

– Говорите «была б ваша воля»? – Старый воин пристально посмотрел в глаза сначала Сучку, потом Ведене. – Ладно, ты, парень, молод ещё, а ты, Кондрат, мог и догадаться... Нет её больше, вашей воли! И у меня нет, и у десятников, и у сотников. Да и у князей с воеводами тоже. Как на воинскую стезю встал, всё – не принадлежишь ты себе больше! Только так! Иначе не стоять войску! Когда люди воинские по своим хотелкам поступать станут, то всем смерть! Поняли меня?!

– Вроде бы... – неуверенно отозвался плотницкий старшина.

– А ты, Веденя? – отставной десятник ткнул пальцем в сторону отрока.

– К-кажется, дядька Филимон, – парню явно хотелось что-то спросить.

«Вот тебе и свобода воли! Гаркун бы послушал сейчас... По доброй воле от воли отказаться и себе не принадлежать! И ведь все сами в этот хомут лезут – не удержишь... Даже Веденя этот... Его на смерть не пустили, а он от этого как в воду опущенный. Во как! А ты-то сам, Кондрат? И ведь уже назад пятками не согласишься!»

Это что ж получается, эти его? Я теперь по доброй воле с ними? Ну, себе не принадлежу – понятно, а кому? Лису, Корнею? А они?»

– Вроде бы! – передразнил Филимон. – Только начинаете ещё! Вижу, спросить хотите? Так давайте, не мнитесь, как девка по первому разу на сеновале!

– Филимон, а кто всеми нами владеет-то? Вот от него, – Сучок кивнул в сторону воинского ученика, – до воеводы Корнея и князя?

– Служба, Кондрат, воинская стезя и честь! – голос ветерана звучал торжественно. – Товарищество боевое! Мы землю храним, собой её закрываем, оттого над судьбой своей не властны. Привыкай, теперь и ты с нами!

– Вот оно как... – ни к кому не обращаясь, пробормотал Веденя. – Дядька Лука о том же толковал...

– Да, так! Пока в землю не ляжешь! – в негромком голосе наставника послышались отзвуки Перунова грома.

Плотницкий старшина и десятник воинских учеников согласно кивнули.

– Ну, а коли над собой у вас воли нет, – уже другим голосом продолжил Филимон, – ответствуйте мне, голуби – вы хоть чего-нибудь жрали сегодня?

– Нет вроде, – выдавил после некоторого размышления Сучок, а

Веденя просто отрицательно мотнул головой.

– Так и знал, – наставник беззлобно усмехнулся. – А ну давайте в трапезную, а оттуда в люлю! Там над моими словами и подумаете. Узнаю, что ещё ночью шлялись, – вот вам крест, велю в темницу посадить для вразумления! Брысь отсюда, мыслители!

Сучок всю ночь проворочался без сна на своём тощем тюфяке. Толпы, сонмы, стада и легионы мыслей, страхов и тревог одолевали старшину. Не за себя он тревожился, не за Алёну даже, хотя при мысли о том, что с ней может что-то случиться, мастера прошибал пот. Как бы не впервые в жизни раб божий Кондратий думал не о себе, не о немногих близких людях, не об артели, а о чём-то большем, вмещающем в себя всё, что так дорого – если не как океан каплю, то уж как озеро точно. И михайловские, и ратнинские, с которыми он недавно хлестался чуть не до смерти, и лесовики, и даже неведомые погостные стали своими – Сучок сам не заметил как. Просто в голове само собой появилось слово «наши» – и оно вместило всех.

Невдомёк было мастеру, что сегодня такие выводы делал не он один – своими начали осознать друг друга отроки Младшей стражи и ратники сотни; лесовики, издревле поклонявшиеся Велесу, увидели в христианах и воинах, славивших Перуна, не пришлых завоевателей, а родню, чья кровь за сотню лет густо перемешалась с их собственной; что страшный Корней-Корзень ныне держит меч против общего врага, прикрывая собой всех без изъятия. И уж совсем удивительным открытием оказалось для лесовиков, что под знаменем Корнеева внука в бой пошли и их родовичи. Общий враг объединил всех.

Следующий день прошёл в делах и тревогах, а за ним последовала ещё одна полная неизвестности ночь. Утром третьего от получения вести о находниках дня дежурная смена уже привычно поднялась на стены, а всё остальное население крепости занялось всякоразными делами, которыми всех в изобилии обеспечили боярыня Анна, наставник Филимон и Сучок. Как оказалось, к неизвестности и угрозе тоже можно привыкнуть. Сучок с Филимоном как раз обсуждали, сколько можно снять людей со стен для строительства, когда к достопамятной лавке подбежал отрок из Ведениного десятка.

– Господин наставник, – принятое в Михайловом Городке титулование легло у парня на язык само собой, – со стороны Ратного верховой показался! Один. Гонит – страсть!

– Добро! – отставной десятник поднялся на ноги. – Беги, боярыне сообщи!

– Слушаюсь! – Воинский ученик звякнул кольчугой и скрылся за углом.

Филимон и Сучок споро поднялись на воротную башню. Пока они добирались до верха, гонец уже доскакал до берега Пивени и погнал коня в воду. Тот заупряился.

– Это ж Лёвка – гонец из Сёмкиного десятка! – опознал всадника стоявший тут же наставник Тит.

– Точно он! – Филимон приставил ладонь ко лбу, закрываясь от солнца.

– С какими вестями только? – не выдержал Сучок.

Судьба решила не оставлять его в неведении.

– Побили!!! Ляхов побили!!! – завопил во всё горло мальчишка прямо с того берега реки. – Всех до единого! Под корень!

Глава 4

Сентябрь-октябрь 1125 года. Михайловская крепость

Ляхов разбили. Ратнинская сотня и Младшая стража ушли отбивать Княжий Погост, а потом и вовсе под Пинск – снимать с него осаду. Оказалось, что в притулившееся на отшибе Погорынье пришли не просто залётные находники – пожаловала большая война. Полоцк вновь поднял оружие на Киев, а в помощь себе позвал ляхов и литвинов. И время подгадали: великий князь Мстислав Киевский как раз ушёл в степь – показать половцам, что он не хуже отца своего Владимира Мономаха умеет пускать дымом кочевья. Дело нужное, но осталось княжество Туровское до зимы без князя и дружины – князь Вячеслав Владимирович под рукой брата воевал поганых.

В Полоцке решили – пора! Всё одно миру между Киевом и Полоцком не бывать, а такой шанс более слабому из противников выпадает лишь единожды. Уж больно хорошо всё складывается: князя нет, дружины нет, помощи из Киева тоже нет – можно разбить по частям разрозненные земские полки, занять Пинск и заприпятские городки, собрать подати, осесть, укрепиться, а может, чем чёрт не шутит, попытаться и сам Туров взять. Тем более что ответного удара из Киева раньше следующего лета ждать не стоит – пока дружины князей Мономахова рода после похода в степь силы восстановят, весенняя распутица настанет.

Плотницкий старшина Кондратий Елифанович Сучок всех этих высоких материй не знал да и не стремился. На Погорынье, которое он с недавних пор, несмотря на все передряги, что привелось тут испытать, а возможно, и благодаря им, стал считать своим домом, напали ляхи. Ляхов побили и погнали. Оказалось, татей навели полочане, а значит, ратнинской сотне и Младшей страже надо идти в дальний поход – вот они и пошли, а его, Сучка, задача – крепость строить, в Ратном валы насыпать и тын божеский поставить да быть готовым во главе своих людей эти стены защищать – больше-то некому. Была, правда, ещё одна задача – вместе с ранеными из Княжьего Погоста привезли грамотку от Лиса. «Делай камнемёт, старшина. Скоро в нём нужда будет», – было нацарапано на бересте.

Вот и крутился раб божий Кондратий поболее белки в колесе: крепость строил, камнемёт ладил и воинскому делу вместе с людьми своими учился. Тяжко давалось, иной раз забывал за делами поспать. Хорошо хоть лесовики Гаркуновы по своим селищам расходиться пока не собирались, а Гаркун и с ним ещё десяток с небольшим мужей – вот диво! – накануне ляшского нашествия бухнулись в ноги боярыне Анне с просьбой позволить им поселиться в Михайловом Городке на посаде и семьи туда же перевезти. Боярыня позволила, но поставила непременно условие – креститесь!

Гаркун и его сотоварищи дня два ходили как в воду опущенные, а потом скопом пошли в Нинеину весь. От волхвы ходоки вернулись в настроении странном. Временами между желающими переселиться в крепость и остальными лесовиками вспыхивали споры вплоть до мордобоя, да и между собой они, случалось, схлёстывались, за что Гаркун с парой особо ретивых «спорщиков» угодили в холодную. Остыть и подумать на холодке и репе с водой. На все вопросы Сучка, который приходил в темницу проводить друга, Гаркун или отмалчивался, или цветисто и заковыристо ругался.

Несколько дней спустя старшие лесовиков снова наведались в Нинеину весь. Вернулись они оттуда быстро и в состоянии обалделом. Как ни пытал Сучок Гаркуна про волхву, тот либо лаялся, либо отмалчивался. Про остальных и говорить не стоит – старшина даже не смог узнать, видели лесовики свою боярыню или нет. А сама она и вовсе исчезла, хотя ей Сучок вопросы точно задавать не собирался.

Сказала что-то волхва своим подданным или не сказала, но через несколько дней к боярыне Анне заявился Гаркун во главе ещё дюжины работников и просил матушку-боярыню поспособствовать в крещении. Та согласилась, и Гаркунова артель дробной рысью поскакала на посад выбирать места под подворья. Удивительно, но больше им бить морды никто не пытался. Остальные лесовики вели себя, как ни в чём не бывало, только изредка проезжались по поводу того, что «хрен носатый совсем с глузда съехал».

Правда, с подворьями тоже вышла оказия. Лесовики по своей лесной привычке стали размечать подворья там, где кому понравилось, за что Нил, разгневавшись на такое непотребство, от души надавал им плюх. Один. Всею дюжине. История о том, как мастер с дрыном наперевес гонялся за лесовиками по всему будущему посаду и орал при этом: «Я вам покажу, бошки еловые, как без склада и ладу строиться! Это вам не болото ваше – где лось наклал, там и усадьбе быть! Тут город ставим!», вышла за пределы крепости, дошла до Ратного и Выселок и обросла по пути самыми

невероятными подробностями.

Словом, жилось плотницкому старшине хоть и суматошно, но весело. А тут ещё Алёна обнадёжила и весть дошла, что семьи артельных по первопутку привезут. И уж совсем радостно стало от того, что в грамотке Лис не только про камнемёт писал, а ещё и о том, что недолго осталось ходить артели в закупках – как крепость достроят да в Ратном стены обновят, станут вольными.

Сучок и сам не замечал, что нянчился с камнемётом, словно с любимым дитятей. От первой, собственноручно изготовленной старшиной грубой и корявой «образцовой игрушки» (так переиначил для себя мастер иноземное слово «модель») до нынешней красавицы путь пролёг такой, что никакими вёрстами не измерить. Сколько ночей плотники провели, совершенствуя своё поделие, не сосчитать. Точили, строгали, кроили прашу, всяко-разно гнули спусковой крюк, собирали и разбирали модель до тех пор, пока не добились, чтобы глиняный шарик стал летать так, как хотелось стреляющему. Настала пора «ребёночку» покидать люльку и вставать на ножки – вот только «родители» никак не могли решиться начать строить камнемёт побольше.

Помог случай, который мог бы и не настать – уж больно работа с моделью оказалась тонкая и непривычная. Но есть Бог на свете – аккурат перед ляхами приبلудился в Михайлов Городок чудный парнишка. Из-за болота^[33]. С дедом они уходили, нарвались на секача, и тот деда порвал. Насмерть. А Тимку подобрали разведчики. Паренёк прижился при кузне и оказался мастером на загляденье. Особенно инструмент точить да всякую мелкую и тонкую работу делать. И не скажешь, что двенадцать годов отроку.

Сучок заинтересовался мальчонкой после того, как по крепости пронёсся слух о невиданных серьгах, какие Тимка, к тому времени прозванный Кузнечиком, сделал для боярышни Анны Лисовиновой (за глаза Аньки). Точнее, заинтересовался не сам плотницкий старшина, а, как ни странно, Швырок. Хоть Сучок и не уставал лупить почем зря нерадивого племянника и ругать его при каждом удобном случае, однако даже самому себе не признавался, что никак не может выгнать засранца и забыть про него на веки вечные. Все-таки единственный оставшийся в живых от всей семьи родич – ближе и нет никого. А главное – самого Сучка когда-то принял и не дал пропасть дед Швырка.

И ладно бы уродился Швырок тупым или ленивым. Так ведь нет – и с головой у парня все в порядке, и руки не из задницы выросли. Вот и злился

Сучок и от злости той лупил племянника хуже, чем колосья на току. Невдомёк было старшине, что не в коня тут корм и не в задницу бой – брал Швырок пример с дядюшки, только не в мастерстве, а в задиристости и блудливости. Так что не племянника лупил Сучок, а себя самого. И от того ещё больше зверел...

А Швырок взял да и учуял своим блудливым нутром, что ежели научиться у мальчишки делать перстни, серьги, бусы, колты и всякие прочие бабьи радости, то благорасположения женского пола добиваться станет не в пример легче. С тем и подкатился.

Кузнечик пареньком оказался странным, будто не от мира сего: он не представлял, как это можно – знать и не делиться знаниями, потому не отказал, не стал выгадывать ничего для себя, а просто начал учить Швырка. А заодно наточил ему и оба топора, и долото, и стамеску, и тесло – весь инструмент. Да так, что Сучок от удивления потерял дар речи, когда в очередной раз будучи не в духе искал, на ком бы сорвать злобу, и схватил Швырков топор, чтобы, как обычно, надавать нерадивому племяннику по шее за запущенный инструмент. Впрочем, долго удивляться плотницкий старшина не умел и потому незамедлительно с пристрастием допросил Швырка:

– Только не говори, что сам точил, орясина! – Дядина ладонь породственному на большой скорости впечаталась в Швырков затылок.

– Ай! Дядька Сучок, за что?! – племянник резво отскочил за пределы досягаемости дяди.

– Я тебе что говорил? – Плотницкий старшина плотоядно посмотрел на сжавшегося подмастерья. – Что каждый мастер сам за своим инструментом следит и в порядке держит! Сам! Понял, свербигузд?!

– Дядька Сучок, так инструмент в порядке! Сам режет! За что бьёшь?! – Швырок осторожно перешёл в наступление.

– За то, что не сам! – Сучок длинным скачком настиг племянника, одной рукой выкрутил ему ухо, а другой сунул под нос его собственный топор. – Тебе, безрукому, никогда так не наточить! А! Я! Тебе! Что! Говорил?! Каждый! Плотник! Сам! Сам! – Всякое слово мастера сопровождалось повизгиванием подмастерья, ибо Сучок для закрепления материала не забывал от души крутить Швырково ухо.

– А-а-а-а, дядька Сучок! – Швырок понял, что ухо надо спасать. – Твоя правда! Не сделать мне так! Вот я и, ой, помощь себе нашёл! Для дела же! Отпусти-и!

– Кто точил? – Сучок выпустил ухо.

– Кузнечик, – Швырок осторожно ощупал вдвое распухшую часть

тела, – он на это дело мастер – всякий инструмент точить! Всем точит!

– Да ну! Болтали про него, но откуда? – Плотницкий старшина ещё раз глянул на заточку. – Точно он?

– Вот те крест, дядька Кондратий! – Парень размашисто перекрестился и шмыгнул носом.

– Нда-а, а ты с ним как сошёлся? Только не ври!

– Вот те крест, дядька! Я у него украшения всякие бабьи научиться делать хотел!

– Чего-о-о-о?! Ты?! Научиться?! – Сучок снова начал надвигаться на племянника.

– Ей-ей, дядька, не вру! – Швырок опять отскочил на безопасное расстояние. – Чем хошь побожусь! Хошь, землю есть стану! Надо мне научиться!

– Сдалось мне потом ту землю из зада твоего выковыривать! – бросил Сучок, но всё же остановился. – Зачем надо-то? И почему у него? Он что, златокузнец, сопляк этот?

– А ты что, не слыхал, дядька? – Швырок вытаращил глаза. – Вся крепость знает!

– Чего знает?

– Да он Аньке – сестре Лиса, та-а-акие серёжки сделал! И ещё Любаве-маявке – что твои снежинки! А потом вовсе бабочку серебряную сработал – того гляди улетит, как живая!

– Ну да, болтали, а тебе-то что? – Дядя пристально посмотрел на племянника.

– Дык, Глашке, подарить... – замялся Швырок, – она эта...

– Не даёт? – Сучок блудливо ухмыльнулся.

– Хуже, дядька Кондратий! – парень тяжело вздохнул и повесил голову.

– Это как хуже-то? – Сучка разговор начал уже забавлять.

– Кузнечик этот помог! – затараторил вдруг Швырок. – Он вообще такой – секретов не держит! Чего знает – всему учит! Вот и мне помог и учить начал!

– О как! – только крикнул плотницкий старшина. – И чего?

– Помнишь, ты меня наказал? Ну, велел капы^[34] да брёвна свилевые^[35] на плашки распускать?

– Ну, помню! Не тани тут за яйца! – Сучок снова начал закипать.

– Ну так он мимо шёл, – подмастерье шмыгнул носом.

– Да рожай наконец, едрит тебя долотом! – плотницкий старшина от избытка чувств хлопнул себя по бедру.

– А он и говорит: пила, мол, у тебя плохо режет.

– Во! Малец, а всё про тебя понял! – хохотнул внезапно остывший Сучок. – Небось и вправду пила тупее башки твоей была. Или задницы...

– Дядька Сучок! Точёная она была! Как ты сам учил! – от возмущения Швырок аж подпрыгнул.

– А коль точёная, так чего ж ты, шпынь ненадобный, такое поношение стерпел?!

– А я и не стерпел, дядька! – парень выкатил грудь колесом. – Я ему эдак хитро сказал: «Раз ты такой мастер, так покажи мне, как пилу точить надо!»

– А он чего?

– А он говорит: «Пошли», – Швырок виновато развёл руками. – Ну, я и пошёл.

– Ты что ж, стерво в поршнях, свой инструмент кому попало? Да я тебя! – вновь вызверился плотницкий старшина.

– Дядька Сучок, да я не свой поначалу! В кузне совсем тупую нашли – он её сперва!

– Тогда ладно, – расслабился мастер, – дальше рассказывай!

– А чего рассказывать, – потупился подмастерье, – взял я ту пилу, а она дерево как масло режет... Ну я и пристал к нему, мол, научи да подсоби.

– А он чего? Что из тебя всё как клещами тянуть надо?

– А он взял и наточил! И показал кой-чего, – Швырок опять шмыгнул носом. – Это, оказывается, для него капы-то на плашки распускать надо было, чтобы, значит, по дереву резать. Ну, мы вдвоём всё мигом и того!

– Вот лентяй хитрый, в рот те дышло! – беззлобно выругался Сучок. – Чего дальше-то?

– А дальше слово за слово я его про серьги эти спросил.

– И чего?

– А он отмолчался.

– Вот ты и попался! – хмыкнул плотницкий старшина. – Говори, где соврал, а то пришибу!

– Ничего я не вру! – от возмущения сопли покинули Швырков нос и вздулись роскошными пузырями. – Я от капа кругляш отпилил и обмер – красотища-а-а! Ну, ему показал да говорю: «Вот бы тут блеску добавить», а он говорит: «Пошли, добавим» – ну, мы и пошли... А уж в кузне я вдругорядь к нему подъехал.

– Сопли вытри! – хмыкнул Сучок. – А как блеску добавили?

– А он тот кругляш загладил, да проволоки в него вставил хитро, да вдругорядь загладил – дивно таково вышло! Я-то у него навроде подмастерья был! – Швырок вытер рукавом нос. – Он потом и проволоки

дал и серьги для Глашки, почитай, сам сделал, а я только принеси-подай, да слушай, чего рассказывают. И инструмент весь наточил и рассказал, как надо, и учить всякому начал и... по нраву мне то, дядька Кондратий!

– А где он проволоку-то серебряную взял? – начал было Сучок и вдруг оборвал себя. – погоди, ты сказал, что тебе это дело по нраву?

– Да медная проволока-то, – подмастерье вновь вытер рукавом нос. – Дядька, дозволю у него учиться? Я ведь и так к нему в кузню бегаю – любопытно мне научиться! И по дереву резать, и всяко-разно, и бабью радость опять же!

«Твою мать! Сам в науку попросился! Сам! Дожил, слава тебе Господи!»

– Дозволяю! – плотницкий старшина обрадовался, но виду не показал. – А чего Кузнечик этот за науку хочет?

– Да он даром! Он вообще непуганый какой-то! – В этот раз Швырок вытирать нос не стал. – Только просил, можно ли ему на стройку посмотреть, и всё спрашивает, как строили! Очень ему терем понравился. Только, говорит, расписать бы ещё!

– Любопытный, значит! – хмыкнул Сучок. – Ладно, сам с ним поговорю. Тут, похоже, все сопляки не как у людей! Учиться дозволяю, но на работе волынить не позволю! Вечерами выкручивайся! Понял?

– Спасибо тебе, дядька! – просиял Швырок. – Я пойду?

– Иди, – плотницкий старшина протянул подмастерью топор и отправился было по своим делам, но вдруг обернулся и спросил: – Пим, а ты чего вздыхал-то? Подарил этой Глашке и мимо?

– Хуже, дядька Кондратий! – снова по-телячьи вздохнул Швырок. – Евдоха про то прознала и сначала Глашке в косы вцепилась, а потом в меня! Обе!

– И что? Сильно?

– Угу! – Вздоху парня позавидовали бы и кузнечные мехи. – Чуть глаза не выцарапали и всё на свете не отбили.

– Да-а-а, бывает... – сочувственно покачал головой Сучок.

– Да это ладно, дядька, они ведь теперь это самое...

– Что, не дают?

– Ага! Обе!

– Ничего, племянш! – Сучок блудливо подмигнул. – Где наша не пропадала! Запомни – под подолом завсегда место есть, чтоб наш колышек мог влезть! Запомнил?

– Ага! – заулыбался Швырок: в первый раз в жизни дядька заговорил с ним как... дядька – старший, опытный, добрый. Да не было у Швырка в

этот момент ни слов, ни мыслей – одна улыбка до ушей.

– Ну, тогда беги, найди Шкрябку и скажи, что я в крепостной кузне буду.

«Врёт ведь, поганец! Как пить дать врёт! Учится он, как же – к девкам под подола лазает!

Или не врет все-таки? Ведь и отец, и дед мастерами были, не могло ему ничего не передаться! Ершить его долотом, инструмент и вправду на загляденье наточен, да хитро так – не видал я, чтобы кромки эдаким гандебобером выводили. Надо на этого приبلудного самому посмотреть – вдруг действительно мелкую работу делать умеет? Вон на самострел прицел изладил, так, говорят, наши витязи чуть не уссались с радости...

А то с мебелью, тьфу, бабушку твою за левую заднюю, игрушкой этой образцовой, какой день голым гузном ежей давим – больно работа тонкая. Вдруг от него польза будет? Как же я раньше-то не додумался на мальчика этого посмотреть, а?

Глядишь, через этого Кузнечика и Швырка к делу пристрою. Резчик так резчик – тоже ремесло не из последних и в артели завсегда сгодится. Может, раз сам взялся, хреном груши околачивать не станет!»

Перед кузней Сучок остановился. Нет, не от смущения – не таков был плотницкий старшина, чтобы робеть какого-то сопляка. Однако жизнь в Михайловом Городке раба божия Кондратия уже пообтесала, и весьма. В том числе и насчёт того, что сопляки разные бывают. Вот и решил мастер осмотреться и, как оказалось, совсем не зря.

Начать хотя бы с того, что кузня работала – из трубы шёл дым, слышался перестук малых молотков, из-под навеса увечный отрок, которого оставили в крепости, поволок в кузню малую корзинку угля, да и вообще на кузнечном дворе порядок царил образцовый – такого раньше, до того, как хозяин кузни боярич Кузьма ушёл вместе с Младшей стражей на ляхов, не водилось. Нет, лягушки, конечно, на кузнечном дворе не квакали, но некоторый рабочий беспорядок всегда присутствовал, а тут... Сучок мысленно хмыкнул, открыл дверь и застыл на пороге – внутренности кузни изменились неузнаваемо!

«При Кузьке всё кучами валялось, а теперь будто муха не сидела! Это Кузнечик тут такой порядок навёл? Баяли, что Кузька на него кузню оставил – за порядком присматривать. Вот и присматривает... Даже отроков увечных к работе приставил! Даром, что те старше его и в бою побывали... Что ж у нас в Михайловом Городке за место-то проклятое – обычного сопляка днём с огнём не сыщешь?»

И тут Сучка заметили. Парень, стоявший за верстаком, поднял голову, и на плотницкого старшину уставился один глаз – второго не было. Мастера передёрнуло.

«Твою ж в бога душу... Ему бы за девками скакать, а он уже на рати побитый! Бороды еще не видать, а ратник! Война-сука, мать твою за ногу!»

Руки мастера непроизвольно сжались в кулаки, и разжать их сразу не получилось.

– Здрав будь, старшина! – увечный отрок дёрнул, видимо, от боли, щекой и с трудом поклонился.

– Здрав будь, здрав будь, здрав будь... – Остальные тоже оторвались от работы, а один, темноволосый и самый младший на вид парнишка добавил: – Заходи, дядька Сучок.

Старшина помедлил, с трудом разжал кулаки, стянул с головы шапку и вернул поклон:

– Здравы будьте, ратники!

Оно вроде бы и неместно мастеру перед сопляками раскланиваться, и ещё полгода назад такое Кондратию Сучку и в голову бы не пришло, но с тех пор немало воды утекло в Пивени. Не мог он теперь не оказать уважение покалеченному на брани воину, и неважно, сколько тому годов.

Повисла неловкая пауза. Странно, но Сучок никак не мог решить с чего начать. Не говорить же, в самом деле, с порога, мол, пойдём, парень, игрушку мою поглядим, ты, сказывают, в тонкой работе петришь, а то затык у меня... Нет, смысленному мужу-мастеру плотницкий старшина так бы и сказал, не забоялся дурнем выставиться, но сопляку? Вот и осматривался, а отроки молчали – неместно со старшим первыми заговаривать.

Посмотреть же в кузне было на что. Ой, было! Одним образцовым порядком дело не ограничилось: по стенам висели изузоренные доски, да такие, что у Сучкахватило дух, в горне грелась какая-то хреновина, похожая на перевёрнутый горшок, а на верстаке, за которым стоял темноволосый, покоилось главное диво – серебряная паутина, на которой кое-где дождевыми каплями голубели самоцветы...

«Твою мать! Врал Швырок, да не в ту сторону! Ну, б..!»

Больше ничего плотницкий старшина подумать не успел – само собой пришло решение, как разговаривать с этими странными увечными парнями. Он непринуждённо указал рукой на верстак и спросил:

– Сами делали?

– Ага! – темноволосый отрок посторонился, приглашая подойти

поближе. – Вот, посмотри, дядька Сучок!

Старшина шагнул к верстаку, пригляделся, хмыкнул под нос и резюмировал:

– Знатная работа!

Парень немедленно начал раздуваться от скромности:

– Ну... мы все, и узор вместе придумали, и набор вместе собирали. Я показывал только.

– Тебя как звать, отрок? – усмехнулся Сучок.

– Прости, дядька Сучок, – парнишка смущённо смахнул со лба непокорный чуб и поклонился. – Я Тимофей. Кузнец. Меня тут Кузнечиком прозвали.

– Златокузнец?

– Да не то что бы, дядька. Дед, – отрок шмыгнул носом и опять поправил непослушную прядь, – говорил, что тонкую работу делать надо уметь. Вот и учил.

– Хорошо учил, царство ему небесное! – Сучок перекрестился. – И умение у тебя есть, и красоту понимать можешь.

– Благодарствую, мастер! – Паренёк слегка зарделся.

– А точить тоже он тебя учил?

– Он! – мальчишка гордо вскинул голову. – Тебе топор наточить?

– И это тоже не лишне, – старшина вытащил из-за пояса свой, известный всему Михайлову Городку, топор и протянул Кузнечику.

Тот посмотрел, хмыкнул:

– Точить не надо, разве глянец навести. – Мальчишка обернулся к одному из отроков. – Трофим, выправь на ремне, пасты мастеру с собой дай, ту, что вчера сделали.

«Понимает, эти его скобелем! Интересно, это что за паста такая? Едрит, да по-каковски они тут все говорят? Привыкну я когда-нибудь?»

– Дед учил, а теперь ты учишь, – Сучок прищурился. – Это к тебе Швырок мой бегают?

– Ой! Ты проходи, садись, дядька Сучок! – Кузнечик спохватился, что держит старшего на ногах.

Сучок утвердился на лавке за столом, на котором лежали инструменты и куски бересты с чертежами и рисунками.

«Едрит! И эту хитрость постиг! Умение-то редкое. Греки и те не все способны, а этот из болота вылез – и на тебе! Кузька его научить не мог – просто не успел бы... Что ж за дед у него был?»

– Ты садись, Тимофей. – Плотницкий старшина заметил, что отрок стоит рядом, не смея сесть без позволения старшего. – Разговор к тебе есть.

Кузнечик сел. Уверенно и без робости. И глаз не опустил. Просто ждал, о чем с ним заговорит старший.

«Э-э-э, парень! Не впервой тебе со старшими да с мастерами на равных разговаривать! Не боится, не ёрзает, глазёнками не бегают – видать и впрямь умеет, да так, что смысловые мужи его из-за своего стола не гоняют. Тьфу, хрен гонобобельный, у нас хоть один обычный сопляк заведётся?! Взвою от них скоро!»

– Я о Швырке с тобой поговорить хочу, – Сучок посмотрел мальчишке прямо в глаза. – Он мне плёл, что учиться у тебя хочет. Так вот – стоит ему или как?

Кузнечик опять смахнул со лба непокорный чуб и задумался. Сучок не торопил.

«Да что у него чуприна эта отдельно от него живёт? Волосы же под ремешком, а всё на лоб валяются. Бывает же!»

– Стоит, – мальчишка почесал затылок. – Деда говорил, учиться всегда стоит. Только учить его, почитай, и не надо ничему, Пимка душу в дереве и так понимает!

– Это кто? – Плотницкий старшина едва сумел скрыть своё обалдение, а может и не сумел. – Швырок? Как это?

– Дозволь, покажу?

– Давай. Любопытно глянуть! – Сучок постарался спрятать свою оторопь за одобряющей улыбкой.

Кузнечик поднялся с лавки, подошёл к полке, взял оттуда небольшую доску и свечу и с этим богатством вернулся к столу. Запалил свечу, сел и только потом повернул доску к Сучку. Пламя отразилось от разводов тёмно-янтарного дерева, и они сложились в узор не то гор, не то облаков, не то волн, а по краю извитых годовых колец, которые, собственно, и создавали эти видения, теснились блестящие золотом росчерки, странным образом притягивающие взгляд и уводящие внутрь древесного узора.

– Вот, дядька Сучок, Пима тогда плашку эту отрезал, посмотрел на неё и говорит: «Блеску бы добавить». А я его возьми и спроси: «А где?» А он: «Вот тут, тут и тут, чтобы как искры – ровно гроза над степью!»

– И верно! – плотницкий старшина изумлённо хмыкнул. – Узрел, значит?

– Узрел, – подросток совершенно по-врослому коротко кивнул. – И сделал, почитай, сам: и свили резал, и доски поставил, и проволоку загонял. Я показал только.

– Значит, учить его берёшься?

– А чего его учить-то? Его не учить, ему мешать не надо! А показать

да рассказать – невелика работа. Я и так показываю.

«Етит меня бревном суковатым! Я ж с ним, как с мастером говорю! Как со Шкрябкой или, вон, Гвоздём! Это что ж получается – его не учеником, не подмастерьем, а сразу мастером учили быть? Диво, мать твою!»

Хотя обделалось под конец диво... Учить его всё-таки придётся!»

– Нет, парень, так не пойдёт! – Сучок нахмурил брови. – Учить – это не показать и рассказать!

– А что же тогда? – Кузнечик от удивления даже про вежество забыл.

– За себя ученика взять! – Сучок стукнул кулаком по столу. – Ты его берёшь, ты учишь и ты за его учение отвечаешь, да не поротой задницей – словом мастера отвечаешь, честью своей! Не кусок дерева берёшь – че-ло-ве-ка! Или не берешь... Но если взял – разбейся, а выучи. И даром такое не бывает... Так что, берешь племяша?

«А сам-то ты, Кондрат, чего? Сам по уши со Швырком обделался, теперь сопляку племянника в ученики отдаёшь!»

Тимка, не выдержав напряжения, отвёл глаза и как на стену натолкнулся – все парни так и впились в него взглядами. В кузне повисла тишина. Вдруг Кузнечик подтянулся, построжел, обернулся к Сучку и, твёрдо глядя ему в глаза, произнёс:

– Берусь! Конечно, берусь, дядька Сучок!

– Что тогда за науку хочешь?

Отрок не ответил, только закусил губу и принялся наматывать на палец свой свободолобивый чуб.

«Задумался! Крепко задумался! И не по-соплячи, видать... Сопляк уже давно чего-нибудь да ляпнул с дури, а этот нет – думает. Проняло! Похоже, обдерёт он тебя, Кондрат. А и ладно! Если Швырок, стреху ему под хвост с продёргом, на доброго резчика выучится – всё одно в прибытке будем. Я так кап резать не умею, и никто из наших тоже... Пусть думает».

– Знаешь, дядька Сучок, – парень поднял глаза, – деда говорил, что грех знания скрывать да под спудом держать...

– Ты это к чему, отрок? – Такое начало торга плотницкому старшине совсем не понравилось.

– А к тому, дядька Сучок, что Пимку я учить и так буду – дед говорил, что нельзя не учить того, кому дано, вот! – Мальчишка решительно мотнул чубом.

– А сам чего хочешь? – у Сучка от удивления отпала челюсть.

«Етит меня долотом! Точно не от мира сего! Не, грех такого

юродивого обирать – долю от Швырковых поделок выделяю!»

– А чему ты научить можешь? – Тимка пожал плечами. – Ну, такое, что никто больше не умеет и не делает?

«Небывалого ему? Будет небывалое – камнемётов таких у нас точно никто не делал! Етит твою, до чего ж удачно! Но не прост парень! Ох, непрост! «Того, что никто не делает» ему! Далеко смотрит... Только сказать ещё толком не может по малолетству».

– Есть у меня такое! Только научить не могу – сам учусь. Хочешь, вместе учиться будем?

– А интересно? Конечно, хочу!

– Тогда собирайся, пойдём!

– Ага, сейчас, дядька Сучок! Погоди чуток!

Кузнечик быстро обошёл своих помощников, переговорил с каждым, глянул в горн, кивнул, хлопнул по плечу надзиравшего за этим отрока и вернулся к старшине.

– Вот, дядька Сучок, топор твой, – Тимка протянул мастеру топор и небольшой глиняный горшочек. – А это паста. Нанеси её чуток на ремень и правь – топором бриться можно будет!

– Благодарствую! Ты всех озадачил? Готов теперь? – Сучок сунул топор за пояс, а горшочек за пазуху.

– Готов, дядька, – кивнул Кузнечик.

– Ну, пошли тогда, – плотницкий старшина начал было поворачиваться к двери, но задержался. – А ты молодец – о деле не забыл!

– О топоре?

– И о нём тоже! – кивнул плотницкий старшина. – Он ведь тоже дело, пусть и не главное.

– А какое главное?

– Чтобы работа без тебя не стояла!

Они вышли на двор и направились к воротам.

– Дядька Сучок, – Тимка скользнул взглядом по терему, мимо которого они проходили, – хоромы бояричу ты строил? А как? А петуха кто на крыше резал? А чего у него хвост такой, ему ветер задувает? А на крыльце сверху – можно я вырежу?

– Расскажу! И покажу! И попробовать дам! – Со смехом кивнул головой мастер. – Понравился терем?

– Угу, – Кузнечик опять отбросил со лба волосы. – У нас, то есть, за болотом, храм Сварога даже побольше будет, но он по-другому строен.

– Вот как? – Сучок заинтересованно хмыкнул. – Значит, и тебе будет что рассказать. Ты чертежи чертить умеешь?

– Умею.

– Вот и ладушки!

«Уверенно сказал. Действительно знает. Значит, не Кузькины то почеркушки в кузне были. Да-а, видать, дед его мастером настоящим был! До чего ж жаль, что помер!»

Так за разговорами они и добрались до лесопилки. Сучок, желая лишний раз расположить к себе необычного подростка, не поленился показать Кузнечику и водяные колёса, и приводы пил. Тот облазил буквально всё, засыпал старшину кучей вопросов, но было видно, что такую лесопилку он видит не впервые.

«Вот те на! Где ж он такое видеть мог? У них за болотом? Едрит их бревном суковатым, поперёк себя волосатым и в зад и перед, и всяко-разно! Соперники у меня там, выходит! Торговлю мне перебивают...»

Усилием воли Сучок задвинул мысль о заболотных конкурентах в дальний уголок сознания и, наконец, завёл разговор, ради которого сегодня отправился в кузню.

– Ты, Кузнечик, неведомое узнать хотел, так гляди! – с этими словами плотницкий старшина извлёк из ларя модель требушета и поставил её на стол.

– Дядька Сучок, а что это? – Тимка вожде́ленно зыркнул на модель.

– А это то, чему мы с тобой учиться станем! – Плотницкий старшина неожиданно для себя подмигнул отроку.

На лице мальчишки мелькнуло изумление. Мелькнуло и исчезло.

– Благодарствую за честь, мастер! – Кузнечик низко поклонился.

«Твою ж в дубовый гроб! Ты сам-то понял, что сказал, Кондрат? Да ещё два раза! «Вместе учиться будем!» А он понял! Теперь хошь-не хошь, а в ученики и подмастерья его брать – назад ходу нет! Слово сказано! Эх, доведёт меня язык!»

– Вижу, что понял ты, отрок, – Сучок принялся усиленно строить хорошую мину при плохой игре. – Задача нам с тобой непростая выпала! Камнемёт мы с тобой ладить будем, а на столе – образцовая игрушка, чтобы заранее всё на ней отладить и потом дури не упороть!

– Модель? – Тимка утвердительно тряхнул чубом.

«Б...! А это-то он откуда знает?! Рехнусь я тут к свиньям собачьим!»

– Верно, модель! Хороши у тебя наставники были! – Сучок напустил на себя покровительственно-наставительный вид, который подсмотрел у покойного отца Михаила. – Только так образцовую игрушку греки да

латиняне зовут, а нам их зады повторять не след!

– Как скажешь, мастер! – Кузнечик всем своим видом являл картину «примерный ученик внимает учителю».

– Так на чём я остановился? – Плотницкий старшина со всей возможной солидностью покивал головой. – А, вспомнил! Вот эта лесина называется стрела и будет саженой пяти в длину, к ней с одной стороны крепится кожаная праща, а к другой привешивают противовес, и крутится та стрела на оси...

Сучок рассказывал и показывал всё, что узнал от Лиса и смог выяснить сам за время работы над моделью, но какая-то мыслишка скреблась на дне его сознания, как мышь в амбаре, вот только отловить её никак не получалось. Кузнечик внимательно слушал, к месту задавал вопросы и вообще, что называется, смотрел наставнику в рот, но что-то в его глазах светилось такое, чему Сучок названия придумать не умел, и это что-то мастеру совсем не нравилось.

– Теперь сам погляди! – плотницкий старшина выдохся.

– Спасибо, мастер! – парнишка резво сцапал модель и с сосредоточенным сопением начал её крутить. Повернул стрелу, оттянул пращу, пошитую за неимением кожи из тонкой холстины, покрутил туго ходящий по оси противовес, ещё раз повернул столь же тугую стрелу и с хитрой улыбкой принялся на неё давить всё сильнее и сильнее...

«Ты что ж задумал, поганец?! Да я эту ось ножичком строгал – чуть не околел! На прочность он проверять будет!»

– Глазами смотри – не руками! – Сучок залепил отроку крепкий подзатыльник. – На прочность проверить решил?!

– Д-да, – озорства во взгляде мальчишки уже не было.

– А язык тебе для чего даден?! – мастер выверился не на шутку. – Ежели заметил чего непотребное или непонятное, так скажи, спроси, внимание обрати! И скажи это словами, другим понятными, да убедись, что поняли тебя. А если про непорядок говоришь, так будь готов сразу предложить, как тот непорядок избыть! А иначе не мастер ты, а охвостье! Понял?!

– Понял, – парнишка пристыженно кивнул.

– А раз понял, так говори, зачем на прочность проверять?

– Так я подумал, дядька Сучок, что вот этой оси тяжелее всех придётся – весь удар в ней останется! Папка и Фифан-грек так объясняли, импульс, говорили, приложен, вот!

«Твою ма-а-ать! Да откуда они тут такие берутся?!»

– Импульс, говоришь? – булькнул горлом плотницкий старшина.

– Ага! – радостно кивнул Кузнечик.
– Да-а, ма-астер! – Сучок вложил в голос максимум презрения. – Не о том думаешь!

– А о чём? – паренёк в изумлении распахнул глаза.
– Ось потолще изладить – дело пятнадцатое! – плотницкий старшина потряс в воздухе пальцем. – Перво-наперво, ежели что ладишь, сумеи понять, зачем! Для чего эта вещь, что она делать будет и на всё, что этой поделки касается, смотри так – помогает оно ей своё назначение исполнять или мешает. Вот так-то!

Кузнечик молча покивал головой каким-то своим мыслям, почесал в затылке и вдруг спросил:

– Скажи, мастер, а с красотой как?
«Едрит! Ну и спросил!»
– Правильно, знаешь, о чём спрашивать! – Сучок посчитал, что похвала не повредит.

Паренёк слегка зарделся, а плотницкий старшина продолжал:
– Вот скажи, Тим, ты, скажем, инструмент, которым работать удобно и приятно, некрасивый видел?

– Н-н-нет...
– То-то и оно, что не видел! – Сучок снова воздел вверх палец. – Когда в вещи ли, в доме ли, или, вон, в колесе водяном, всё по уму да по делу, так оно и красиво! Потому что красота – она в пользе! Нет, не так! Красота она и есть польза, а польза есть красота! Понял, отрок?

– Понял, мастер! – Кузнечик энергично кивнул и вдруг спросил: – А как же с узором?

– Э-э-э-э, брат, у узора тоже своё дело имеется! – глаза плотницкого старшины загорелись. – Он душу веселит, а с весёлой душой любая работа лучше работается, и не только работа! Только тут не переборщить надо, а то вместо красоты украшательство выйдет, а оно, как козёл на свадьбе, непотребно! Так что ты любую работу душой проверяй, тогда и красота везде будет!

– Вот и Фифан говорил, – затараторил Кузнечик. – Только мудрёно как-то! Может, оттого, что он тогда вина напился?

– Не тебе старших судить! – Сучок в зародыше пресёк скользкую тему. – Ты лучше скажи, какую работу камнемёт делает?

– Камни метает!
– А что ему для того надо?
– Чтобы всё у него плавно работало, чтобы праща с крюка вовремя сходила да мягко раскрывалась! – Глаза у мальчишки вспыхнули.

– Красиво это будет?

– Да, дядька Сучок!

– Ты же по мелкой работе умелец, вот и сообрази, как сделать крюк, и чтоб оси мягко ходили, пока на игрушке образцовой – в том красота её работы и будет, понял? – голос плотницкого старшины звучал торжественно.

– Понял, дядька Сучок! – Кузнечик улыбнулся во весь рот и вдруг потух. – Так ведь это же людей убивать!

– Нет, Тима, не убивать – защищать... – Сучок грустно улыбнулся. – Себя, семью, дом свой! Так что не для убийства, а для защиты стараться будешь, понял?

– Да.

– Ступай тогда, а завтра приходи – расскажешь, что придумал. Это тебе первый урок будет.

Кузнечик поклонился и выскользнул за дверь.

«Ох, етит твою, вот каково оно с детишками-то... А если со своими?»

Кондратий Епифанович Сучок воровато оглянулся и полез в сундук, где своего часа дожидался заветный бочонок яблоневки. Так в полку отцов требушета прибыло.

* * *

Ночь опускалась на Михайлов Городок. Сучок, Нил, Гвоздь, Гаркун, Мудила и Матица по привычке засели на лесопилке и в очередной раз заспорили о том, всё ли предусмотрели. В процессе спора мастера вместе с моделью переместились из-за стола на пол и вот там уже, стоя на карачках, принялись подкреплять свои доводы наглядной демонстрацией. Особенно усердствовал обычно немногословный и тугодумный Мудила:

– Совсем в портки наложили, что ли, пни стоеросовые?! – Кузнец шарахнул кулаком по полу. – Чего, что засмеют, зассали?! Будет штуковина работать, будет! Надо большой делать – чтоб стрела хотя бы в две сажени была! Там всё и отладим, я уже и железа на ось и ворот припас! Мы с Кузнечиком такую хреновину измыслили – ахнешь!

– А если нет?! Если надурили чего?! – Сучок ткнул пальцем в сторону прообраза требушета. – Мало того, что дурнями выставимся, так ещё и за железо загубленное да за кожу спросят! И так всего не хватает!

– Да ты чего, Сучок?! – Мудила как стоял на четырёх конечностях, так

и подпрыгнул, подобно драчливому кобелю. – Охренел совсем?! Все же работает!

– На игрушке работает! – поддержал старшину Гвоздь. – Как бы не осрамиться!

– От дать бы тебе в ухо! – кузнец вошёл в раж. – Я до-о-олго думал! Не то что сыкуны некоторые! Должно работать! Мож, чего и вылезет, конечно – так поправим! Али мы дело делать разучились?! Хотя те, которые сыкуны, толком и не умели!

– Я те дам сыкунов! – вскинулся оскорблённый плотник, засучивая рукава. – Чем докажешь, что всё получится?!

– Жопой чую! – Кузнец тоже уже засучивал рукава.

Дело явно шло к дружеской производственной драке.

– А ну уймись, долбоклюи! – Сучок резво вполз между спорщиками. – Развели мне тут хрен гонобобельный!

– Эй, мужи, вы чего задницами-то кверху все? Чтобы чують способнее было? – раздалось от дверей.

Мастера одновременно обернулись к дверям. За спором они и не заметили, как в горницу вошли наставники Филимон, Тит и Макар. Все трое от души забавлялись, наблюдая за происходящим.

– Не-е, Титушка, – наставник Макар подкрутил ус. – Ты ж помнишь, Плава сегодня всех горохом кормила, вот они, значит, чтоб духу гороховому выходить способнее, эдак и раскорячились!

– Чего изгаляетесь?! – Сучок вскочил на ноги. – Люди делом заняты, а вам бы всё ржать, воеводы хреновы! Вам, между прочим, облегчение и помощь ладим!

– Жопой к небу? – хохотнул Тит.

– Тит, уймись, – негромкий голос наставника Филимона враз пресёк веселье, – они и правда делом заняты. Михайла велел.

– Каким? – наставники одновременно обернулись к своему командиру.

– Сейчас сами расскажут. И покажут, похоже, – Филимон сел за стол. – Давайте, садитесь все – хватит по полу елозить и у дверей столбом столбеть. Кондрат, тащи сюда игрушку свою и рассказывай, что к чему.

Мастера, угрюмо сопя, уселись за стол с одной стороны, а с другой вольготно расположились наставники. Сучок поёрзал на лавке, прочистил горло, мотнул головой и начал:

– Раз позвал меня к себе Лис и говорит...

– Ну и какого рожна вы тут сидели, как свиньи в берлоге? Давно пора уже настоящий порок ладить! Завтра же и займётесь! – выдал Филимон

сразу же после окончания рассказа и демонстрации. – Столько времени псу под хвост!

* * *

Вот и стоял Кондратий Сучок на стене рядом с малым камнемётом и готовился к очередному испытанию своего детища. Впрочем, выглядело устройство не совсем таким, как на франкском пергаменте, что дал когда-то Лис. Во-первых, длина стрелы всего-то две сажени, во-вторых, противовес невеликий, а в-третьих, к тому противовесу две верёвки привязаны, чтобы за них дёргать, помогая ему. Отчего так? Да от того, что слушал старшина своих помощников. И наставников, людей в воинском деле сведущих, тоже. Вот и родилось то, что с лёгкой руки Гаркуна прозвали вертушкой – штука не самая дальнобойная или точная, зато убойная. А главное, три-четыре подростка или бабы могли посылать полупудовые камни на голову неприятелю, лезущему на приступ, чуток медленнее, чем отроки Младшей стражи самострельные болты.

«Эх, хороша, зараза, получилась! Теперь пусть только сунется кто – досыта накачаем! Ежели сейчас всё путём пойдёт, велю сразу дюжину таких же ладить! Ну, начнём, помолясь, етит твою в грызло!»

– Давай! – старшина резко опустил руку.

В-з-з – хлоп, – отозвалась праща вертушки, и первый камень полетел на другой берег старицы, где шагах в ста от стен из всякой дряни загодя выложили круг сажени четыре в поперечнике, изображающий прущее на приступ вражье воинство.

– Раз, два, три... – принялся считать Сучок.

В это время Нил, Мудила, Гаркун и Гвоздь, составлявшие расчёт, опустили вершину стрелы вниз, расстелили пращу в жёлобе, вложили в неё камень, накинули спусковую петлю на крюк и встали к тяговым верёвкам.

– Бей! – рявкнул Мудила.

В-з-з – хлоп! – Второй камень взмыл в воздух.

– Десять, – одновременно с этим произнёс плотницкий старшина.

– Кхм! Резво! – одобрительно буркнул Филимон.

– Раз... – отозвался Сучок.

Десять камней улетели через ров на диво быстро. Самое большее, праща хлопала на счёт «двенадцать».

– Изрядно! – Наставник расправил усы. – У баб да отроков похуже получится, но всё равно изрядно! Пошли, старшина, теперь посмотрим, как

там камни легли.

– Ну, пойдём, глянем, – Сучок подмигнул своим мастерам.

Пока спускались со стены, пока шли через мост, пока огибали старицу, времени прошло немало.

«Ну, если они, долбоклюи, промазали! До второго пришествия будут у меня ежиными шкурками подтираться! Тщательно! Да нет, не могли промазать! Видел, как камни ложились...»

Все снаряды ушли глубоко в землю внутри круга.

– Изрядно, изрядно! – вновь похвалил Филимон. – Довели свою вертушку до ума! Помню, как она у вас по первому разу развалилась – и смех, и грех!

– Да, было дело! – ухмыльнулся в ответ плотницкий старшина. – Особливо, когда стрела со стены свалилась да прямо на собачьи клетки! Вот побегали-то!

– А как праща у вас не раскрылась да в стену с размаху долбанула, помнишь?

– Забудешь такое! – Сучок передёрнул плечами. – Булыга полпуда всего, а чуть заборолы не снесла, даром что временные! А если б там пудов семь было? Хорошо, что Шкрябка тогда про камнемёты подумал, да надоумил постоянные заборолы не хуже кит ладить!

– То-то и оно! – Филимон тяжело вздохнул. – Чего дальше делать думаешь?

– Велю дюжину вертушек сладить да поставить на стены и ещё дюжину про запас – лишними не будут, – мастер мрачно усмехнулся, – Своя ноша, она, знаешь, не тянет...

– Угу, – кивнул наставник. – А потом?

– А потом буду такой строить, каким стены ломать можно! – По лицу плотницкого старшины пробежала тень. – Ну и чтоб чужие пороки разнести, если кто к нам с ними пожалует.

– Ясно... – Филимон огляделся вокруг. – И где ты его ставить будешь?

– А вот прямо тут! – Сучок топнул ногой. – Чтобы крепость ненароком не развалить пока всё не отладим. Если вертушка чуть к едреням всё не разнесла, то большой камнемёт и вовсе настоящая оторва будет!

– Оторва, говоришь? Ну, ты и окрестил! – Наставник на секунду задумался. – Добро! Бог в помощь тебе, Кондрат!

Часть третья

Глава 1

Ноябрь 1125 года. Михайловская крепость. Ратное и окрестности

С самого утра настроение у Кондратия Епифановича Сучка было препоганейшим, и это немедленно почувствовали на своей шкуре и артельные, и те из лесовиков, кто не ко времени попался плотницкому старшине на глаза. Досталось всем – мастер никого не обделил, каждого приголубил.

– С цепи он, что ли, сорвался? Зверь-зверем и, главное, на ровном месте! – выразил общее мнение Гаркун. – Нил, ты не знаешь, какая муха зодчего нашего укусила?

– Да хрен его знает! – сплюнул Нил. – Пошли жрать лучше. На обед звонят!

В трапезной всё разъяснилось: щека у Сучка заметно округлилась, да и жевал он очень осторожно, временами шипя и матерясь.

– Зуб, что ли, Кондрат?! – участливо спросил мастер Гвоздь.

– Угу, – кивнул Сучок.

– И давно?

– С вечера. – Старшина мотнул головой.

– Так это ты из-за зуба на всех кидаешься? – хмыкнул Нил. – Понятно! Дело такое – и на стенку полезешь! К Юльке ходил?

– Да ну её к бесу! – опять мотнул головой Сучок.

– Ну, давай я вырву, – предложил кузнец Мудила.

– Да иди ты! – старшина подпрыгнул на лавке. – Думаешь, я забыл, как ты старому Пахому зубы рвал?! Еле с того света его достали! Не лезь ко мне со своими клещами, убивец!

– Ну, как знаешь. – Даже сквозь запечённую у горна кожу кузнеца выступила краска.

– Во-во! Знаю! – скривился Сучок. – Понравилось ему, живодеёру! Не-е, до моей пасти ты не доберёшься! Пусть вон другие дурни...

– Сучок, чего делать-то думаешь? Само ведь не пройдёт, – вмешался в разговор Нил.

– Один хрен в Ратное всем ехать, не забыли? Там Настёне отдамся – она хоть башку вместе с зубом не оторвёт, как некоторые! – Старшину аж передёрнуло от предвкушения. – А может, и пройдёт ещё! Ладно, жрите

давайте, работы до хрена, а день короткий!

Ложки старательно заскребли по мискам.

– Ну что, всё слопали? – Сучок обвёл мастеров страдальческим взглядом. – Тогда пошли народ на работу выводить!

Мастера разом поднялись из-за стола и двинулись к выходу. Увидев, что начальство зашевелилось, зацыкали на своих артельные десятники, подгоняя отстающих.

Народ потянулся из трапезной.

– Слышь, Кондрат, ты, это, чеснока бы приложил, а? – тихо, так, чтобы слышал один Сучок, сказал Гаркун. – И науз^[36] на, повяжи. Он сильный! У нас в веси наузница добрая!

– Спасибо! – Сучок, воровато оглянувшись, повязал вервие с узлами вокруг левого запястья.

– Ну, бывай, я к своим пошёл, – Гаркун перепоясал полушубок кушаком, надел шапку и вышел.

Сучок вздохнул и поплёлся на кухню клянчить чеснок.

Когда старшина, распространя едкий чесночный дух, появился на крыльце, его перехватил Мудила.

– Сучок, тебе скобы когда нужны будут? Мы уже отковали, можешь забирать, – Мудила мотнул головой в сторону посада, где дымила артельная кузня.

– Добро! – волна аромата, произведённая Сучком, могла разорвать в ключья средних размеров вурдалака^[37]. – В Ратное съездим и заберу.

– Ладно, – кивнул кузнец. – Только скажи, жрёте вы их, что ли, зодчие хреновы? Где я вам железа столько возьму? Вроде ж от пращуров без них обходились?

– Обходились, – снова пустил волну чесночной вонючки Сучок. – Только пращуры камнемёты на башни не ставили. Сам же видел, что было, когда мы Оторву^[38] первый раз на сруб взгромоздили. Никак без скоб – не держат врубки! И землёй всю клеть забивать надо!

– Да знаю! – Мудила махнул рукой. – Только ты уж не разбегайся, а? Железа ж не напасёшься!

– Ладно, – кивнул старшина, – чай, не сопляк – понимаю! Ну, я пойду?

– Погодь...

– Чего?

– Зуб как?

– Ноет, погань, но всё ж полегче, – скривился Сучок, – то ли науз Гаркунов помог, то ли чеснок.

– Ну ладно тогда, – кивнул Мудила. – Ты, это, если совсем не вмоготу станет, вот чего сделай, средство верное!

– Чего?!

– Возьми мочи, лучше от парня рыжего...

– На кой ляд?!

– Ты не ори! – насупился Мудила. – Средство верное! Значит, возьми мочи и полощи...

– Да иди ты! Что б я чужое ссанье да в рот!

– Ну, дело твое, – пожал плечами кузнец. – Не хочешь чужую – можно и свою! Но от рыжего вернее!

– Шёл бы ты... в кузню! – Старшина сплюнул от избытка чувств.

Мудила задумчиво понаблюдал, как чесночный плевок прожигает землю, и подытожил:

– Видать, хреново болит. Ничего, припрёт – вспомнишь!

– Увидим! – зло дёрнул головой Сучок и спустился с крыльца.

Зимний день короток, и в водовороте забот старшина забыл о зубной боли. Но всё в этом мире имеет свой конец – едва запарка схлынула, как поганец-зуб с утроенной силой напомнил о себе.

«Уй-й-й, с-с-с-су-у-у-у-ка! Вот тебе и сел подумать! Что ж тебе, тварь такая, неймётся, а? Дёргает и дёргает, драть тебя бревном суковатым поперёк себя волосатым! Ну, я тебя!»

Сучок не нашел ничего умнее, чем запустить пальцы в рот и нащупать своего мучителя...

«Б... я-я-я-ааа! Чуть не обмочился! Обмочился?! Что там Мудила говорил? От рыжего? А кто у нас рыжий? Швырок! Может, к Юльке? Ну и что, что соплячка? Отроки у нее вроде не дохнут? Не, точно не дохнут – я бы слышал! А етить их скобелем!»

Старшина, придерживая рукой щеку, быстро потопал в сторону Юлькиных владений.

Когда Сучок со стоном ввалился в лазарет, Юлька с помощницами как раз перебирала какие-то травы.

– Дядька Сучок, случилось чего?

– Зуб! – плотник выхаркнул это слово, как ругательство.

– Ты присядь. – Юная лекарка мгновенно оказалась рядом. – Вот сюда, потихонечку, полегонечку... Слана, свет!

Одна из помощниц метнулась к поставцу, запалила новую лучину и с ней подскочила к начальнице.

– Ты, дядька, рот открой, вот так, осторожно, сейчас посмотрим, что там такое деется, – продолжала меж тем журчать Юлька.

Сучок почувствовал, что от этого журчания его тело расслабляется, боль не то чтобы отпускает, а как-то отходит назад, веки, подчиняясь невесте откуда взявшейся истоме, тяжелеют, а рот сам по себе открывается...

Лекарка меж тем ухватила старшину за подбородок не по-девичьи сильными пальцами и повернула голову Сучка к свету.

– Слана, свети! Не туда! Вот! Вот так! Смотри, чтобы уголёк не упал! – и тут же совсем другим голосом обратилась к старшине: – Ничего-ничего, дядька, сейчас травок тебе дам, боль и утихнет...

– Ыго ам?! – прохрипел Сучок – закрыть рот Юлька ему не давала.

– Рвать надо, дядька Кондрат, – извиняющимся тоном произнесла лекарка. – Совсем сгнил. Сейчас мы за дядькой Мудилой пошлём...

– Нуегонуй! – категорически отказался Сучок, высвобождая челюсть из цепких Юлькиных пальцев. – Он деду Пахому зубы рвал, так чуть на тот свет его не спровадил! Не дамся! Завтра в Ратное идти – я уж тогда к матери твоей заверну...

– Ну, тогда я тебе сейчас отвара дам – он боль и снимет, – не стала спорить лекарка. – Поля, отвар сделай и остуди!

– Тот самый? – робко спросила вторая помощница.

– Да, ты его уже делала, знаешь, – Юлька ободряюще улыбнулась, но тут же прикрикнула: – Давай, не стой!

Девчонку ветром сдуло.

– Ты, дядька Сучок, отваром зуб полощи часто, а утром в Ратное, к матушке моей, слышишь? Как рассветёт – сразу!

– Понял, девонька, – кивнул Сучок.

– Сейчас посиди, а как отвар Поля принесёт, сразу к себе в избу ступай, по холоду не ходи. И щеку тёплым чем завяжи.

– Ага! – покорно кивнул Сучок.

«Охо-хоо, знает своё дело девка... Вон как в оборот взяла – и правильно! Так лекарке и надо! Поди ж ты – сущая соплячка, а как понимает...»

Старшина вышел из лазарета, бережно придерживая за пазухой полушубка кувшинчик с отваром. Боль от лекарского голоса притупилась, и оттого жизнь казалась Сучку просто прекрасной. Так в чудесном расположении духа он и добрался до плотницкой избы, что стояла рядом с лесопилкой.

«Чего там Юлька велела? Щеку тёплым завязать? Очень хорошо, завяжем...»

Сучок набрал отвара в рот и принялся с шумом гонять его во рту.

«Сено и сено, но раз сказала лечебно – значит, лечебно! Вроде и правда отпускает...»

Старшина сплюнул отвар в помойную лохань, пристроил кувшин на полку и направился к ларю с одеждой.

«Та-а-ак, чего у нас там? Чем завязывать будем? Не, это не пойдёт, это тоже, и это... А это что? Портянки зимние? Да ну на хрен!»

– Ты чего, Кондрат, портянки на ночь глядя сменить решил? – Мастер Нил возник неизвестно откуда.

– Юлька велела щёку повязать, чтоб зуб в тепле, значит...

– А-а-а-а! – закивал головой Нил, – Нашёл чего?

– Да не портянками же рожу мотать?! – вызверился Сучок. – Какая-то сука запасной куколь попрятала!

– Э-хе-хе, Сучок, ступай-ка ты, голубь сизый в сени...

– На кой?!

– А там кадка с водой стоит!

– И что?!

– Так ты в неё загляни, вот и увидишь ту суку, что барахло твоё прячет! – ухмыльнулся Нил.

– Да чтоб тебя, Шкрябка! Задрал меня этот зуб – всё в башке путается! – Сучок вздел к потолку бороду и провёл ребром ладони по шее. – Вот как задрал!

– Ладно, сиди, страдалец, добуду я тебе, чем башку замотать! – Нил развернулся к выходу.

– Спасибо, Шкрябка!

– Не на чем! – ответил, не оборачиваясь, Нил и нырнул в сени.

– Охо-хохонюшки, чтоб тебя в лоб через дубовый гроб! – выругался Сучок и поплёлся за кувшином – полоскать.

Старшина лежал на лавке, баюкал на подушке распухшую вдвое щёку и мучительно думал.

«Етит его долотом – помогает Юлькино сено или нет? Вроде, когда того, оно и ничего, а чуть перестал, так хоть на стенку лезь! Вот, опять! Су-у-у-ука-а-а-а! Да что ж ты дёргаешь так?! Где там Шкрябка запропал?! Сейчас, ей-богу, полезу морду портянкой мотать, мож, полегчает! Мука-то какая, Господи-и-и! Отродясь зубы не болели – выбивали только! Хоть бы в рожу кто дал, чтобы этот паршивец выскочил!»

В сенях хлопнула дверь.

«Неужто Шкрябка?»

Нил, ухмыляясь во весь рот, ввалился в горницу.

– Как жив, болящий?! – спросил он, доставая что-то из-за пазухи.

– Не дождёшься! – прохрипел Сучок.

– Вот и ладушки! – преувеличенно бодро отозвался Нил, – Гляди, чего тебе Плава прислала!

С этими словами мастер извлёк из-за пазухи нечто мохнатое, тряпичное и совершенно бесформенное.

– Это что?! – Старшина в изумлении уставился на ком.

– Как что?! – возмущённо вскинулся Нил. – Плава тебе самонаитеплейший свой платок прислала и вот ещё чего – гляди!

Сучок сунулся к Нилу и разглядел в глубинах скомканного платка ещё один маленький свёрточек из чистой тряпицы.

– А там-то что? – устало спросил старшина.

– Так, Кондрат, Плава как узнала, что ты с зубом-то маешься, велела тебе вот это снести, – Нил сбился на скороговорку. – Средство, говорит, наипервейшее! К зубу приложить и как рукой!

– Точно? – с надеждой в голосе пролепетал Сучок.

«Вот ведь как – будто о родном заботятся все! Аж слеза наворачивается! Точно, дом у меня тут в Михайловске, прям, род! Выкупиться бы ещё да с Алёной обвенчаться – тогда совсем добро! Шкрябку в дружки позову!»

– Точней не бывает! – усиленно закивал головой Нил. – Плава сказывала, что у них в Куньем волхв завсегда зубы им всем пользовал! Ты давай, пасть-то раззявь! Вот так, умница!

Сучок, как загипнотизированный, отщипнул тёмной рыхловатой массы, что содержалась в свёрточке, скатал в комочек и приложил к больному зубу. Нил только этого и ждал – не успел старшина закрыть рот, как платок будто сам собой обернулся вокруг головы и завязался на макушке узлом с кокетливо торчащими ушками.

– Слышь, Сучок, ну как оно, легчает?! – раздался голос Гаркуна.

Старшина поднял голову и увидел, что пока они беседовали с Нилом, в горницу набилась куча народу. В невеликом помещении, помимо Сучка, Нила и Гаркуна, обретались Гвоздь, Матица, Плинка, Мудила, Скобель, Отвес, Струг, подручный Гаркуна Живун, а из сеней торчала рыжая башка Швырка.

– Ну, Кондрат, чего? – высказал общий вопрос Плинки.

– Н-н-н-не зн-н-наю! Н-н-не п-п-понял ещё, – проблеял Сучок, прислушиваясь к ощущениям.

– Погодить надо. Оно ж не сразу, – рассудительно заметил Мудила.

Собравшиеся во главе с рабом божьим Кондратием сосредоточенно принялись «годить». Некоторое время спустя старшина почувствовал, что в едкий вкус нового снадобья начали вклиниваться некие необычные нотки, не сказать чтобы приятные. Он помотал головой – новый вкус усилился и начал уверенно забивать первоначальный. Сучок потрогал комочек снадобья языком. На это присмиривший вроде зуб отозвался резким всплеском боли, а новый вкус окончательно перебил старый и заполнил собой всё существо мастера. Ну, по крайней мере, то, что было свободно от боли.

«Уй, б..! Даже с бодуна во рту так гадко не было! Что за дерьмо в снадобье это намешали? Спросить, что ли? А если это гной вытягивает? Тогда сплёвывать надо и полоскать, а то в утробу попадёт, а от того и помереть недолго! А помирать я теперь не согласный! На кого я Алёну и их оставляю? Они-то меня, вон, не бросили!»

– Шкрябка, а это зелье твоё, оно гной, часом, не вытягивает? – неразборчиво прошамкал старшина. – Больно у меня во рту погано.

– Оттягивает, как же не оттягивать! – бодро отозвался Нил. – Ты, давай, сплюнь, а я тебе ещё отщипну!

– Швырок, тащи сюда лохань помойную и кувшин, что на полке там стоит! – распорядился Гвоздь. – Видать, пошло дело.

– Сейчас, дядька Гвоздь! – метнулся кабанчиком Швырок.

Сучок сплюнул в лохань, прополоскал рот и спросил:

– Шкрябка, а что это за дрянь, что ты меня пользуешь?

– Кондраш, да какая ж это дрянь? – возмутился Нил. – Это ж наичистейший медвежий помёт с хреном перетёртый! Средство вернейшее! На вкус оно, конечно, дерьмо, так чего ты хочешь – оно дерьмо и есть, хоть и медвежье. Зато лечебно!

Плотницкий старшина побагровел:

– Ты что ж, меня тут говном кормишь?!

– Так тебе же его не жрать, а к зубу приложить! – раздалось сразу несколько голосов. – Сам говорил – гной оттягивает!

– Су-у-у-ки-и-и!!! – Помойная лохань полетела в толпу. – Дерьмом меня кормить?!!

Мастера бросились на пол. Бадья разбилась об стену и всех в горнице обдало помоями.

– Ты чего?! – начал было Мудила, но вдруг осёкся и резво бросился к выходу.

За ним рванулись и остальные. Каким-то чудом в дверь сумели проскочить все разом. Было от чего: Сучок, похожий на замотанного в

бабий платок вурдалака, уже вздевал над головой лавку.

– Куд-а-а-а?! – старшина бросился за обидчиками. – Убью всех на ...!

Осуществить кровожадные намерения Сучку помешала лавка, застрявшая в дверном проёме. Жутко матерясь, он перелез через неё, схватил незнамо как оказавшийся в сених топор и с рёвом выскочил во двор. В темноте размытыми пятнами белели рубахи улепётывающих артельных.

– Куда-а-а-а?! – взревел старшина и бросился в погоню.

Некоторое время они носились вокруг лесопилки и артельной избы. Инстинкт самосохранения придал мастерам невиданную прыть. Неизвестно, сколько бы ещё продолжались большие гонки, но тут Сучок споткнулся и с громким плеском рухнул в лужу. Бодрящая послепокровская^[39] водичка покрыла невеликое тело старшины чуть не с головой и разом смыла всю злость. Зубострадалец вылез наружу, отсморкался, отплевался, выругался, подобрал топор, доковылял до завалинки и со стоном опустился на неё.

«Ох мать твою! Чего это я? Совсем с зубом этим с глужда съехал, драть меня бревном суковатым... Ведь поубивал бы... Чего делать-то теперь?»

Артельные, заметив, что старшина оставил человеконенавистнические намерения, остановились, а потом начали с опаской приближаться.

– Всё, народ, не бойсь, опамятовал я, – Сучок устало махнул рукой, подзывая артельных к себе.

Мастера и Швырок ещё немного приблизились.

– Точно опамятовал? – Нил с шумом глотнул воздух и прижал руку к боку.

– Точно! – кивнул старшина. – Вы уж меня простите, люди добрые, не я это – зуб, сука! Вы ж меня не со зла дерьмом-то потчевали – думали, лечебно будет! Нешто я без понятия?

– Топор брось, а?! – просипел Мудила.

Сучок выронил топор.

– Мужи, вот вам крест, – старшина размашисто перекрестился, – бес попутал! Вы ко мне со всей душой, а я... Простите, а?!

– Когда зубы того, и не такое выкинешь! – сочувственно прокаркал Гаркун. – Пошли в тепло, что ли?

Пока переодевались, пока прибирались в забрызганной помоями избе, было не до разговоров, а вот когда закончили, всех заколотило. Как ни крути, а вечер вышел весёлый – чуть до смертоубийства не дошло. Сучок молча полез в ларь и вытащил заветный бочонок, поднял к уху, встряхнул и

удовлетворённо хмыкнул, услышав бульканье.

– Посуду подставляйте! Причаститься надо! – Старшина поставил яблоневку на стол.

Мастера развили деятельное шевеление. Услышав, что драки больше нет, подгоняемые любопытством, из соседней горницы потянулись ученики и подмастерья.

– А ну кыш! Не про вашу честь сегодня! – шуганул их Сучок. – А ты, Пимка, оставайся – заслужил!

Швырок покровительственно посмотрел на остальных подмастерьев, понуро потянувшихся к выходу. Те, в свою очередь, одарили его взглядами, далёкими от братских.

– Вы тут мне волками не зыркайте! – Нил заметил их переглядку. – А то мигом дрын возьму и всех помирю!

– А я добавлю! – поддержал Сучок.

Подмастерьев сдуло, а Швырок несмело пристроил кружку на стол.

– Ну что, садимся, что ли? – Из-за распухшей щеки получилось у старшины неразборчиво, однако все его прекрасно поняли.

Кружки и плошки собрались в круг, и Сучок принялся наливать. В горнице запахло солнцем и летом.

– Други, – возгласил он, поднимая кружку. – Обидел я вас, руку поднял! Простите дурня плешивого! Не в себе я был. Вы ж помочь мне хотели!

– Да не ты – зуб, – подал голос старший из мастеров Плинка. – А с него какой спрос? Давай, мировую выпьем да за чаркой в кои веки посидим.

– Верно сказал, Плинка! С недуга и спрос короток! Опамятовал и добро! Ты, Сучок, нрав свой вдругорядь держи, ладно? – раздалось со всех сторон.

– Значит, мир?!

– Мир, мир! Пей, давай – выдыхается! – загомонили мастера.

Яблоневка привычно обожгла рот и глотку, горячим комом провалилась в живот и оттуда принялась расходиться теплом по жилам.

«Ух, хороша! Даже зуб приотпустило! Жаль только, что допью сегодня и взять больше неоткуда. Ладно, нечего жалеть, мож, винодел тот чернявый, что Лис из-за болота приволок, чего и сделает... А-а-а, не о том думаю – радоваться надо, что не убил никого и что меня потом не убили! И ведь было за что – на своих с топором кинулся! Совсем из-за зуба этого ума рехнулся. И за что артельные меня, дурня, терпят? Не, золотые они у меня...»

Сучок проснулся задолго до первых петухов – зуб, немного утомившийся с вечера, сейчас снова немилосердно ныл и дёргал. Старшина поворочался, стараясь поудобнее пристроить распухшую щёку, но ничего не вышло.

«Су-у-у-уукаа! Чего ж тебе неймётся, а? Пополоскать тебя, что ли?»

Мастер гонял во рту целебный отвар до тех пор, пока боль не притупилась. Боясь поверить своей удаче, Сучок на цыпочках добрался до лавки, осторожно, чтобы не спугнуть зуб, забрался под тулуп, служивший ему одеялом, блаженно выдохнул и закрыл глаза...

Не тут-то было – сон куда-то улетучился. Глаза не желали закрываться. Старшина покрылся холодным потом.

«Ведь опять сейчас начнётся! Уснуть надо! Да едрит оно скобелем!

Эх-ма, ругайся-не ругайся, а делать нечего, заснуть надо... Ну, начали, Кондрат! Один баран – баран, один баран да другой баран – два барана...»

Отара, которую насчитал Сучок, способна была осчастливить своей численностью всех половецких ханов скопом, но сон не шёл, а зуб и вовсе потерял всякую совесть. Кряхтя, старшина выполз в сени поближе к кувшину с Юлькиным снадобьем – полоскание давало недолгое облегчение. Вдруг дверь на ученическую половину глухо бухнула, и на мост^[40] выполз Швырок во всём своём рыжем великолепии и, моргая спросонья, зашарил руками возле гашника.

«Что там Мудила говорил? От рыжего?! А ну, подь сюды, милок!»

– Стой! Не смей! – рёв Сучка поднял бы и покойника.

Швырок в ужасе подпрыгнул и судорожно вцепился руками себе в пах.

– Т-т-т-тыы ч-ч-чего, д-д-дядька? – Глаза у парня стали как два добрых блюда.

– Ссать не смей! – отрубил Сучок, – Вот баклагу дам, в неё и валяй!

– Чего тут у вас? – Матица, недовольно сопя, вылез в сени.

– Дядька Матица, не дай пропасть! – всё ещё держась за пах и приплясывая, взмолился Швырок. – Дядька Сучок вконец ополоумел! Давеча чуть не порубал, а теперь это самое не велит! А я не могу больше – опозорюсь час!

– Потерпишь до баклаги! Мудила сказал, что от тебя, рыжего, для зуба лечебно будет! – отрезал Сучок.

Целая гамма чувств отразилась на конопатой роже Швырка: сначала

это была обречённая покорность судьбе, но по мере осознания особенностей лечения лицо его становилось всё светлее, а улыбка всё шире, пока уголки Швыркова рта не сошлись где-то на затылке – не каждый день подмастерью выпадает такой шанс, ой, не каждый!

– Чо лыбишься? Смотри, в порты напрудил! – пресёк веселье Матица.

– Да я потерплю! – Ради мести парень готов был и пострадать.

– Я тебе потерплю! Ополоумели тут все! – рявкнул Матица. – А ну давай!

Швырок обречённо вздохнул и повиновался.

– Да, Кондрат, в Ратное тебе надо, пока ещё чего-нибудь не выкинул, зубом думавши! – Плотник зло сплюнул. – Бери этого сыкуна и поднимайте народ, а я запрягать пошёл!

– Погодь запрягать! – остановил его Сучок. – С телегой по темноте хрен знает когда дотащимся – я короткий путь через лес знаю!

– Да ну?!

– Знаю-знаю, не сомневайся! Не раз ходил! И ночью пройдем не споткнемся и челнок – через Пивень перебраться – знаю, где припрятан!

– Ну ты, Кондрат, ходо-о-о-ок! – хохотнул Матица. – Пошли народ собирать! Швырок, опростался? Мухой собираться и малых поднимай!

* * *

Сучок, Нил, Гвоздь, Матица, Скобель, Пахом Тесло, Гаркун, Струг, Отвес, Швырок и мальцы-ученики – Утинок с Клинышком – плотной кучкой двинулись вниз по берегу Пивени. Вдруг из-за лесопилки, размахивая руками и чуть не кудая, выкатился убогий Простыня.

«Тьфу, принесла нелёгкая! Чего ему не спится?!»

– Простыня, ты чего? Спать иди!

– Ходить! – уверенно заявил убогий.

– Чего тебе ходить? – Сучок начал потихоньку беситься.

– Туда! – Простыня глупо улыбнулся.

– Да твою мать! – плюнул старшина.

– Старшина, куда собрался?! – К месту действия подтянулся патруль из двух выздоравливающих после ранений отроков.

– В Ратное, господин младший урядник, – особо выделяя слово «младший» отозвался Сучок. – О чём воеводам нашим вчерась утром докладено, да, видать, недосуг им о том твоему урядническому

высокомордию поведать!

– Эх, дядька Сучок, вот борода у меня вырастет, так я у тебя язык займу – бриться! – беззлобно усмехнулся юный урядник, но самострела не опустил. – Нам бы тебя под Пинск – ты бы там языком своим, как Пе... Илья Пророк молоньями ляхов жарил!

– Это ты, Прокопка? – плотницкий старшина узнал парня.

– Я, – отозвался младший урядник. – Только ты мне зубы не заговаривай! Сказано было, что утром уйдёте, а вы ночью, да не к парому! Куда намылились?!

– Да етит тебя в лоб через дубовый гроб! Чтоб тебе сто лет точилом подтираться! Мало мне зуба, так тебя с Простыней ещё принесло! – Сучок хлопнул себя по бокам.

– Чего? – открыл рот отрок.

– Зуб у меня болит – спасу нет, – начал объяснять Сучок, – а тут Простыня!

– Тьфу, ни хрена не понимаю! – замотал головой урядник. – Николка, свисти! Пусть наставник Макар с вами разбирается!

Второй отрок издал залиvistую трель, на которую со стен ответила стража, затем раздался звук отваливаемой воротной калитки и на мосту через ров загорелся факел.

– Чего тут? – недовольно буркнул наставник Макар, прихрамавший в сопровождении ещё двух отроков от крепостных ворот.

– Господин наставник, – Прокопий бросил руку к шлему, – во время стражи мною были замечены плотники, уходящие по направлению от крепости. Будучи остановлены, вразумительных объяснений дать не могли!

– Орёл! – оборвал урядника Макар. – За службу хвалю! А теперь давай плотников послушаем.

– Слушаюсь! – обескураженно пролепетал Прокопка.

– Вы куда всей толпой прям с самого ранья, а, Кондрат? – Наставник подкрутил ус.

– В Ратное! – Сучок уже шипел рысью.

– А чего не с утра, как обговаривались?

– Зуб! – выхаркнул ненавистное слово плотницкий старшина.

– Чего зуб?! – удивился Макар.

– Да зуб у меня, с-с-сука! Или помру, или порешу кого-нибудь! – Сучок показал на перемотанную щёку. – Вот мы и решили короткой дорогой в Ратное, сначала к Настёне, а потом тын поглядим.

– Во-во, а то наш зубострадалец до утра совсем рехнётся, – вставил

Матица.

– А чего не к парому? – не унимался Макар. – И доложить, что, святой Иосиф не велит?!

– Дык, Макарушка, я дорогу короткую знаю! Хошь на ушко скажу, а то твои разведчики тебе, небось, не доклали! – съязвил Сучок. – А доложить вон Простыня не дал – пристал, как банный лист к заднице, а тут его урядническое высокомордие поспел!

– Тьфу, Кондрат, язык у тебя! – сплюнул Макар. – Младший урядник Прокоп, плотников пропустить!

– Слушаюсь, господин наставник! – отозвался отрок.

– Ходить! В Ратное! – встрял Простыня.

– А тебе там чего делать? – мягко, как с ребёнком, заговорил с ним наставник. – Кто ж вместо тебя на поварне пособлять будет?

– Не-е-е, ходить! – упрямо замотал головой убогий.

– Да плюнь ты на него, Макар! Хочет – пусть тащится, хрен упрямый. – Сучок устало выдохнул. – Ну, мы пошли?

– С Богом, топай, страдалец! – усмехнулся Макар.

– Двинулись, мужи, путь не близкий! – Старшина махнул рукой, указывая направление движения.

За плотниками, громко сопя, двинулся и Простыня.

«Етит твою поперёк и наискось! Вот на кой ляд он за нами увязался, тринадцатый? Тьфу-тьфу-тьфу, пронеси Господи!»

Сучок не врал: челнок обнаружился на месте, идти по тропе через лес было вполне возможно и при свете факелов, да и сама дорога оказалась не в пример короче, так что с рассветом плотники выбрались на дорогу из Нинеиной веси в Ратное перестрелах^[41] в трёх от моста через Пивень. Не сговариваясь, решили передохнуть – шутка ли, почти десять вёрст по темноте через лес отмахали. Вот и присели кто на свою котомку, кто на поваленное дерево. Кто-то пустил по кругу флягу, кто-то сломал надвое сухарь и протянул половину товарищу, а старшина то и дело сплёвывал гной – по дороге нарыв на десне прорвался и боль стала вполне терпимой.

– А ты и впрямь ходок, Кондрат, – подначил Сучка Нил. – Правду Матица сказывал! Эвон, какую тропу протоптал!

– Это он к Алёне торопился, вот, значит, и озадачился, чтобы время не терять! – поддержал товарища Матица, смачно хрустя сухарём.

– Во-во! – хмыкнул Гвоздь. – Алёна, она баба такая! К ней и зверем-пардусом побежишь! Ох, пропал ты, Сучок – женит она тебя на себе, вот тут ты царя Давида и всю кротость его и вспоманешь!

– Да не один раз! – хохотнул Скобель.

– Будя ржать! – вызверился Сучок. – Мальцов бы постыдились!

Плотники покатались со смеху, а Пахом Тесло поднялся, подошёл к Сучку, пощупал тому лоб и во всеуслышание заявил:

– Фух, всё добро! Это у него жар от зуба прикинулся, а я уж думал – с чего это старшина наш столь благонравным заделался?

Тут мастера и вовсе закисли со смеху. Сучок изловчился и, не вставая с пня, пнул Пахома под колено. От неожиданности тот рухнул задом прямо в лужу.

– О! Бог шельму метит! – Сучок наставительно воздел палец к небу. – Сказано в Писании: «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены!»

– Ни хрена себе! – удивился Пахом, выбираясь из лужи.

– Вот те и хрена! – отозвался старшина под общий хохот. – Внимай далее!

– Чего?

– В заднице черно! – пресёк дискуссию Сучок. – Сказано: «Противящийся власти противится Божию установлению. А противящиеся сами навлекут на себя осуждение. Ибо начальствующие ...», тьфу, едрит твою! Короче, не твякай на артельного старшину, а то всю жизнь с мокрой задницей и проходишь – оно так по Писанию!

– Ой, Кондрат, чего я вспомнил! – заржал Матица. – Совсем я ещё мальцом был, и повёл дядька твой, Царство ему Небесное, всю артель вместе с семьями до церкви. Служба, значит, всё чин-чинарём, а аккуратно после причастия залетает в церковь какой-то хрен с горы – не то иноземец, не то поганый, и к отцу Ферапонту – ты его помнить должен.

– Ну, помню! Здоров был, и голосина, что труба иерихонская! – кивнул Сучок.

– Так вот, подлетает тот задрыга к отцу Ферапонту и по щеке его хлесь! – Матица выдержал драматическую паузу. – Все, ясен хрен, опешили – попа да в Храме Божьем и по морде! А этот шпынь и говорит: «Что, поп, ударили тебя по правой щеке, так подставь левую!»

– А поп чего? Неужто спустил обиду? – прокаркал Гаркун.

– Ты, птичка божия, слушай, не перебивай! – Матица вошёл в раж. – Не таковский отец Ферапонт был! Он, значит, щёку-то подставил, да как засранцу справа залудил – того аж на паперть вынесло! А потом и говорит, тоже из Писания: «Какою мерою меряете, такую и вам отмерено будет!» Тут, значит, бабка Гликерья опомнилась и к дьяку: «Отче, чего тут деется?», а тот: «Евангелие толкуют, чесна жена!»

Плотники, повизгивая от избытка чувств, повалились на землю.

Неизвестно, сколько бы ещё продолжалось веселье, но тут...

– Дядьки, стойте! – мальчишка указал рукой в сторону Ратного. – Чего там такое?!

Все прислушались. Со стороны скрытого лесом села слышался какой-то шум, крики и даже как будто лязг оружия.

– Чего там? – встрепнулся Сучок. – Пойду посмотрю.

– Сиди, – отозвался Гаркун, – нехорошим там пахнет, а вы по лесу прётё, что бычара на случку – только треск стоит! Сам схожу!

– Ладно, – не стал спорить старшина, – иди. А остальные давайте-ка от греха с дороги!

Гаркун вернулся быстро.

– Ноги надо уносить – обложили Ратное! – выдохнул он, неслышно возникнув из кустов.

– Как обложили, кто? Ляхи?

– А пёс их разберёт! С дрекольем всяким, с телегами, с бабами, но много! Не осилим! В ворота вроде долбить начали, да в них со стен стали стрелы кидать, они и откатились! О, слышите ор – опять, небось, полезли!

Будто подтверждая слова Гаркуна, в Ратном загрохотало ударили в набат.

«Алёна! Она ж там! Твою мать! С бабами?! Холопы, что ли, взбунтовались? Не, надо в село пробираться! А погостные ворота свободны?»

– Гаркун, погодь! – Сучок тронул лесовика за плечо. – Откуда ворота выносят и на тын лезут?

– Да с реки! Много их! Не прорваться!

– А со стороны леса?

– Да за селом особо не видать!

– Так есть холопы с той стороны или нет?

– Какие холопы? – этот вопрос плотники задали уже хором.

– А кто ещё с дрекольем и бабами может быть? Колено израилево?! – Сучок выматерился. – Есть кто с той стороны?!

– Вроде нету, – развёл руками Гаркун, – не видать за селом.

– Как хотите, мужи, а я в Ратное! Возле Настёниной избы брод есть – глядишь, и проскочу! – Сучок поклонился плотникам. – Ежели что – не поминайте лихом и простите за все!

– Я с тобой, дядька Кондрат! – Швырок выступил вперёд.

– Совсем охерел, молокосос! – вызверился Сучок. – На кой ты мне сдался? А о Глашке своей ты подумал, выпороток?!

– Я себе сдался, дядька! – Швырок полоснул старшину по-мужски

твёрдым взглядом. – В Ратном Глашка!

– М-мать! – только и сказал Сучок.

– Погодь, Кондрат! – Матица выпростал из-за пояса топор. – Мы тебя одного не бросим. Вместе пришли, вместе и дальше пойдём.

– Ты чего?! Это ж смерть верная, а у тебя детишки! – Плотницкий старшина просто опешил.

– Верно Матица говорит. Ни тебя, ни их, – Гвоздь мотнул головой в сторону Ратного, – не бросим. К нам тут с добром, а за добро платить надо!

– Эх, хотелось детишек иначе выкупить, да, видать, не судьба! – дёрнул щекой Скобель. – Нас тут пригнали, надежду дали, дом, на службу поверстали, а детишек Лис не бросит!

– Угу, он сам сказывал: «Кто голову сложит, семье того воля и корм, пока дети в возраст не войдут», – согласно кивнул Пахом Тесло. – А Лис не врёт... Ну чаво, пошли родню из кабалы выкупать? Не деньгами – кровью выпало, бывает.

Остальные плотники согласно загомонили.

– Твёрдо решили? – Сучок тяжёлым взглядом обвёл мастеров.

– Твёрдо! – Нил ответил за всех. – Ты не зыркай, командуй давай, господин десятник!

«Вот о чём тогда на стене Филимон говорил! Ну, лучше поздно, чем никогда – вот и я сподобился! «Как на воинскую стезю встал, всё – не принадлежишь ты себе больше!» То-то и оно...»

– Гаркун, бери сопляков, Простыню и что есть мочи дуйте в крепость – может, успеете подмогу привести! – Старшина махнул рукой в сторону тропы. – Остальные давайте за мной!

– Погодь, старшина, – каркнул Гаркун, – чего меня отсылаешь? Не пойду!

– Гаркуш, мы ж скорее всего живыми не выйдем, – с грубоватой нежностью произнёс Сучок. – Сам слышал, почему на это пойдём, а тебе-то зачем? Не твоя война!

– Моя не моя, то не тебе решать! – отрезал лесовик. – У меня здесь тоже должок имеется, а какой, если выживем, расскажу.

– И я не уйду, дядька, – твёрдо сказал Швырок.

– Мы тоже! – хором заголосили Утинок с Клинышком.

Швырок, ни слова не говоря, отвесил им по затрещине, развернул и пинками направил в сторону Михайлова Городка. За ними, горестно ухая, потянулся Простыня.

– Бегом! – напутствовал ребяташек Нил. – Быстро за подмогой!

– Ладно, народ, – обратился Сучок к своему войску, – поспать надо, а

то там некогда будет, и двинулись. Я первый, остальные за мной. Как брод перейдём, так Шкрыбка справа от меня, Гвоздь слева, Пахом, Скобель, Тесло и Матица следующие, Гаркун, Швырок, Струг и Отвес сзади. Идём тесно, клином, топоры наготове. Если там нет никого – лезем через тын. Если есть, прорываемся к воротам. Все поняли?!

– Так точно, старшой! – хором отозвались плотники.

«Какой мерой меряете, такой и вам отмеряно будет! Эх-ма, всё по Писанию! А ежели без Писания – долг платежом красен! Етит меня бревном суковатым – потолковали Евангелие!»

– Ну, тогда опростайтесь и с богом!

Ледяная вода залилась Сучку в сапоги и мерзко обжала икры.

«И это переживём», – сказал висельник. Зато Пахому не обидно – все с мокрым задом помирать идём!»

Плотники плотной кучкой выбрались на противоположный берег Пивени.

«Тихо вроде! Неужто повезло?! Не полезли на погостные ворота? Ну, тогда ходу к тыну!»

– Бегом давай! Шевелись! – старшина погнал своих мимо леса к селу.

Хлюпая водой в сапогах, плотники побежали. Вдруг со стороны брода раздался громкий плеск и какое-то непонятное уханье. Сучок на бегу обернулся и в сердцах выматерился – через брод, гоня волну, что твоя рыба-кит, пёр убогий Простыня.

– Сучок! Ходить! – вопил на ходу дурень. – Ам!

– Твою мать! – хором выдохнули плотники.

– Они туда, ты сюда! – Простыня, демонстрируя чудеса резвости, уже настигал Сучково войско. – Догоняй!

– Стой, сука! – во всю мочь заорал Сучок.

– Тама! Тама! – Кто знает, что пригрезилось убогому, но он ещё надал и выскочил на поле между лесом и селом. Сзади, отчаянно матерясь, неслись плотники.

Плотницкий старшина со товарищи обогнул опушку леса и встал, как вкопанный: перед погостными воротами, всего-то саженьях в ста от Сучка, деловито сновала толпа разнообразно вооружённых мужей. Там было всё: ослопы, топоры, вилы, луки, мелькнули даже несколько щитов и мечей. Нападавшие явно собирались под прикрытием стрелков высадить ворота – несколько человек уже тащили здоровенное бревно.

«А чего ж через тын не лезут? Как два пальца ж обмочить! А-а-а, берегутся – из-за тына кто-то стрелы вслепую кидает! А на забороллах

кто? И чего там делает? Тьфу, Улька-дура с иконой! Мало мне одного убогого!»

Простыня в это время что-то нечленораздельно заорал и бросился по направлению к находникам.

«Едрит! За ним и подойдём вплотную!»

– Стой, погань! – заорал во всё горло Сучок, срываясь с места и увлекая за собой плотников. – Стой! Держи его!

Высокий воин обернулся на шум, одним взглядом окинул сцену погони, рванул с плеча лук – Простыня споткнулся на ходу, обернулся, по-детски всхлипнул и упал – в груди у него по самое перо засела стрела.

– Вы от речных ворот?! – крикнул воин. – От Горюна?

Сучок ничего не ответил, а только прибавил ходу. Воин, видимо, решил, что десяток мужей несёт какую-то важную весть, и торопливо зашагал навстречу.

– Чего там стряслось? – переспросил он и, вдруг догадавшись, ощерился, выхватил меч и перебросил щит со спины.

Но было уже поздно – Сучок налетел на него, обухом топора отбил меч, концом топорища отклонил щит, крутанулся и на противоходе вогнал узкий плотницкий топор между шеей и ключицей противника.

– К воротам! – заорал старшина. – Скопом! Оружных и лучников выбивай!

Плотным кулаком Сучков десяток вклинился в опешивших находников. Несколько противников зарубили сразу, пока они ещё не опомнились, но вои с настоящими мечами быстро навели порядок. Вот тут-то плотникам пришлось солоно. Первым упал Пахом Тесло – нагнулся добить врага, а спину открыл, ему туда рогатину и вогнали. На Скобеля уполовиненные им бревноносцы это бревно и скинули, а потом скопом добили. Швырка сбили с ног, но тот, визжа от ужаса, умудрился укусить одного из супротивников за ногу, а второму воткнуть нож в пах и на четвереньках пробился к своим. Неведомо как, но плотники, разменяв двоих своих на дюжину находников, пробились к воротам. Ни один из Сучкова воинства невредимым не остался.

«Едрён скобель – пробились!»

Больше ничего Сучок подумать не успел – об окантовку отобранного у врага щита сломалась прилетевшая с заборол Ратного стрела.

– Глаза разуй, корова недоенная! – заорал во всё горло старшина. – Чтoб тебя леший попользовал в зад и перед, лежмя, плашмя и всякоразно! Ты в кого стрелы мечешь, лярва слепая?!

– Сучок, ты? – раздался с заборол женский голос. – А я...

– Головка от... – закончить фразу Нилу не дали.

Уцелевшие вои построили остальных и погнали их вперёд.

– Бабы, прикрывайте! – крикнул Сучок и повел своих навстречу. Он нутром понял, что в таком бою можно только ответить ударом на удар. Иначе сомнут.

Нескольких нападавших уложили стрелы ратнинских баб, а потом плотники сошлись грудь в грудь со штурмующими. В первом ряду шли пятеро неведомых ратников. С ними-то и столкнулись плотники. Пришлые вои явно щип лаптем хлебать были не обучены – за каждым из них, как привязанные, следовали по два-три холопа поздоровее, и, пока ратник связывал кого-нибудь из сучковцев боем, его подручные норовили достать противника.

Кое-кого и достали: первым зашатался Струг, его подхватил Отвес, срубил одного из нападавших, но и сам рухнул с рассечённой головой. Убийцу Отвеса достал Швырок и опять из «партера». Он же, тыкая кинжалом направо и налево, сумел оттащить стонущего Струга к самому тыну. Окровавленные Гвоздь и Гаркун рубились, прикрывая друг друга. Несколько раз их от неминуемой смерти спасали метко пущенные с тына стрелы. Те же стрелы не давали остальным взбунтовавшимся холопам отрезать плотников от ворот. Сучку даже показалось, что летят они теперь куда гуще, чем в начале схватки, и оттого ворог заколебался.

– Шкрябка, Матица, за мной! – приказал Сучок. – Прикрывайте!

Троица плотников рванулась вперёд. Сучок метил в похожего на крысу воя, который явно командовал взбунтовавшимися холопами.

«Если свалим – разбегутся!»

Им удалось. Почти. Противник ждал чего угодно, но не атаки. Вот только крысовидного срубить не удалось. Матица свалил чернобородого бугая, прикрывавшего крысолюда, отпрыгнул от другого, чуток зацепил третьего.

– Тороп, сзади! – заорал кто-то из врагов.

Крысомордый сделал шаг назад, разрывая дистанцию, щитом отвёл топор Сучка, извернулся и самым кончиком клинка прочеркнул Матицу поперёк живота. Кишки ослизлой серо-желтоватой массой выпали плотнику прямо под ноги. Ещё влекомый инерцией своего топора, Матица сделал шаг прямо в окровавленный ком у своих ног. Глаза его широко распахнулись, он пронзительно и тонко завизжал, рухнул на колени, потом на бок и, не переставая визжать, принялся запихивать свои внутренности обратно в живот. Жесточайший спазм свернул тело плотника в плотный клубок, а визг перешёл в хрип. Дальше Сучок не видел – убивший Матицу

похожий на крысу вой прикрывшись щитом и бросился на старшину, а с боков навалились ещё трое. Сучок отшатнулся назад и завертелся, парируя удары.

– Сука! – хрипло взревел старшина и очертя голову рванулся в атаку.

Он не понял, как проскочил под двумя топорами, не увидел, как Нил убил своего противника и тут же припал на одно колено раненый, не почувствовал, как меч крысомордого погрузился в его собственное тело. Всё это было не важно – главное, убить крысолюда, отомстить за Матицу, а там всё будет хорошо. Даже об Алёне Сучок в тот момент не вспомнил.

Звякнуло столкнувшееся железо, в руку ударило отдачей от топорщица, а в лицо старшине плеснуло чем-то вонючим и серо-красным. Он машинально обтёр лицо рукавом, и тут на него рухнул мир – под ногами валялся предводитель находников с разнесённой в клочья головой, возле тына Швырок рубился с каким-то холопом, не подпуская того к раненому Стругу, а вокруг валялось несколько битых стрелами бунтовщиков, Гвоздь и Гаркун, пугая выставленными топорами вдруг оробевших мятежников, тащили к воротам Нила.

– Сучок, к тыну давай! – хрипел окровавленным ртом Гвоздь.

Над ухом свистнула стрела и сбила сунувшегося было к Сучку холопа.

– Кондраша, уходи!

Раздавшийся с тына голос Сучок узнал бы из тысячи.

Старшина, неловко припадая на раненую ногу, начал пятиться к тыну. Ему почему-то казалось совершенно невозможным показать врагу спину на глазах любимой. Так он и доковылял до самых ворот. Его не преследовали. Холопы откатились назад на добрую сотню шагов и пустили оттуда несколько стрел. Бабы ответили.

Попали в кого или нет, Сучок не видел – перед глазами маячила кровавая пелена. Он стоял, прислонившись спиной к шершавым брёвнам, и пытался заставить бессильно повисшую руку поднять щит. Это почему-то казалось очень важным. Рядом с ним, прикрывая раненых, стояли Гвоздь, Гаркун и Швырок. От речных ворот тоже долетали звуки боя, но и там со временем стало потише. Сколько всё это продолжалось – бог весть. Голову Сучка заполнила звенящая пустота.

Вдруг со стороны Пивени раздались последовательно вопль ужаса, который издают беспощадно избиваемые люди, торжествующий бабий вой, конский топот и воинские команды. Услыхав это, последний оставшийся в живых ратник находников бросился в лес. За ним дали стрелача и остальные.

«Наши, михайловские!»

Больше ничего подумать Сучок не успел. В глазах потемнело, и он

рухнул лицом вперёд. Гвоздь выронил топор и сполз спиной по брёвнам.

– Дядьки!!! Кондраша!!! – крики Швырка и Алёны слились в один.

Швырок бухнулся на колени возле Гвоздя, а Алёна, как была с луком, так и сиганула вниз с тына – только юбка выше головы взвилась. Тем временем изнутри Ратного кто-то уже со стуком вынимал из проушин воротный брус.

Глава 2

Декабрь 1125 года, Ратное и Михайлов Городок

Вроде бы и зацепил Тороп Сучка не сильно, и по голове досталось тоже слегка, но крови сошло, как со свиньи. Вот и провалился мастер, иногда выныривая из беспамятства, до самого снега. Без него схоронили павших плотников, без него встретили вернувшуюся из похода сотню. Настёна даже опасалась, что не встанет больше старшина, но у Алёны не забалуешь – такая баба за своего мужа самой Костлявой рожу к заднице вывернет, вот и вытащила. Чего это ей стоило, знала только она сама.

После разгрома холопов плотников в Ратном признали своими. Бабы признали, а если бабам что в голову взбрело, то они своего добьются. Не мытьём, так катаньем. Так что, не успев вернуться из похода (сотня пришла через день после бунта), ратники собрались на сход и там, неожиданно для себя, постановили скинуться из добычи и Сучкову артель из кабалы выкупить.

Этой вестью Сучка первым порадовал его закадычный приятель – Бурей. Как сказали бы наши современники, неофициально. Хотя и занят был ратнинский кат по горло – не покладая рук давил, рубил и топил осуждённых воеводой Корнеем бунтовщиков, но завсегда находил время забежать к дружку сердешному Кондрату, провести, гостинец принести, по лекарской части помочь, благо опыта в таких делах у обозного старшины хоть отбавляй – каждый ратник у него в обозе раненым не по разу лежал.

А когда очнулся Сучок, так стал с ним Бурей подолгу разговаривать, да всё без толку – мастер лежал, глядя в одну точку, отвечал односложно, а то и вовсе не отвечал. И так не только с Буреём, Алёна, когда Кондрат перестал в беспамятство проваливаться, птицей к нему разлетелась, да как на стену наткнулась – Сучок молчал. Оживлялся он немного, только когда захаживал кто-то из артельных или Гаркун, но оттого было как бы не хуже – забияка и ругатель при виде их пунцовел, заикался, прятал глаза и исходил потом.

– Серафим Ипатьевич, что с Кондратом-то? – не выдержала как-то Алёна. – Заживает уже на нём всё, а он как мёртвый?

– Дура ты, соседка, – буркнул в свою необъятную бородищу Бурей. – Не потому что дура, а потому что баба! Что делала, то и делай, а тут я сам

займусь!

Сказано это было так, что ни переспрашивать, ни перечить Алёна не решилась, а обозный старшина стал захаживать много чаще и вести с Сучком какие-то свои разговоры. Какие, никто не знал – Бурей выгонял всех, а желающие с ним спорить в Ратном давно повывелись.

– На, Кондрат, хлебни! – возгласил Бурей с порога, вытаскивая из-за пазухи кожаную флягу. – С нечаянной радостью тебя!

Алёна привычно встала и потянулась за кожушкой – выйти.

– Хрр! Сиди, баба! – пригвоздил её к месту обозный старшина. – Тебя это тоже очень даже касается!

– Здравствуй, Серафим – Сучок с трудом сел на лавке, вяло кивнул Бурею и уставился в пол.

– Ты мне головой не кивай! – Обозный старшина уже откупоривал флягу. – Пей давай, а не лягухой прикидывайся!

Противостоять напору Бурея было невозможно – Сучок глотнул. Дыхание захватило, глотку обожгло.

«Яблонежка... А хрен ли толку? Матице да Скобелю, да Отвесу, да Пахому Тесло не пить её больше... Сука рваная, мать её через корыто бревном суковатым! Сам живой, а их в домовину! Что я их детишкам скажу? Бабам что скажу? Даже как хоронили их, не видал...»

– Давай хлебай! – обозный старшина силой сунул горлышко фляги обратно в рот другу. – Сказал же – радость у тебя!

– Что за радость? – Сучок закашлялся. – Не с чего мне!

– Тьфу, етит тебя конским! – мотнул башкой Бурей. – Алёна, слушай меня, раз у твоего хозяина в башке ни хрена не держится!

– Слушаю, дядька Серафим!

– Значит так, я прямо со схода, – обозный старшина шумно приложился к фляге. – Решили наши ратники твоего Кондрата вместе с артелью на волю выкупить! Фома вроде вякать собрался, да ему Корней так с ласковостью ответил – даже харю бить не пришлось!

Сучок приподнял голову. В его глазах впервые с момента ранения блеснул интерес. Алёна схватилась за сердце.

– Хрр, услышали вроде, – Бурей шумно почесался. – Всё, Кондрат, считай себя и своих вольными! На, причастись!

Плотницкий старшина молча принял флягу и присосался к ней.

– Значит так, – обозный старшина удовлетворённо хмыкнул. – До завтра Корней всё сочтёт, с кого сколько причитается, соберёт и в сотенную казну запрёт. А потом тебя порадовать придёт. Ты хоть рожу радостную

сделай!

– Ладно... – Сучок поймал взгляд Алёны.

– Едрит тебя, и на том спасибо! – хлопнул себя по бокам Бурей. – Как Корней войдёт – удивись!

– Чему? – Плотницкий старшина перевёл глаза на друга.

– Дык, Корней разрядится, что твой кочет! – гыкнул Бурей. – Он это любит, хрен старый! Вот и удивишься, мол, праздник какой, что ли, понял?

– Ну, понял, – Сучок немного оживился.

– Хрр, так-то лучше! – ухмыльнулся обозный старшина. – И смотри, меня не продай ненароком!

– Не продам.

– Своим сам скажешь! Корней аж грамоту написать сподобился – вот и прочтешь им! Я тебя сам завтра в крепость свезу.

– Спаси тебя бог, Серафим!

– Пусть Он лучше тебе, раскоряку лысому, башку прочистит! – Бурей хотел матюгнуться, но передумал. – Сколь раз говорено – всё ты правильно сделал! Ну ничо, хрр, с завтрава я тобой как следует займусь! Пусть знакомцы твои, что сейчас по сараям сидят, малость подышут перед свиданьем, а то притомился я, гыыы! Ну, бывайте!

Бурей развернулся и вышел из избы, оставив флягу Сучку. Тот мотнул головой и приложился к посудине. Алёна с шумным выдохом опустилась на лавку. Внучка, дочь и вдова ратника с детства видела, как грызёт выжившего в безнадёжном деле воина, а тем более воинского начальника, вина перед погибшими товарищами, знала, как сводит она в домовину молодых и здоровых ещё мужей, если только не найдётся зацепки, что повернёт выжившего обратно к жизни. И знала, как помочь. Одна беда – надо, чтобы сам ратник захотел жить. А что еще, как не долгожданная воля для Кондрата и его артели, могло бы тут помочь? И вот за это готова была Алёна в ноги пасть и сотнику Корнею, и Бурею, и бабам, что решили так отблагодарить спасших село плотников и убедили в том своих мужей.

* * *

Ненадолго хватило Алёниной радости. Опять тени погибших товарищей терзали Сучка всю ночь. Так и бывает – за дневными заботами горе отступает ненадолго, а ночью открываются твои персональные ворота в ад. Страшно впервые повести людей в бой и сразу потерять половину из них. Особенно, когда эти люди давно стали твоей семьёй. Самому умереть

куда легче. Вот и умирал десятник розмыслов Кондратий каждую ночь, чтобы через краткий миг воскреснуть и снова умереть. Нет, умом он понимал, что всё сделал правильно, но лица друзей, мёртвые и бескровные, преследовали его во сне и наяву. Самым страшным судом судил себя плотницкий старшина и сам раз за разом выносил себе приговор – виновен!

На дворе проорали третьи петухи, зашебуршилась за стеной скотина, поднялась Алёна, а за ней заставил себя встать и Сучок.

– Дай хоть какое дело, хозяйка, а то ума рехнусь! – прохрипел он.

– Уверен? – Алёна сложила руки на груди и внимательно присмотрелась к едва держащемуся на ногах Сучку. – Может, Настену спросим – она прийти обещалась сегодня...

– Дело дай, я сказал!

– Ладно, тогда идем, – подавив вздох облегчения, женщина повела его в угол избы, где за сундуком лежала старая упряжь, требующая починки. Говоря откровенно, Алёна уже подумывала – не выкинуть ли ее, а вот же пригодилась! Смертная тревога в её глазах впервые за многие дни растаяла – теперь не осталось сомнений в том, что после новости, которую накануне сообщил Бурей, плотницкий старшина повернулся к жизни, хоть сам того, похоже, не заметил. Зато она заметила, а потому немедленно окунула своего Кондрата в омут мелких хозяйственных дел, умело отвлекая от тех демонов, что поселились в Сучковой душе.

Пока Сучок, в меру своих невеликих пока сил, хлопотал по хозяйству, перед Алёной встала новая задача – достойно встретить сотника Корнея. Не могла же она позволить себе ударить в грязь лицом, в конце концов, и уж тем более нельзя было допустить, чтобы опозорился её Кондрат! Дабы такого кошмара не случилось, Алёна при помощи соседских ребятишек выяснила, что сотник собирается к ним сразу после обеда. К полудню изба блестела, как весеннее солнышко, в печи томилось угощение, а Сучок, несмотря на сопротивление, был обряжен, как на свадьбу.

Так они и сидели друг напротив друга, будто супруги, ожидающие дорогих гостей. Сучок злился, а Алёна радовалась этой злости – её Кондрат возвращался. Неизвестно, чем бы кончилось ожидание, но тут в избу буквально вломился холоп:

– Хозяйка! Там сотник Корней! Сам!

– Так чего ты его на дворе держишь, бестолочь?! – Алёна с девичьей лёгкостью выпорхнула из избы, не забыв, однако, пригвоздить взглядом к лавке дёрнувшегося было Сучка.

Сотник Корней обнаружился посреди двора. Как и предсказывал давеча Бурей, разделся воевода Погорынский знатно: крытая синим

сукном шуба, синие, богато расшитые, тонкой работы сапоги, меч в узорчатых ножнах на украшенном серебряными бляхами воинском поясе, а венчала всё это великолепие синяя же шапка, отороченная волчьим мехом.

– Здрава будь, хозяйка! – поклонился, не ломая шапки Корней. – Как болящий твой? Дело у меня к нему.

– Здравствуй, Корней Агеич! – Алёна, благо поклон спины не ломит, склонилась много ниже гостя. – Ты на Кондратия не гневайся, что встречать не вышел – слаб он ещё.

– Кхе, так то не в укор ему, не в укор, – благодушно прогудел Корней, со вкусом оглядывая Алёнины стати. – Досталось ему знатно.

– Ты проходи в избу, Корней Агеич, – Алёна сделала приглашающий жест.

– Благодарствую, Алёна Тимофеевна, – воевода степенно проследовал в дом.

Одного взгляда хватило сотнику, чтобы оценить масштаб приготовлений к его встрече:

– Кхе! Разболтала всё же погань какая-то! – Корней рассерженно дёрнул покалеченной бровью, стянул с головы шапку и поклонился. – Здрав будь, Кондрат! Ты как?

Сучок встал, придерживаясь рукой за стену. Сотник впился в него взглядом и даже чуть-чуть подался вперёд.

– Здравия желаю, господин воевода! – Плотницкий старшина и сам не смог бы объяснить, почему он употребил принятое в Михайловом Городке титулование. – Жив.

– Кхе, вот и добро! – Воевода подобрался и построжел лицом. – Ты садись, наскачешься ещё!

Сучок сел, взглядом успокоил Алёну, выглядывающую из-за плеча гостя, и устался на Корнея.

– Кхе! – воевода расправил усы и бороду. – Кондратий сын Епифанов по прозванию Сучок, я к тебе со словом от схода ратнинских мужей!

– Слушаю, господин воевода! – Плотницкий старшина снова встал. И за стенку уже не держался.

– Кланяются тебе и людям твоим мужи ратнинские! За спасение жён да детей наших! – Старый воин поклонился, коснувшись шапкой, зажатой в руке, пола. – И за то решили мужи ратнинские из своих прибытков выкупить твою, старшина Кондратий, артель из кабалы, а долг ваш на ратнинскую сотню взять!

Сучка шатнуло. Он хотел что-то сказать, но не смог. Знал ведь, готовился, у друзей погибших прощения просил, а всё равно, как обухом...

– О том грамота составлена, – Корней извлёк из-за пазухи лист пергамента. – И скреплена сотенной печатью! А я, как воевода Погорынский, грамоту ту утвердил! А ещё в грамоте той сказано, что быть вам отныне розмыслами в воеводской службе. Прими за себя и своих людей!

Воевода с поклоном передал грамоту. Сучок дрожащей рукой принял и кое-как, чуть не упав, поклонился в ответ. И упал бы, да Алёна подхватила.

– Хозяйка, а ну налей нам! – Вся торжественность из Корнея как-то разом ушла, – Чай, есть за что!

Они сели за стол, выпили, закусили, потом еще и ещё... Корней нахваливал хозяйку, но засиживаться всё же не стал. Прощаясь, воевода так расчувствовался, что сграбастал Сучка, притянул к себе и вдруг, неожиданно твёрдо и жёстко, но так, чтобы слышал один плотницкий старшина, сказал:

– Ты, Кондрат, себя без вины не вини. Чего вытаращился? Не ты первый, не ты последний – у меня-то счет поболее твоего! Ты всё правильно сделал – не всякий десятник лучше бы справился. А кому голову сложить – это не мы, а судьба воинская решает.

Он отстранил Сучка, снова прижал к груди и уже на другое ухо зашипел змеёй:

– Увижу, что себя жрёшь – душу выбью, но сдохнуть не дам, не надейся! Тебе ещё их детишек поднимать! Мастеров половину выбило, а я за тебя новых подбирать и учить не стану. Вот про что тебе думать надо! И Буря держись: зверь зверем, а свое дело знает. Тем более, вы, голуби сизокрылые, вон как спелись, ядрена Матрена!

После ухода Корнея Сучок прилёг на лавку отдохнуть – силёнок у него и в самом деле не хватало, а денёк выдался тот ещё. Не успел лечь, как всей толпой пожаловали прежние невесёлые мысли, но сегодня среди них пробивались и другие.

«Простите меня, други, если сможете, но нельзя было иначе – не сами холопы поднялись. Из-за болота их мutilи! И вои, которых мы побили, тоже оттуда... Сожгли бы Ратное, так и нам не жить. Всем. Не оставили бы... Моя вина, что вы легли – херовый из меня воевода, да другого тогда не сыскалось. Простите, что сам выжил – не чаял я. Само так вышло... В долгу я перед вами... И артель вся в долгу! Вон она нам через что воля выпала, как ты, Пахом, и говорил... Вы, братья, за семейства-то не беспокойтесь – не бросим. Я не брошу! И детишек в люди выведу! А коли сам голову сложу – другие найдутся!»

И тут показалось плотницкому старшине, что в горнице стоят Матица,

Скобель, Пахом Тесло и Отвес, да не такие – порубленные, окровавленные, как приходили к нему каждую ночь, а живые: вот Матица скалит зубы, готовясь подначить, вот Скобель запустил пятерню под шапку – думает, вот Отвес глаз свой прищурил, а вот и Пахом что-то сказать собирается...

И сказал, да не только он – все павшие под стенами Ратного плотники заговорили разом. Губы их не шевелились, но Кондратий Сучок каждого слышал отчётливо:

– Не казни себя, старшина, не успел бы ты! Спаси тебя Бог, что с крысолюдом тем за меня расчёлся, – это Матица.

– Сам говорил – всяко бывает! Не грызи себя, – это Скобель.

– Нам тут хорошо, точно говорю. В своё время и сам увидишь. Только не торопись – тебе за нас жить! – это Отвес.

– Верно Отвес сказал! Жить тебе надо, Кондрат, детишек своих поднимать... Будут они у тебя! И наших ты не бросишь, знаю! Дома людям строить, храм каменный, что мечтал... И за топор браться да в бой идти, коли нужда припрёт... Будь счастлив, старшина, свидимся ещё! – это Пахом Тесло.

Алёна на цыпочках подошла к лавке и накрыла Сучка тулупчиком – Кондратий спал.

Утром ни свет ни заря на Алёнино подворье вломился Бурей. Алёна грудью встала на защиту покоя своего Кондрата и даже принудила обозного старшину предпринять тактическое отступление от крыльца к воротам, где виднелись запряжённые сани, на облучке которых примостился зашуганный Буреев холоп. На этом последнем рубеже Бурей встал насмерть. Поняв, что захватить эту позицию не выйдет, Алёна вступила в переговоры:

– Да пойми ты, Серафим Ипатьевич, спит он ещё – слабый совсем!

– Хрр, а я о чём соседка? – Бурей трубно высморкался. – Оттого и пришёл с самого с ранья! До крепости далеко, а быстро не поедешь! С бережением надо. Чай, знаю как!

– Дядька Серафим, как раненых возить, никто лучше тебя не знает, – Алёна решила, что доля лести не помешает. – Но, может, не сегодня? Пусть окрепнет. И Настёна говорила...

– Матушка Настёна знает, да только не понимает! – мотнул башкой обозный старшина. – Сейчас ему в крепость съездить любого зелья нужнее! И не спорь! Иди, поднимай своего!

– Да хоть поесть ты ему дай, изверг! – Алёна бросилась в безнадежную атаку.

– Хрр! Дура-баба! Пожрать – первое дело! – Бурей хлопнул себя по бокам. – А ну, пошла в избу – Кондрата кормить!

– Сейчас, Серафим Ипатьевич! – женщина поняла, что достигла предела возможного. – Ты сам-то зайди, откушай!

– Это хорошо! – довольно осклабился обозный старшина.

– Хозяин? – жалобно проблеял из-за ворот холоп.

– Сидеть! – рявкнул не оборачиваясь Бурей и закосолапил вслед за Алёной в дом.

Сучка Алёна с Буреем застали уже на ногах. Да и немудрено – шум, который подняли спорщики, перебудил всех соседей.

– Здравствуй, Серафим! – Плотницкий старшина обрадовался приходу друга.

– Здорово, Кондрат! – Бурей радостно оскалился. – Сейчас покормимся, чем хозяйка побалуует, да поедем – надо же твоих обрадовать.

– Спаси тебя Бог, а я-то думал, как добратся, – Сучок даже подался вперёд. – С санями, боюсь, не совладаю ещё.

– Мож, и совладаешь, только проверять не будем, – хмыкнул Бурей. – Для того холоп на улице дожидается. А сейчас пошёл за стол!

– А ты, ничего, Кондрат, быстро оправляешься! – Обозный старшина оторвался от поглощения каши и кивнул в сторону Алёны. – Да и не мудрено при такой-то хозяйке. Вона как кормит!

– Спасибо на добром слове, Серафим Ипатьевич, – Алёна слегка поклонилась в ответ, не сводя глаз с Сучка, впервые незнамо за сколько времени увлечённо работающего ложкой.

С помощью обозного старшины Сучок спустился с крыльца и погрузился в сани. Нет, не настолько слаб он был, но Алёна со сметающей всё заботой (даже Бурей отступился) опехтерила своего ненаглядного в такое количество одежек, что раб божий Кондратий едва передвигался.

– Трогай, – пнул холопа Бурей и сам повалился в сани.

Возница хекнул от хозяйской ласки и тронул лошадь вожжами.

В дороге на Сучка снова навалилась смертная тоска. Старшина пытался с ней справиться, но чёрный, полный кошмаров омут тянул его в себя всё глубже и глубже.

– Кондрат, ты чего? Схудилось никак? – Бурей ощутимо потряхнул друга.

– А? – Сучок с трудом сообразил, где находится. – Нет, не схудилось.

– А чего отвечать перестал? – Бурей прищурился. – Опять себя жрёшь?

– Серафим, что я детям их скажу? Бабам что скажу? – Мастер скрипнул зубами. – Что их с собой на тот свет увёл, а сам на этом задержался?

Сучок так и не понял, почему в голове вдруг грохнул немаленький колокол, а перед глазами замельтешили звёзды и цветные пятна. А когда зрение прояснилось, то обнаружил, что Бурей сгрёб его за грудки и, притянув к себе, рычит:

– А то и скажешь – мужья и батьки их в бою легли, как ратникам надлежит!

Он снова встряхнул Кондратия и скорчил совершенно зверскую рожу:

– Вас защитили, волю, дом и корм вам добыли, скажешь! Запел, б...! Баба! Раньше сопли жевать надо было! Ратники вы все теперь, а ты воинский начальник! Коли не нравится, так я тебе вожжи дам – иди да повесься! Или яйца себе открути – на кой они тряпке?!

Бурей слегка отстранился, перевёл дух и продолжил:

– От них тоже всё выслушаешь! Молча! Повинишься, что не уберёг... – Серафим сглотнул и уже тише добавил. – Привыкай, не в последний раз, хотя хрена пареного к такому привыкнешь! Вот так-то!

– Не в последний, говоришь? – переспросил Сучок, высвобождая ворот.

– Не, етит тебя! Агушеньки, б...! Мож, тебе ещё раз по балде заехать для просветления? – Бурей всплеснул руками. – Ратник ты теперь, не в сотне, само собой, а всё равно какой ни есть, да ратник. И твои тоже. Никуда не денетесь – сами выбрали.

– Угу, – Сучок через силу кивнул.

– Вот! – Бурей удовлетворённо оскалился. – А ты над ними десятник. А десятник, оглоблю тебе в дупло по самое не балуй, это не перед бабами красоваться, а вот и такое тоже.

– И как быть теперь? Ты ж ратник, Серафим, и ратника сын, и над обозом старший, научи!

– А вот так и быть! – фыркнул Бурей. – Тебе Филимон уже всё сказал, добавить нечего. Али забыл?

– Забудешь такое! – Сучок на мгновение задумался. – Да, сказал он мне тогда... И у коновязи, и на заборолах... Аж нутро перевернулось!

– Хрена с два нутро у тебя перевернулось! – Бурей сплюнул. – В башке осталось – вижу, а до остального и не достало!

– Как?

– А вот так! Коли достало бы, так ты бы сейчас не ныл, как монашка, что от прохожего затяжелела! – фыркнул обозный старшина. – Как быть,

как быть – через себя Филимонову науку пропустить, чтобы наука эта тобой стала! Вот сейчас и начинай!

– Что начинать?

– Хрр, нет, я тебя точно сегодня прибью! Тебе холопы что, все мозги вышибли? Через себя пропускать! – Бурей сплюнул. – Тебе Филимон что сказал? Войско за командиром идёт! А как за тобой таким идти? Сидит – сопли до мудей развесил! Хрр, как бы тебе паршиво не было, показывать не смей! И перед вдовами да сиротами когда встанешь – не смей! Ни сопли пускать, ни нюни разводить! Повинись, что не уберёг, поклонись земно, но квохтать не смей – не их, себя жалеть будешь, а себя нельзя...

– А?

– Цыц! Не сказал я ещё! – оборвал Бурей. – Семьи ты их не бросишь и с голодухи пропасть не дашь, знаю. Даже если б хотел их бросить – не дадут. Только ещё одно есть – с сыновьями их заместо батьки тебе придётся, да не просто так, а чтоб они, по примеру отцов, считали за честь полечь в бою, понял?

– Не, Серафим, не понял пока, но запомнил, – Сучок сосредоточенно кивнул и покосился на своего приятеля – сколько же у него личин? Снова он на себя не похож.

– Хрр, уже лучше, – осклабился Бурей. – Сразу такое не придёт. Но по запомненному и делай, а будешь делать – через себя пропустишь. Так наука тобой и станет.

– Угу, – кивнул Сучок и зашептал что-то под нос.

– Чего шепчешь-то? – Бурей повернулся ухом к плотнику. – Не разберу!

– Да спросить хочу.

– Спрашивай!

– Серафим, а как с мастерством-то нашим быть? – Сучок взглянул в глаза друга. – Ратники мы, конечно, ратники, не отказываемся, да мастерство-то у нас у всех в душе первое. И у меня тоже! Как быть? Чтобы ни тому, ни тому ущерба не было?

– А вот не знаю! – Бурей развёл руками. – Не было у нас ещё таких! Откуда Корней такое измыслил – не скажу, а уж что вам делать – и подавно без понятия. Самим вам придётся.

– Как не было? – подивился Сучок. – Вы ж все ремесленничаете, а кто и не одним ремеслом!

– Угу, – кивнул Бурей, – да только у одних ремесло под воинским делом ходит, а есть такие, что из них ратники, как из хрена дудка – тем бы ратников в охрану своего промысла наладить, мол, в сотню ратником

впишусь, а воевать – шиш! А вот таких, как вы, не было, разве что Лавруха – Корнея сын, да и он блаженный какой-то.

– Вот как? – хмыкнул Сучок. – Значит, сами думать будем!

– Вот и ладно! – ухмыльнулся Бурей. – Вижу, повеселел. Так и надо! А теперь меня послушай.

– Слушаю.

– Вам сегодня тризну по павшим править, а ты знаешь, как? – физиономия Бурей приняла торжественное выражение.

– А то я поминок не справлял! – Сучок аж привстал.

– А ну цыц! – рявкнул Бурей. – Поминки, хрр, это когда бабы, визги, вопли и сопли! А на тризне воины воинам честь воздают, и там соплям не место!

– Это как?

– Хрр, а вот так! – Бурей приосанился. – Сидят, братьев погибших вспоминают: как в походы вместе ходили, как ворога вместе били, какими людьми они были... Песни поют... весёлые! В воинском умении меряются, только кровь не льют, даже каплю – не любят души павших кровь побратимов видеть!

– О как! А я и не знал, – Сучок слегка приуныл. – Да и что вспоминать-то – не воины мы, а мастера.

– Хрр, погоду порты мочить – помогу! – хлопнул друга по плечу Бурей. – И посидим, и вспомним, вы мне про них и расскажете: и какими мастерами были, и как на половцев с ополчением ходили – всё! И силой померяемся! Потешим их душеньки, покажем, что их тут помнят. А выть – дело бабье!

Сани выехали из леса и вдалеке, на острове показался Михайлов Городок.

– Кондрат, гляди, ворота закрыты, – Бурей указал рукой на крепость. – Это у вас всегда такие строгости?

– Да нет, днём открыты обычно, хотя сторожатся... – пожал плечами Сучок. – И на посаде никого – чудеса! Чего случилось-то?

Пока друзья недоумевали, показался берег Пивени. Судя по тому, что через реку шла наезженная колея, а снег был утоптан копытами, лёд встал уже прочно. О чём и сообщил сидящий на облучке холоп:

– Хозяин, накатана переправа. Ты вылезать будешь или в санях?

– В санях, – буркнул Бурей. – Вези, давай.

Возница хлопнул вожжами и направил лошадь к спуску на лёд. Но не тут-то было.

– Стой, кто идёт?! – раздалось с башни.
– Тпруу! – дёрнул вожжи холоп.
– Чо-о-о?! – рыкнул Бурей.
– Стой! Стреляю! – отозвались с башни.
Возница резво переместился с облучка в снег.
– Стоим! Стоим! – подал голос Сучок. – Свои!
– Хрр! – заревел Бурей.
– Тихо, Серафим, здесь не шутят! – ухватил друга за руку плотницкий старшина.
– Кто такие? – раздалось с башни.
– Хрр! – Бурей зашарил рукой в явном намерении откинуть полость.
– Тихо, Серафим! Подстрелят, и вся недолга! – шикнул на товарища Сучок, потом повернулся к башне и заорал: – Плотницкий старшина Кондратий Сучок и обозный старшина ратнинской сотни Серафим Ипатьевич Бурей!
– А третий кто? – отозвалась башня.
– Твою в бога вдоль, поперёк и вперекрест! – Бурей не выдержал и выскочил из саней. – Изгаляешься, сопляк?!
Хлоп! Вззз! – Болт взрыл снег под ногами Бурея.
«А заборы с этой стороны все закончили... Давненько меня дома не было! Тьфу, не о том думаю! Как бы болт в задницу не получить! Сдурели они там, что ли?»
– Ы! – отпрыгнул в сторону обозный старшина.
– Выйти из саней! – потребовала башня.
Сучок резво выскочил и за шиворот выволок из-под саней Бурея холопа.
– И руки на виду держите! – уточнила башня. – А теперь заново, кто такие?
– Плотницкий старшина Кондратий Сучок и обозный старшина ратнинской сотни Серафим Ипатьевич Бурей и с ними холоп, – выкрикнул Сучок, а потом отвернулся, пнул возницу и прошипел: – Тебя как звать?
– Буська, – проблеял тот.
– И с ними холоп Буська! – проорал плотницкий старшина.
Бурей от избытка чувств онемел и только шипел в необъятную бороду что-то матерное.
– Зачем? – осведомилась башня.
– Б...! Живу я здесь! – начал закипать плотницкий старшина.
– Пароль? – потребовала башня.
– Да етит тебя бревном суковатым, поперёк себя волосатым через ж...

в лоб и дубовый гроб! – Терпение у Сучка лопнуло. – Вызови разводящего – пусть наставнику Филимону доложат!

– Ждать на месте! – распорядилась башня.

– Вот сволочь! – чувством произнёс Сучок.

Бурей посмотрел на башню неласковым взглядом.

Ждать пришлось довольно долго, Сучок даже начал подмерзать.

– Один к воротам, остальные на месте! – наконец распорядилась башня.

– Хрр! – завозился Бурей в явном намерении пойти и разобраться, кто там так гостей встречает.

– Стой, Серафим! Я пойду! Меня тут знают, – остановил друга Сучок.

Как ни странно, Бурей послушался.

Плотницкий старшина вздохнул и потрусил через лёд в сторону крепости.

«Эхе-хе, и чего Алёна на меня навьючила-то столько? Взмок, как мышь последний! Тут идти-то всего-ничего: через реку по льду да по мосту к воротам, а я еле ползу! А с какого перепугу, спрашивается? Ляхов побили, холопов выловили... Неужто из-за болота кто наведаться решил?»

Ответа на свой вопрос мастер так и не дождался. Едва он дошёл до ворот, как в них откинулась малая ставенка и оттуда возгласили:

– Стой! А ну морду покажь?!

– На, зырь, етит тебя долотом! – Сучок хватил шапкой о снег, рванул тулуп и умудрился наставить в сторону окошка одновременно бороду и лысину. – Рассмотрел, витязь непоротый?! В бога тебя душу поперёк и наискось! Зови разводящего! Изгаляться он тут будет, склипездень двужопостворчатый!

– Ой! – пискнул кто-то за воротами.

– Урядник, чего тут?!

Плотницкий старшина с облегчением узнал голос Филимона.

– Господин наставник в виду крепости показались сани, – слышался за воротами ломающийся басок. – Седоки, будучи спрошены...

– Ругаться вздумали, порядка не знают! – напористо перебил первого оратора куда более высокий голос.

– Долго мне тут, как этому самому торчать?! – осведомился Сучок.

– Отворяй давай! – пресёк препирания голос Филимона.

Калитка со скрипом открылась, и плотницкий старшина узрел встречающих.

«Етит меня долотом! Это чего ж на свете белом деется? Последние времена, видать, настали!»

Было от чего изумиться рабу божьему Кондратию, ох, было – из калитки показался сначала взведённый самострел, а за ним явилась и его обладательница. Да, именно так – стражником, точнее, стражницей у ворот оказалась нескладуха Млава. Правда, изрядно похудевшая и весьма воинственная. Что удивительно, оружие бывшая толстуха держала весьма сноровисто, да и кольчуга, проглядывавшая из-под полушубка, как и прочее воинское железо, сидела на девке отнюдь не как седло на корове. За воительницей стояли, скаля зубы, наставник Филимон и один из отроков.

– Здрав будь, Кондрат, – улыбнулся наставник. – Ну как оно?

– Етит меня! – Ноги у Сучка чуть не подломились – Поляница хренова! Это она одна у вас такая или всех девок поверстали? Въезжать-то нам можно?

– Въезжайте, витязи! – хохотнул Филимон. – Отворить ворота!

– Серафим! Давай сюда! – обернувшись, крикнул Сучок, а потом привалился к стене. От избытка чувств. Ноги не держали.

Сани с Буреём долетели до ворот быстрее птицы. Возница, похоже, рад был сам впрячься в оглобли рядом с лошадью, лишь бы избежать гнева своего хозяина: от обозного старшины разве что искры не сыпались.

– Какого лешего?! – Буреём схватился за кнут, едва оказавшись в воротах. – Всех к растакой матери...

– Не велено! – Млава наложила болт на самострел и наставила оружие прямо на обозного старшину. Мигом позже её движение повторил урядник.

Буреём встал как вкопанный. Маленькие глазки вылезли из орбит и вращались в разные стороны, а из недр бородищи с трудом прорывалось натужное матерное сипение. Чуток поудивлявшись, старшина громко икнул, помотал башкой, матюгнулся уже отчётливо, прочистил горло и спросил:

– Кондрат, что за грибочки твоя Алёна на стол выставила?

– Г-г-г-рузди! – пролепетал обалдевший Сучок. – Чего с тобой, Серафим?

– Блазит меня, Кондрат, – Буреём ещё раз мотнул башкой. – Привиделось, что девка в меня стрелялкой тычет! Не бывает такого!

– Бывает, Буреюшка, – ответил за Сучка Филимон. – У нас и девки службу знают!

– Ык! – От избытка чувств Буреём пнул несчастного Буську.

– Так-то! – ухмыльнулся наставник. – Въезжайте давайте! Ты, гляжу, оздоровел малость?

– Оздоровел... – Обалдение немного отпустило мастера.

– Вот и добро! – Филимон переложил клюку из руки в руку и

повернулся к уряднику. – Урядник Прокопий, пошли за плотниками, скажи, пусть к терему идут. Все.

– Слушаюсь, господин наставник!

Парень исчез.

– А тебя, Млава, за службу хвалю! – Филимон с лёгкой улыбкой поднёс руку к шапке.

– Рада стараться, господин наставник! – гаркнула девка так, что под воротами пошло гулять эхо.

– Вижу, что рада, – усмехнулся Филимон. – Сейчас тебя сменят, беги болт подбери, а то забыла, небось.

– Виновата, господин наставник! Слушаюсь, господин наставник! – Млава зарделась и улыбнулась во весь рот.

– Вот так-то! – Филимон обернулся к Сучку и Бурею. – Подвезите до терема, что ли, когда ещё в расписных санях покататься доведётся!

Бурей, сопя, откинул полость. Филимон по-стариковски кряхтя, уселся. Бурей и Сучок устроились рядом.

– Знать, совсем ты из ума выжил, Филимон, – прохрипел Бурей. – Девке убойное оружие в руки давать! Ладно, мимо стрельнула, а если б попала?! У девки соображения, что у курицы!

В это время в воротах появилась ещё одна девка в сопровождении отрока. Оба при самострелах. Трое седоков и возница устали на них. Новоприбывшие дошли до Млавы и остановились напротив неё.

– Отроковица Млава, пост сдать! Отроковица Прасковья, принять пост! – вытянулся перед юной воительницей отрок.

– Пост сдала! – стараясь побасить, ответила Млава.

– Пост приняла! – отозвалась вторая девка. Не так грозно, но тоже вполне привычно оттарабанила команду звонким голосом.

– Вот так-то, Буреюшка, – усмехнулся Филимон, глядя на выпучившего глаза и что-то невнятно рокочущего про себя обозного старшину. – Мож, повезло тебе, а мож, так и надо было.

– Трогай! – пнул Буську Бурей.

В тереме Сучка, Бурей и Филимона приняли какие-то девки, уже без самострелов и в привычной девичьей одежде, проводили в жарко натопленную горницу, усадили на лавки, поставили на стол угощение и велели ждать.

– Чего ждать-то? – вызверился было Сучок. – Я лучше своих проведу пойдю!

– Боярыня ждать велела, мастер, – развела руками одна из

встречающих. – Сказала, как готово будет, так позовёт.

– Чего готово-то?

– Не ведаю, мастер! Ты не серчай – мы со всем уважением. – Девка махнула поклон.

«О как! Раньше сроду так не кланялись... Надо ждать, выходит, раз с уважением...»

– Кондрат, тебе сказано сидеть – вот и сиди! – усмехнулся Филимон. – Тебя, Серафим, это тоже касается. А я пройдусь пойду.

– Чего ждать-то? – рыкнул Бурей.

– Увидите, – опять ухмыльнулся наставник. – А пока занятие вам на столе стоит!

– Ну и хрен с тобой! – Бурей потянулся к плошке с закуской.

Особо долго ждать не пришлось – выпили по чарке слабого пива, закусили тем, что на столе стояло, повторили и на том всё – в горницу вернулся Филимон.

– Ну, идёте, други! Готово всё!

«Чего готово-то? Мне бы своих обрадовать поскорее, а они тут хороводы водят. Меч-то Филимон для чего навесил?»

Идти, как оказалось, надо было в трапезную, причём Бурей впустили сразу, а Сучку и Филимону пришлось ещё обождать на крыльце. Плотницкий старшина принялся наскакивать с вопросами на наставника, но, кроме усмешки в ответ, ничего так и не получил. Неизвестно, что отмочил бы потерявший терпение мастер, но тут дверь отворилась.

– Боярыня заходить просит. – Млава, уже без доспеха и с одним только кинжалом, на этот раз вполне почтительно отмахнула поясной поклон.

Филимон ухмыльнулся и кивком указал Сучку на дверь – давай, мол. Мастер шагнул через порог.

«Итит твою! Чего они тут удумали?»

Было с чего удивиться: вместо столов и лавок горницу заполняли люди. В центре стояла боярыня Анна в праздничном уборе, за её правым плечом Андрей Немой при мече и серебряной гривне, вдоль одной из стен выстроились немногочисленные отроки во главе с наставниками, купчата, предводимые Ильёй, и девки во главе с Ариной, все при оружии и принаряженные, а у противоположной стены – плотники и те из лесовиков, что решили переселиться в Михайлов Городок, тоже в кобеднишнем ^[42] наряде. Рядом с плотниками, но чуть наособицу расположились Нил, Гвоздь, Струг, Гаркун и Швырок. Бурей устроился отдельно от всех – ни нашим, ни вашим. К нему-то и отошёл Филимон, оставив плотницкого старшину в одиночестве.

– А? – начал было Сучок, но тут же захлопнул рот.

– Здрав будь, мастер Кондратий! – Анна сделала шаг вперёд. – По здорову ли?

– Здрава будь, боярыня! – Сучок неловко поклонился. – Благодарствую, здоров!

– Рада тому! – Анна слегка наклонила голову. – Подойди, мастер!

Сучок приблизился.

– Кондратий, сын Епифанов по прозванию Сучок, – боярыня слегка склонила голову, выпрямилась и повернулась к остальным плотникам, – и вы, честные мужи, слушайте боярское слово!

По собравшимся в трапезной пробежала волна – люди невольно подбирались, чувствуя, что сейчас произойдёт что-то важное.

– Более пристало бы сейчас говорить воеводе Корнею или сыну моему, – продолжила меж тем Анна, – но они, занятые трудами господарскими и ратными, здесь быть не могут. Оттого волю воеводы Корнея, боярского рода Лисовинов и мужей ратнинских объявлю я!

Глаза всех присутствующих впились в Сучка и Анну, и только Бурей переступил с ноги на ногу и издал горлом какой-то непонятный звук.

– Мастер Кондратий, мастер Нил, мастер Варсонофий, мастер Питирим, мастер Гаркун, подмастерье Пимен, – боярыня по очереди оглядела каждого названного, – от рода Лисовинов кланяюсь вам за то, что себя не пожалели и кровью своей Ратное отстояли! Бог привёл вас к погостным воротам! Господом заповедано воздавать за добро и, воле Божьей следуя, решили воевода Корней и мужи ратнинские долг ваш на себя взять! Неволей вы в Погорынье попали, но своей волей встали на его защиту! Объявляю всем, что с сего часа вся твоя артель, мастер Кондратий, со чады и домочадцы, люди вольные! А воевода Корней, буде на то ваше хотение, берёт вас в воеводскую службу! Последнее и тебя, мастер Гаркун, и товарищей твоих касает – коли не передумали, то после святого крещения вольны вы на посаде Михайлова Городка поселиться и в воеводскую службу под начало мастера Кондратия поступить. От рода Лисовинов сказанное подтверждаю я, а от мужей ратнинских – полусотник Филимон, сын Петров, и обозный старшина Серафим, сын Ипатов, по прозванию Бурей.

– Так, истинно! – отозвались Филимон с Буреем.

Боярыня Анна поклонилась сначала Сучку, а потом и плотникам.

Плотницкий старшина стоял не зная, что сказать. Как в тот момент, когда Корней впервые объявил ему о воле.

– Кондрат, ты грамоту прочти, что ли! – Обозный старшина пришёл на

помощь другу.

Сучок судорожно зашарил за пазухой. Грамота никак не желала находиться.

«Неужто потерял?! Нет! Быть того не может!»

Наконец упрямый свиток позволил себя поймать и извлечь наружу. Кондратий глубоко вздохнул и развернул пергамент, но прочесть ничего не смог – строчки расплывались перед глазами.

«Нет, Кондрат, так не пойдёт! Держать себя надо!»

Плотницкий старшина снова глубоко вздохнул, несколько раз моргнул, прогоняя с глаз бабью воду, и обвёл взглядом палату: отроки, как всегда в строю, застыли истуканами, но смотрели с немалым уважением; наставники ободряюще улыбались; девки покраснелись, но не шевелились; Анна стояла гордо и величаво, но смотрела тёплым и понимающим взглядом; Андрей, так и стоявший за её плечом, два раза опустил веки и чуть заметно кивнул Сучку; Филимон кивнул уже куда отчётливей, а Бурей оскалился жутким оскалом, заменяющим ему радостную и дружелюбную улыбку.

Старшина снова вздохнул и перевёл взгляд на своих артельных и Гаркуновых лесовиков. Те являли собой картину потрясения – кто больше, кто меньше.

«Эка рты пораззявили! Рады, вижу! Рады, да червячок всё одно гложет – опять жизнь-то меняется! И у моих, и у Гаркушкиных и неизвестно у кого больше».

Теперь Сучок смотрел на тех, кто был с ним под Ратным, кто пошёл за ним в бой без надежды вернуться живым. Шкрябка, Гвоздь, Струг, Гаркун... Старшина всматривался в их лица, и казалось ему, что в одном ряду стоят и живые и погибшие. Внезапно пришло понимание, что и его бойцы сейчас ощущают то же: и радость от победы, и боль от утраты, и вечную и неизбежную вину тех, кто потерял в бою товарища, а сам выжил...

И тут в поле зрения старшины попал Швырок!

«Пимка, сволочь! Ну как ты умудряешься, а? В рожу бы тебе дать!»

Подмастерье изо всех сил тужился принять соответствующий моменту вид гордый и героический. И считал, видимо, что ему это удалось, хотя со стороны он больше всего напоминал помесь драчливого петуха и кота, с удовольствием гадящего на соломенную сечку. Только задранного хвоста не доставало.

«Или это он со страху нос до небес вознёс? Как я тогда перед Нинеей? Не, у него, дурня, страху вовсе нет – дурь одна! Ей-ей, в рожу

дам! Хотя как ему теперь дашь после всего-то? Ратник ведь... А как же учить, а? Ладно, выкручусь! Хватит из-за дурня этого губами шлёпать! Запарится ещё у меня против шерсти ёжиков рожать, витязь неструганный!»

Швырок, сам того не зная, помог своему старшине справиться с волнением. Строчки уже не расплывались и не плясали. Сучок прочистил горло и начал:

– «Мы, воевода погорынский и сотник ратнинский, боярин Кирилл Лисовин, десятники и мужи сотни ратнинской с Божьей помощью решили закупов купца туровского Никифора – мастера Кондратия, сына Епифанова по прозванию Сучок со товарищи, чады и домочадцы из неволи выкупить и долг их на сотню ратнинскую взять. Сделано то за спасение Кондратием Сучком со товарищи села Ратного от находников. Отныне Кондратий Сучок со товарищи, чады и домочадцы люди вольные, а кто в том усомнится, да будет нам, воеводе погорынскому и сотнику ратнинскому боярину Кириллу Лисовину, десятникам и мужам сотни ратнинской, враг.

Честному же мужу Гаркуну сыну Браздову из Бобриных Выселок, что с мастером Кондратием Сучком и товарищами его село Ратное от находников оборонил, жалует воевода погорынский и сотник ратнинский боярин Кирилл Лисовин двор на посаде Михайлова Городка, а десятники и мужи сотни ратнинской двор сей обещаются со своих прибытков с Божьей помощью поставить и помочь обзавестись справным хозяйством.

Семьи мастеров, при защите села Ратного живот свой положивших, мы, воевода погорынский и сотник ратнинский боярин Кирилл Лисовин, десятники и мужи сотни ратнинской за себя берём и обещаемся кормить и защищать, покуда все дети в совершенные лета не войдут. В том перед лицом Господа клянёмся и целуем крест Спасителя нашего.

Дано в лето от Сотворения Мира шесть тысяч шестьсот тридцать третье в день двадцать восьмой месяца груденя. ^[43] Писал по воле воеводы Кирилла писарь Буська Грызло».

Несколько мгновений в горнице стояла тишина. Торжественная и величественная.

– О как! – обращаясь, видимо, к самому себе тихо произнёс кто-то из плотников и всё – уряд чествования мастеров, установленный боярыней Анной, полетел ко всем чертям.

Сучка хлопали по плечам, поздравляли, о чём-то спрашивали, а он в ответ только глупо моргал да старался пробиться через кольцо чествовавших к своим артельным, попавшим в такое же окружение. Вроде и не много смысленного народу набиралось в трапезной, но пройти никак

не получалось. Плотницкий старшина судорожно шарил глазами по сторонам, выхватывая то одно, то другое: вот у Анны на лице борется суровость с улыбкой, вот Филимон улыбается и говорит ему, Сучку, непонятно что – отчего-то слух у мастера отказал, вот Нил при всём честном народе обнимает невесть откуда взявшуюся Плаву, а девки, глядя на это, кто разругивался, кто зашмыгал носами, вот лыбится во весь рот Швырок, вот Макар беззлобно грозит кулаком сломавшим строй отрокам...

Конец обалдению раба божьего Кондратия положили Бурей и Андрей Немой. Сначала обозный старшина обнял дружка лепшего так, что чуть не переломал наново едва поджившие рёбра, а Андрей, едва Сучок освободился от медвежьих объятий друга, одобрительно кивнул мастеру и, вдруг улыбнувшись, так хлопнул плотницкого старшину по плечу, что тот, как камень из камнемёта, пробил толпу и оказался посреди своих артельных.

«Твою мать! Андрюха Немой улыбается! Во всю пасть! Да когда ж это видано?!»

На самом деле улыбнулся Андрей едва-едва. Не та жизнь была у увечного воина, чтобы сушить зубы по поводу и без. Одиноким, искалеченным, безгласным, он потерял эту возможность в ранней юности ещё до ранения, а уж после того, как половецкое копье разорвало ему горло на Палицком поле, так и вовсе... И в Ратном, и в Михайловом Городке все давно привыкли к неподвижной бесчувственной маске, в которую превратилось лицо Немого. До сего момента бесчувственной. Сучок не ошибся – губы Андрея и правда дрогнули в подобии улыбки. Слабом, едва заметном подобии. Будто спасение общими силами Ратного что-то изменило в нём. А может, это изменение произошло раньше, а сейчас только проявилось – Сучок не знал. А вот заметить такое диво – заметил.

«Чудо, ей-ей! Да всё тут чудо! Вольные мы теперь, вольные!»

Плотницкий старшина сгрёб в охапку всех артельных, кто мог поместиться в кольцо не шибко длинных его рук, и, плюнув на всякое вежество, заорал:

– Вольные мы теперь! Слышите, вольные!

Потом был пир – не пир, но некоторое праздничное застолье. В той же трапезной. Всё честь по чести: с богатым угощением, речами, поздравлениями и Анной на боярском месте. Вот только, едва схлынула радость, зашевелился в душе у плотницкого старшины в душе червячок. Даже два. Первый стал уже привычным – боль и вина, а вот второй завёлся в душе мастера как бы не впервые...

«Эка Анна Лисовиниха повернула! Значит, пока Лиса с Корнеем нет, я тут заправляю, господарскими трудами занимаюсь. Во как! Боярыня, эти её долотом! А ведь и правда боярыня – никто и не пикнул! Вон Серафим чуть не лопнул, а бабе слова поперёк сказать не решился. Лисовиновой бабе...

Да и грамота тоже: Лисовины, стало быть, отдельно, а ратнинские отдельно. И под Лисовинами... И тоже никто не пикнул! Так кто ж нас выкупил – ратнинские или Лисовины? Или Лисовины приказали, а ратнинские выкупили? Не за то ли они летом резались? Не, надо об этом как следует подумать!»

Постепенно лишние тихо убрались из горницы. Остались только мастера, Швырок, Филимон, Андрей Немой, Макар, Тит, Прокоп и Бурей.

Сучок осмотрел оставшихся за столом, мотнул головой, твёрдой рукой налил себе чару, поднялся и сказал:

– А теперь помянем тех, кто там, у ворот, в землю лёг!

– Погоди, Кондрат! – Филимон, тоже с чарой в руке, поднялся с лавки.

– Чего годить?

– Твои мастера, как ратники, в бою пали! – Отставной десятник построжел лицом. – По ним не на поминках слёзы льют, а тризну правят! Вот и станем братьев, на брани живот положивших, славить! А слёзы бабам оставим... Слава! Чтоб удержала их Тропа Перунова! – Филимон опрокинул чару.

– Слава! Слава! – подхватили наставники, а за ними и обалдевшие от поминания Перуна плотники.

– Чего замолкли?! – рыкнул Бурей, едва поставив посуду на стол. – Рассказывайте! Какими они были?!

Сучок на секунду задумался и начал:

– Помню, годов десять тому ставили мы острог на берегу Сейма, в самой степи, считай, а тут половцы налетели...

– Как не помнить, – мотнул головой Нил. – Всем тогда досталось, а ты с Матицей кольями от степняков отмахивались, пока остальные телегу с брёвнами в ворота острога того катили... Мудила, помнишь, ты ещё портки порвал?

– Да не я – дружинник из того острога! – отозвался молчаливый обычно кузнец. – Я телегу-то довернул, да и поскользнулся, а там половец лезет! Тут бы и конец мне, да ратник этот увидал, половца срубил, а меня за портки да назад! А они и того!

– А чего ж в остроге воев не было? – подал голос Макар.

– Десяток всего, – отозвались хором Гвоздь и Струг. – Остальных

боярин Козлич увёл, сука! И дозор снял, а десятнику не сказал ничего!

Андрей Немой показал на плотников, потом сделал вид, что кого-то связывает.

– Ты, Андрей, спросить хочешь, не из-за этого Козлича мастера в кабалу попали? – перевёл Филимон.

Андрей утвердительно кивнул.

– Из-за него, паскуды, – хмыкнул Сучок, – Он, стерво, за что ни брался, всё портил, а у князя в чести был. Вот из-за него да дурости моей!

– А как отбились-то? – подал голос Бурей.

– Да вот так и отбились – кто чем, – пристукнул кулаком по столу Нил. – Вон, Сучок с Матицей кольями махали, мы топорами, да и острожный народ набежал, а десятник своих ратников собрал, с вала спустил да сбоку по половцам вдарил – те задницы и показали. Не много их было, дурниной на изгон хотели взять.

– Повезло вам, ребятки, – кивнул Макар. – И сами не сробели. Ну, за воев павших, чтоб им в Ирии светлом...

– Чего вытаращились? – скребанул по столу крюком наставник Прокоп. – Да, христиане мы, но Перуна Громовержца в смертный час не грех вспомнить. Как они там с Христом – не наше дело, но Перун дружины в бой водил, когда про Христа и слыхом не слыхали. Чужим про то знать не надо, да вы теперь не чужие, поняли?

– Поняли, – вразнобой отозвались плотники.

– А раз поняли, – Прокоп поднялся, – чтоб и нам, когда придёт, с честью пасть, чтоб и нас Тропа Перунова держала, чтобы в Ирии предки да товарищи не попрекнули!

Все выпили. Над столом повисла тишина. Андрей Немой устроился поудобнее на лавке и ткнул пальцем в сторону Гвоздя.

– Теперь ты, брат, рассказывай, – перевёл Тит.

– Я вот что скажу, – начал плотник, – всяко нам бывало, и ратиться доводилось, да только мастера мы, вот о том и поведаю...

Рассказ следовал за рассказом, чара за чарой... Потом и песни пошли, да всё больше весёлые, хотя всяких хватало. Плотники тянули своё, наставники спели строевую, даже Гаркун сподобился, а вот «Чёрного ворона» пели все.

– И откуда Минька её вызнал? – спросил, не обращаясь ни к кому конкретно, Макар. – Невесёлая, прямо сказать, да правда в ней, уж мы-то знаем.

– Мы теперь тоже, – непривычно по-взрослому кивнул вдруг Швырок.

– Угу, правду сказал, племяш, – согласился Сучок.

– А коль тоже, хрр, чего носы повесили?! – рыкнул Бурей. – А ну плясовую давай!

Пока Нил своим красивым баритоном выводил плясовую, а остальные ему подтягивали, Филимон слез с лавки, бочком-бочком добрался до Сучка и приземлился рядом с ним.

– Кондрат, ты понял, чего Анна тебе и всем сегодня показала, а?

– Понял, кажись.

– А чего понял-то?

– Да тут в двух словах не скажешь, – Сучок почесал плешь. – Но за ради чего в Ратном летом резались, понял. И кто победил – тоже.

– Добро! – кивнул Филимон. – И что языком не треплешь, тоже добро... Сегодня не тебе одному слово сказали, а и нам тоже, и лесовикам – всем. Корней на сходе начал, Анька тут закончила!

– А чего Корней? – Старшина сунулся к самому лицу наставника.

– А ты не догадался? – хмыкнул Филимон. – Есть теперь в Погорынье Лисовины и есть все остальные. Кто умный, тот понял и в бояре, как Лука, выскочил, кто не понял – тот, как Пимка, в земле лежит. Так впредь и будет – князья Корнея признали.

– Выходит, приказал Корней нас выкупить? – Сучок нервно пробарабанил пальцами по столу.

– Не без этого, – усмехнулся Филимон. – Только умён Корней и приказа, который не выполняют, никогда не отдаст. Многие за это были. Ты эту мудрость тоже на ус мотай, господин десятник.

– Угу, мотаю.

– Вот и мотай, мотайло, – отставной полусотник погладил бороду. – Корней в Ратном начал, а Анька тут закончила!

– Чего закончила-то? – притворно удивился Сучок.

– А то! – Филимон пристукнул ладонью по клюке. – Теперь баба, если она Лисовинова баба, любого десятника старше, и любой титешник Лисовинов тоже. А у кого меж ними самими старшинство, решать будет Корней и боле никто, а когда Корней помрёт – Михаила!

– О как! – мотнул головой плотницкий старшина. – И по нраву такое тебе?

– Это как сказать... – Наставник замолчал.

– Как есть скажи – сам же речь завёл!

– То-то и оно, что сам! – Филимон ёрзнул на лавке. – С одной стороны, вроде и не по нраву, а с другой – править кто-то один должен, а то всем конец. Лисовины доказали – могут.

– Филимон, ты чего вокруг да около ходишь? – Сучок посмотрел

прямо в глаза отставному полусотнику и чуть не поперхнулся – нехороший ледок в тех глазах плескался.

– А того хожу, Кондрат, что теперь и добро, и худо только от Лисовинов, и ты или с ними, или как Пимка. – Старый воин смотрел в глаза мастера, не отрываясь. – Ты думаешь, чего Макар с Прокопом Перуна помянули? Чужим такого не говорят – тебя и твоих Корней и Михайла своими признали, а мы с ними до конца!

– Стало быть, и нам тоже до конца, а иначе под травку?

– Верно мыслишь, – кивнул наставник. – Или из Погорынья вон.

– Зря стращал, Филимон, – Сучок помолчал. – Нас с Михайлой Бог одной верёвочкой повязал – куда он, туда и мы.

– Ладно, коли так, – старый воин ощутимо расслабился, – не сомневался я в тебе! А идти, чую, придётся – князья так не оставят и за грамоту ту воеводскую много чего с Корнея потребуют, ой много... А он с нас! И с твоих тоже! Розмыслами он вас не от широкой души нарек. Сколько жили – и без розмыслов справлялись, даже у князя туровского их при войске нет. Потому как нужды большой не было. А теперь понадобились. Значит, большую войну воевода ждет. Кто мечтал дома сидеть при хозяйстве – могут те мечты в отхожее место засунуть. Это-то все поняли.

Филимон замолчал, а Сучок ушёл в себя.

«Вот те на – опять судьба решилась! И сам решил, и за меня решили... Теперь не соскочишь... А ты собирался, Кондрат? Давно ведь почувал, что судьба твоя при Лисе! Только крутенько, эти его долотом, крутенько! Всё не привыкну никак, а надо! И быстро! Я ж за своих и за Алёну в ответе, а тут всё больше головой спрашивают! Ох, мать! А ведь только сейчас вспомнил – приговор-то тот от волхвы, выходит, все?.. Против боярина она точно не пойдет, да и я теперь не закуп – десятник розмыслов. Кровью смыл, получается. И не только своей. Но вот тебе крест, не думал... Об этом – не думал, когда на смерть шел. Про Алёну думал, про Серафима, про Лиса, про артельных своих, а про это – словно память отшибло. Или заклятие спало?..»

Плотницкий старшина встряхнулся. За столом пели уже не плясовую – Бурей, разевавая пасть во всю ширь и размахивая в воздухе руками, ревел:

Как во городе стольно-киевском,
Как во городе стольно-киевском,
У Владимира Красна Солнышка
Начинается как почестный пир

На многи князи и бояровья,
Как на тьи богатыри великие,
Как на тьи поляницы удалые.
Уж как все на пиру наедались,
Уж как все на пиру напивались,
Да уж как все-то на пиру порасхвастались.^[44]

Остальные, в меру сил и музыкальных способностей, ему подпевали. Получалось, мягко говоря, не очень – Бурей на Бояна-песнопевца тянул не слишком. Вдруг рёв смолк. Нил, Макар и Прокоп, знавшие слова, успели поведать о том, что «рассердился князь стольно-киевский», и тоже умолкли, уставившись на Бурея. А тот, блаженно улыбаясь, поднёс кулак к уху и слушал, прикрыв глаза от удовольствия.

– Серафим, ты чего? – враз спросили несколько человек.
– Жужжит! – сообщил обществу Бурей.
– Кто жужжит? – спросил друга Сучок.
– Мухун! – гордо доложил обозный старшина. – Мухуна я поймал! Это зимой-то!

– Муху, что ли? – переспросил Сучок.
– Не, мухуна! – Бурей лёг животом на стол и сунул кулак к самому уху мастера. – Слышь, как жужжит?! Аж по матери! Баба так не может. Мухун!

– Ну, мухун так мухун, – махнул рукой Филимон. – Придави ты эту пакость, Серафим!

– Неа! – осклабился Бурей. – Мы на тризне или как? На тризне! Стал быть, надо и в умении воинском показаться! Вон, Кондрат летом говорил, что хороший плотник из-за плеча мухе топором лапы поотрубать может. Было такое, Кондрат?

– Было, не отпираюсь! – выпятил грудь Сучок. – И не я один могу!
– Во-о-от! – протянул обозный старшина. – А у мухуна их целых шесть – руби, не хочу! Потом и мы кой-чего покажем, а витязи?

– Покажем, – усмехнулся в усы Филимон. – Пусть братья из Ирия видят, что есть кому на их место встать!

– Хрр, иди сюда, касатик, – Бурей принялся извлекать добычу из кулака.

На этот счёт у «мухуна» имелось своё мнение – он не без успеха попытался пробраться между пальцами и был отловлен лишь в последний момент.

– Ку-у-уда, язва! – обозный старшина перехватил своего пленника за

крылья. – Ишь, резвый какой! Не, так дело не пойдёт! Щас я тебе крылья-то пооборву!

По сказанному и вышло – полумёртвый, лишённый крыльев «мухун» покорно распластался на спешно расчищенном столе.

– Швырок, топор подай! – распорядился Сучок.

«Едрит твою! А ну как осрамлюсь?! А, ладно, назвался груздём – полезай в кузов! Не в первый раз!»

Швырок с поклоном подал старшине топор.

– Серафим, чегой-то у тебя мухундохлый такой, – подначил Буря Макар, – понажористей не нашлось?

– Хошь, сам лови, – рыкнул обозный старшина.

Сучок взял топор, зажмурился, несколько раз глубоко вздохнул, открыл глаза и резко взмахнул топором. Лезвие свистнуло в воздухе и с хрустом глубоко врубилось в столешницу.

– Ни хрена себе! – выдохнули наставники.

На столе судорожно загребал тремя оставшимися лапами «мухун».

Андрей Немой поднялся из-за стола, подошёл к Сучку, хлопнул его по плечу, показал на топор, на муху, на плотников, махнул рукой в сторону Ратного, одобрительно кивнул и снова хлопнул Сучка по плечу. Того аж покачнуло.

– Ты чего сказать хочешь, Андрей? – спросил Филимон. – Что глаз у Кондрата соколиный?

Андрей отрицательно покачал головой и ещё раз показал в сторону Ратного.

– А-а-а, – догадался Филимон, – говоришь, что теперь понимаешь, как они десятком против толпы устояли?

Андрей кивнул и, помедлив немного, поклонился Сучку, как равному.

Сучок согнулся в ответном поклоне.

– Кондрат, а у вас все так могут? – спросил едва разогнувшегося мастера Прокоп.

– Ну, почитай, все, – ответил за старшину Нил. – Хошь покажу? Там ещё три лапы остались.

– Хватит столы портить, ироды! – Плава с помелом появилась неизвестно откуда. – Сами ж за ними жрать будете! Вон во дворе меряйтесь!

Все с хохотом выкатились во двор. Однако долго веселиться не пришлось.

– Хорош ржать! – резко скомандовал Филимон. – Пора и железом позвенеть, предков да братьев порадовать.

– Это как? – удивился кто-то из плотников.

– А вот так, – отозвался наставник Тит. – Отрадно тем, кто в дружину Перунову ушёл, звон мечей послушать, и предкам отрадно. Если вои мечами меж собой звенят да умением меряются, значит, есть кому кровь и род защищать. Давайте, не стойте – круг поединошный утоптать надо!

Бурей, шепча что-то под нос, запалил факел, а Андрей Немой первым двинулся по кругу посолонь ^[45], негромко мыча под нос какой-то мотив, а за ним гуськом двинулись и остальные наставники, кроме Филимона и Макара, но и они подхватили за Андреем его протяжную песню. Сучок попытался понять, о чём же поют ратники, но не сумел – слова, вроде бы и похожие на привычные, были ему незнакомы, и веяло от тех слов седой древностью. Немой и наставники, меж тем, крепко топая сапогами в землю, начали сужать круг. Филимон посмотрел на плотницкого старшину и без слов, одним взглядом, распорядился: «Чего встали? Давайте, пристраивайтесь!»

– Пошли давай! – скомандовал Сучок своим, пристроился в хвост процессии, попал в ногу и, как умел, замычал древний, строгий и суровый мотив.

Так они ходили, пока совершенно не утоптали снег в кругу поперечником в две сажени, после чего, следуя за Андреем, поклонились на восход и вышли из круга.

Андрей распоясался, с поклоном передал свой воинский пояс с мечом Титу и начал скидывать полушубок. За полушубком последовали рубахи, верхняя и исподняя. Макар взглянул на Андрея, передал свой меч Филимону и тоже принялся разоблачаться. Сучок и плотники в недоумении смотрели на них.

– Гляди, гляди, – Бурей подкрался к другу совершенно бесшумно.

Сучок от неожиданности подпрыгнул и обернулся. Факела в руках у Бурея уже не было, его заменил бубен. Когда Серафим успел избавиться от факела и разжиться музыкальным инструментом, плотницкий старшина не понял.

– Гляди-гляди, – повторил Бурей. – Сейчас они сойдутся и всё, на что способны, предкам покажут! Тебе тоже в круг выходить – души товарищей порадовать. Только помни – кровь лить нельзя! Ни капли! Не любят предки родной крови! На тризне кто удар сумел сдержать, тому и честь. И за круг не заступай, как заступишь – проиграл!

– Спасибо, Серафим! – Сучок, к своему собственному удивлению, низко поклонился другу, а потом собрал вокруг себя плотников и пересказал им Буревы наставления.

Обнажённые по пояс поединщики, меж тем, вступили в круг с разных сторон. Рядом с ними, но за пределами круга, стояли те, кто принял их оружие.

– Оружничим^[46] любой станет, – просипел на ухо другу Бурей. – Кому оружие своё отдашь, тому и быть. А теперь сам смотри, недосуг мне!

Сучок осмотрелся и с удивлением заметил, что площадку поединка освещают несколько факелов, а держат их не бывшие под Ратным плотники и лесовики. Не успел он подумать, почему это так, как Бурей с силой ударил в бубен. Поединщики обернулись к своим оружничим, а те с поклоном протянули им мечи в ножнах. Рукоятью вперёд. Андрей и Макар обнажили оружие и повернулись друг к другу.

Бурей снова ударил в бубен. Поединщики поклонились. Обозный старшина снова ударил, но теперь он извлекал из натянутого на обруч куска кожи медленно убыстряющийся ритм. Повинуясь звуку, Андрей и Макар сделали по крохотному шажку навстречу друг другу, потом ещё и ещё, и вот уже сталь зазвенела о сталь.

Сучок едва успевал следить за мельканием клинков, однако успевал. Он видел то, что в будущем станут называть рисунком боя, и даже мог прикидывать, что бы он сделал, будь он на месте одного из поединщиков и имея в руках топор.

Вдруг Андрей отбил меч Макара, извернулся и атаковал сам. Макар попробовал уклониться, но не позволила нога, и оружие Андрея остановилось, на волос не доходя до Макарова горла. Бубен смолк. Макар опустил меч и поклонился победителю. Андрей вернул поклон. От обоих бойцов валил пар. Макар поклонился ещё раз и пошёл вон из круга.

Андрей поднял меч над головой.

– Это Андрюха поединщика вызывает, – прохрипел в ухо Сучку Бурей. – Иди, не стой!

Кондратий, как заколдованный, подошел к Филимону и с поклоном протянул ему топор топорищем вперёд. Филимон с ответным поклоном принял оружие.

Морозец пощипывал обнажённую кожу плотницкого старшины. Сучок стоял внутри круга и в ожидании первого удара бубна рассматривал сам себя. В неровном свете факелов свежие, ещё не побелевшие шрамы выглядели довольно пугающе, однако мастеру они навевали другие мысли.

«Ничего, ещё поживём – хлеб пожуюм! Покажем, что и мы не пальцем деланные! Слышите, друзья, есть кому детишек ваших защитить и в люди вывести!»

Резко и звонко ударил бубен. Сучок обернулся к Филимону и

нетерпеливо принял из его рук топор. Бубен грохнул во второй раз. Сучок резко поклонился Андрею и, выпрямляясь, как будто в первый раз, увидел огромный Андреев меч.

«Экая у него оглобля! Но ничего, мы ещё поглядим! Мелкая блоха злее кусает!»

Бубен грохнул в третий раз и зачастил, зачастил. Ноги Сучка, опережая волю хозяина, понесли его навстречу противнику.

«Эка! Как на пляс, ети его долотом!»

Больше Кондратий не успел ничего подумать. Он скорее почувствовал, чем заметил меч, отскочил, повернулся, атаковал сам. Железо звякнуло о железо, топор чуть не вырвало из руки, а самого Сучка едва не развернуло – ровно как в той байке «да, я сильный, очень сильный, но лёгкий»...

Однако достоинства часто бывают продолжением недостатков, как и наоборот: мастер сумел воспользоваться тем, что его закрутил медвежий удар Андрея, и атаковал сам. Тут уж Немому пришлось отпрыгивать, разрывая дистанцию...

Так продолжалось, как показалось Сучку, целую вечность, но чему быть, того не миновать – бубен вдруг резко смолк. Сучок, будто очнувшись ото сна, увидел, что стоит одной ногой за пределами круга.

«Эхма, не свезло! И как только половцы до медведя эдакого добрались? Он же мечом своим неподъёмным машет, что твоя птица крыльями! Ну, делать нечего...»

Плотницкий старшина низко поклонился победителю. Андрей в ответ поклонился столь же низко. Сучок склонил голову ещё раз и, еле волоча ноги, вышел из круга – силы вдруг оставили мастера.

«Да... Теперь-то Немой меня, как кутенка за шкурку не потащит... Не потому что не сладит, а равным признал... Ну так и я бы теперь с ним так шутить не стал – ведь я его за недоумка тогда держал, навроде Простыни покойного... Дурень... И как в голову тогда пришло? Воин он! Хоть и увечный».

– Ну, ты и хорош, Кондрат! – уважительно сказал Сучку Филимон, подавая тулупчик. – Столько против Андрюхи продержался, да ещё и плясать его заставил. Где выучился? С топором так и Фаддей Чума не умеет.

– Батька кой-чему учил, а остальное сам как-то. – Тяжёлая истома никак не желала отпускать плотницкого старшину.

– Сам, говоришь? – Филимон огладил бороду. – Значит, учить будешь тех, кто сам допереть не сподобился.

– Угу, – вяло согласился Сучок.

Поединки меж тем шли своим чередом – в кругу уже показывали умения Нил с Прокопом – топор против кистеня. Вот так, раз за разом, меж собой сошлись все, но кровь так и не пролилась. Бубен смолк окончательно. Все поединщики выстроились по краю круга и поклонились ему. Филимон взял у одного из плотников факел, поднял его к небу и произнёс:

– Зрите, братья, есть здесь на земле кому на ваше место встать, и будет так вовеки! Нечем вам будет упрекнуть нас при встрече, клянёмся в том!

– Клянёмся! – повторили поединщики, а за ними и все остальные.

Филимон поклонился восходу, загасил факел, надел шапку и ни слова не говоря, двинулся к трапезной. За ним потянулись и остальные.

В горнице наставник велел всем наполнить чары и просто сказал:

– Вот теперь и на помин души выпить можно! Упокой, Господи, души воинов Петра, Виктора, Пахома и Алексия, живот свой на брани положивших!

Все молча выпили.

* * *

Утром Сучок проснулся от жуткого желания дышать, однако не тут-то было! У соплей, что оккупировали не только нос раба божьего Кондратия, но и все прилегающие к нему окрестности, имелось на этот счёт иное мнение...

Хватая ртом воздух, плотницкий старшина выскочил в сени и яростно высморкался с моста, с облегчением вздохнул полной грудью раз, другой... Третьего не получилось. Вместо вдоха вышел глоток. Сучок откашлялся, сплюнул, матюгнулся, вытерся рукавом и поплёлся обратно в горницу.

В горнице плотника встретил едва prodравший глаза Бурей.

– Хрр, ты чаво, Кондрат? – Обозный старшина зевнул с риском порвать себе рот. – Скачешь тут ни свет ни заря?

– Простыл! – прогнусавил Сучок. – Сопли ручьём, зараза!

– Дык, лечиться надо! – прогудел Бурей. – От этого баня первое дело! А потом вмазать! Или сначала вмазать, а потом баня. Но вмазать всё равно надо!

– Ы? – Кондрат мучительно шарил глазами по горнице, ища, во что бы высморкаться – не на пол же в избе, в самом деле.

– Так значит, – обозный старшина твёрдо взял в свои руки руководство лечением. – Сейчас причастимся, простимся тут со всеми да в Ратное

двинем. Я к сегодняшнему вечеру велел баню истопить. Опосля бани я тя, Кондраш, как следует лечить стану.

– Угу, – гнусаво согласился Сучок и опять выскочил в сени – сморкаться.

Пока плотницкий старшина страдал в сенях, Бурей развил кипучую деятельность, а именно добыл выпивку, закуску и относительно чистую тряпицу для дружка сердешного. У Сучка от признательности аж слеза навернулась:

– Спасибо тебе, Серафимушка, что б я без тебя делал, а? Ну, будем здравы!

Друзья опрокинули по чарке, потом по второй...

– Хорош! – велел Бурей. – Лечение, оно порядка требует!

Так и пошло по порядку: простились с Сучковыми артельными – приняли по маленькой, простились с наставниками – тоже не обошлось, Плава за стол усадила – сначала изругала, что прямо с утра начали, а потом и сама налила. Словом, к тому моменту, когда Бурей для облегчения душевного слегка побил несчастного Буську за то, что медленно запрягает, самочувствие у плотницкого старшины несколько улучшилось.

«А жить-то, Кондрат, всё же хорошо! Полегчало у меня на душе, ей-ей полегчало! Друзей не воротишь, это верно, но хоть проводили их полюдски... И бабам с детишками их в глаза смотреть тоже не мёд... Но всё равно жить теперь будем. Как люди!»

С такими мыслями Сучок отбыл в Ратное.

Бурей своё обещание сдержал и, как только прибыли в село, приступил к лечению с присущей ему мрачной основательностью. Перво-наперво дал разгон холопам, чтобы не расслаблялись, во вторую очередь развернул пришедшую за Кондратием Алёну: «Не видишь, простыл твой Кондрат, а у тебя баня не топлена! Сам полечу, всю сотню лечил и с ним справлюсь, давай отсюда, баба!», а в третью велел накрывать на стол.

Уже стемнело, когда из бани раздались вопли беспощадно истязаемого, то есть крепко паримого Сучка и довольный рык Бурея. Если бы кто-нибудь осмелился прокрасться на Буреево подворье и подслушать, то смог бы разобрать Сучковы стенания: «Хватит пару, ирод – на заду волосья трещат и кучерявятся!» и Буреевы отповеди в такт ударам веника: «Хрен с ним, с задом! Спереду не прижарилось? Ну и не ёрзай, хвороба!»

Домой в тот день Кондрат не попал. Алёна вышла было на крыльцо, но, услышав несущуюся с соседского подворья разухабистую песню, только махнула рукой и вернулась в дом.

Но это, как выяснилось, была только прелюдия. Основное действие развернулось утром или, скорее, днём. Сначала с Буреева подворья раздалось хриплое пение хозяина и гостя, потом шум спора, потом хлопнула дверь, затем рык Бурей и, наконец, нестройный хор дрожащих холопских голосов, пытающихся тянуть «Тебе Бога хвалим».

Такое богоугодное занятие обозный старшина затеял не просто от скуки – еще вчера по приезде узнали, что в селе ждут возвращения из похода Младшей стражи, а с ними, как доложил посыльный, прибывает новый поп, присланный из Турова взамен погибшего при нападении ляхов отца Михаила.

Ратнинские кумушки не знали, как им быть: то ли бежать смотреть, что там творится у Бурей, то ли проследить, зачем обормоты Корнеева примака Лёхи Рудного, оружные да с луками, прячутся по крышам. Бурей победил – зрелище, им предоставляемое, было куда более громким, ярким и неприличным.

– Не, Серафимушка, не понимают, пни стоеросовые! – Сучок развёл руками. – Ты, друг сердешный, святой жизни человек, даже староста, вон, церковный, а в пении не понимаешь! До Артюхи нашего тебе в этом деле, как до Киева вприсядку!

– Какого такого Артюхи? Сопляка что ль михайловского? – Бурей пренебрежительно махнул рукой.

– Ты, Серафимушка, рукой-то не маши! – плотницкий старшина подбоченился. – Сопляк-то он сопляк, но по песенной части дока! У него и пень запоёт!

– Да ну! – обозный старшина сплюнул.

– Вот те и ну! – не унимался мастер, – Я тоже немного умею!

– Вот и покажь! – хохотнул Бурей.

– А и покажу! – Сучок обернулся к холопам. – Глядите сюда! На руки! Левые на левую, правые на правую! Руку вверх тяну – громче орать, вниз – тише орать, совсем опустил – замолкни! Поняли?

Буреевы холопы, исполнявшие роль хора, сбились в кучу, как овцы.

– Поняли?! – рявкнул в свою очередь Бурей.

Холопы судорожно закивали головами.

– Начали! – Сучок взмахнул руками.

Холопы, кто в лес, кто по дрова, но громко затянули:

Те-е-е-е-бе-е-е-е... Бо-о-о-ога хва-а-а-алим,

Те-е-е-е-бе-е-е-е-е Го-о-о-оспо-о-ода испо-

ве-е-е-е-ду-е-е-ем...

– Лутчее! – авторитетно заявил Бурей. – Хотя всё одно, как бараны блеют, тьфу!

– Дык, тяжело им, Серафимушка, божественное! – Сучок выпятил грудь, защищая своих певцов. – Кто ж так сразу? Сначала чего попроще надо!

– А чего попроще-то? Пуцай это учат, а то поп новый едет! Кто не выучит – пришибу! – Бурей погрозил певцам кулаком. – А пока давай для лёгкости ещё дерябнем, Кондраш?

– Давай! – радостно согласился Сучок.

Так репетиция прерывалась несколько раз. Сизые от холода и страха хористы начали издавать уж нечто совсем невразумительное.

– Хрр, Кондраш, совсем бараны! – Бурей сплюнул. – Бей их не бей – чурки стоеросовые!

– Не, Серафим, говорил я тебе – тяжело им спервоначалу эдакое божественное! – Сучок почесал плешь. – О! Вспомнил! Есть одна песня – в самый раз попа встречать! И простая!

– А ну, слушать Кондратия Елифановича, одры ненадобные, в зад вас и перед! – обозный старшина скорчил совершенно зверскую рожу. – Кто не выучит – ртом у меня срать будет!

– Серафимушка, ты охолонь, – Сучок положил руку на плечо друга. – Ну, на кой они мне нужны, по шею обклавшиеся? Так в них божественное не влезет!

– Ладно, делай как знаешь! – Бурей махнул рукой.

– Значится так, голуби, – рожа Сучка так и лучилась приветливостью, – повторяйте за мной: «Отец Макарий на кобыле ехал карей...»

Новая песня холопам понравилась. По крайней мере, слова они разучили быстро.

– Ладно, теперь петь будем! – Сучок подмигнул сначала Бурею, а потом певцам.

– Погодь, Кондраш, – Бурей жестом остановил товарища. – Понял я, чего у тебя не до конца выходит!

– Да вроде до конца! – слегка обиделся Сучок. – В нужнике не засиживаюсь!

– Не, я про песню! – Мотнул головой Бурей. – Они ж половина не видят тебя ни хрена, вот и орут как попало!

– Верно! Повыше кудыть надо, – согласился Сучок. – А куда?

– А вон на курятник! – Бурей указал рукой на невзрачную халабуду, прилепившуюся к тыну. – Я спервоначалу сам влезу, а потом тебя втяну!

Обозный старшина подошел к курятнику и попытался забраться на крышу. Тщетно. Подлые руки и ноги что-то не очень желали возносить хозяина.

– Едут, едут! – раздалось из-за забора. – Михайловские! И обоз с ними! Громадный!

– А ну подсадите, обалдуи! – рыкнул Бурей.

Три холопа метнулись к курятнику, почтительно подхватили хозяина за задницу и перевалили на крышу.

– Теперь Кондратий Епифаныча! – распорядился сверху Бурей.

Те же холопы схватили Сучка в охапку, подтащили к курятнику, приподняли, а обозный старшина ухватил друга за шиворот и втянул на верх.

– Твою мать! – Бурей вытянул руку в направлении ворот. – К самому селу подъехали! Не успеем встретить! Давай, Кондраш!

Сучок взмахнул руками. Хористы загорланили кто «Тебе Бога хвалим», кто «Отец Макарий».

– Стой! – вопль Сучка перекрыл гомон ратнинцев сбегающих к воротам. – Про Макария, етит вас долотом! На меня смотреть!

– Начали, в рот вам дышло! – рявкнул Бурей, увидев, что из проушин уже вынимают воротный брус.

2012–2017 гг.

Санкт-Петербург – Тверь

notes

Примечания

1

Безпелюха – неряха, рохля.

Выпорток – недоносок.

Тупёрда (диал.) – неповоротливая, неуклюжая.

Обыденка – церковь или часовня, которую возводили по обету в течение одного дня.

Калита (др.-русск.) – кошель.

Лис – так плотники Сучка звали между собой боярича Михаила Фроловича Лисовина (в прошлой жизни Михаила Андреевича Ратникова, чьё сознание было перенесено в тело Мишки Лисовина – подростка, живущего в XII веке на границе современных Украины и Белоруссии). Мишка Лисовин, он же Михаил Андреевич Ратников, является главным героем циклов Е. С. Красницкого «Отрок» и «Сотник».

Заовинник (др.-русс.) – повеса, деревенский волокита.

Ерохвост (др.-русск.) – задира, забияка.

Запивное серебро (др.-русск.) – задаток при найме на работу или получении подряда.

Имеется в виду заимодавец артели туровский купец Никифор.

Роспись (др.-русск.) – смета.

Сучок имеет в виду древний обычай: по окончании строительства старшина плотников проходит по коньку крыши из конца в конец здания. С этого момента строительство считается законченным. Обычай кое-где дожил и до наших дней.

Имеется в виду Ниня, она же Гредислава (Градислава) Всеславовна – Великая волхва Велеса. Как и почему её работники попали на возглавляемую Сучком стройку, описано в романе Е. С. Красницкого «Отрок. Богам – божье, людям – людское».

Кита – сруб, образующий каркас крепостного вала. Засыпался утрамбованным грунтом и обваловывался.

Сучок не иронизирует. Просто это выражение на стройке с незапамятных времен вошло в жаргон, и употребляют его, не вдумываясь в весьма своеобразный смысл.

Буня (др.-русс.) – спесивый, чванливый.

Посак (др.-русс.) – городской бездельник, пьянчужка, человек без определённых занятий и сомнительных моральных качеств. Одним словом, древнерусский синоним современного сленгового «креакл».

Баламошка (др.-русс.) – дурачок, полоумный.

Ерпыль (др.-русск.) – задиристый коротышка.

Кита – сруб крепостной стены, в плане близкий к квадрату. Бывает одинарным, двойным и тройным, т. е. с толщиной стены в 1, 2 или 3 бревна.

Накат – слой бревенчатого перекрытия. Направление укладки брёвен в накате всегда перпендикулярно к нижележащему накату.

Поверх – этаж.

Насуна (др.-русск.) – угрюмый, хмурый.

Свербигузд (др.-руссск.) – человек, совершающий импульсивные поступки, не задумывающийся о последствиях, «шило в заднице».

«Баба»-трамбовка – отрезок бревна с двумя или четырьмя ручками.

Правёж – пытка, применяемая к несостоятельным должникам с целью вынудить их указать местонахождение утаённого от кредитора имущества. Во времена Киевской Руси правёж практически не применялся, но, тем не менее, существовал и назначался судом. Так что в этом случае «наезд» Сучка юридически некорректен, но плотницкому старшине во время разноса в голову не пришло свериться с «Русской правдой».

Вершок – древнерусская мера длины, равная приблизительно 44,45 мм.
Три вершка – 133,35 мм.

Поползень – поползень обыкновенный. Птица из семейства поползневых, отличается шумным и непоседливым характером. Во время кормёжки довольно резво перемещается вверх и вниз по стволу дерева.

Литера «глаголь» – буква «Г».

Жена Лотова (библейск.) – семье праведника Лота приказано было ангелами покинуть город Содом до того, как он будет разрушен гневом Господним, и идти не оглядываясь, но жена Лота оглянулась и была за это обращена в соляной столб.

Сучок имеет в виду знаменитую мозаику «Богоматерь Оранта». Автору доводилось её видеть и на себе испытать то потрясение, которое вызывает это, безусловно, великое произведение искусства.

Шибеница (др.-русс.) – виселица.

Заболотьем в Ратном и Михайловом Городке называли земли боярина Журавля, расположенные за искусственно устроенным болотом. Младшая стража и ратнинская сотня совершили туда рейд в августе 1125 года. См. книгу «Отрок: Стезя и место»

Кап (каповый нарост) – наплыв на дереве, вызванный вирусным заболеванием. Древесина капа отличается высокой плотностью, твёрдостью и красивым рисунком.

Свиль – порок строения древесины, выражающийся в извилистом или беспорядочном расположении волокон. Свилевая древесина ценится в качестве отделочного материала.

Науз (др.-русс.) – в славянском язычестве оберег в виде узла, завязанного определённым образом.

Вурдалак, он же упырь (др.-русск.) – вампир.

Оторва – так плотники с лёгкой руки Сучка прозвали полноразмерный требушет.

Послепокровская водичка – т. е. купание Сучка произошло после праздника Покрова Пресвятой Богородицы (14 октября).

Мост – ходовой помост в сенях русской избы, проходящий над холодным помещением для скота. В холодное время года с моста отправляли естественные потребности. Отходы регулярно удалялись вместе с подстилкой для животных. Благодаря подстилке посторонние запахи в избе отсутствовали.

Перестрел – древнерусская мера длины, равная 200–250 м.

Кобеднишний (устар. диал.) – наряд, надеваемый к обеду, т. е. праздничный, парадно-выходной.

Грудень (др.-русск.) – ноябрь. А сама грамота датирована 28 ноября 1125 года.

Текст былины дан по сборнику Н. А. Римского-Корсакова «100 русских народных песен».

Посолонь (др.-руссск.) – по ходу солнца.

Оружничий (др.-русс.) – оруженосец.